НІКОН.

МОИ
Дневники
в. 5
1914

V 58
297

№ 59
29
1

Архіепископъ Ніконъ.

МОИ ДНЕВНИКИ.

Выпускъ V.

1914.

(Изъ „Троицкаго Слова“ №№ 201—250).

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1915.

П 258
297

Архіепископъ Ніконъ.

МОИ

ДНЕВНИКИ.

Выпускъ V.

1914.

(Изъ „Троицкаго Слова“ №№ 201—250).

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ
XV-03314

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1914.

2007042862

МОИ ДНЕВНИКИ.

1914.

201.

На грани новаго года.

Въ послѣдней молитвѣ на сонъ грядущимъ православнымъ хрістіанамъ святая Церковь заповѣдуетъ, указуя на свое ложе, смиренно какъ бы вопрошать Господа: „Владыко Человѣколюбче! Неужели одръ сей будетъ гробомъ мнѣ?“ ..

Въ послѣдній день года, переживая полночный часъ, каждый внимательный къ себѣ хрістіанинъ со страхомъ помышляетъ: Господи! Не будетъ ли этотъ, наступающій нынѣ, годъ послѣднимъ годомъ моей грѣшной жизни на этой землѣ? Не будетъ ли концомъ моего странствованія въ этомъ мірѣ?

Вѣдь, нѣтъ ничего неизвѣстнѣе того, когда я умру, какъ нѣтъ ничего достовѣрнѣе того, что я—непремѣнно умру! Нерѣдко бываетъ, что съ вечера ложится человѣкъ въ постель почти здоровымъ, а утромъ находятъ его умершимъ... И въ наше нервное время это бываетъ чаще, чѣмъ прежде: съ упадкомъ духовной жизни растетъ безмѣрно самолюбіе наше, съ развитіемъ внѣшней культуры и удобствъ жизни слабѣютъ характеры, люди становятся менѣе терпѣливыми, все это постоянно раздражаетъ наши нервы, и мы сами сокращаемъ свою, и безъ того недолгую, жизнь... И если за одинъ день, за одну ночь мы не можемъ поручиться, что всѣ останемся живы и здоровы, то можно ли гадать о томъ, что будетъ въ продолженіе наступающаго цѣлаго года? Посмотрите кругомъ, припомните: сколько братій нашихъ, вмѣстѣ съ нами встрѣчавшихъ минувшій годъ, нѣтъ больше съ нами: гдѣ они теперь? Что сталось съ ними? Увы! Многихъ изъ нихъ уже похитила безпощадная смерть! И тѣло покоится въ нѣдрахъ общей нашей матери-земли, а духъ гдѣ??... Съ тревогою и за нихъ и за себя — что-то съ нами будетъ?—повторяетъ эти вопросы наше сердце, и только вѣра, святая православная вѣра наша проливаетъ отраду въ тревожное сердце: надъ ними совершилась, какъ и надъ нами совершится, воля Божія всеблагая, и судьба ихъ, какъ и наша, въ рукахъ Божіихъ...

А времена настали тяжкія, столь тяжкія, что многимъ приходитъ на мысль: стоитъ ли прилѣпляться крѣпко къ землѣ? не близится ли всему конецъ?

И знаменія временъ становятся все грознѣе и грознѣе. Раскройте святое Евангеліе отъ Матѳея и читайте главу 24-ю и далѣе. Пророчество Спасителя о послѣднихъ временахъ начинается съ стиха 23-го: *тогда аще кто речетъ вамъ: се здѣ Христосъ или ондѣ, не имите вѣры,* не вѣрьте. *Востанутъ бо лжехристи и лжепророцы, и дадятъ* ложныя *знаменія велія и* мнимыя *чудеса,* такъ что трудно будетъ распознать обманъ, *якоже прельстити, аще возможно есть, и избранныя.*

Не исполняются ли сіи словеса Господа съ поразительною точностію въ наше время? Спиритизмъ, съ его фокусами и сатанинской прелестью, хлыстовщина, съ ея человѣкообожаніемъ и гнуснымъ служеніемъ плотской страсти, скопчество, разное сектантство, съ ихъ хулами на Церковь православную—разливаются повсюду широкою волною... *Се здѣ Хрістосъ*, у насъ истина Хрістова, говорятъ разные самозванные учители въ салонахъ якобы благочестивыхъ великосвѣтскихъ несчастныхъ дамъ-мечтательницъ, и на эти проповѣди—бесѣды собираются считающіе себя цвѣтомъ общества, и внимаютъ разглагольствованіямъ лжеучителя, уводящаго ихъ отъ матери-Церкви. *Се здѣ Хрістосъ*, говоритъ уже о себѣ какой-нибудь невѣжда - сектантъ Чуриковъ, и къ нему идутъ простые несчастные люди, чая получить исцѣленіе отъ страшнаго недуга своей ослабѣвшей воли—пьянства. *Се здѣ Хрістосъ*, говоритъ полуграмотный монахъ,—слава Богу, нынѣ покаявшійся,—и за нимъ идутъ толпы простецовъ-молдованъ, идутъ въ снѣжные сугробы Олоніи, забывая Церковь и ожидая спасенія отъ этого монаха.. *Се здѣ Хрістосъ*, говорятъ разные лжеучители, въ родѣ Фетлера или Проханова, говорятъ кисслевцы, стефановцы и прочіе сектанты, имже нѣсть числа, обманывающіе простой народъ, а иногда и нѣкоторыхъ полуинтеллигентовъ... А вѣра, настоящая вѣра гаснетъ въ сердцахъ и близится исполненіе словесъ Господнихъ: *Сынъ Человѣческій пришедъ убо обрящетъ ли си вѣру на земли?* (Лук. 18, 8). Такъ умалится вѣра даже среди вѣрующихъ!

Да, времена становятся все болѣе тяжкими, все болѣе грозными. Видно, лице Божіе отвращается отъ грѣшнаго рода человѣческаго, и кто вѣсть пути Господни? Можетъ быть, уже близокъ и страшный судъ Божій на нечестіе людское... *Бдите и молитеся*, глаголетъ Господь, *яко не вѣсте, въ кій часъ Господь вашъ пріидетъ!* Бдите и молитеся—о, если бы это слово Его громче и чаще раздавалось въ нашей грѣшной совѣсти! Что же ты спишь, душа моя безпечная, въ суетѣ утонувшая, грѣхомъ порабощенная? Дни мелькаютъ одинъ за другимъ какъ минуты, годы проходятъ какъ часы... Знаешь ли ты, что принесетъ тебѣ завтрашній день? Въ наше грѣшное, страшное время можно всего ожидать, а чего ожидать грѣшнику, какъ не скорбей? Господь, устами Своего Апостола, давно сказалъ: *егда рекутъ: миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство..* (1 Сол. 5, 3). Думали ли о внезапной, страшной смерти безъ покаянія несчастные жители города Санъ-Пьера на островѣ Мартиникѣ? Но пришелъ часъ суда Божія: одинъ толчекъ земли—и островъ опустился и городъ съ 40,000 жителей погибъ... Весело проводили праздники новаго года жители города Мессины у береговъ прекрасной Италіи,—но земля сотряслась, волны морскія хлынули на городъ, и тысячъ двадцать людей погибло подъ развалинами зданій и въ волнахъ морскихъ. И невольно приходятъ на память слова Спасителя о тѣхъ Галилеянахъ, коихъ Пилатъ приказалъ избить въ то время, когда они приносили жертвы у храма: *мните ли, яко Галилеане сіи грѣшнѣйши паче всѣхъ Галилеанъ бяху, яко тако пострадаша? Ни, глаголю вамъ, но аще не покаетеся, вси такожде погибнете!* При этомъ Господь напомнилъ и о тѣхъ 18-ти, на коихъ обрушилась башня Силоамская: *мните ли,*

яко тіи должнѣйши бяху паче всѣхъ живущихъ въ Іерусалимѣ? Ни, глаголю вамъ, но аще не покаетеся, вси такожде погибнете. (Лук. 13, 3 — 5). Грозный урокъ для всѣхъ нерадивыхъ, нераскаянныхъ грѣшниковъ! И всегда должно благоговѣйно помнить этотъ урокъ, а тѣмъ паче въ тотъ таинственный часъ, когда стрѣлка часовъ указываетъ намъ, что мы стоимъ на грани новаго года, можетъ быть, послѣдняго года Божіей милости и Божія долготерпѣнія къ намъ, грѣшнымъ...

Пусть же въ эту святую полночную минуту молитвенной встрѣчи новаго года каждый изъ насъ вспомнитъ, что мы—гости на землѣ, что появились здѣсь на краткое время, только для того, чтобы приготовить себя, свободною волею нашей, къ вѣчности, что здѣшняя жизнь есть только школа, въ которой мы должны научиться жить жизнію вѣчною. Время сокращается и надо спѣшить: на цѣлый годъ всѣ мы постарѣли съ того дня, какъ въ минувшемъ году встрѣчали новый тогда годъ, на цѣлый годъ стали ближе къ смерти, къ вратамъ вѣчности... Готовы ли мы сдать грядущій безпощадный экзаменъ за цѣлую жизнь? Научились ли мы дышать любовью, какою дышатъ на небѣ и Ангелы Божіи и святые Божіи? Пріучили ли себя славословить Бога подобно Ангеламъ Божіимъ, находить высшее блаженство въ благоговѣйномъ созерцаніи совершенствъ Божіихъ? Чисто ли наше сердце отъ страстей, чтобъ созерцать славу Божію? По крайней мѣрѣ—начали ли мы это приготовленіе, эту великую науку изъ наукъ, это искусство изъ искусствъ—жить по Божьей волѣ, чтобы и умереть во славу Божію?...

Вотъ о чемъ предлагаю и себѣ и вамъ, православные, подумать на порогѣ новаго года, — подумать и поусерднѣе помолиться превѣчному Царю вѣковъ, да поможетъ Онъ намъ съ новаго года положить начало новой доброй жизни, да пробудитъ заснувшую нашу совѣсть, да возжжетъ въ насъ ревность къ смиренному дѣланію Его животворящихъ заповѣдей, подъ руководствомъ святой матери нашей—Церкви православной. Аминь.

202.

Нѣчто о молитвѣ, смиренномудріи и еретикахъ.

Бываютъ письма, на которыя грѣшно не отвѣтить, особенно тому, кто облеченъ благодатію священства и имѣетъ долгъ пасти словесныхъ овецъ великаго двора Христова. Пишутъ иногда люди простые, сердцемъ смиренные, и пишутъ—вопрошаютъ о томъ, что едино есть на потребу: какъ же тутъ не отвѣтить? Но и отвѣчать каждому отдѣльно нѣтъ ни времени, ни силъ: волею неволею приходится, когда это касается вопросовъ общихъ, отвѣчать печатно. Пусть прочтетъ каждый, кто хочетъ: можетъ быть, Богъ положитъ на сердце и мнѣ написать то, что полезно моему ближнему, моему читателю.

Вотъ, что пишетъ мнѣ одинъ простой рабочій съ фабрики, пишетъ не изъ простого любопытства, какъ это бываетъ въ наше время не рѣдко, не искушая, какъ евангельскій нѣкій юноша, а съ желаніемъ мое слово примѣнить къ дѣлу.

„Господь нашъ Іисусъ Христосъ заповѣдуетъ непрестанно молиться на всякомъ мѣстѣ, и Іоаннъ Злато-

устъ учитъ, что можно и женѣ, сидя за прялкой, умомъ взирать на небо и призывать Бога, можно и мужу, выходя на площадь, совершать молитвы, можно и слугѣ, занимаясь на кухнѣ, когда нельзя итти въ церковь, совершать искреннюю и усердную молитву. Но вотъ, Апостолъ Павелъ учитъ, что всякій мужъ, молящійся или пророчествующій съ покрытою головою, постыжаетъ свою голову; здѣсь-то и беретъ меня сомнѣніе: значитъ мужчинѣ грѣшно молиться съ покрытою головою? Напримѣръ, вотъ идешь куда-нибудь или что дѣлаешь на открытомъ воздухѣ, и вспомнишь какой-нибудь псаломъ или какую церковную пѣснь, или придетъ на умъ какая-нибудь молитва; можно ли вотъ въ такихъ случаяхъ молиться съ покрытою головою? Или вотъ когда я работаю и есть у меня время почитать, я стану, напримѣръ, читать Евангеліе и акаѳистъ кому-нибудь: такъ вотъ въ такихъ случаяхъ можно ли читать съ покрытою головою такія божественныя книги?“...

Отвѣчаю на эти вопросы. Апостолъ Павелъ говоритъ о молитвѣ съ покрытою или открытою головою—въ церковныхъ собраніяхъ, а не о той молитвѣ, о какой говоритъ авторъ письма. Въ храмѣ Божіемъ все должно совершаться благолѣпно и по чину: тамъ надобно исполнять требованія устава церковнаго и распоряженій церковной власти. Внѣ храма, при такихъ обстоятельствахъ, напримѣръ, какъ пишетъ мой читатель, не всегда удобно исполнить требованіе: открывать голову при молитвѣ или пѣніи священныхъ пѣснопѣній. Посему не будетъ грѣха, если работающій въ полѣ или въ лѣсу будетъ пѣть псаломъ или церковную пѣснь или творить молитву съ покрытою головою. Правда, открывая голову, мы хотимъ показать особенное благоговѣніе предъ Богомъ въ минуты молитвы; но, вѣдь, Сердцевѣдецъ знаетъ, что мы покрываемъ голову не изъ желанія показать свое неуваженіе къ молитвѣ, не изъ-за ложнаго стыда, не ради угожденія міру, а по нуждѣ тѣлесной, оберегая Богомъ данное намъ здоровье. И холодъ зимою, и солнечный зной лѣтомъ могутъ подѣйствовать гибельно на открытую голову, а потому и Церковь не требуетъ отъ всякаго частнаго лица, чтобы онъ непремѣнно открывалъ голову, когда ему придетъ мысль произнести молитву. Довольно, если православный человѣкъ обнажитъ голову, проходя мимо святыни, храма Божія, часовни или изображенія св. Креста, и при этомъ оградитъ себя крестнымъ знаменіемъ; довольно, если въ крестномъ ходу, который есть какъ бы продолженіе церковнаго богослуженія, православные идутъ съ открытыми головами. Было время, когда благочестивые люди не позволяли себѣ произносить имя Божіе съ покрытою головой: честь имъ и хвала за это; но если ужъ нельзя этого дѣлать, то Богъ проститъ немощи нашей: лучше помолимся Богу съ покрытою головою, чѣмъ вовсе оставимъ свой умъ, свое сердце безъ освященія молитвою. Слава Богу за то, что приходитъ молитва на умъ, что сама душа какъ бы проситъ молитвы, а лучше сказать,—зоветъ ее на молитву ея Ангелъ-хранитель.

Что сказано о молитвѣ, то, конечно, примѣнимо и къ чтенію такъ называемыхъ „божественныхъ“ книгъ. Книгами божественными, въ собственномъ смыслѣ, называются книги Священнаго Писанія, или Библія. Но нашъ простой вѣрующій народъ называетъ такъ и всякую

книгу, въ которой говорится о Богѣ и святыхъ Его, и читаетъ ее съ любовію и уваженіемъ къ ея писателю. Не будетъ грѣха въ томъ, если читаешь ее на открытомъ воздухѣ съ покрытою головою.

Но вотъ—что дальше пишетъ мой читатель, то несравненно болѣе заслуживаетъ вниманія и предостереженія, и скажу откровенно: не сталъ бы я отвѣчать печатно и на первый вопросъ, если бы не сознавалъ необходимости отвѣтить на второй...

„Когда я молюсь, пишетъ онъ, то представляю предъ собою того, кому молюсь, — какъ бы вижу, что я предъ нимъ нахожусь: напримѣръ, если читаю: „Отче нашъ", я вижу предъ собой, какъ бы, Господа Бога; если читаю молитвы Господу нашему Іисусу Христу, вижу Его, Сына Божія; если молюсь Божіей Матери, вижу Ее, Заступницу рода христіанскаго: такъ вотъ можно ли молиться такъ, представляя себя предъ тѣмъ, кому молишься, потому что говорится: и сатана принимаетъ на себя образъ ангела свѣта... Господи, прости меня, грѣшнаго, и избавь меня отъ духа гордости и тщеславія!"...

На это отвѣчаю самымъ рѣшительнымъ образомъ: когда молишься, отнюдь не позволяй своей фантазіи представлять себѣ того, кому молишься; сохрани тебя Богъ отъ такого искушенія! Въ семъ обычно бываетъ начало прелести. Врагъ насъ ловитъ на этомъ. Опытные въ духовной жизни старцы-подвижники строго предостерегаютъ отъ такой мечтательной молитвы. И не только надобно остерегаться отъ такихъ мысленныхъ представленій—мечтаній, но не должно гоняться и за горѣніемъ сердца въ молитвѣ, за умилительными слезами: хотя слезы умиленія при молитвѣ и считаются великимъ даромъ Божіимъ, хотя онѣ и очищаютъ сердце отъ грѣховныхъ страстей и умиротворяютъ душу, но однако и въ этомъ есть немалая опасность для человѣка. По его неопытности въ духовной жизни, вмѣсто благодатныхъ настроеній врагъ поддѣлаетъ въ немъ фальшивыя слезы, разгорячитъ кровь и фантазію и незамѣтно для него ложными образами увлечетъ его самомнѣніе въ прелесть, а въ этомъ самомнѣніи уготовитъ ему погибель. Молитва безъ помысловъ грѣховныхъ есть особый даръ Божій, коего удостоивается только тотъ, кто очистилъ свое сердце отъ страстей, кому сей даръ Божій не можетъ повредить, ибо онъ погруженъ въ глубину христоподражательнаго смиренія. Для насъ, православныхъ, лучшею мѣрою вѣрности того пути, на коемъ мы стоимъ, должно служить сознаніе отнюдь не нашего духовнаго преуспѣянія, а—нашихъ духовныхъ немощей, или, что то же, наше смиренное мудрованіе.

„Въ чемъ застану, въ томъ и сужу", глаголетъ Господь: вотъ и будемъ просить благость Его, чтобъ не засталъ насъ во грѣхахъ нашихъ, а засталъ въ покаяніи. Не добро, какое мы сдѣлали или дѣлаемъ, мы должны ставить себѣ въ счетъ—сохрани насъ отъ этого, Господи!—а даруй намъ зрѣти наша прегрѣшенія да оплакивать ихъ—вотъ о чемъ должны мы молиться, каждый день и каждый часъ. Вѣдь мы не можемъ даже и помыслить что-либо доброе безъ благодати Божіей: ясно, что если, что сдѣлаемъ, то это—не наше, а все Божіе же: такъ чѣмъ же хвалиться-то? Только немощами своими! Нечиста предъ Богомъ и молитва наша, но Господь видитъ наше сердце, къ Нему стремящееся, и не отринетъ и нечи-

стой молитвы нашей: Самъ ее приметъ, Самъ очиститъ ее, только бы мы показывали Ему всегда немощь нашу, видѣли свои грѣхи да каялись въ нихъ. Тогда Онъ утѣшитъ насъ и посѣщеніемъ Своей животворящей благодати, поможетъ намъ въ исполненіи Его святыхъ заповѣдей и покроетъ Своею отеческою любовію. Истинный хрістіанинъ смиряется до того, что считаетъ себя, какъ говорятъ святые отцы, „подъ всею тварію“, то есть, хуже и ниже всякой твари: будетъ ли онъ мечтать о своей якобы святости? А одинъ святой отецъ пишетъ, что надобно считать себя хуже самыхъ бѣсовъ, ибо есть нѣчто, въ чёмъ мы, дѣйствительно, хуже ихъ, напримѣръ: бѣсъ бѣсу не станетъ вредить, а у насъ, грѣшныхъ, это не рѣдко случается. Такъ вотъ, самое главное въ дѣлѣ спасенія—смиреніе предъ Богомъ: будетъ оно—смиреннымъ Господь и благодать подастъ, а благодать дастъ силы къ исполненію спасительныхъ заповѣдей, освятитъ умъ для чистой молитвы, просвѣтитъ сердце дѣятельнымъ познаніемъ истинъ вѣры и содѣлаетъ наше спасеніе. И замѣчательно: врагъ ничто такъ не ненавидитъ, какъ смиреніе. Онъ всячески старается унизить эту добродѣтель въ глазахъ пекущихся о своемъ спасеніи: это-де добродѣтель „пассивная“, говоритъ онъ интеллигенту, внушая ему самомнѣніе; это-де добродѣтель „рабская“, шепчетъ онъ человѣку болѣе простому... А самъ ничего такъ не боится, какъ смиренія: это—пламень, его опаляющій! Припомните, что сказалъ бѣсъ преподобному Макарію Египетскому: „много бѣды терплю я, стараясь превзойти тебя: я дѣлаю все то, что дѣлаешь и ты: ты постишься, а я совсѣмъ ничего не ѣмъ; ты борешься со сномъ, а я никогда не сплю... Однимъ только ты меня превосходишь...“—„Чѣмъ же“, спросилъ преподобный Макарій. „Смиреніемъ!“ отвѣчалъ діаволъ, и тотчасъ исчезъ. Вотъ почему, когда діаволъ видитъ человѣка, ищущаго спасенія, то прежде всего старается отвлечь его отъ смиреннаго о себѣ помысла; вотъ почему онъ всѣхъ, уклоняющихся отъ Церкви, прежде всего и паче всего заражаетъ гордынею, которая не допускаетъ въ сердце человѣка проникнуть смиренію. И сею то гордынею заражены всѣ еретики, всѣ сектанты и раскольники...

Мой добрый читатель пишетъ мнѣ: „я работаю на фабрикѣ; у насъ здѣсь есть сектанты, называющіе себя „евангелистами“; они сбиваютъ насъ, зовутъ къ себѣ, но я не брошу нашу святую мать православную Церковь“... Такъ пишетъ смиренный сынъ Церкви. Онъ сердцемъ чувствуетъ, что въ самомъ названіи сектантовъ уже звучитъ гордыня: вонъ куда они уже забрались: въ „евангелисты“!.. И святые Апостолы-то не всѣ именуются симъ святымъ именемъ, а они—видите ли—уже стали „евангелистами“! Только какое Евангеліе-то они проповѣдуютъ? Какъ толкуютъ его? съ хулою на Церковь? на ея служителей? Ну, это еще не евангеліе Хрістово, это ученіе противника Хрістова—антихріста! Это онъ будетъ воевать на Церковь Хрістову всякими лжеученіями, клеветою на ея служителей, преслѣдованіемъ смиренныхъ ея чадъ... Для православныхъ—вѣрнѣйшій и самый несомнѣнный признакъ ереси и гибельнаго настроенія несчастнаго, который попалъ въ сѣти вражьи,—это горделивое уклоненіе отъ Церкви, дерзновенное сужденіе относительно ея обрядовъ, уставовъ, каноновъ и правилъ, самочинное

толкованіе Священнаго Писанія, а затѣмъ уже само собою слѣдуетъ порицаніе, осужденіе всего церковнаго... Замѣчательно: когда человѣкъ покинетъ Церковь, порветъ съ нею всякую связь, то становится злѣйшимъ ея врагомъ: будто врагъ-діаволъ хочетъ себя вознаградить въ его душѣ за то время, пока этотъ человѣкъ былъ сыномъ Церкви, вознаградить именно ненавистію къ ней, ко всему, что ей дорого и свято.

Отъ такого человѣка вѣрный сынъ Церкви, сознающій свою неподготовленность къ бесѣдѣ съ сектантами, долженъ бѣгать какъ отъ зараженнаго неизлѣчимою заразительною болѣзнію, а если бы тотъ сталъ къ нему приставать съ своими противоцерковными мудрованіями,—посылать его къ пастырямъ Церкви, которые могутъ и обличить, и вразумить заблуждающаго, если только онъ ищетъ искренно истины Божіей, а не безполезнаго словопренія...

203—204.

Святитель Николай Японскій о кончинѣ міра и грядущихъ судьбахъ Россіи.

Нашъ Православный Катихизисъ говоритъ, что въ „словѣ Божіемъ открыты нѣкоторые признаки близкаго пришествія Христова, а именно: „уменьшеніе вѣры и любви между людьми, умноженіе пороковъ и бѣдствій, проповѣданіе Евангелія всѣмъ народамъ, пришествіе антихриста". А на вопросъ: „скоро ли придетъ Іисусъ Христосъ на судъ?" Катихизисъ отвѣчаетъ: „сіе неизвѣстно, и потому надобно жить такъ, чтобы мы всегда были къ тому готовы".

Наблюдая все, что вокругъ насъ, да и во всемъ мірѣ, совершается, внимательные къ судьбамъ Церкви Христовой и къ дѣлу своего спасенія сыны Церкви со страхомъ помышляютъ: не близокъ ли уже послѣдній страшный часъ Суда Божія? Въ самомъ дѣлѣ: примите во вниманіе хотя только послѣдніе 20—30 лѣтъ: какъ оскудѣла вѣра наша! Сколько отпаденій отъ Церкви Православной! Какое дерзкое издѣвательство надъ нею и въ печати, и въ обществѣ, и въ безбожныхъ выходкахъ противъ всего святаго и священнаго, и опять-таки больше всего противъ Церкви со стороны потерявшихъ и стыдъ и совѣсть, и страхъ Божій и страхъ человѣческій разныхъ хулигановъ—не уличныхъ только пьяницъ, но и носящихъ приличную одежду, якобы интеллигентовъ, считающихъ признакомъ прогресса—издѣвательство надъ святынями нашего вѣрующаго сердца! А любовь... никогда столько не говорили о любви, какъ въ наше время всякаго либерализма и гуманности, и—никогда такъ не попирались тѣ начала, на коихъ зиждется истинная любовь! Любовь на устахъ, а корысть въ сердцѣ, требуютъ любви къ себѣ—и равнодушны къ другимъ; „любятъ", то есть, ласкаютъ и льстятъ только тому, кто полезенъ, и отвращаются отъ того, кто истинно нуждается и заслуживаетъ помощи и любви... Пороки же такъ умножились, что стали общимъ тономъ жизни, заурядnымъ явленіемъ, тогда какъ добродѣтель, даже самая легкая, какъ помощь брату и сосѣду, ста-

новится, какъ бы исключеніемъ. А за пороками слѣдуютъ судомъ Божіимъ и бѣдствія: нужно ли говорить о нихъ? Ихъ тяготу волею-неволею ощущаетъ каждый изъ насъ. Остается проповѣданіе Евангелія всѣмъ народамъ. Еще ветхозавѣтный пророкъ сказалъ: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ*, — и эти слова сами св. Апостолы примѣняютъ къ себѣ. Мы, люди позднѣйшихъ временъ воочію видимъ поразительное исполненіе сихъ словесъ пророческихъ. Перенеситесь мыслію за двѣ почти тысячи лѣтъ; вотъ рыбаки съ озера Галилейскаго увѣренно говорятъ, что ихъ проповѣдь распространится до предѣловъ извѣстнаго и даже неизвѣстнаго тогда міра: что думали тогда, слушая ихъ, гордые фарисеи, а потомъ—греческіе мудрецы-философы, могли ли они принять и вмѣстить сіи глаголы рыбаковъ? Навѣрное, признавали сихъ благовѣстниковъ или невѣждами, мечтателями, или же прямо помѣшанными на идеѣ величія. Но пронеслись положенныя Богомъ времена и сроки, и немыслимое стало дѣломъ: есть ли теперь хоть одинъ народъ, который не слышалъ вовсе о Христѣ, Спасителѣ міра? Есть ли уголокъ земли, куда не донеслось бы слово Евангелія? Правда, далеко не всѣ народы обратились ко Христу, хотя и слышали о Немъ, но о такомъ обращеніи пророчества Христовы прямо и не говорятъ: сказано только, что будетъ проповѣдано Евангеліе всѣмъ народамъ. Но слѣдуетъ прислушаться и къ голосу тѣхъ, кто, несомнѣнно, ближе насъ къ Богу, кто не только любитъ Церковь Божію, но и самъ участвуетъ въ ея жизни, самъ является орудіемъ промысла ея Главы и другомъ ея Жениха Небеснаго.

Болѣе тридцати лѣтъ я имѣлъ счастіе быть въ дружеской перепискѣ съ почившимъ въ Бозѣ равноапостольнымъ мужемъ нашего времени, Архіепископомъ Николаемъ Японскимъ. Въ своихъ письмахъ повѣдалъ я ему свои скорби о положеніи православія на Руси, объ опасностяхъ, ему угрожающихъ, словомъ о всемъ томъ, чѣмъ болитъ наше пастырское сердце. И вотъ что писалъ онъ мнѣ отъ 10-го ноября 1909 года:

„Опечалился я очень, прочитавши тѣневую часть вашего письма: „грозныя тучи ходятъ надъ бѣдною Россіей. Не безъ причины многіе думаютъ, что близокъ конецъ міра“ и т. д. Но не устояла во всей силѣ печаль моя противъ дальнѣйшихъ размышленій. Въ пылу битвы воинъ видитъ кровь, много крови; но не правъ будетъ онъ, если скажетъ: „вотъ только и есть кровь, нѣтъ больше мира, рушится міръ!“ Вы въ самомъ центрѣ разгорѣвшейся битвы, и сами получаете раны. Какъ не страдать вамъ, не исходить кровью вашему сердцу и какъ удержаться отъ крика боли! Но окиньте взоромъ пространство міровой исторіи отъ Адама до нынѣ: когда же были времена вполнѣ утѣшительныя? Дохристіанскій міръ задыхался въ безпросвѣтной атмосферѣ зла до того, что лучшіе тогдашніе люди прибѣгали, какъ къ послѣднему утѣшенію, къ самоубійству. Лишь только блеснулъ на землѣ небесный свѣтъ и подана людямъ чаша утѣшенія, люди, вошедшіе въ полосу этого свѣта и принявшіе чашу, тѣмъ не менѣе, видя окружавшій ихъ внѣшній мракъ, страдали до того, что свое время считали концомъ міра. Вспомните, какъ Апостолъ Павелъ убѣждалъ Солунянъ „о пришествіи Господа не спѣшить колебаться

умомъ", что хотя тайна беззаконія уже дѣется, но кончина не теперь. А когда? „*Проповѣстся сіе Евангеліе царствія по всей вселенней, во свидѣтельство всѣмъ языкомъ, и тогда пріидетъ кончина*". На что яснѣе и вѣрнѣе, а также и утѣшительнѣе сего указанія! Еще большая половина языковъ вселенной не слышала Евангелія царствія. А и слышавшая развѣ достодолжно усвоила его? Развѣ у европейскихъ народовъ Евангеліе проникло до глубины сердца? Нѣтъ, оно еще на поверхности ихъ душъ. И это потому, что западные народы слушаютъ Евангеліе, затемненное извращеніями католичества и протестантства; Россія слушаетъ всесвѣтлое Евангеліе непросвѣтленнымъ еще, невѣжественнымъ, неразвитымъ умомъ и неуглубленнымъ сердцемъ. Развѣ для того Богъ сходилъ на землю и Самъ изрекъ людямъ ученіе, чтобы оно вскорости же явилось въ потемненномъ видѣ католичества и протестантства, а тамъ, гдѣ сіяетъ полнымъ своимъ свѣтомъ, только немногіе до дна ихъ умовъ и сердецъ были просвѣщены и претворены имъ,—каковъ сонмъ святыхъ Православной Церкви, масса же болѣе по влеченію сердца шла въ семъ свѣтѣ, ясно не давая себѣ и отчета, какимъ сокровищемъ она обладаетъ?.. Жизнь и отдѣльнаго человѣка, тѣмъ болѣе каждаго народа и, несомнѣнно, всего человѣчества проходитъ періоды, назначенные ей Творцомъ. Въ какомъ же возрастѣ теперь человѣчество со времени рожденія его въ новую жизнь? О, конечно, еще въ юномъ! Двѣ тысячи лѣтъ для такого большого организма совсѣмъ небольшіе годы. Пройдутъ еще многія тысячи лѣтъ, пока истинное Христово ученіе и оживотворяющая благодать Святаго Духа проникнутъ во всѣ члены этого организма, пока всѣ народы и въ нихъ всѣ отдѣльныя личности усвоятъ Христово ученіе и подвергнутся благодатному дѣйствію его: правда Божія сего требуетъ. Истина Христова и благодать Святаго Духа всею своею силою должны войти въ человѣчество и произвести полное свое дѣйствіе. Тогда только настанетъ зрѣлый возрастъ человѣчества; этотъ великій организмъ станетъ во весь свой ростъ, и станетъ столько добра творить, насколько способна созданная Богомъ Творцомъ и оплодотворенная Богомъ Спасителемъ природа человѣческая. Еще древніе пророки провидѣли и въ восхитительныхъ чертахъ изображали это время, когда „не будетъ пути нечистаго и не заблудятъ люди, не будетъ льва и никакого звѣря лютаго, а волки и агнцы будутъ пастись вмѣстѣ"; тогда „будетъ едино стадо и единъ пастырь", по вожделѣнному слову Самой воплощенной Истины. Далеко-далеко еще человѣчеству до этой вершины! А потомъ оно пойдетъ внизъ и спустится до такихъ глубинъ зла, до которыхъ и предъ потопомъ не достигало; жизненныя силы свѣта и добра почти вконецъ изсякнутъ въ одряхлѣвшемъ человѣчествѣ,—тогда то, и не раньше, какъ тогда, настанетъ конецъ міра.—Вотъ мысли, успокоившія мое, взволнованное вашимъ письмомъ сердце. Онѣ не больше мои, чѣмъ ваши; но да перельются онѣ изъ вашей головы въ сердце, и да послужатъ облегченіемъ и вашей душевной боли, которой я вполнѣ сочувствую и которую самъ, вѣроятно, такъ же остро чувствовалъ бы, если бы не стоялъ нѣсколько въ сторонѣ отъ поля битвы".

Такъ утѣшалъ меня святитель Японскій. Нарисованная имъ художественнымъ словомъ картина грядущихъ судебъ рода человѣческаго

давала надежду видѣть въ будущемъ еще отрадное: дѣло Хрістово еще не завершено на землѣ; еще немало народовъ ждутъ своей очереди, когда придетъ къ нимъ царствіе Божіе и благодать Божія заложитъ въ нихъ свою закваску. А чтобы закваска возымѣла свое дѣйствіе, нужно время; если она сдѣлала свое дѣло среди народовъ, уже покончившихъ свое историческое призваніе, то въ насъ это призваніе еще не исполнено, а такіе великіе народы, какъ Китай и Индія, еще ждутъ своего, Богомъ предназначеннаго дѣла въ царствѣ Божіемъ, гдѣ нѣтъ разницы между іудеемъ и еллиномъ, между европейцемъ и азіатомъ. Святитель Ѳеофанъ затворникъ также пишетъ, что пока благодать Божія не выберетъ изъ всѣхъ народовъ земныхъ всѣхъ способныхъ ко спасенію, хотя бы то былъ одинъ—единый человѣкъ, дотолѣ нельзя ждать пришествія Хрістова и кончины міра. Въ то же время нельзя не принять во вниманіе и той истины, что Господь никогда не отнимаетъ свободы у человѣка: благодать - то всѣмъ и всегда готова помочь во спасеніе, да мы-то не всегда пріемлемъ своею свободною волею и разумомъ ея помощь. Чудная картина, начертанная апостоломъ Японіи, основная мысль его письма, что „всѣ народы и въ нихъ отдѣльныя личности усвоятъ Хрістово ученіе и подвергнутся благодатному дѣйствію его", едва ли можетъ быть принята безусловно. Исторія не даетъ права думать такъ. Она знаетъ много народовъ и народовъ великихъ, отъ коихъ не осталось теперь потомства, или же едва прозябаютъ жалкіе остатки, какъ, напримѣръ: сирохалдейцы, копты, сирійцы и др. Гдѣ слава древняго Египта, Карѳагена, Финикіи? Да и Греція, и Римъ—эти владыки міра когда-то, не кончаютъ ли свое историческое дѣло? Но можно ли о нихъ сказать, что „всѣ отдѣльныя личности" въ нихъ „усвоили ученіе Хрістово"? Ясно, кажется, что мысль въ Бозѣ почившаго святителя Николая Японскаго требуетъ оговорки или поправки: конечно — всѣ отдѣльныя личности, *способныя воспріять благодать спасенія*, принадлежавшія къ симъ народамъ, восприняли ее и вошли въ составъ сыновъ царствія Божія, и относительно ихъ дѣло Божіе завершено. Но въ цѣломъ ни объ одномъ народѣ нельзя сказать, чтобъ онъ проникался вполнѣ идеаломъ ученія Хрістова, а только въ сихъ избранникахъ благодати. Само собою понятно, что тутъ разумѣются не одни Богомъ прославленныя и Церкви извѣстныя лица, записанныя въ святцахъ церковныхъ: если во дни пророка Иліи, когда нечестіе народа Израильскаго достигло крайняго предѣла, и пророку Божію казалось, что онъ остался одинъ, Господь зналъ Своихъ вѣрныхъ и считалъ ихъ болѣе семи тысячъ, то, конечно, въ каждомъ народѣ Онъ зналъ и спасалъ въ царство Свое вѣчное множество избранныхъ. И если оглянуться назадъ и обозрѣть исторію Церкви, то мысль святителя Николая въ исторической перспективѣ окажется исполняющеюся, только не въ общемъ, не во всемъ человѣчествѣ *сразу*, а постепенно, въ его отдѣльныхъ членахъ, отдѣльныхъ народахъ. Невольно вспоминаются слова притчи Хрістовой въ ихъ буквальномъ смыслѣ: *царство небесное подобно купцу, ищущему добраго бисера* — дорогой жемчужины: благодать Божія какъ бы обходитъ всѣ народы и ищетъ дорогой жемчужины — человѣческаго свободнаго произволенія ко спасе-

нію и отбираетъ сіи жемчужины въ кошницу свою, и очищаетъ ихъ, и содѣлываетъ силою Хрістовою носителей сихъ жемчужинъ сынами царствія Божія. Царствіе Божіе растетъ и совершаетъ свое дѣло въ человѣчествѣ, но, по слову Хрістову, творится сіе незамѣтно, не—*съ соблюденіемъ*. И когда оно кончитъ свое дѣло, тогда и міру конецъ. Между прочимъ, потому и неизвѣстно, когда это будетъ, что людямъ неизвѣстны въ точности успѣхи дѣла Божія, ибо сіе дѣло не можетъ входить въ кругъ ихъ наблюденій. Сіе вѣдомо только единому испытующему сердца и утробы, единому Сердцевѣдцу, Который знаетъ все и всему сроки уставляетъ. Что касается ветхозавѣтныхъ пророчествъ, изображающихъ въ свѣтлыхъ чертахъ царство Мессіи, то, вѣдь, извѣстны толкованія на эти мѣста Священнаго Писанія у святыхъ отцевъ: „вершины совершенства“ человѣчество достигнетъ не на этой грѣшной землѣ, а на землѣ новой, на небѣ новомъ, гдѣ живетъ правда, по слову Апостола Хрістова.

Я написалъ свои мысли святителю Николаю, и отъ него получилъ такой отвѣтъ:

„Я не говорю и не думаю, что „каждый народъ долженъ достигнуть высшей степени хрістіанизаціи“. Моя мысль и твердое мое убѣжденіе, основанное на словѣ Божіемъ, то, что всѣ народы въ мірѣ и каждый народъ въ отдѣльности непремѣнно должны услышать Евангеліе; а какой степени хрістіанизаціи достигнетъ каждый народъ, это зависитъ отъ свойствъ его, отъ того, широко или узко онъ отверзаетъ свое сердце для принятія благодати Божіей. Но отдѣльныхъ святыхъ личностей, „достигшихъ высшей степени хрістіанизаціи“, непремѣнно долженъ дать каждый народъ, хотя бы онъ въ массѣ не былъ высоко достоинъ предъ Богомъ. Такъ мы имѣемъ почти недостижимыхъ по обилію благодатныхъ даровъ Ефрема изъ Сиріи, Антонія изъ Египта, Павла Ѳивейскаго изъ Африки и под. Что до родимаго нашего русскаго народа, къ которому мы имѣемъ честь и счастіе принадлежать, то я тоже твердо убѣжденъ, что онъ еще на порогѣ своей исторической жизни, и что сомнѣваться въ его будущемъ, и тѣмъ болѣе отчаяваться за него просто грѣхъ. Разныя болѣзни нападаютъ на юное тѣло, — корь, оспа, скарлатина, но если оно не хило отъ природы, то благополучно переноситъ ихъ и продолжаетъ расти и развиваться. И насѣкомыя любятъ нападать на мягкое юное тѣло,—тоже временная и переходящая напасть, пока тѣло окрѣпнетъ, мускулы сдѣлаются болѣе твердыми. Въ Японію, напримѣръ, не сунутся евреи, потому что японскому народу отъ роду болѣе 25-ти столѣтій,—это не юный и мягкій организмъ, а взросшій и окрѣпшій; японцы сами могутъ поучить евреевъ дѣловитости и практичности во всемъ мірскомъ обиходѣ, а не наоборотъ; скорѣе сами могутъ сдѣлать натискъ на евреевъ, а не терпѣть отъ ихъ натиска. Ну, а русскій народъ на 15 столѣтій моложе японскаго, — оттого отношеніе къ нему евреевъ иное. И это весьма понятно и едва ли устранимо, до болѣе зрѣлаго возраста русскаго организма. И много-много другихъ еще насѣкомыхъ точитъ и будетъ точить мягкое и рыхлое тѣло (инородцы, иновѣрцы, сектанты, атеисты); но по теченію времени они будутъ сбрасываться, тѣло очищаться, и оно заживетъ, наконецъ, всѣми своими силами, и Богъ вѣсть

потомъ сколько вѣковъ пройдетъ, пока страшный червь могильный нападетъ на великій, уже одряхлѣвшій, русскій организмъ и сваливъ его въ могилу. Таковы мои искреннія убѣжденія, немало одушевляющія и ободряющія меня. Если ваше преосвященство въ письмахъ моихъ найдете что-либо пригоднымъ для „Троицкаго Слова", то я могу быть только благодаренъ вамъ за эту честь". (Письмо отъ 2 апрѣля 1910 года. Я просилъ разрѣшенія нѣкоторыми мѣстами изъ его писемъ воспользоваться для своего изданія).

Не могу безъ глубокаго волненія и молитвеннаго чувства благодарности къ почившему святителю, великому труженику Божію, не подѣлиться съ читателями и еще нѣсколькими утѣшительными строками изъ писемъ незабвеннаго старца Божія. Вотъ что писалъ онъ мнѣ отъ 16-го октября того же 1910 года:

„Крайне прискорбно, что вы болѣете тѣломъ. Укрѣпи васъ, Господи, на пользу всероссійской Церкви Православной! Объ этомъ и усердно молюсь. Не менѣе прискорбно, что болѣете духомъ; но здѣсь нужно совѣтовать вамъ подкрѣпиться самому, почерпнувъ силы и въ вашемъ произволеніи. Печальны духовныя обстоятельства въ Россіи? Нѣтъ спора. Но отъ этого онѣ не улучшатся, что вы до болѣзни духовной—печалитесь? Нимало! Напротивъ, излишняя печаль, несомнѣнно, атрофирующая нѣкоторую часть духовной энергіи у васъ, и дѣлу вредъ отъ потери этой части поддержки съ вашей стороны, и врагу настолько же прибавка радости. У хрістіанъ времени апостольскаго развѣ меньше было враговъ вѣры, меньше борьбы? А что имъ внушали Апостолы? „Всегда радуйтесь", писалъ Апостолъ Павелъ къ Солунянамъ; „радуйтесь всегда о Господѣ, и паки реку: радуйтесь", писалъ онъ Филиппійцамъ. Почему такъ? Да потому, что мы—рядовые воины, а военачальникъ у насъ Хрістосъ, всемогущій Богъ; Онъ знаетъ, какъ управлять обстоятельствами, и ведетъ дѣло къ побѣдѣ. Каждый на своемъ мѣстѣ, мы должны, не покладая оружія, бороться и биться бодро, съ сердцемъ, полнымъ радостнаго упованія, а не печали, всегда болѣе или менѣе разслабляющей; общее же распоряженіе битвой должны предоставлять Господу, дѣлая это съ спокойнымъ духомъ. Еще царь Давидъ взывалъ: „возверзи на Господа печаль твою"... Послѣдуйте же всѣмъ симъ святымъ внушеніямъ. Вы ихъ знаете лучше меня и братски простите, что я какъ будто собрался учить васъ: не учить, а братски ободрить,—любящее васъ сердце то велитъ."

Такъ умѣлъ утѣшать святитель Божій, самъ всегда жизнерадостный, всегда благостный. Онъ не только заботился о моемъ добромъ настроеніи, но и о моихъ читателяхъ. Получивъ отъ меня первые 37 №№ „Троицкаго Слова", онъ благодаритъ за нихъ и снова обращается къ современному тяжелому положенію Россіи въ духовномъ отношеніи, снова ободряетъ, что Россію ждетъ свѣтлое будущее, что она еще не стара, что посему самыя обличенія надобно сраствoрять нѣкоторымъ утѣшеніемъ.

Въ письмѣ отъ 10 іюня 1911 года онъ говоритъ:

„Примите сердечную благодарность за „Троицкое Слово". Ваши дневники писаны кровью вашего сердца и вызываютъ скорбь и боль сердца, когда читаешь ихъ; они точно анатомическимъ ножомъ вскрываютъ нагноенія, которыми страдаетъ наше бѣдное отечество. Весьма желатель-

но, чтобы они изданы были отдѣльною книгою и получили возможно широкое распространеніе. Польза будетъ великая: благочестивыхъ они будутъ возбуждать къ подобнымъ же іереміадамъ, каждаго въ своемъ кругу, колеблющихся утверждать, отчаянныхъ, на подобіе юноши 8 №, спасать отъ гибели, равнодушныхъ возбуждать и научать ратованію..... Хотѣлось бы одного, именно, чтобы вы, нисколько не умаляя силы вашихъ обличеній, растворяли ихъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ. Такой примѣръ подаютъ пророки. Они свои грозныя и громовыя прещенія всегда оканчиваютъ утѣшеніями. Правда, имъ, за нависшими тучами современныхъ имъ пороковъ, всегда виднѣлся свѣтъ Христовъ, и на него именно они указывали, какъ на утѣшеніе. А намъ развѣ не видится вдали или, по крайней мѣрѣ, не грезится свѣтлое будущее Россіи? Ужели Господь создалъ такой многочисленный народъ и вмѣстѣ такое необъятное тѣло Церкви только для того, чтобы отдать его на съѣденіе червямъ? Развѣ Россія развила всѣ свои силы и таланты, заложенные въ ея организмѣ, и изжила ихъ? Нѣтъ; по всѣмъ признакамъ она молодое историческое тѣло, возрастающее на смѣну старѣющихъ организмовъ. Думать иначе—было бы хулою на Промыслъ Божій. Тогда отчего же и мрачно смотрѣть? Молодому организму свойственны разныя болѣзни: и корь, и оспа, и разстройство желудка отъ незрѣлыхъ или несвѣжихъ плодовъ, и ушибы, и пораненія, и разное другое. Все это и есть нынѣ съ Россіею. А прежде развѣ этого не было? Или было меньше? Полноте! Нѣсколько въ другомъ родѣ, но, пожалуй, было и побольше. Припомните такъ близкія къ намъ еще времена барщины, съ ея жестокостями, ея безнравственностію, ея безшабашнымъ произволомъ; бросьте взоръ дальше, когда собакъ называли именемъ патріарха, и дальше—до безпросвѣтной татарщины и безпрерывной эгоистической распри князей. Когда же было лучше? Никогда. Если сложить сумму добра, теперь, подъ лучами Божіей благодати, разлитаго по всему міру Россіи, и сравнить съ суммою такого же добра какого хотите періода прежнихъ временъ, то, навѣрное, окажется теперь значительный перевѣсъ, какъ и подобаетъ въ возрастающемъ организмѣ. Я отнюдь не веду рѣчь къ тому, чтобы теперь не слѣдовало обличать пороки. Напротивъ, непремѣнно нужно строго обличать, безпощадно гремѣть прещеніями, вотъ такъ, какъ ваше преосвященство дѣлаете; и нужно, чтобы во всѣхъ концахъ Россіи явились такіе строгіе обличители съ огненными рѣчами и прещеніями. Пусть іереміады гремятъ неумолчно, и по всей Россіи, но пусть онѣ, какъ у Іереміи, Исаіи и иныхъ, растворяются и словомъ утѣшенія. Пусть каждое прочтеніе этихъ іереміадъ сопровождается не поникновеніемъ головы съ печалію и унынiемъ, а бодрымъ поднятіемъ ея и рѣшимостью, при Божіей помощи, исправиться, обновиться, выйти на полный свѣтъ Божій"...

Такъ свѣтло смотрѣлъ въ будущее Россіи почившій святитель Японскій Николай. А изъ такого взгляда на судьбы Россіи и другихъ народовъ дѣлалъ выводъ, что кончина міра еще далеко-далеко, можетъ быть на нѣсколько тысячъ лѣтъ отдалена отъ насъ...

Можно раздѣлять или не раздѣлять его взглядъ, но нельзя отказать ему въ обоснованности: это не поверхностный взглядъ обыкновеннаго образованнаго человѣка, а продуманное, строго провѣренное слово того, кто всю свою жизнь отдалъ великому дѣлу

царствія Божія среди одного изъ тѣхъ народовъ, которые давно ждутъ пришествія къ нимъ царствія Христова. 52 года тому назадъ пришелъ онъ въ языческую Японію, гдѣ тогда преслѣдовали христіанъ, научился японскому языку, сталъ переводить Священное Писаніе, а потомъ и богослужебныя книги на этотъ языкъ,—чрезъ десять лѣтъ у него уже былъ сотрудникъ-японецъ, а чрезъ 53 года—35,000 православныхъ христіанъ, сердечно ему преданныхъ, вѣру свою въ дѣлахъ являющихъ, истинныхъ сыновъ царствія Божія. Но и этого мало: даже среди язычниковъ онъ заслужилъ не только уваженіе, но и любовь: въ столицѣ этихъ „сѣдящихъ во тьмѣ“ сыновъ міра сего лукаваго стоило произнести его имя: „Никорай“ (японцы не могутъ выговорить буквы „л“), какъ японецъ улыбался и готовъ былъ къ услугамъ русскаго, чтобъ указать ему путь къ русскому святителю...

Нерѣдко люди, даже искренно вѣрующіе, пытаются проникнуть въ тайны, отъ нихъ глубоко сокровенныя, прикрываясь какъ бы покровомъ вѣры. Они должны бы потверже запомнить то, что о такихъ сокровенныхъ тайнахъ говоритъ Господь и Его святые Апостолы. Въ самый день вознесенія Своего на небо Господь сказалъ ученикамъ Своимъ на ихъ вопросъ: *аще въ сіе лѣто устроиши царствіе Израилево?— Нѣсть ваше*—не ваше дѣло—*разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во Своей власти* (Дѣян. 1, 6. 7). А еще раньше, во дни земнаго служенія Своего и проповѣди, на такой же вопросъ отвѣтилъ, къ удивленію, можетъ быть, самихъ Апостоловъ, что даже *Самъ Онъ*, яко человѣкъ конечно, не знаетъ, когда Его Отцу благоугодно будетъ послать Его на судъ: *о днѣ же томъ и часѣ никтоже вѣсть, ни ангели, иже суть на небесѣхъ, ни Сынъ, токмо Отецъ* (Мр. 13, 32). Не сказалъ: чей Сынъ, но говорилъ здѣсь о Себѣ, яко Сынѣ Человѣческомъ только, а не яко Богочеловѣкѣ. А если чистые духи, святые Ангелы, не вѣдаютъ сего, если даже Онъ, по человѣчеству Своему безгрѣшному, не знаетъ дня и часа Своего второго пришествія, то намъ ли, грѣшнымъ смертнымъ, дерзать пріоткрывать завѣсу сей тайны Божіей своими гаданіями? Мы знаемъ нѣкоторые признаки, по коимъ можемъ судить о близости сего страшнаго дня, и довольно съ насъ. Но сіи признаки, указанные Самимъ Господомъ, относятся не только къ кончинѣ міра, но и къ разрушенію Іерусалима: по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ не строго отдѣляютъ одно событіе отъ другого. Дѣло въ томъ, что разрушеніе Іерусалима было прообразомъ кончины міра. И въ томъ и другомъ событіи видны законы правды Божіей, карающей зло и вѣнчающей добродѣтель. Эти законы вѣчны и неизмѣнны и прилагаются правдою Божіей ко всѣмъ народамъ земнымъ. Что примѣнено ею въ отношеніи богопротивнаго народа еврейскаго, то примѣнено можетъ быть и къ народу русскому, если, сохрани Боже, его беззаконія превзойдутъ мѣру долготерпѣнія Божія. Естественно, что непосредственнымъ свидѣтелямъ и невольнымъ участникамъ сихъ событій кажется, что исполняются пророчества, относящіяся къ второму пришествію Господа и страшному всемірному суду Его, тогда какъ на самомъ дѣлѣ совершается только частный судъ надъ тѣмъ или другимъ народомъ. Такъ первенствующіе христіане, видя судъ Божій надъ Іерусалимомъ, могли думать, что настаетъ время суда всемірнаго—послѣдняго. Вотъ

почему и Апостолъ Павелъ, въ своемъ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ, счелъ нужнымъ предупредить ихъ и успокоить—„не спѣшить колебаться умомъ и смущаться, ни отъ духа, ни отъ слова, ни отъ посланія, какъ бы нами посланнаго, будто уже наступаетъ день Христовъ“ (2 Сол. 2, 2). Нѣтъ сомнѣнія, что мы, люди двадцатаго вѣка, ближе къ сему страшному дню, чѣмъ первенствующіе христіане; тѣмъ не менѣе и мы можемъ думать, что скорбныя явленія нашего времени представляютъ собою признаки близкаго пришествія Христова на страшный судъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они только относятся къ нашему грѣшному народу, и зовутъ насъ къ покаянію, угрожая судомъ Божіимъ. Всемірное событіе, каково и есть грядущій страшный судъ, должно и признаки имѣть всемірнаго характера, а не мѣстнаго. Но можно ли сказать это о тѣхъ знаменіяхъ времени, какія мы видимъ въ наше время? Правда, о нѣкоторыхъ признакахъ и Господь сказалъ, что они будутъ имѣть мѣстный характеръ, какъ, напримѣръ, землетрясенія, но вообще сказано, что будетъ скорбь великая, какой не было на землѣ никогда. И сіе должно помнить, что у Господа нашего *день единъ яко тысяча лѣтъ и тысяча лѣтъ яко день единъ* (2 Петр. 3, 8). Мы должны смирять свой пытливый умъ въ послушаніе вѣрѣ: аще Господу неугодно было открыть сію тайну, то грѣшно и пытаться своимъ умомъ постигать ее. Стало быть, это—намъ не полезно. Вѣдь, для насъ, для каждаго изъ насъ гораздо ближе часъ смертный: однакоже Господь и сіе открываетъ лишь немногимъ Своимъ избранникамъ, которые тщательно пріуготовляли себя къ часу сему въ продолженіе всей своей жизни, а отъ насъ премудро сокрываетъ, дабы мы, зная, что еще не скоро наступитъ сей часъ, не стали нерадивыми, а если уже близокъ—не предались унынію и отчаянію; Богъ хочетъ, чтобы мы всецѣло предавали себя во святую волю Его. Онъ хочетъ, чтобы мы всегда были готовы къ страшному часу смертному и къ суду Божію. Часъ смертный отниметъ у насъ возможность покаянія послѣ нашей смерти; судьбы своей тамъ мы сами перемѣнить не можемъ уже, а потому должны готовиться заранѣе, пока живемъ здѣсь, на землѣ. Правда, вѣрующіе надѣются на молитвы Церкви и по смерти, но не слѣдуетъ забывать, что Дающій молитву молящемуся Богъ располагаетъ сердца вѣрующихъ къ молитвѣ такъ, что о недостойномъ молитвы и не будетъ пламенной, отверзающей небеса молитвы, хотя бы имя его и произносилось въ храмѣ... Повѣдалъ мнѣ одинъ въ Бозѣ почившій Аѳонскій старецъ, іеросхимонахъ Михаилъ (въ монашествѣ Малахія): „имѣю я, грѣшный, обыкновеніе поминать на молитвѣ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ усопшихъ братій, но одного изъ нихъ какъ-то забылъ; и вотъ, прошло много лѣтъ, какъ покойникъ является мнѣ во снѣ и проситъ поминовенія. Я сказалъ объ этомъ покойному батюшкѣ о. Іерониму. Тотъ сказалъ мнѣ: стало быть, пришло время молиться за него, Богъ вотъ и вразумляетъ любовь твою не забывать его: видно, онъ нуждается вообще въ молитвѣ“.

Да и тяжкій грѣхъ—грѣшить въ надеждѣ на молитвы Церкви: это значитъ искушать Божіе долготерпѣніе. Столь же грѣшно пытаться пріоткрывать тайну Богомъ сокровенную: пріоткрыть ее все равно человѣкъ не можетъ, а за дерзновенную попытку къ сему, при со-

знаніи ясно выраженной воли Божіей сокрыть ее, неминуемо понесетъ наказаніе...

Пусть примутъ сіе во вниманіе всѣ тѣ, которые рѣшаются вычислять не только годъ, но и день пришествія Христова на судъ послѣдній...

205—206.

Служеніе Церкви печатнымъ словомъ.

Время молчати и время глаголати...
Еккл. 3, 7.

Давно это было, больше двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ тому назадъ. Заспорили три юноши о томъ: что сильнѣе всего? И одинъ написалъ на записочкѣ: „сильнѣе всего вино“. Другой написалъ „сильнѣе царь“. Третій написалъ: „сильнѣе женщины“, а потомъ, какъ бы исправляя себя, приписалъ: „а надъ всѣмъ одерживаетъ побѣду истина“ (2 Ездры 3, 10—12).

Нѣтъ нужды доказывать, что послѣдняя приписка есть неоспариваемое слово самой истины. И для того, чтобы истина надъ всѣмъ всегда и во всемъ одерживала побѣду, Богъ далъ человѣку разумъ и совѣсть, а въ дѣлахъ вѣры еще и всемощную Свою благодать, руководящую людей ко спасенію чрезъ Церковь, хранительницу Божественнаго Откровенія. Человѣкъ изобрѣлъ и свое могучее средство къ распространенію истины—это письмо и печатное слово. Къ несчастію, этимъ могучимъ средствомъ пользуется не истина только, но и заклятый врагъ ея—ложь. Но чѣмъ больше захватываютъ въ свои нечистыя руки печатное слово служители лжи, тѣмъ настойчивѣе является нужда самой Церкви, какъ хранительницѣ истины, использовать печатное слово для распространенія и защиты истины. Наше время въ этомъ отношеніи можно назвать исключительнымъ: повременная печать, въ подавляющемъ большинствѣ, захвачена врагами Церкви; голосъ преданныхъ и вѣрныхъ Церкви сыновъ едва слышенъ среди шума и неистовыхъ криковъ открытыхъ и тайныхъ враговъ ея: насъ, служителей Церкви, обвиняютъ въ томъ, что мы молчимъ, что не умѣемъ или не хотимъ защищать свою мать—Церковь Божію, что мы не даемъ вѣрующимъ душамъ той пищи, какой алчутъ онѣ, что Церковь не даетъ отвѣта всякому вопрошающему о словесѣхъ ея упованія...

Было, можетъ быть, время, когда можно было молчати; нынѣ, по слову Екклезіаста, настало время глаголати. Отвѣчая этой потребности духовной, нашъ Св. Сунодъ, съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, учредилъ Издательскій Совѣтъ, на который и возложилъ заботы о томъ, чтобы отвѣчать печатнымъ словомъ назрѣвшей потребности нашей церковной жизни. А потребность эта велика; задачи, поставленныя Совѣту, слишкомъ трудны: поле его будущей дѣятельности, если только Богъ поможетъ ему исполнить свой долгъ, почти необозримо...

Призванный волею Святѣйшаго Сунода стать во главѣ сего учрежденія, какъ предсѣдатель онаго, я смиренно пріемлю это новое для

меня послушаніе, но въ то же время сознаю свое полное недостаточество къ такому великому дѣлу. Тутъ нужна дружная работа не 4-хъ только членовъ Совѣта: много ли могутъ они сдѣлать?—нужно сплоченное объединеніе всѣхъ литературныхъ силъ церковныхъ, всѣхъ, кто любитъ родную Церковь, кто можетъ послужить ей словомъ печатнымъ, кто можетъ, хотя бы только подсказать намъ добрую мысль... Если бываютъ отдѣльныя изданія, непосильныя для одного человѣка, выполняемыя обычно совокупнымъ трудомъ нѣсколькихъ лицъ, каковы, напримѣръ, энциклопедіи и словари, то что сказать о цѣлой отрасли въ литературѣ? Да и въ литературѣ ли только? Въ „Положеніи объ Издательскомъ Совѣтѣ“ говорится и о церковныхъ нотахъ, и о священныхъ изображеніяхъ, и о „снабженіи жилищъ вѣрующихъ лучшими произведеніями церковной иконописи“, а духовно-учебныхъ заведеній „лучшими учебниками и учебными пособіями“. Само собою понятно, что для выполненія такой программы нужны не только писатели, но и опытные церковные художники, и педагоги...

А начинать дѣло надобно все же съ литературы, съ изданія хорошихъ книгъ, и прежде всего—святоотеческихъ твореній, брошюръ, листковъ, а со временемъ и періодическихъ изданій — ежемѣсячныхъ, еженедѣльныхъ, а Богъ дастъ—и ежедневной газеты. Читателей надобно имѣть въ виду какъ болѣе или менѣе образованныхъ, такъ и простецовъ. Если нельзя быть увѣреннымъ, что печатное произведеніе будетъ понятно для простецовъ, то пусть оно и будетъ выдѣлено въ серію книгъ для людей болѣе развитыхъ (интеллигентныхъ). Для простецовъ же надо также вести рядъ изданій въ видѣ книгъ, листковъ и брошюръ. Словомъ: изданія нашего Совѣта должны быть по объему самыя разнообразныя, а по изложенію—приспособленныя къ тому кругу читателей, для коего они предназначаются.

Содержаніемъ изданій должно быть 1) положительное изложеніе ученія православной Церкви о догматахъ вѣры и о жизни по вѣрѣ, о православномъ пониманіи нравственной дѣятельности хрістіанина. Въ послѣдніе годы всякихъ свободъ и, особенно, свободы, лучше бы сказать — распущенности печати, всѣ понятія о вѣрѣ и нравственности расшатались, поколебались, частію даже подмѣнены или искажены до неузнаваемости. Мы, старики, воспитались на литературѣ старыхъ, лучшихъ преданій, не только въ области собственно церковной, духовной, но и въ области свѣтской литературы. Мы съ трудомъ представляемъ себѣ, на чемъ воспитывается современное намъ молодое поколѣніе. Вкусъ читателей развращается до крайности газетою, которая замѣнила книгу для громаднаго большинства читателей Умно и дѣльно написанныя книги нынѣ мало читаются. Чтобы привлечь читателя къ книгѣ, надо дать ей болѣе или менѣе своеобразное заглавіе (книгопродавцы такъ и говорятъ: „заглавіе продаетъ книгу“). красивую внѣшность и—это главное—написать ее увлекательнымъ языкомъ. Въ старину объ этомъ почти не думали: въ заглавіи прямо и безъ излишнихъ затѣй ставили тему: о томъ-то, и книга читалась тѣми, кто хотѣлъ ознакомиться съ названнымъ въ заглавіи предметомъ, и конецъ. Нынѣ надобно привлечь вниманіе читателя заглавіемъ книги, ея изложеніемъ, словомъ: въ доброе старое время рус-

скіе люди не были избалованы французскою кухнею и кушали простой черный хлѣбъ во здравіе, а нынѣ этотъ же хлѣбъ надобно подсластить, придать ему форму покрасивѣе... А если авторъ не сумѣетъ этого сдѣлать, то его книга будетъ лежать спокойно на полкахъ магазина безъ спроса... Сколько хорошихъ, поучительныхъ книгъ не замѣчено, забыто, только потому, какъ думается, что авторъ далъ неудачное заглавіе своей книгѣ! Укажу примѣръ: въ 1860-хъ годахъ прошлаго столѣтія Троицкой лаврой была издана небольшая книжка, содержаніемъ коей были чрезвычайно интересные и назидательные разсказы о явленіяхъ изъ духовнаго міра, о поразительныхъ чудесахъ нашего времени — выдержки изъ писемъ въ лавру и изъ переписки тогдашняго намѣстника лавры, архимандрита Антонія, съ великимъ святителемъ Московскимъ Филаретомъ. Книжка носила названіе: „Монастырскія Письма“. Названіе ничего не говорило о содержаніи, и книжка прошла почти незамѣченною, хотя и разошлась въ свое время въ небольшомъ количествѣ. Переизданная лѣтъ 20 назадъ съ дополненіями, она и теперь остается безъ спроса. Но если бы ей дано было болѣе подходящее заглавіе, она, несомнѣнно, расходилась бы въ большомъ количествѣ, тѣмъ болѣе, что и цѣна-то ей всего копѣекъ 20. Повидимому—пустое дѣло, но нельзя и такою мелочью пренебрегать въ дѣлѣ издательства. Еще болѣе важно—языкъ, изложеніе. Вѣдь если читатель, особенно простой, въ каждой строкѣ спотыкается на отвлеченныя выраженія и слова въ родѣ: „вліяніе“, „значеніе“, „отношеніе“, „роль“ (противное слово! изъ театра его переносятъ нѣкоторые даже на церковную каѳедру), не говорю уже о словахъ иностранныхъ, то книга валится изъ рукъ, и современный читатель не имѣетъ терпѣнія дочитать даже небольшую главу до конца. Человѣку умному и это, пожалуй, покажется не важнымъ, но надо имѣть въ виду именно массу нынѣшнихъ читателей. Живость, оригинальность изложенія нынѣ ставится едва ли не на первый планъ въ требованіяхъ современнаго читателя. И нельзя пренебрегать такимъ требованіемъ въ духовной литературѣ: надо помнить примѣръ Апостола: *всѣмъ бых вся, да всяко нѣкія спасу.*

Главное вниманіе въ наше время должно быть обращено на изложеніе православнаго ученія о самой Церкви. Къ глубокому сожалѣнію, понятіе о Церкви и въ нашемъ обществѣ, и въ простомъ народѣ очень туманно, спутано, неопредѣленно. Господь поручилъ дѣло спасенія людей Церкви, мы спасаемся постольку, поскольку являемся живыми ея членами, а между тѣмъ нѣтъ не только живаго сознанія этой великой и спасительной истины, но и надлежащаго понятія о Церкви у многихъ, именующихъ себя ея чадами. Блаженный Августинъ говоритъ: „спасается только тотъ, кто имѣетъ главою Христа, а имѣетъ главою Христа лишь тотъ, кто находится въ Его тѣлѣ, которое есть Церковь“. Господь строго заповѣдалъ слушаться Церкви, какъ матери: *аще и Церковь преслушаетъ* братъ твой, *буди тебѣ яко язычникъ и мытарь;* преслушникъ Церкви перестаетъ и тебѣ быть братомъ, по крайней мѣрѣ—считай его больнымъ, зараженнымъ братомъ, съ коимъ общеніе братское уже небезопасно. Вотъ почему всѣ явленія церковной, общественной, семейной и государственной жизни

должны быть разсматриваемы при свѣтѣ строго церковнаго ученія. Самое ученіе Церкви должно быть раскрываемо святоотеческимъ ученіемъ такъ, чтобы для читателя видимо было полное преемство самаго духа ученія въ Церкви отъ временъ Апостольскихъ и Самого Христа Спасителя, чтобы въ самомъ ученіи было полное единеніе и мысли, и вѣры, и жизни современныхъ членовъ Церкви съ членами вѣковъ минувшихъ, единеніе и *общеніе*—живое, дѣйственное, чуждое всякаго своемудрія и уклоненія въ сторону чуждыхъ Церкви ученій. Истина одна, и она — въ Церкви, ибо Церковь, по ученію Апостола, есть столпъ и утвержденіе истины, а ея глава—Христосъ есть Сама воплощенная Истина. Крѣпкой вѣрою въ сіе положеніе должна быть проникнута вся дѣятельность нашего новаго учрежденія — Издательскаго Совѣта при С. Сѵнодѣ. И, повторяю, мы, члены этого Совѣта, надѣемся, что всѣ, кому дороги завѣты Православія, кто любитъ родную Церковь и хочетъ послужить ей по мѣрѣ силъ, не откажутъ намъ въ своемъ содѣйствіи.

Кромѣ изложенія положительнаго ученія Церкви, содержаніемъ нашихъ изданій должна быть—2) христіанская апологетика во всѣхъ ея видахъ: естественно-научная противъ матеріализма, богословская и философская противъ соціализма, анархизма, всякаго рода сектантства, ересей и расколовъ. Церковь со всѣхъ сторонъ обуревается сими врагами Божественной Главы ея—Господа Іисуса Христа, и она должна давать въ руки чадъ своихъ оружіе слова для борьбы съ ними, оружіе истины непобѣдимое, по изложенію для всѣхъ доступное, сильное и авторитетное. Нынѣ много распространяется мнимо-научныхъ популярныхъ изданій, выдающихъ разныя гипотезы за неоспоримыя данныя, за послѣднее слово науки: необходимо предостеречь вѣрующихъ отъ этого суррогата научности, отъ увлеченія скрыто заложенными въ такихъ изданіяхъ идеями безбожія, матеріализма, пантеизма, и другихъ противохристіанскихъ идей. Насколько это необходимо—позволяю себѣ сказать по опыту своей юности. Тогда, въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ увлеченіе матеріализмомъ было почти всеобщимъ среди молодежи; имена Фогта, Молешотта и другихъ корифеевъ лженаучнаго знанія были популярны даже между нами, семинаристами, и когда мы перешли изъ „риторики“, т. е. изъ 2-го класса въ „философію“, т. е. 3-й классъ, насъ стали мучить эти вѣковѣчные вопросы: что, какъ, почему?.. Хотя не всякая книга матеріалистическаго содержанія могла проникнуть къ намъ за стѣны семинаріи, но все же это случалось, а главное — идеи носились какъ бы въ воздухѣ и отравляли юное сердце. Помню, воспитанный на четьихъ минеяхъ, вкусившій, милостію Божіей, сладости вѣры, я сталъ смущаться: ужели все это, что такъ сроднилось съ моимъ сердцемъ, что стало такъ для меня дорого, есть ложь? Ужели тѣ переживанія, какія испытывало мое юное существо въ раннюю пору дѣтства, есть только самообманъ, иллюзія воображенія и чувства?.. И мнѣ стало жаль, крѣпко жаль разстаться съ дорогимъ минувшимъ, и мнѣ страстно захотѣлось защитить, сберечь это сокровище отъ незримаго похитителя—духа времени, духа отрицанія... И я обратился тогда къ покойному дорогому наставнику по основному богосло-

вію — Н. П. Боголѣпову (автору учебнаго пособія по Четвероевангелію) съ просьбою указать: что было бы мнѣ полезно почитать по этому предмету. И онъ указалъ мнѣ тогда книги Ульрицы: „Богъ и Природа“, „Душа и Тѣло“. И сколько же труда мнѣ стоило одолѣть эти громадные томы нѣмецкаго апологета! Довольно сказать, что у него встрѣчаются иногда періоды въ цѣлую страницу, иногда — въ двѣ, притомъ зависящіе отъ какого-нибудь предлога, и переполненные словами: „концепція“, „перцепція“, интуитивный“, и. т. подобной ученой арматурой... Только знаніе латинскаго и греческаго языковъ, ихъ корней, помогло мнѣ въ чтеніи этихъ „переводовъ“ на русскій языкъ: я читалъ какъ бы ощупью, читалъ съ жадностью, свойственной только юности, и... слава Богу: вынесъ въ выводѣ заключеніе, что наука, истинная наука не имѣетъ права такъ положительно утверждать, да и не утверждаетъ того, что пишутъ въ популярныхъ книжкахъ и на основаніи чего поднимаютъ головы матеріалисты. Вмѣсто точнаго знанія эти популяризаторы предлагаютъ только гипотезы, противъ которыхъ истинная наука тотчасъ же выставляетъ факты, для этихъ гипотезъ необъяснимые. Прочиталъ я потомъ цѣлую серію изданій прот. Заркевича „Матеріализмъ, наука и хрістіанство“. И я успокоился, и нашелъ опору въ борьбѣ съ сомнѣніями и разными вѣяніями со стороны. Слѣдя потомъ, въ теченіе 40 лѣтъ, за движеніемъ человѣческой мысли въ ея отношеніи къ истинной наукѣ, я постоянно подмѣчалъ, что грѣшное сердце слишкомъ часто заставляло человѣческій умъ работать противъ совѣсти, чтобъ использовать научныя гипотезы для оправданія его грѣхолюбія. А въ наше несчастное время—это почти общее явленіе. Такихъ научныхъ, и вмѣстѣ популярныхъ, брошюръ, какъ книжки А. А. Тихомирова по естествознанію, не скоро встрѣтишь на книжномъ рынкѣ. А между тѣмъ онѣ-то и нужны теперь, и чѣмъ ихъ будетъ больше, тѣмъ лучше.

Что сказалъ я относительно естествознанія, то надо сказать и относительно всѣхъ другихъ отраслей знанія, начиная съ философскихъ до богословія, и особенно Священнаго Писанія. Церковь должна зорко слѣдить, чѣмъ питаютъ ея дѣтей непрошенные радѣтели якобы просвѣщенія, и тотчасъ же давать противоядіе, какъ скоро замѣтитъ появленіе отравы на книжномъ рынкѣ. Надо помнить, что четыре года назадъ на съѣздѣ баптистовъ въ Америкѣ открыто рѣшено бороться противъ Православія въ Россіи и на это дѣло ассигновано немного — только шесть милліоновъ долларовъ, т. е. 12 милліоновъ рублей! А у насъ не находится по епархіямъ какой-нибудь тысячи, чтобъ выписать противосектантскія сочиненія для руководства священникамъ въ бесѣдахъ съ ними; не находится средствъ на изданіе хорошаго противосектантскаго, дешеваго, популярнаго журнала для простого народа, который сталъ уже ближе присматриваться къ новымъ ученіямъ, оскорбляющимъ его православное чувство, и мнѣ приходится отвѣчать, что такого общедоступнаго, приспособленнаго для пониманія простецовъ, изданія періодическаго пока — нѣтъ! Тамъ ничего не жалѣютъ, чтобы разрушить нашу Церковь Православную: у насъ жалѣютъ гроши—говорю сравнительно съ 3-хъ милліарднымъ бюджетомъ нашимъ,-чтобъ поддержать родную

вѣру—опору Руси, душу души народной!

Говорить ли о новыхъ сѣтяхъ врага Божія въ видѣ оккультизма, спиритизма и другихъ воистину мерзостей языческихъ, которыя уже проникли и къ намъ, на Русь и довольно-таки широко распространяются не только среди оевропеившейся, если не сказать—оевреившейся,-интеллигенціи, но и среди простого народа? Недавно пришлось мнѣ прослушать двѣ лекціи обратившагося изъ спиритизма бывшаго редакторомъ нѣсколькихъ спиритическихъ изданій В. П. Быкова, о томъ, что такое спиритизмъ и его сущность. Признаюсь: и читалъ я немало, и писалъ даже о спиритизмѣ, но того ужаснаго впечатлѣнія, какое вынесъ съ этихъ лекцій, я не ожидалъ отъ нихъ... Оказалось, что этой мерзостью занимается у насъ, въ Россіи, до 86,000 человѣкъ; оказалось, что до 600 медіумовъ окончило самоубійствомъ, что занятіе это лишаетъ человѣка свободы воли, превращая его въ манекена, автомата, что оно такъ же опасно въ смыслѣ увлеченія имъ, какъ извѣстный неименуемый тайный порокъ молодости, что наконецъ влечетъ къ самоубійству...

Обращаясь къ борьбѣ съ пороками нравственными—о, какъ потребно теперь самое широкое распространеніе всего, что издается противъ пьянства, этого рокового бича нашего народа, истребляющаго каждый годъ столько душъ, сколько гибнетъ во время войны за то же время...

Слѣдомъ за пьянствомъ идетъ сквернословіе, распутство, хулиганство, грабежи и разбои... Впрочемъ, нѣтъ надобности здѣсь говорить о всѣхъ язвахъ, удручающихъ наше народное тѣло, не исключая и нашей интеллигенціи за весьма немногими исключеніями. О послѣдней, т. е. объ интеллигенціи мнѣ недавно привелось слышать мудрое слово одного изъ государственныхъ дѣятелей: „много говоримъ мы о жидахъ: жидъ уже сдѣлалъ свое главное дѣло: онъ отравилъ самую душу нашей несчастной интеллигенціи, а теперь пошелъ въ народъ, чтобъ подмѣнить его душу... Еще не вездѣ его пускаетъ законъ, но онъ умѣетъ проникать и туда, гдѣ для него всѣ двери, казалось бы, закрыты—посредствомъ своей печати, которая на 95 процентовъ уже въ его рукахъ. А это такое средство, противъ котораго едва ли кто устоитъ.“ —Въ самомъ дѣлѣ: охъ, какъ многіе наши интеллигенты представляютъ собою въ сущности тѣхъ же іудеевъ по своему міросозерцанію, только не семитическаго, а арійскаго происхожденія! И достигнуто это, главнымъ образомъ, печатью, тою печатью, которая каждый день издѣвается надъ нами, служителями Церкви, которая—въ этомъ мы не сомнѣваемся ни на минуту—постарается убить насъ, то-есть дѣятельность нашего Издательскаго Совѣта, сначала систематическимъ замалчиваніемъ, а если это не удастся—клеветою, травлею, подрывомъ всякаго къ намъ довѣрія среди нашихъ будущихъ читателей. Надо быть ко всему готовыми и ничему не удивляться, что бы ни случалось съ нами...

Отсюда естественный переходъ къ слову о періодическихъ изданіяхъ. Какъ бы ни была книга привлекательна и по содержанію, и по изложенію, все же газета и журналъ въ наше время идутъ въ руки читателя прежде книги. Волею-неволею надо считаться съ этимъ явленіемъ. Надо бороться съ

врагомъ тѣмъ же оружіемъ, какое у него въ рукахъ, конечно, только очистивъ это оружіе отъ той грязи, какою оно покрыто у врага: разумѣю нравственную сторону печатнаго слова. Нужны повременныя изданія, нужна ежедневная газета, чтобы немедленно откликаться на быстро смѣняющіяся явленія жизни. Наши предки не могли себѣ даже вообразить, какъ ихъ потомки будутъ быстро жить. Житель столицы привыкаетъ узнавать новости дня въ тотъ же день, а если узнаетъ ихъ на другой день, то считаетъ ихъ уже запоздалыми. А между тѣмъ голосъ церковный, руководствующій вѣрующихъ: какъ смотрѣть, какъ относиться къ тѣмъ или инымъ явленіямъ, въ области нравственной, долженъ быть слышенъ тотчасъ же... Какъ тутъ обойтись безъ ежедневной газеты?

Нужны и другія повременныя изданія хотя бы потому, что въ журналѣ скорѣе прочитаютъ статью, чѣмъ въ книгѣ, да и журналъ придетъ въ руки подписчика скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ брошюра или даже книга, которую когда-то еще соберется купить читатель газеты, если газета удостоитъ порекомендовать книгу или брошюру, а не случится этого—читатель развѣ только случайно узнаетъ о существованіи отдѣльнаго изданія объ интересующемъ его предметѣ. Думаю, что всякая брошюра будетъ полезнѣе для дѣла, если будетъ предварительно проходить чрезъ періодическое изданіе, а потомъ уже появляться въ отдѣльномъ оттискѣ: сужу такъ по своимъ изданіямъ.

„Положеніе“ о нашемъ Совѣтѣ, какъ я сказалъ уже, начертываетъ намъ, его членамъ, такую широкую программу, что ее можно понимать только какъ широту полномочій, а не какъ нѣчто непремѣнно нынѣ же обязательное для нашего Совѣта. Дается просторъ для дѣятельности нашей, но не ставится обязательнымъ выполненіе всей программы во всѣхъ подробностяхъ ея требованій — сразу же по открытіи Совѣта; это, конечно, невозможно. Приступая къ выполненію своей задачи, Совѣтъ будетъ руководствоваться съ одной стороны прямыми указаніями С. Сѵнода, съ другой—требованіями самой церковной жизни, насколько это будетъ усмотрѣно самимъ Совѣтомъ. На первое время, напримѣръ, по порученію С. Сѵнода, Совѣтъ предполагаетъ приступить къ 2-му изданію „Словаря къ Новому Завѣту“ Гильдебранта, или такъ называемой Симфоніи, которой въ настоящее время въ продажѣ совсѣмъ нѣтъ, а потребность въ ней весьма ощутительна: она прямо необходима для всѣхъ, кто любитъ слово Божіе, кто занимается Священнымъ Писаніемъ, богословіемъ, проповѣдничествомъ, словомъ—для всякаго, кто хочетъ пользоваться Новымъ Завѣтомъ по его славянскому тексту. Изданіе это предполагается сдѣлать болѣе удобнымъ для пользованія по формату, болѣе доступнымъ по цѣнѣ, и внести въ него нѣкоторыя улучшенія, на основаніи опыта тѣхъ, кто уже пользуется первымъ изданіемъ. Указанія въ этомъ родѣ уже поступаютъ къ намъ, и мы обращаемся ко всѣмъ любителямъ слова Божія не отказать намъ въ своихъ замѣчаніяхъ и присылать ихъ по моему адресу.

Есть насущная потребность издать и другія руководственныя книги для изученія какъ слова Божія, такъ и святоотеческихъ писаній. Было бы очень полезно издать такой указатель къ святоотеческимъ твореніямъ, въ которомъ,

въ порядкѣ библейскихъ книгъ, главъ и стиховъ въ нихъ, были приведены указанія: кто изъ св. отцевъ, въ какомъ именно твореніи и въ какомъ мѣстѣ приводитъ или толкуетъ тотъ или другой текстъ Священнаго Писанія. Напримѣръ: книга Бытія, глава I, стихъ 1-й: Аѳанасій Великій—тамъ-то, Василій Великій—тамъ-то, Григорій Богословъ, Нисскій и т. д., въ алфавитномъ порядкѣ именъ ихъ. Затѣмъ стихъ 2-й, 3-й, и т. д. На первый разъ, чтобы не отлагать дѣло, требующее немалаго труда и времени, можно было бы удовольствоваться указаніемъ на творенія тѣхъ св. отцевъ, которыя имѣются въ русскомъ или славянскомъ переводѣ, не задаваясь научными цѣлями, для коихъ, конечно, было бы необходимо взять и творенія, не переведенныя еще на русскій языкъ. У латинъ по этой части давно имѣются такъ называемыя „Катены", въ коихъ подъ каждымъ стихомъ Библіи приведены даже и выписки изъ св. отцевъ, что даетъ читателю возможность не искать по библіотекамъ самыхъ святоотеческихъ твореній: ихъ текстъ, ихъ слова приведены въ самыхъ „Катенахъ". Но мы едва ли скоро дождемся такой роскоши въ своихъ изданіяхъ.

Нѣтъ у насъ и общаго предметнаго указателя къ святоотеческимъ писаніямъ. Тридцать пять лѣтъ тому назадъ, еще послушникомъ, мечталъ я о такомъ указателѣ и переписывался объ этомъ съ покойнымъ другомъ своимъ, товарищемъ по семинаріи, тогда еще міряниномъ, преподавателемъ Тамбовской семинаріи Н. Д. Молчановымъ, скончавшимся въ санѣ архіепископа Литовскаго; онъ признавалъ насущную потребность въ такомъ указателѣ, но такъ это и осталось нашею мечтою. Мнѣ думается, никогда такъ не было настоятельной нужды въ такомъ указателѣ или, если угодно, энциклопедіи, какъ въ наше время всяческой разнузданности самочинныхъ мудрованій въ области вѣро-и-нравоученія хрістіанскаго. Нашъ долгъ, долгъ Издательскаго Совѣта дать, хотя несовершенный, такой указатель. Планъ его мнѣ представляется въ томъ же родѣ, какъ и вышеупомянутый указатель къ Библіи: въ порядкѣ алфавита идутъ слова или наименованія предметовъ, напримѣръ: „душа", „духъ", „Духъ Божій", „имя Божіе" и под., а дальше—имена св. отцевъ и кратко сущность ихъ мыслей о семъ предметѣ. Я сказалъ: „хотя несовершенный указатель", хотя опытъ такого указателя, въ родѣ какъ бы нѣкоторой энциклопедіи святоотеческаго вѣро-и-нравоученія, ибо работа по составленію такого указателя нелегкая, ее придется раздѣлить между нѣсколькими лицами, назначивъ опытнаго редактора для объединенія всего матеріала, какой будетъ доставленъ сотрудниками. Но такъ или иначе, а хотя опытъ такого словаря-указателя необходимъ. Жизнь наша слишкомъ коротка, чтобъ каждому писателю каждую работу начинать сначала: надо каждому новичку притти на помощь опытомъ людей, уже изучившихъ тотъ или другой предметъ. Вотъ примѣръ: въ минувшемъ году совершенно неожиданно, даже для нѣкоторыхъ богослововъ, появилась ересь имебожниковъ. Церковная власть должна была разобраться въ новомъ ученіи, почему оно представляетъ собою ересь. Но откровенно скажу: приступая къ исполненію порученія Св. Синода по этому предмету, я не зналъ, что цѣлый томъ твореній святителя Григорія Нисскаго посвященъ опроверженію ереси Евномія, почти тожественной съ ересью имебожниковъ.

Краткость срока и невозможность копаться по библіотекамъ при множествѣ другихъ работъ заставили меня ограничиться тѣмъ матеріаломъ, какой я имѣлъ подъ руками по этому предмету. А имѣй я подъ руками упомянутый указатель, я, несомнѣнно, использовалъ бы тѣ мѣста св. отцевъ, какія были бы въ немъ указаны. И мой докладъ былъ бы полновѣснѣе въ смыслѣ доказательствъ. Драгоцѣннымъ помощникомъ была бы такая книга и для пастырей-проповѣдниковъ, и для богослововъ-писателей, да и для каждаго благочестиваго хрістіанина, который пожелалъ бы ознакомиться съ ученіемъ св. отцевъ по тому или другому вопросу вѣры и жизни хрістіанской.

Моя мысль идетъ дальше. Кромѣ св. отцевъ было бы очень полезно ввести въ этотъ указатель-энциклопедію и учителей Церкви, по крайней мѣрѣ, наиболѣе извѣстныхъ, авторитетъ коихъ для насъ является безспорнымъ и твердо установленнымъ. Таковъ, напримѣръ, великій святитель нашъ Филаретъ Московскій, имя коего извѣстно не только во всей православной Церкви, но и въ инославныхъ странахъ. Мысли такихъ „учителей Церкви“ можно бы ставить во второмъ отдѣлѣ подъ каждымъ словомъ. Само собою разумѣется, что я намѣчаю только общую мысль, а обсужденіе ея въ подробностяхъ—дѣло Издательскаго Совѣта въ будущемъ. Надобно принять во вниманіе, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи удобствъ пользованія такимъ указателемъ, и иностранныя изданія въ такомъ родѣ.

Лѣтъ пятнадцать назадъ, подъ моею редакціей, Троицкая Сергіева лавра издала новый переводъ „Луга Духовнаго“ Іоанна Моска, „Жизнь пустынныхъ отцевъ“ пресвитера Руфина и „Проповѣди“ Иліи Минятія, знаменитаго въ свое время греческаго проповѣдника, на которомъ воспитался нашъ великій витія—Иннокентій, архіепископъ Херсонскій. Много подобныхъ твореній ждетъ своего изданія или новаго перевода на русскій языкъ. Укажу на „Исторію Боголюбцевъ“ блаженнаго Ѳеодорита, напримѣръ: была она когда-то издана, но теперь ея не найдешь даже и у букинистовъ. А книга для народа—весьма поучительная. Да и тѣмъ, кто склоненъ производить свой родъ отъ обезьяны, было бы и полезно, и интересно почитать эти сказанія о подвижникахъ древнихъ временъ. Одно только горе: скажутъ сіи господа, что это—благочестивые вымыслы...

Въ послѣдніе два года мы пережили рядъ знаменательныхъ и въ высшей степени поучительныхъ юбилеевъ. Въ 1917 году исполняется 50-лѣтіе кончины великаго святителя Филарета Московскаго... Стоитъ произнести только имя этого великаго учителя Церкви, какъ въ сознаніи встаетъ его свѣтлый, величавый въ своемъ смиреніи образъ, какъ мужа силы и разума духовнаго, какъ красы нашей Русской Церкви. Въ его, воистину, безсмертныхъ твореніяхъ, какъ проповѣдническихъ, такъ и безчисленныхъ мнѣніяхъ и отзывахъ, и даже простыхъ дѣловыхъ резолюціяхъ, письмахъ, запискахъ — неисчерпаемый источникъ уроковъ вѣры, богословской и философской мысли, во всѣхъ областяхъ богословскихъ наукъ, духа завѣтовъ церковныхъ и руководящихъ указаній...

Какъ не озаботиться о томъ, чтобъ, по возможности, исчерпать всѣ сокровища его духа, его завѣтовъ, чтобъ напитать его мудрыми наставленіями наше юное поколѣніе, уже не помнящее его свѣтлой лич-

ности, какъ не привлечь къ нему сердца русскихъ людей? Вѣдь, онъ былъ неподражаемымъ истолкователемъ самаго духа завѣтовъ нашей родной старины, нашего роднаго православія, самыхъ основъ нашего историческаго бытія... Надо озаботиться изданіемъ для народа его житія, именно *житія*, а не простого жизнеописанія; и полнаго предметнаго указателя ко всѣмъ его писаніямъ; озаботиться достойнымъ изданіемъ всего, что онъ написалъ, собраніемъ всего духовнаго наслѣдія его, а затѣмъ и всего, что касается его личности, что только еще помнятъ о немъ оставшіеся въ живыхъ изъ его счастливцевъ—современниковъ,— увы, теперь уже не многихъ... Это можно было бы выпустить въ видѣ особаго „Юбилейнаго Филаретовскаго Сборника".

Есть немало старыхъ хорошихъ, но прочно забытыхъ книгъ, которыя надобно переиздать потому, что онѣ когда-то сослужили великую службу современнымъ ихъ авторамъ поколѣніямъ. Для примѣра, укажу изъ литературы 18 вѣка на „Камень вѣры" Стефана Яворскаго, изъ 19 вѣка—на проповѣди и лекціи по гомилетикѣ покойнаго профессора Кіевской духовной академіи Я. К. Амфитеатрова: имъ обязаны многіе проповѣдники развитіемъ своего проповѣдническаго таланта, на нихъ воспитывалось не одно поколѣніе духовнаго юношества. Было бы полезно переиздать книгу протоіерея С. Кашменскаго „Ученіе св. Отцевъ о душѣ человѣческой", въ которой собраны и расположены въ извѣстной системѣ выдержки изъ 50-ти отцевъ и учителей Церкви. Да и вообще нашлось бы не мало такихъ книгъ. Мы забыли ихъ, наши дѣти о нихъ вовсе не слышатъ, а, между тѣмъ, въ свое время онѣ оказали великую пользу въ дѣлѣ воспитанія понятій въ области церковнаго міросозерцанія. Старики умѣли мыслить не спѣша и добросовѣстно относились къ дѣлу, сознавая себя отвѣтственными не предъ людьми только, не предъ критикой, но и предъ Богомъ. У нихъ и терпѣнія, и трудолюбія, да и трудоспособности было побольше, чѣмъ въ наше время.

Мы забыли свою старую русскую литературу. Было бы для народа очень полезно издать въ русскомъ переводѣ всѣ эти старинные „Изборники", „Златоструи", „Златыя Цѣпи" и подобныя памятники древней письменности. Ужъ очень они назидательны, да и писаны-то именно для народа: надо, вѣдь, имѣть въ виду, что какъ ни хлопочутъ наши самозванные просвѣтители, чтобы подмѣнить идеалы народные и чрезъ школу, и чрезъ дешевку—копѣйку газетную, и чрезъ такъ называемую „лубочную" литературу,—въ народѣ еще есть не мало православныхъ русскихъ людей, которые носятъ въ душѣ завѣты старины, ищутъ пищи духовной во вкусѣ этой старины и любятъ почитать „отъ божественнаго". Для такихъ простецовъ серія изданій въ родѣ упомянутыхъ книжекъ, конечно, съ исправленіемъ языка, была бы настоящимъ подаркомъ. Да и въ школьныхъ библіотекахъ такія книжки не залежались бы...

Немало и въ духовныхъ журналахъ старыхъ годовъ: въ „Христіанскомъ Чтеніи", „Душеполезномъ Чтеніи", „Странникѣ", „Духовной Бесѣдѣ" и подобныхъ, есть немало статей, которыя заслуживали бы перепечатанія въ видѣ небольшихъ книжекъ. Стоитъ и вообще пересмотрѣть всю старую литературу, начиная съ 18-го вѣка, чтобы взять изъ нея и—подарить простому русскому читателю многое, достойное его, да и нашего

вниманія, но прочно забытое и закрытое мусоромъ изданій послѣдняго времени... Припоминаю, напримѣръ, чудныя статьи священника Владимірскаго въ „Душеполезномъ Чтеніи“ по естественной исторіи, въ коихъ премудрость и благость Творца изображается въ картинахъ природы: какъ была бы назидательна такая книжка для современнаго юношества, тѣмъ болѣе, что и написана она языкомъ прекраснымъ, согрѣта благоговѣніемъ къ Богу... Но гдѣ ея авторъ? Живъ ли? Издавалъ ли онъ свои статьи отдѣльною книгой?—Или въ томъ же родѣ статьи покойнаго профессора-праведника Д. Ѳ. Голубинскаго: да вѣдь это былъ бы чудный подарокъ для юношества, конечно, еще непотерявшаго вѣры въ Бога, еще ищущаго Бога въ природѣ и въ явленіяхъ жизни!

Слѣдуетъ обратить наше вниманіе особенно на народныя чтенія съ туманными картинами. Нѣтъ нужды распространяться о томъ, какое огромное значеніе имѣетъ этотъ способъ народнаго просвѣщенія и какъ важно въ дѣлѣ воспитанія народа удовлетворить этой насущной потребности въ полномъ согласіи съ православно-русскими народными идеалами. На первый разъ слѣдуетъ дать хотя бы полный каталогъ хорошихъ чтеній съ указаніемъ, откуда можно достать ихъ текстъ и картины. А затѣмъ, не теряя времени, приступить къ изданію своихъ книжекъ для такихъ чтеній и изготовленію желатинныхъ картинъ, какъ болѣе дешевыхъ и удобныхъ для пересылки. Просятъ и примѣрнаго каталога книгъ для библіотекъ народныхъ, не полагаясь на разныя рекомендаціи и одобренія, въ обиліи разсыпаемыя разными учрежденіями...

Вотъ мои пожеланія и предположенія относительно новаго дѣла, къ коему, исполняя святое послушаніе Св. Суноду и призывая Божію помощь и Божіе благословеніе, мы приступаемъ. Я прошу и моихъ читателей, сочувствующихъ сему доброму начинанію высшей церковной власти, не отказать мнѣ въ своихъ откликахъ по этому поводу. Будемъ благодарны за всякое доброе указаніе, за всякій полезный практическій совѣтъ.

Какъ и какими путями мы думаемъ распространять наши изданія—поговорю послѣ...

207.

Имебожная ересь предъ судомъ св. отцевъ.

Еще три тысячи лѣтъ назадъ древній мудрецъ сказалъ, что „нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ: „смотри, вотъ это новое“; но это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ“ (Еккл. 1, 9). То же случилось и съ новою ересью—„имебожничествомъ“: при ближайшемъ разсмотрѣніи ея, оказалось, что она уже существовала въ первые вѣка христіанства подъ именемъ „гностицизма“; въ IV вѣкѣ ее развилъ и ревностно защищалъ извѣстный еретикъ Евномій, а великіе отцы Церкви—Василій Великій, Григорій Нисскій и другіе тщательно разобрали ее и опровергнули, вселенскій же второй соборъ въ лицѣ Евномія предалъ анаѳемѣ. Къ сожалѣнію, тѣ, которые нынѣ увлеклись этою ересью, не зная исторіи ересей, кажется, и не подозрѣвали, что въ ихъ лжемудрованіи возро-

ждается одна изъ древнихъ, осужденныхъ уже Церковію ересей; когда же церковною властію, стоящею на стражѣ священныхъ догматовъ, имъ было раскрыто ихъ заблужденіе, духъ гордыни, неизмѣнный спутникъ всякой ереси, овладѣвающій сердцемъ всякаго еретика послѣ оставленія его Божіей благодатью, уже настолько глубоко проникъ въ ихъ душу, что не попускаетъ имъ смириться, дабы познать свое заблужденіе, и они всюду ищутъ самоутвержденія въ своей ереси, готовые даже на поддѣлки, подлоги и другія нечистыя средства. Благодать Божія подается только смиреннымъ и не терпитъ смрада гордыни еретической.

Богъ и ереси попускаетъ, дабы явить славу Свою въ раскрытіи святой истины Православія. Такъ было и теперь. Въ духовныхъ журналахъ появляются статьи, обличающія ложь ученія имебожниковъ и выясняющія истинное ученіе Церкви объ именахъ Божіихъ на основаніи слова Божія и святоотеческихъ писаній. Рядъ такихъ статей С. В. Троицкаго подъ заглавіемъ: „Ученіе св. Григорія Нисскаго объ именахъ Божіихъ и имебожники", помѣщенныхъ въ „Церк. Вѣдомостяхъ", теперь вышли отдѣльною книгой подъ названіемъ „Объ именахъ Божіихъ". Положеніе за положеніемъ, слово за словомъ въ имебожническомъ ученіи авторъ разбираетъ, сличаетъ съ одной стороны—съ ученіемъ еретика Евномія, находя въ новой ереси всѣ признаки старой, а съ другой—съ ученіемъ святоотеческимъ, приводя множество выписокъ подлинными словами святыхъ отцевъ, наглядно показывающихъ почти полную тожественность обѣихъ ересей. Для непредубѣжденнаго, разумно мыслящаго и пребывающаго въ смиренномъ послушаніи Церкви ея сына становится до очевидности яснымъ заблужденіе несчастныхъ имебожниковъ и вся тяжесть вины ихъ вождей, упорствующихъ въ еретическомъ мудрованіи. „Сходство между ученіемъ объ именахъ Божіихъ древняго еретика Евномія, говоритъ г. Троицкій, и современныхъ имебожниковъ настолько велико, что послѣднихъ можно назвать новыми евноміанами. По ученію имебожниковъ, между именами и самыми предметами существуетъ какая-то таинственная связь и ни одинъ предметъ не можетъ быть безъ имени. „Имя выражаетъ самую сущность предмета, говоритъ наприм. Иларіонъ, и неотдѣлимо отъ него. Такъ имя Іисусъ. Съ отнятіемъ имени предметъ теряетъ свое значеніе". „Идея есть реальность, читаемъ мы въ „Апологіи" Булатовича, имѣющая ипостасное бытіе". „Господь, говоритъ Иларіонъ, есть мысленное высочайшее Существо, таково же и имя Его, и потому оно въ нашемъ сознаніи и пріемлется какъ Самъ Онъ, Господь Богъ". „Имя есть истина, единосущная Тріипостасной истинѣ, говоритъ Булатовичъ, но не есть истина отвлеченная и безжизненная, но есть истина живая—Духовное Существо. Это Духовное Существо различается отъ самаго Существа Божія, и понятія—Существо Божіе и имя Божіе не сливаются, но вмѣстѣ съ тѣмъ это отличное отъ Существа Божія Духовное Существо имѣетъ Божественное достоинство само по себѣ, по существу, а не по благодати". Такимъ образомъ имебожники различаютъ недоступное и неоткрывающееся людямъ Существо Божіе и другое Духовное Существо—Имя Божіе, соединенное съ Существомъ Божіимъ, но не сливающееся съ

Нимъ и имѣющее Божеское достоинство само по себѣ.... И Богъ и имя Его суть едины святы по естеству.

Имя Божіе у Булатовича представляется даже высшимъ Существа Божія, чѣмъ-то такимъ, съ чѣмъ-Богъ сообразуетъ Свои дѣйствія, что Онъ прославляетъ. Если все, что пишетъ Булатовичъ, принимать за чистую монету, то ученіе о томъ, что имя Божіе есть живое духовное существо, нужно признать возобновленіемъ древняго еретическаго ученія—гностицизма. Единственнымъ существеннымъ отличіемъ ученія имебожниковъ отъ гностицизма является тотъ пунктъ ихъ ученія, гдѣ они настаиваютъ на неотдѣлимости имени Божія отъ Бога, таковой же, какова взаимная неотдѣлимость Лицъ Пресвятыя Троицы. Но если такъ, то неизбѣжнымъ для имебожниковъ является ученіе о томъ, что въ Богѣ не три Ипостаси, а четыре, при чемъ четвертой ипостасью будетъ имя Божіе, которое, по Булатовичу, является духовнымъ существомъ, имѣющимъ ту же сущность, что и Лица Святыя Троицы, и стоящимъ въ такомъ же отношеніи къ лицамъ Святыя Троицы, въ какомъ они находятся между собою. Имебожники, дѣйствительно, не останавливаются и предъ этимъ выводомъ и въ литографированномъ листкѣ одного изъ главныхъ вождей ереси мы читаемъ: „если имя Іисусъ есть богоипостасное, то, конечно, равно Отцу и Святому Духу, и есть лицо Пресвятыя Троицы“.

„Стоитъ, говоритъ С. В. Троицкій, лишь, хотя бѣгло, пересмотрѣть то, что пишутъ объ именахъ Божіихъ св. отцы, чтобы видѣть, что ученіе имебожниковъ стоитъ въ явномъ и прямомъ противорѣчіи съ ученіемъ святоотеческимъ и церковнымъ. Имебожники утверждаютъ, что Богъ долженъ имѣть имя. Святые отцы говорятъ, что Онъ не только не долженъ имѣть имени и не имѣетъ его, но и не можетъ имѣть его, какъ стоящій выше всякаго имени. „Нѣтъ ни одного имени, которое обозначаетъ все естество Божіе“, пишетъ св. Василій Великій противъ предтечи имебожниковъ-Евномія, которое „достаточно было бы его выразить. Но многія и различныя имена, взятыя въ собственномъ значеніи каждаго, составляютъ понятіе, конечно, темное и весьма скудное въ сравненіи съ цѣлымъ, но для насъ достаточное... Понятія, которое бы вполнѣ было достойно Его, никто никогда не достигнетъ, хотя бы соединились всѣ умы для изслѣдованія и стеклись всѣ языки для выраженія онаго. Итакъ, богодухновенное Писаніе по необходимости употребляетъ многія имена и реченія для честнаго и загадочнаго изображенія славы Божіей“. Короче сказать, по святоотеческому ученію, Богъ многоименъ (такъ неоднократно называетъ Бога св. Григорій Нисскій), потому, что Онъ безыменъ (такъ называетъ Бога св. Діонисій Ареопагитъ), и потому никакъ нельзя думать, что въ одномъ какомъ-либо имени Его заключается значеніе всѣхъ другихъ“. Между тѣмъ, имебожники выдѣляютъ изъ ряда именъ Божіихъ имя *Іисусъ*, хотя и слово Божіе, и святые отцы ясно учатъ, что имя это усвоено Сыну Божію только по Его воплощеніи. Имебожники говорятъ, что имена Себѣ далъ Самъ Богъ и что потому имена эти вѣчны. Святые отцы выясняютъ, что Самъ Богъ не нуждался въ имени и не давалъ Себѣ никакого имени не только до сотворенія міра, но и послѣ сотворенія его, а что имена Божіи нужны лишь лю-

дямъ, и потому всѣ имена Божіи, какъ и всѣ имена вообще, явились только послѣ сотворенія людей и созданы самими же людьми. Самое имя „Сый", по глубокому выясненію св. Григорія Нисскаго и другихъ св. отцевъ, означаетъ то, что у Бога нѣтъ никакого имени и смыслъ словъ „Сый есть вѣчное имя Божіе", состоитъ въ томъ, что Богъ никогда не имѣлъ, не имѣетъ и не будетъ имѣть никакого имени. Самое слово „Сущій", являющееся грамматической формой причастія отъ глагола „быть", не есть какое либо имя, а есть глагольная форма, означающая одно бытіе, существованіе Божіе. Оно означаетъ лишь, что Богъ существуетъ, но что́ Онъ такое, каково Его имя, по сущности или хотя бы по дѣйствіямъ, оно вовсе не показываетъ. А, между тѣмъ, св. Григорій Богословъ именно это наименованіе „Сый" находитъ наиболѣе свойственнымъ Богу. „Имя Сый, говоритъ онъ, принадлежитъ собственно Богу и всецѣло Ему одному, а не кому либо прежде или послѣ Него, потому что и не было, и не будетъ чѣмъ-либо ограничено или пресѣчено".—Іоаннъ Дамаскинъ въ „Точномъ изложеніи православной вѣры" пишетъ: „Кажется, изъ всѣхъ именъ, приписываемыхъ Богу, болѣе главное „Сый", какъ и Самъ Онъ, отвѣчая Моисею на горѣ, говоритъ: *Сый посла мя*. Ибо все совмѣстимое въ Себѣ Онъ имѣетъ бытіе, какъ бы нѣкоторое море сущности, безпредѣльное и неограниченное".

Имебожники говорятъ, что имена Божіи суть дѣйствія Божіи, неотдѣлимыя отъ Бога, и потому—Самъ Богъ. Святые отцы выясняютъ, что имена Божіи суть дѣйствія человѣческаго измышленія и человѣческихъ органовъ рѣчи, что приписывать Богу человѣкообразнаго дѣйствованія нареченія именъ никакъ нельзя и что нельзя говорить объ отдѣленіи именъ Божіихъ отъ Бога уже потому, что отдѣлять можно только соединенное, имена же Божіи не соединены съ Богомъ, а лишь нами приписываются Ему. Имебожники говорятъ, что имена Божіи, какъ дѣйствіе Божіе, выражаютъ сущность Божію. Св. отцы учатъ, что имена Божіи, какъ дѣйствія человѣческія, выражаютъ не сущность Божію, а лишь наши понятія и представленія, и притомъ не о сущности Божіей, о которой понятія и представленія мы имѣть не можемъ, а лишь о свойствахъ и дѣйствіяхъ Божіихъ. Имебожники утверждаютъ, что имена Божіи суть дѣйствія Божіи потому, что они даны намъ откровеніемъ Божіимъ. Св. отцы учатъ, что нельзя представлять откровеніе Божіе какъ членораздѣльную рѣчь Божію пророкамъ и апостоламъ, и что на самомъ дѣлѣ откровеніе Божіе есть посредственное или непосредственное воздѣйствіе Божіе на душу человѣка, возбуждающее въ ней извѣстныя чувства и мысли, облекаемыя человѣкомъ въ образованныя имъ слова и имена, и потому всѣ, встрѣчающіяся въ Св. Писаніи, имена Божіи суть лишь наши слова, а не дѣйствіе Божіе.

„Когда ученіе имебожниковъ подвергается возраженіямъ, говоритъ С. В. Троицкій, понятіе имени у нихъ подмѣняется. Они отбрасываютъ буквы и звуки и заявляютъ, что они считаютъ Богомъ лишь идею, истину, выражаемую именемъ Божіимъ, жалуясь вмѣстѣ съ тѣмъ, что ихъ противники искажаютъ ихъ ученіе. Но прежде всего—имя есть имя, а идея есть идея, и смѣшивать эти два понятія нельзя. А во вторыхъ—св. Григорій Нисскій не рѣдко беретъ и прямо одинъ смыслъ

именъ Божіихъ и категорически заявляетъ, что „нельзя обожать смыслъ, являющійся въ словѣ“, и что „имя или идея являются въ сущности идоломъ, который замѣняетъ у Евномія, а слѣдовательно и у нашихъ имебожниковъ, „Бога“.

Имебожники, вопреки ясному ученію Православнаго Катихизиса, но подобно иконоборцамъ и протестантамъ, учатъ, что имя Божіе выше креста и св. иконъ. Между тѣмъ, св. отцы Церкви и самъ VII вселенскій соборъ ясно и рѣшительно учатъ, что иконы и крестъ—не Богъ. А св. Діонисій Ареопагитъ самыя имена Божіи называетъ иконами. По ученію имебожниковъ, имя Божіе имѣетъ какую-то самодовлѣющую силу творить чудеса. Въ этомъ они сходятся съ іудеями и Талмудомъ, который имя Божіе считаетъ какимъ-то талисманомъ или амулетомъ, волшебнымъ словомъ. Булатовичъ и ссылается на литературу раввиновъ, видимо раздѣляя ихъ ученіе объ именахъ Божіихъ. Между тѣмъ, св. Церковь учитъ, что чудеса творятся не именемъ, а силою благодати Божіей, такъ что между именемъ Божіимъ и чудомъ нѣтъ внутренней связи и чудо можетъ быть безъ имени Божія, и произнесеніе имени Божія можетъ не сопровождаться чудомъ. „Имя не дѣлаетъ ничего, говоритъ св. Златоустъ, когда будетъ произносимо безъ вѣры“.

Нужно ли опровергать нелѣпое ученіе имебожниковъ о томъ, что „всякое слово молитвы есть Богъ, а имя Божіе тѣмъ болѣе Богъ“? Что „имя Божіе святитъ собою молитву“, т.-е., всѣ остальныя слова молитвы?.. Вѣдь, утверждать, будто слова молитвы менѣе Богъ, чѣмъ имя Божіе, и дѣлаются Богомъ только чрезъ освященіе именемъ Божіимъ, не значитъ ли просто—богохульствовать, искажая самое понятіе о Богѣ, какъ всесовершенной Личности? „Молитва въ сущности есть перечень именъ Божіихъ“, говорятъ имебожники. Но—вотъ молитва Господня: прочтите ее, и скажите: можно ли ее назвать такимъ перечнемъ? Да и ни одна молитва церковная не подойдетъ подъ это опредѣленіе, ибо дѣлая перечень чего-либо, мы никогда не ставимъ перечисляемыхъ словъ въ звательномъ падежѣ, какъ это обычно во всякой молитвѣ.

Разобравъ подробно ученіе имебожниковъ и опровергнувъ его точными словами св. отцевъ, преимущественно Григорія Нисскаго, С. В. Троицкій опредѣляетъ настроеніе вождей новой ереси, какъ переживанія самолюбивой души, утратившей чувство живаго богообщенія, и потому смѣшивающей Самого Бога съ Его символами. „Бумажныя деньги, говоритъ онъ, люди приняли за чистое золото и стали смотрѣть на слова не какъ на условные знаки, символы предметовъ, а какъ на какіе-то дубликаты предметовъ, стоящіе съ ними въ таинственной связи. Для того, чтобы переживанія эти измѣнились, необходимъ полный душевный переворотъ, зависящій отъ свободы человѣческой и благодати Божіей, никакіе доводы здѣсь не помогутъ. Какъ бы убѣдительно ни доказывалась ложь имебожническаго ученія, творцы ереси будутъ смотрѣть на всѣ доказательства лишь какъ на досадное препятствіе для торжества ихъ ученія, которое нужно устранить во что бы то ни стало, хотя бы для этого пришлось употребить ложь, подлогъ, интриги и т. д. Такова психологія всѣхъ творцовъ ересей, переубѣдить которыхъ не могли даже великіе отцы Церкви“. Указавъ множество поддѣлокъ, искаженій,

подлоговъ въ писаніяхъ имебожниковъ, г. Троицкій отмѣчаетъ, что и самыя заглавія главнаго труда имебожниковъ совпадаютъ. И Евномій, и Булатовичъ назвали свои труды „Апологіей“. Св. Василій Великій пишетъ объ Евноміи: „первое его злоухищреніе—предложить ученіе въ видѣ апологіи, чтобы не подать мысли, что главное его намѣреніе—изложить догматы нечестія, но показать, что приведенъ къ сочиненію необходимостью. Видѣлъ онъ также, что если открыто приметъ на себя званіе учителя, не только будетъ это крайне тяжело и непріятно слушателямъ, но и самъ себя сдѣлаетъ незаслуживающимъ вѣроятія и подозрительнымъ, какъ человѣкъ, желаніемъ славы увлеченный въ новизны; а если предложить слово въ видѣ апологіи, то избѣгнетъ подозрѣнія въ нововведеніи и тѣмъ самымъ болѣе привлечетъ къ себѣ слушателей, потому что всѣ люди привыкли съ благорасположеніемъ принимать сторону унижаемыхъ. Поэтому, жалуется на обвинителей и клеветниковъ и имъ приписываетъ вину своего сочиненія“.—„Читая эти строки, говоритъ г. Троицкій, недоумѣваешь: къ кому онѣ болѣе приложимы—къ Евномію или Булатовичу, такъ искусно сумѣвшему привлечь на свою сторону своей апологіей и ролью унижаемаго сочувствіе людей простодушныхъ“?—Почтенный авторъ труда объ имебожникахъ приводитъ и еще слова одного великаго отца Церкви, св. Аѳанасія Великаго, болѣе всѣхъ пострадавшаго отъ еретиковъ: „каждая ересь, принимая на себя прекрасное и превысшее всего Имя Спасителево, собираетъ изреченія писаній, произноситъ слова, усвоиваетъ же истинный смыслъ, и, наконецъ, прикрывъ какою-то лестью свое, изобрѣтенное ею измышленіе, сама дѣлается человѣкоубійцею введеннаго въ заблужденіе. Каждая изъ ересей не имѣетъ ничего общаго съ Писаніемъ, и защитники ересей знаютъ, что Писанія во многомъ или, лучше сказать, во всемъ противны мудрованію каждой изъ нихъ. Но для обольщенія простодушныхъ, каковы упоминаемые въ Притчахъ „незлобивый вѣру емлетъ всякому словѣси“ (14,15), принимаютъ они на себя видъ, что изучаютъ и собираютъ изреченія Писаній, чтобы этими изреченіями показать правильность своего мудрованія и, наконецъ, убѣдить бѣдныхъ людей мудровать вопреки Писаніямъ. И кто простъ и некрѣпко наставленъ въ вѣрѣ, тотъ, имѣя въ виду одни слова и не проникая въ смыслъ, скоро увлекается ихъ кознями. Благочестивѣйшій царь Констанцій человѣколюбивъ, а они противъ его воли разглашаютъ, что хотятъ. Если бы право вѣровали, то довольствовались бы вѣрою, изложенною цѣлымъ вселенскимъ соборомъ. Не объ истинѣ попеченіе у нихъ, а, напротивъ, все говорятъ и дѣлаютъ въ пользу ереси. Что и теперь пишутъ, не объ истинѣ заботясь, но скорѣе для забавы, съ хитростію дѣлаютъ это на обольщеніе людямъ, чтобы разсылкою писемъ обратить на это вниманіе народа, самимъ выиграть время для избѣжанія обвиненія, и скрывъ свое нечестіе, имѣть возможность распространить ересь... Они желаютъ, чтобы имъ вѣрили, когда не знаютъ, какъ сами вѣруютъ. Слагаютъ клеветы на православныхъ епископовъ, которымъ строятъ козни. Когда не настоитъ никакого вопроса, подаютъ они поводъ къ словопренію, разстраивая сердца братій и всѣвая въ нихъ, чего никогда не приходило имъ на умъ... Посему надлежитъ бодрство-

вать, чтобы подъ покровомъ писемъ не скрывалось какого обольщенія и не отвлекали они иныхъ отъ благочестивой вѣры".

Эти строки писалъ великій исповѣдникъ Православія, 1600 лѣтъ назадъ, какъ будто про нынѣшнихъ вождей аѳонской ереси...

208.

Какъ учитъ о. Іоаннъ Кронштадтскій объ именахъ Божіихъ.

Въ своей книгѣ объ имебожной ереси С. В. Троицкій отводитъ особое мѣсто ученію о. Іоанна Кронштадтскаго объ именахъ Божіихъ, потому что имебожники съ особеннымъ усиліемъ ссылаются на о. Іоанна, который будто бы совершенно раздѣляетъ ихъ лжеученіе. „Въ сущности говоря, пишетъ Троицкій, какъ бы ни училъ о. Іоаннъ объ именахъ Божіихъ, отношеніе Церкви къ имебожникамъ не измѣнится нисколько. Хранительницей и выразительницей истиннаго ученія вѣры является вся Церковь, а не какое-либо отдѣльное лицо, хотя бы и признанное святымъ. Ученіемъ Церкви нужно считать то, что исповѣдуется въ ней всегда, вездѣ и всѣми, а не то, чему учило то или другое лицо, какъ бы оно авторитетно ни было. Даже въ томъ случаѣ, если бы ученіе Церкви съ ученіемъ имебожниксвъ было не согласно, а ученіе о. Іоанна было бы согласно, то отсюда слѣдовало бы только, что въ данномъ вопросѣ о. Іоаннъ высказываетъ свое личное неправильное мнѣніе. Такія мнѣнія имѣли даже нѣкоторые отцы Церкви. „Не мните же, яко аще и святіи быша, пишетъ св. Варсануфій Великій, о такихъ святыхъ: вся глубины Божія возмогоша поняти". Но ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ, нѣтъ и ученіе о. Іоанна объ именахъ Божіихъ вполнѣ согласно не съ ученіемъ имебожниковъ, а съ тѣмъ ученіемъ, которое выяснила Церковь, защищая догматъ иконопочитанія".

Прежде всего г. Троицкій замѣчаетъ, что имебожники противорѣчатъ сами себѣ и пишутъ неправду, будто они свое ученіе утвердили на точномъ писаніи о. Іоанна. Вѣдь, если бы они были дѣйствительно убѣждены, что о. Іоаннъ училъ такъ же, какъ они, то не стали бы и говорить объ открытіи ими новаго догмата. Между тѣмъ уже самъ Иларіонъ пишетъ, что его ученіе нигдѣ не встрѣчается. Слѣдовательно, и онъ сознавалъ, что у о. Іоанна такого ученія нѣтъ, и его послѣдователи говорятъ, что „догматическая истина о томъ, что имя Божіе есть Богъ, не была доселѣ замѣчена богословами", а слѣдовательно, по ихъ же признанію, ея не было и у о. Іоанна. И дѣйствительно, за двадцать лѣтъ, когда тѣ сочиненія о. Іоанна, на которыя ссылаются имебожники, разошлись въ нѣсколькихъ изданіяхъ, и нашли массу читателей, никто, рѣшительно никто не усмотрѣлъ въ нихъ чего-либо подобнаго ученію имебожниковъ. Правда, буква вырванныхъ ими мѣстъ дѣйствительно какъ будто говоритъ за имебожниковъ. Но мало привести нѣсколько отрывочныхъ фразъ, а надо разсмотрѣть ихъ и въ связи съ ближайшимъ контекстомъ, и въ связи со всѣмъ ученіемъ о. Іоанна, чтобы понимать ихъ настоящій смыслъ. Еще св. Григорій Нисскій замѣтилъ, что

„*по неправильному словоупотребленію*, подобія (изображенія) мы называемъ человѣкомъ, но *собственно* словомъ симъ мы называемъ живое существо". О. Іоаннъ дѣйствительно, пишетъ: „Имя Господа есть Самъ Господь". Но прочтите начало этой выдержки, и видно будетъ, что понимать слова о. Іоанна такъ, какъ ихъ толкуютъ имебожники, нельзя. „Имя Господа, Богоматери или ангела, или святаго *да будетъ тебѣ вмѣсто* Самого Господа, Богоматери, ангела или святаго; близость слова твоего по твоему сердцу *да будетъ залогомъ и показаніемъ* близости къ твоему сердцу Самого Господа Бога, Богоматери, ангела или святого". Въ этихъ словахъ—ключъ къ пониманію словъ дальнѣйшихъ: „имя Господа Бога есть Самъ Господь" и т. д. Если о. Іоаннъ говоритъ: „*да будетъ* тебѣ имя вмѣсто Господа", то уже отсюда слѣдуетъ, что по его ученію имя не есть Самъ Богъ, такъ какъ если бы имя уже было Господомъ, то нельзя было бы говорить: „*да будетъ* имя *вмѣсто* Самого Господа", будетъ какъ бы замѣнять Господа. Очевидно, что замѣняющее не можетъ быть тожественно съ замѣняемымъ. Затѣмъ, о. Іоаннъ говоритъ: „пусть будетъ *тебѣ*". Слѣдовательно, имя можетъ замѣнять Господа не вообще, а лишь для человѣка. Какимъ образомъ?—„Близость слова твоего по твоему сердцу да будетъ *залогомъ и показаніемъ* близости къ твоему сердцу Самого Господа Бога". „Показаніемъ"—своего рода наглядныхъ изображеніемъ, однимъ изъ символовъ Господа и близости Его къ сердцу человѣческому. И дѣйствительно, о. Іоаннъ постоянно сравниваетъ и сопоставляетъ имена Божіи съ крестомъ и другими священными символами и прямо называетъ слова и имена образомъ или знакомъ. „*Крестъ и имя* Христово не производятъ чуда, пишетъ онъ, когда я не увижу сердечными очами или вѣрою Христа Господа". „Богъ во святыхъ почиваетъ, и въ самомъ *имени* ихъ, и въ самомъ *изображеніи* ихъ". „*Крестъ* Господа чудесно дѣйствуетъ, *имя* Его производитъ чудеса, *иконы* Его являются чудотворными". „Богъ чрезъ все является, особенно чрезъ образы и знаменія, на которыхъ наречено достопоклоняемое *имя* Его *или* самый *образъ* Его". „Молитесь предъ *иконою* Спасителя, какъ бы предъ *Нимъ Самимъ*". „Чудотворный образъ Спасителя—Самъ Господь на немъ". „Иконы замѣняютъ для меня самыя лица, имена коихъ онѣ носятъ". „Такъ и о крестѣ животворящемъ должно говорить. Гдѣ крестъ или крестное знаменіе, тамъ Христосъ и сила Его, и спасеніе Его, только съ вѣрою изображай его, имъ покланяйся". „Крестъ, погружаемый въ воду съ молитвою вѣры, есть какъ бы Самъ Господь животворящій".

Итакъ, о. Іоаннъ о св. иконахъ и св. крестѣ говорилъ то же самое, что и объ именахъ Божіихъ, говорилъ, что они суть какъ бы Богъ для насъ, ибо они замѣняютъ для насъ Бога, но никогда вовсе не говорилъ, что они и сами по себѣ суть Богъ. „Образъ—образъ и есть", пишетъ онъ, „а не первообразъ". Если онъ говоритъ, что Господь пребываетъ въ имени Своемъ, то это и значитъ, что имя не можетъ быть Самимъ Господомъ, ибо св. Григорій Нисскій говоритъ: „большое различіе быть *чѣмъ* или быть *въ чемъ*".

Имебожники учатъ, что имя Божіе присущею ему самому по себѣ силою творитъ чудеса. Наоборотъ, о. Іоаннъ учитъ, что имя Божіе не совершаетъ чуда, и такъ же, какъ и

крестъ и св. иконы можетъ служить лишь посредствомъ для благодати Божіей, совершающей чудо. „Чтобы маловѣрное сердце не помыслило, пишетъ онъ, что крестъ или имя Христово чудесно дѣйствуютъ сами по себѣ, а не Христомъ (а имебожники такъ именно и думаютъ),—эти же крестъ и имя Христово не производятъ чуда, когда я не увижу сердечными очами или вѣрою Христа Господа и не повѣрю отъ всего сердца во все то, что Онъ совершилъ нашего ради спасенія“. „Гдѣ употребляется съ вѣрою (въ выпискахъ имебожниковъ слово: „съ вѣрою“ опускается) имя Божіе, тамъ оно созидаетъ силы“. „Всѣ силы и чудеса совершаетъ Духъ Святый“.

Тогда какъ имебожники мудрствуютъ, что даже несознательное произношеніе имени Божія въ молитвѣ дѣйственно, о. Іоаннъ поучаетъ: „особенно грѣшны тѣ, которые во время молитвы совсѣмъ отклоняются своими мыслями. Они крайне оскорбляютъ Божество, въ которое должна быть вперена наша мысль“. Произнесеніе именъ безъ сознанія и чувства онъ называетъ бормотаніемъ. Какъ бы пророчески осуждая ученіе имебожниковъ, что молитва есть перечень именъ Божіихъ, онъ пишетъ: „великая разница между безчувственнымъ *перечнемъ именъ* и между сердечнымъ пониманіемъ ихъ: одно отъ другого отстоитъ какъ небо отъ земли“.

Имебожники учатъ, что освященіемъ креста служитъ написаніе на немъ имени „Іисусъ Христосъ“. О. Іоаннъ учитъ, что крестъ освящается „Самимъ Богомъ воплощеннымъ, распростершимся на крестѣ“. Это богомилы, 800 лѣтъ назадъ, учили, что не должно поклоняться кресту, если на немъ нѣтъ надписи „Іисусъ Христосъ“, за что Константинопольскій соборъ 1143 года призналъ ихъ еретиками и предалъ анаѳемѣ. О. Іоаннъ выясняетъ, что надпись была на особой дощечкѣ и вовсе не составляла существенной принадлежности креста.

Тогда какъ имебожники учатъ, что имя Божіе своею силою освящаетъ таинства, о. Іоаннъ учитъ, что и при освященіи таинствъ слова призыванія, слова молитвы служатъ лишь посредствомъ, чрезъ которое ниспосылается благодать Божія, совершающая таинства. „Богъ Отецъ, пишетъ онъ, чрезъ наше слово вѣры во мгновеніе совершаетъ однажды навсегда предопредѣленныя чудесныя дѣла нашего во Христѣ возрожденія, освященія, укрѣпленія, духовнаго питанія и врачеванія“.

Сводя къ сопоставленію ученія объ именахъ Божіихъ о. Іоанна и имебожниковъ, мы увидимъ, говоритъ г. Троицкій, что отношеніе между тѣмъ и другимъ ученіемъ есть отношеніе прямой противоположности.

О. Іоаннъ учитъ, что имя Божіе есть одинъ изъ символовъ, образовъ Бога, но „образъ и есть образъ, а не первообразъ“, не Богъ. Имебожники учатъ, что имя не есть символъ, а есть Самъ Богъ.

О. Іоаннъ учитъ, что имя Божіе, какъ символъ Бога, совершенно равно по своему значенію другимъ религіознымъ символамъ—св. кресту крестному знаменію, иконамъ и т. п. Имебожники учатъ, что св. крестъ, св. иконы съ именемъ Божіимъ сравнивать совершенно нельзя.

О. Іоаннъ учитъ, что особенное благодатное присутствіе Божіе въ именахъ Божіихъ бываетъ лишь тогда, когда они произносятся съ вѣрою. Имебожники—что имена Божіи не отдѣлимы отъ Бога и Онъ всегда присутствуетъ въ нихъ всѣмъ существомъ Своимъ.

О. Іоаннъ учитъ почитать имена Божіи не сами по себѣ, а какъ образъ Божій. Имебожники почитаютъ ихъ сами по себѣ, какъ язычники почитали своихъ идоловъ, какъ еврейскіе раввины—свою Мемру.

О. Іоаннъ учитъ, что имена Божіи могутъ быть дѣйственны не своею силою, а лишь посылаемою чрезъ нихъ силою Божіей. Имебожники учатъ, что имена Божіи всегда дѣйственны своею собственною силою.

О. Іоаннъ учитъ, что молитва есть возношеніе ума и сердца къ Богу и всѣ слова молитвы могутъ быть дѣйственны только тогда, когда произносятся съ вѣрою и служатъ посредствомъ для подаяній благодати Божіей молящемуся. Имебожники — что молитва есть перечень именъ Божіихъ и сила ея зависитъ отъ самыхъ словъ, въ особенности отъ именъ Божіихъ. Говорятъ даже, что самая молитва есть Богъ.

О. Іоаннъ учитъ, что всѣ священные символы, въ томъ числѣ и имя Божіе, освящаются Самимъ Богомъ. Имебожники—что всѣ священные символы освящаются именемъ Божіимъ.

О. Іоаннъ учитъ, что крестъ Христовъ достоинъ поклоненія потому, что онъ изображаетъ Христа, и что надпись на крестѣ сама по себѣ не достойна поклоненія. Имебожники учатъ, что именно надпись на крестѣ освящаетъ крестъ и дѣлаетъ его достойнымъ поклоненія.

О. Іоаннъ приравниваетъ имена Божіи, по ихъ дѣйствію, къ обрядамъ. Имебожники—къ таинствамъ.

О. Іоаннъ учитъ, что таинства совершаются Самимъ Богомъ, имебожники учатъ, что таинства освящаются силою имени Божія; для о. Іоанна имя Божіе — это звуковая икона, приводящая насъ къ Богу; для имебожниковъ—идолъ, насъ отъ Бога отдаляющій.

Думалъ ли старецъ Божій, о. Іоаннъ, что новоявленные лжеучители извлекутъ изъ его твореній изреченія, на которыхъ будутъ основывать свое еретическое мудрованіе? Если бы онъ былъ живъ, то несомнѣнно поступилъ бы съ сими лжеучителями такъ же, какъ онъ поступалъ съ „іоаннитами“: онъ торжественно, въ присутствіи многихъ православныхъ, предавалъ нераскаянныхъ іоаннитовъ анаѳемѣ. Съ великою ревностію о православіи, съ болью сердца онъ обличалъ сихъ еретиковъ, не ожидая на нихъ суда церковнаго. Можно себѣ представить, какъ онъ отнесся бы къ новымъ сопротивникамъ власти церковной, дерзавшимъ предавать анаѳемѣ и нашъ Св. Синодъ, и св. вселенскаго Патріарха, и всѣхъ насъ, епископовъ, обличавшихъ ихъ ересь... Удостоенный высокой чести самъ быть членомъ Св. Синода, вотъ что писалъ онъ о семъ высшемъ правительствующемъ церковномъ учрежденіи:

„Чрезъ Святѣйшій Синодъ отъ Самого Господа исходитъ освященіе на всю Россію чрезъ избраніе, нареченіе и посвященіе епископами священнослужителей и церковнослужителей: священнодѣйствуются всѣ службы и таинства церковныя; совершается духовное управленіе вѣрующими, какъ членами духовнаго благодатнаго царства Христова, непрестанно возвѣщается слово Божіе. Святѣйшій Синодъ и все пастырство руководствуютъ вѣрныхъ къ соединенію съ Богомъ и къ вѣчной жизни, возстановляя разумные и словесные образы и подобія Божіи и возводя ихъ на небо“...

Увы! Таково свойство грѣшнаго сердца человѣческаго, зараженнаго гордынею ереси, что если бы даже всталъ теперь изъ могилы о. Іоаннъ и сталъ обличать новыхъ евноміанъ,

то и тогда они не повѣрили бы ему: вѣдь, давно сказано Господомъ: *аще и отъ мертвыхъ кто воспанетъ —не имутъ вѣры!* Вѣдь, такъ и было съ древними почитателями Мемры (ветхозавѣтными имебожниками), книжниками и фарисеями: возможно ли, нужно ли было доказательство Божественности Іисуса Христа лучше воскресенія Лазаря? Предъ тысячною толпою собравшагося на праздникъ Пасхи народа встаетъ мертвецъ изъ гроба, уже смердящій, встаетъ по слову Господа: какъ бы не повѣрить? Но что они говорятъ? — *Совѣщаша и Лазаря да убіютъ*... Вотъ до чего можетъ дойти ожесточеніе злой воли человѣка, отдавшагося сопротивленію истинѣ! Мы видимъ это постоянно, какъ законъ, на тѣхъ, которые отпадаютъ отъ Церкви; мы видимъ и на имебожникахъ: они не боятся отпаденія отъ Церкви, они осуждаютъ и Синодъ, и патріарховъ, и епископовъ, предаютъ ихъ анаѳемѣ, клевещутъ на нихъ, готовы лишиться Божественныхъ Таинъ Христовыхъ, выдумываютъ „причащеніе именемъ Іисусовымъ“... Только бы не подчинить своего смышленія голосу Церкви, только бы настоять на своемъ мудрованіи!... И въ слѣпотѣ своей не видятъ, въ какую пропасть погибельную идутъ...

А о. Іоаннъ и изъ могилы является обличителемъ ихъ лжеученія во всѣхъ своихъ твореніяхъ...

Я использовалъ трудъ моего почтеннаго сотрудника по обличенію, С. В. Троицкаго. Его книга—отличное пособіе для пастырей Церкви въ борьбѣ съ новою ересью. Ее прочтутъ люди образованные съ великою пользою; для людей болѣе простыхъ, неспеціалистовъ въ догматикѣ, я дѣлаю эти извлеченія съ его разрѣшенія.

209.

Плоды гордыни: ложь и клевета.

Имебожники не успокаиваются. Во что бы то ни стало, они добиваются, чтобъ ихъ ученіе было признано православнымъ, а сами они — мучениками за православіе, мы же, представители Церкви, т. е. вселенскій патріархъ и нашъ С. Синодъ—просто за просто еретиками и гонителями сихъ мучениковъ. Ложь, клевета, вымыслы—все пускается въ ходъ, всѣ средства хороши, лишь бы достигнуть цѣли. Къ сожалѣнію, и среди нашей интеллигенціи находятся младенцы въ пониманіи дѣла, которые имъ покровительствуютъ, а въ средѣ отшатнувшихся отъ Церкви въ ереси издателей, постоянныхъ ругателей іерархіи, нашелся и органъ, съ удовольствіемъ взявшій на себя печатать всѣ лжи и клеветы этихъ несчастныхъ людей.

Газета „Гроза“ въ № 611, отъ 2 февраля, помѣстила статью неизвѣстнаго автора, подписавшагося „Очевидецъ“, полную лжи и клеветъ противъ меня и моихъ сотрудниковъ по аѳонскому дѣлу, а кто-то разослалъ эту статью многимъ членамъ Г. Совѣта и Г. Думы. Такъ какъ авторъ позволилъ себѣ въ самомъ началѣ статьи заявить, что онъ „свидѣтельствуетъ предъ лицемъ Всевѣдущаго и Вездѣсущаго Господа“, что все изложенное въ его статьѣ „есть истина, и какой-

либо лжи, даже малѣйшей, онъ тщательно старался не допустить", и будто бы „нигдѣ, ни на іоту не отступилъ отъ точнаго изложенія свято-отеческаго ученія объ имени Божіемъ", то долгомъ почитаю показать, что статья эта совершенно искажаетъ церковное ученіе объ именахъ Божіихъ въ духѣ имебожнической ереси, а въ изложеніи событій переполнена ложью и клеветами, и такимъ образомъ авторъ ея есть не только клеветникъ, лжецъ, но и клятвопреступникъ, свидѣтельствующій предъ лицемъ Божіимъ ложь за истину и ересь за ученіе православное. Утверждая, что святые отцы Церкви: Аѳанасій Великій, Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Кириллъ Іерусалимскій, Симеонъ Новый Богословъ, Григорій Палама, Ѳеофилактъ Болгарскій, Тихонъ Задонскій и прочіе св. отцы (авторъ тщательно умолчалъ о св. Григоріи Нисскомъ, спеціально писавшемъ противъ Евномія объ именахъ Божіихъ) держались въ ученіи объ именахъ Божіихъ ереси имебожниковъ, онъ клевещетъ и на нихъ, и на нашъ Св. Синодъ, и на двухъ вселенскихъ патріарховъ, и только еретичествующихъ главарей имебожной ереси считаетъ православными.

Я не стану здѣсь подробно излагать православное ученіе св. отцевъ, имъ оклеветанныхъ: кто хочетъ познакомиться съ симъ ученіемъ, тотъ пусть прочитаетъ книгу г. Троицкаго „Объ именахъ Божіихъ" и въ моей книжкѣ „Имебожники", которая вышла на-дняхъ. Я только отмѣчаю здѣсь страшную дерзость имебожника-автора, клятвою завѣряющаго малосвѣдущихъ въ свято-отеческой литературѣ читателей, будто святые отцы на сторонѣ новыхъ евноміанъ, а церковная власть, два вселенскихъ патріарха, нашъ С. Синодъ и Антіохійскій патріархъ, имѣвшій случай мнѣ лично назвать ученіе имебожниковъ „ересью", всѣ заблуждаются, впали въ какую-то новую „имеборную ересь"... До такой дерзости, до такого оскорбленія имени Божія въ лжесвидѣтельствѣ никто, кажется, еще не доходилъ! Кто онъ, сей якобы „Очевидецъ", тщательно укрывающійся подъ псевдонимомъ и бросающій обвиненія въ ереси на церковную власть и клеветы на святыхъ отцевъ и учителей Церкви въ искаженіи ихъ подлиннаго ученія?..

Но попытаюсь перечислить лжи и клеветы „Очевидца", коими онъ наполнилъ свою статью. Буду перечислять ихъ въ порядкѣ самой статьи.

1). Ложь, будто я гдѣ-то когда-то называлъ простецовъ-иноковъ „мужиками-лапотниками"; никогда этого не было, а за кого—другого я не отвѣчаю.

2) Ложь, будто Алексѣй Киреевскій, Хрисанфъ и другіе православные иноки распространяли ученіе, несогласное съ ученіемъ святоотеческимъ: Алексѣй Киреевскій и Ѳеофанъ, кандидатъ Кіевской духовной академіи, за защиту православнаго ученія противъ имебожниковъ награждены даже отъ С. Синода золотыми крестами.

3). Ложь, будто кто-то употреблялъ всѣ усилія, чтобы помѣшать имебожникамъ и заставить ихъ прекратить изученіе св. отцевъ.

4). Клевета, будто всѣ, производившіе изслѣдованіе Аѳонскихъ событій вначалѣ относились благосклонно къ имебожникамъ, а послѣ нѣкіихъ тайныхъ переговоровъ съ главарями имеборцевъ (властями Пантелеимонова монастыря) быстро мѣняли къ нимъ свое отношеніе": по крайней мѣрѣ, мое отношеніе къ имебожной ереси, какъ пишетъ и

„Очевидецъ“ изъ „Грозы“, опредѣлилось задолго раньше моего прибытія на Аѳонъ, ибо меня ждали тамъ „какъ рѣшительнаго сторонника имеборцевъ“,—значитъ, на меня-то ужъ не смѣютъ возводить такой клеветы. Кстати: что это за намекъ? Ужъ не взятки ли давалъ „изслѣдователямъ“ достопочтеннѣйшій отецъ Архимандритъ Мисаилъ?.. Говорите откровеннѣе, господа имебожники!

5). Ложь, будто я хвалился, что пріѣхалъ на Св. Гору „искоренять имеславцевъ“: я долженъ былъ, во исполненіе возложеннаго на меня С. Синодомъ, по Высочайшему повелѣнію, порученія, вразумлять заблудшихъ и указать имъ на ту опасность, какая имъ угрожала — въ случаѣ упорства въ ереси—отлученіе отъ Церкви, и только.

6). Ложь, будто я говорилъ такую нелѣпость: „мы молодыхъ поженимъ, а стариковъ разошлемъ по монастырямъ, а священнослужителей разстрижемъ“,—на какую способны только еретичествующіе враги Церкви!

7) Ложь, будто въ моей брошюрѣ „Великое искушеніе около имени Божія“ есть богохульство: брошюра эта есть докладъ мой С. Синоду, ужели же С. Синодъ потерпѣлъ бы богохульство въ докладѣ своего сочлена? Ужели позволилъ бы напечатать этотъ докладъ? Вѣдь, такое обвиненіе меня въ богохульствѣ есть обвиненіе и С. Синода въ томъ же страшномъ преступленіи! Я хотѣлъ въ новомъ изданіи своей брошюры опустить соблазнившее имебожниковъ мѣсто, но они упорно повторяютъ и въ позднѣйшихъ своихъ писаніяхъ ту же на меня клевету, несмотря на мое обличеніе въ ней, а посему пришлось опять помѣстить пререкаемое примѣчаніе, но уже съ отмѣткою, что самъ началовождь имебожниковъ Антоній-Александръ Булатовичъ ссылается на ту же богохульную жидовскую легенду, изъ коей я привелъ выдержку, но ссылается уже какъ на авторитетъ...

8). Ложь, будто кто-то сталъ требовать мои брошюры обратно, будто игуменъ Мисаилъ давалъ по 50 к. и даже по 1 рублю, за экземпляръ, можетъ быть, сами имебожники это и дѣлали, но ни я, ни игуменъ и не думали о семъ. Я даже очень жалѣлъ, что мало привезъ этихъ брошюръ.

9). Ложь, будто капитанъ „Донца“, почтенный З. А. Шипулинскій, просилъ Варахію передать монахамъ, чтобы они не давали матросамъ моей брошюры, а матросы говорили монахамъ, будто приказано собрать эти брошюры, „связать ихъ въ связку и, привязавъ къ нимъ большой камень, бросить въ море“: было какъ разъ наоборотъ: капитанъ оберегалъ матросовъ не отъ моихъ, а отъ еретическихъ брошюръ имебожниковъ. Да и не глупо ли бросать брошюры съ камнемъ въ море, когда проще было ихъ сжечь?!

10). Ложь, будто и о. Питиримъ, самъ распространявшій очень усердно — спасибо ему!—мои брошюры, уничтожалъ ихъ.

11). Ложь, клевета, будто я повычеркнулъ имена Божіи изъ акаѳистовъ, которые были у матросовъ.

12). Клевета непростительная и на матросовъ, будто они называли меня „богохульникомъ“, будто разсказывали и „ругали меня, говоря: какой онъ архіерей, когда онъ кушаетъ Петровскимъ постомъ курятину и поросятину“: ничего подобнаго не могло и быть, по той простой причинѣ, что я всегда обѣдалъ открыто, на глазахъ всѣхъ матросовъ, ибо общая каюта-столовая окнами выходила на палубу, всякій

могъ видѣть все, что подается; да и всякому матросу было хорошо извѣстно, что для меня каждый день старались достать рыбу, а имебожники первые дни даже отказывали мнѣ въ рыбѣ, при чемъ консулъ вынужденъ былъ пригрозить реквизиціей, если станутъ отказывать мнѣ въ рыбѣ. Какою же дерзкою клеветою отзываются эти строки: „Русскіе-де люди, соблазнившись и возмутившись этимъ, всячески поносили его!“ Милостію Божіей, могу свидѣтельствовать, что матросы, какъ истинно-русскіе православные люди, относились ко мнѣ съ должнымъ уваженіемъ, готовы были на всякія услуги, слушали мои бесѣды съ большимъ вниманіемъ и каждый разъ послѣ утренней и вечерней молитвы принимали отъ меня общее благословеніе.

13). Ложь и злостная клевета, будто я говорилъ, что „Іисусъ—не Богъ и Господь не—Богъ, что кто будетъ уповать на имя Божіе, тѣ всѣ въ заблужденіи; будто я говорилъ, что „Евангеліе писали жиды“, и всѣ тѣ нелѣпости, какія мнѣ приписаны въ статьѣ лживаго клеветника „Грозы“. Ни на минуту не думаю, чтобы кто-нибудь изъ людей благоразумныхъ могъ повѣрить симъ нелѣпостямъ.

14). Ложь, будто я, требуя себѣ облаченія, для чего нужно было отворить ризницу, на самомъ дѣлѣ желалъ захватить монастырскіе документы и ограбить ризницу. Если документы ограблены, то почему доселѣ о нихъ никому не заявлено? Если они были мнѣ нужны, то почему и какъ они доселѣ спокойно хранятся въ той же ризницѣ, если только послѣ моего отъѣзда не убраны куда-либо подальше? Кто „ограбилъ ризницу“, можно догадываться потому, что въ Одессѣ у имебожниковъ отобрана масса книгъ, иконъ и облаченій, принадлежавшихъ Пантелеимоновскому монастырю и Андреевскому скиту.

15). Ложь, будто я не собирался служить: я не служилъ по совѣту консула, которому стало извѣстно, что имебожники готовятся произвести въ церкви безпорядки при моемъ служеніи, притомъ же имебожники дважды въ эту ночь, проведенную мною въ монастырѣ безъ сна, бросали камни въ солдатъ.

16). Ложь, будто, при удаленіи изъ монастыря бунтующихъ имебожниковъ, было до ста человѣкъ ранено и даже четверо убито: о числѣ поцарапанныхъ досками, коими они защищались, можетъ дать точныя свѣдѣнія врачъ „Донца“, перевязывавшій ихъ раны. Перевязки эти, по его словамъ, при отбытіи парохода „Херсонъ“ почти всѣ были уже сняты.

17). Нелѣпости разсказываетъ какой-то „іеросхимонахъ Николай Иваніовъ (?)“, будто „мертвыхъ таскали въ просфорню и тамъ складали убитыхъ“.

18). Ложь, будто вся остальная братія хотѣла итти на пароходъ.

19). Ложь, будто я дважды ѣздилъ къ патріарху и просилъ его предать немедленно анаѳемѣ еретиковъ. Я былъ на обратномъ пути у патріарха только однажды и доложилъ подробности всего, что произошло на Св. Горѣ; первосвятитель остался доволенъ моимъ докладомъ и предложилъ мнѣ прислать ему списки наиболѣе ожесточенныхъ въ ереси вождей смуты, что мною и исполнено.

Вотъ сколько лжи замѣтилъ я, читая наскоро статью невѣдомаго „Очевидца“! Но это не значитъ, что я исчерпалъ всю ложь этой статьи: пусть тѣ, кого ближе касается эта ложь, сами ее и опровергнутъ, или же привлекутъ лжеца къ от-

вѣтственности. Думаю, что гг. Шебунинъ, Шипулинскій, Серафимовъ и другіе не оставятъ эту пасквильную статью безъ отвѣта. Отъ себя скажу еще, что несчастные имебожники, запутавшись въ своихъ мудрованіяхъ, присылаютъ въ С. Синодъ прошенія, въ коихъ увѣряютъ, что всѣ обвиненія ихъ въ ереси не имѣютъ основанія, что они были и есть послушныя чада Церкви, повинуются С. Синоду и патріарху, но не могутъ принять ученія, изложеннаго въ посланіяхъ нашего С. Синода и Патріарха, какъ ученія, несогласнаго съ ученіемъ Церкви. Выходитъ, что и С. Синодъ, и вселенскій патріархъ впали въ ересь, по ихъ мнѣнію, а все-таки просители остаются имъ послушными... Что тутъ поймешь? Очевидно, сами не вѣдаютъ, что пишутъ, о чемъ просятъ... Въ послѣднемъ, напримѣръ, прошеніи они просятъ С. Синодъ выдать имъ свидѣтельства на право собирать милостыню, ибо имъ нечѣмъ питаться, негдѣ жить. Не говорю уже о нелѣпости такой просьбы: да развѣ кающимся заблудшимъ закрыты двери святыхъ русскихъ обителей?... А еретикамъ, понятно, не будетъ мѣста ни на Аѳонѣ, ни въ русскихъ монастыряхъ, ибо никогда не бывало такого устава, чтобы въ православной обители жилъ еретикъ.

Казалось бы: не проще-ли раскаяться, бросить ересь, осужденную еще на второмъ вселенскомъ соборѣ, и смириться, возвратиться въ нѣдра родной матери Церкви, поселившись въ той или другой обители? Увы! Гордыня порабощаетъ несчастныхъ и заражаетъ ихъ противленіемъ святой Церкви.

210.

Умѣемъ ли мы молиться Богу?

Что есть молитва въ духовной жизни хрістіанина? Въ сущности, она есть дыханіе души, живущей съ Богомъ, постоянное возношеніе ума и сердца къ Богу, являемое благоговѣйнымъ словомъ къ Богу —или гласно, или же внутренно, сердечно.

Умѣемъ ли мы „дышать молитвою“, возносить свое сердце, свой умъ къ Богу такъ, какъ подобаетъ, какъ научилъ насъ Господь, какъ учатъ святые угодники Божіи? Умѣемъ ли мы молиться?

Какъ ни скорбно, но должно сказать, что мы, нынѣшніе хрістіане, или разучились, или вовсе не научились молиться. И не потому ли, что мы въ молитвѣ уходимъ отъ Бога, сердцемъ далече отстоимъ отъ Него, гаснетъ въ насъ и жизнь духовная, и многіе изъ насъ даже понятія не имѣютъ о томъ, что такое есть сія жизнь духовная, и мы живемъ только жизнію плоти и души, вовсе забывая, что въ насъ есть еще духъ, существенно отличающій насъ отъ другихъ живыхъ существъ, духа не имущихъ?... Не потому ли такъ быстро прививаются къ намъ такія ученія, какъ дарвинизмъ, производящій человѣка отъ обезьяны? Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ вовсе не ощущаетъ въ себѣ началъ духовной жизни, жизни духа, то онъ живетъ жизнію только животною, душевною, съ міромъ духа не соприкасается, духъ въ немъ какъ бы замеръ, не дышетъ, и ему становится какъ бы естественно уже

и ощущать себя—только животнымъ, а остатокъ неизгладимаго въ немъ образа Божія, послѣдніе слѣды его всячески стирать, подъ давленіемъ грѣховныхъ страстей, заглушая голосъ совѣсти хитросплетаемыми софизмами лженаукъ естественныхъ... Человѣкъ постепенно погружается опять въ ту тьму богозабвенія, въ какой онъ находился нѣсколько тысячъ лѣтъ до Рождества Христа Спасителя и уподобляется снова скотамъ несмысленнымъ.

Молитва есть великій даръ Божій, но подается онъ только тому, кто за нимъ простираетъ къ Богу руки, кто идетъ къ Богу съ произволеніемъ молиться. Являемъ ли должное произволеніе, стремимся ли мы къ Отцу небесному, яко елень къ источникамъ водным, ищетъ ли, проситъ ли наше сердце молитвы?

Не умѣемъ мы, разучились мы молиться, но—слава Богу: есть среди насъ еще жаждущіе молитвы, взывающіе къ Богу сердцемъ: Господи, научи насъ молиться! На мой дневникъ, подъ заглавіемъ „Нѣчто о молитвѣ и смиренномудріи“, получилъ я отъ читателей новыя письма съ вопросами и недоумѣніями, показывающими, какіе мы младенцы въ дѣланіи молитвы. Настало время святого поста и покаянія; безъ молитвы невозможно покаяніе: побесѣдуемъ же о молитвѣ въ отвѣтъ на письма моихъ читателей, въ коихъ слышатся запросы духовной жизни.

„Вы пишете, владыко,—говоритъ одинъ изъ моихъ читателей,—что отнюдь не слѣдуетъ своей фантазіи позволять представлять себѣ того, кому молишься. Простите я не понимаю вашего указанія. О. Іоаннъ Кронштадтскій сказалъ: „Въ молитвѣ съ Отцемъ небеснымъ живо представляй Его стоящимъ предъ Тобою и съ любовію внимающимъ каждому твоему слову“. Къ чему же намъ тогда образа, которые служатъ намъ для нашего настроенія и представленія того, къ кому обращена наша молитва: вѣдь, не самой же доскѣ мы молимся. Да какъ же не воображать и не ощущать при молитвѣ Господа Бога нашего? Онъ—вездѣсущій“.

Надо быть осторожнымъ, чтобъ не смѣшивать словъ и понятій между собою сходныхъ, но не тожественныхъ. „Живо представлять“ еще не значитъ: „рисовать въ воображеніи“. Въ дневникахъ о. Іоанна вездѣ, гдѣ говорится о такомъ представленіи, разумѣется стояніе благоговѣйною мыслію предъ вездѣсущимъ, всевидящимъ и всевѣдущимъ Богомъ и святыми Его, когда человѣкъ сознаетъ себя въ присутствіи незримаго существа, какъ бы ощущаетъ сіе присутствіе, не допускаетъ и мысли о томъ, чтобъ оно его не слышало,—тѣмъ не менѣе—не дерзаетъ вторгаться своимъ грубымъ воображеніемъ въ область незримаго міра и сохраняетъ умъ свой „безвиднымъ“, по выраженію святыхъ подвижниковъ. На вопросъ моего читателя относительно значенія святыхъ иконъ полстолѣтія тому назадъ отвѣтилъ покойный авторъ „Аскетическихъ Опытовъ“, извѣстный подвижникъ епископъ Игнатій Брянчаниновъ: „святыя иконы, пишетъ онъ, приняты святою Церковію для возбужденія благочестивыхъ воспоминаній и ощущеній, а отнюдь не для возбужденія мечтательности. Стоя предъ иконою Спасителя, стой какъ бы передъ Самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, невидимо вездѣсущимъ и иконою Своею присутствующимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ она находится; стоя предъ иконою Божіей Матери, стой какъ бы предъ Самою Пресвятою Дѣвою, но умъ твой храни безвиднымъ: величайшая

разница быть въ присутствіи Господа и предстоять Господу, или— воображать Господа. Ощущеніе присутствія Господня наводитъ на душу спасительный страхъ, вводитъ въ нее спасительное чувство благоговѣнія, а воображеніе Господа и святыхъ Его сообщаетъ уму какъ бы вещественность, приводитъ его къ ложному, гордому мнѣнію о себѣ, — душу приводитъ въ ложное состояніе — состояніе самообольщенія".

Вотъ что говоритъ мужъ высокаго опыта духовнаго и говоритъ не отъ себя, хотя мы не сомнѣваемся, что и самъ онъ на опытѣ все это извѣдалъ,—но говоритъ на основаніи опыта и писаній святыхъ и богоносныхъ отцевъ. „Самый опасный, неправильный образъ молитвы, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, заключается въ томъ, когда молящійся сочиняетъ мечтательныя картины (а начинается это именно съ мечтательнаго воображенія Господа и святыхъ Его), заимствуя ихъ, повидимому, изъ Священнаго Писанія, въ сущности же изъ своего состоянія паденія и самообольщенія; этими картинами льститъ своему самомнѣнію, своему паденію, своей грѣховности, обманываетъ себя. Очевидно, что все, сочиняемое мечтательностію нашей падшей природы, не существуетъ на самомъ дѣлѣ, есть вымыселъ и ложь, столь сродные и свойственные падшему ангелу. Мечтатель съ перваго шага на пути молитвенномъ исходитъ изъ области истины, входитъ въ область лжи, страстей, грѣха, сатаны. Св. Симеонъ Новый Богословъ описываетъ молитву мечтателя и плоды ея такъ: „онъ воздымаетъ къ небу руки, глаза и умъ, воображаетъ въ умѣ своемъ божественныя совѣщанія, небесныя блага, чины святыхъ ангеловъ, селенія святыхъ, короче, собираетъ все, что слышалъ въ Божественномъ Писаніи, въ воображеніи своемъ, разсматриваетъ это во время молитвы, взираетъ на небо и всѣмъ этимъ возбуждаетъ душу свою къ божественному желанію и любви; иногда проливаетъ слезы и плачетъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу кичится сердце его, не понимая того умомъ; онъ мнитъ, что совершаемое имъ есть плодъ Божественной благодати къ его утѣшенію, и молитъ Бога, чтобы сподобилъ его всегда пребывать въ этомъ дѣланіи. Это— признакъ прелести. Такой человѣкъ, если и будетъ безмолвствовать совершеннымъ безмолвіемъ, не можетъ не сойти съ ума и не сдѣлаться сумасшедшимъ. Если же и не случится съ нимъ этого, однако ему невозможно никогда достигнуть духовнаго разума и добродѣтели или безстрастія. Такимъ образомъ прельстились видѣвшіе свѣтъ и сіяніе этими тѣлесными очами, обонявшіе благовонія обоняніемъ своимъ, слышавшіе гласы ушами своими. Одни изъ нихъ возбѣсновались, и переходили умоповрежденными съ мѣста на мѣсто; другіе приняли бѣса, преобразившагося во ангела свѣтлаго, прельстились и пребыли неисправленными даже до конца, не принимая совѣта ни отъ кого изъ братій; иные изъ нихъ, подучаемые діаволомъ, убили сами себя; иные низверглись въ пропасти, иные удавились... Вотъ какой вредъ происходитъ отъ этого образа молитвы", заключаетъ св. Симеонъ.

Вотъ что значитъ давать волю своему воображенію во время молитвы, скажемъ и мы.

Достойно вниманія вотъ что: въ нашей Православной Церкви, милостію Божіей, еще хранится священное преданіе о томъ, какъ творить Богу угодную и спасительную

молитву; а отпадшей отъ единенія съ нею церковію западной, латинской, повидимому, оно совсѣмъ утрачено и подмѣнено мечтательною молитвою и состояніемъ прелести, какъ это видно изъ жизнеописаній всѣхъ западныхъ святыхъ послѣ отпаденія Запада отъ Востока. Прочтите, напримѣръ, сказанія о жизни Франциска Ассизскаго: тамъ сплошь—всѣ состоянія прелести, принимаемыя и самимъ Франциском, и его почитателями за состоянія благодатныя. Это отобразилось даже въ религіозномъ искусствѣ: въ то время, какъ православная икона, особенно написанная въ духѣ древнихъ преданій церковныхъ, не увлекаетъ воображеніе въ область мечтательнаго натурализма: эти тонкія линіи, прямыя черты, высокія темныя фигуры, какъ бы только условно напоминающія живыхъ людей, почти не способны увлечь воображеніе, разжечь фантазію,—живопись латинская плѣняетъ красотою внѣшнихъ, тѣлесныхъ формъ и быстро овладѣваетъ воображеніемъ, способствуя тѣмъ мечтательной молитвѣ. Это, конечно, отображается и въ литературѣ, особенно духовной, въ латинской церкви. Даже такія уважаемыя у насъ книги, какъ „Подражаніе Христу“ Ѳомы Кемпійскаго, по отзыву опытныхъ въ духовной жизни писателей нашихъ, каковъ затворникъ епископъ Ѳеофанъ, написаны изъ „мнѣнія“, то есть въ состояніи мечтательности, близкой къ состоянію прелести.

Въ житіяхъ святыхъ можно видѣть много примѣровъ погибельнаго состоянія прелести, отъ неправильной молитвы; встрѣчаются они и теперь какъ въ монастыряхъ, такъ и среди мірянъ. Епископъ Игнатій Брянчаниновъ приводитъ такіе же примѣры изъ современной жизни. Онъ разсказываетъ объ одномъ чиновникѣ, который при молитвѣ постоянно видѣлъ свѣтъ отъ иконъ, слышалъ благоуханіе, чувствовалъ во рту необыкновенную сладость и т. д. Когда этотъ молитвенникъ разсказалъ объ этомъ монаху, то монахъ спросилъ его: „не приходила ли вамъ мысль убить себя?“—„Какъ же, отвѣчалъ чиновникъ: я уже былъ кинувшись въ Фонтанку, да меня вытащили“. Оказалось, что чиновникъ употреблялъ упомянутый способъ молитвы, разгорячалъ свое воображеніе и кровь, при чемъ человѣкъ дѣлается очень способнымъ къ усиленному посту и бдѣнію. Къ состоянію самообольщенія, избранному произвольно, діаволъ присоединилъ свое, сродное этому состоянію, дѣйствіе, и человѣческое самообольщеніе перешло въ явную бѣсовскую прелесть. Монахъ сталъ уговаривать чиновника, чтобы онъ оставилъ употребляемый имъ способъ молитвы. Съ ожесточеніемъ воспротивился чиновникъ совѣту его. „Какъ мнѣ отказаться отъ явной благодати?“, говорилъ онъ.—Когда чиновникъ ушелъ, я, пишетъ преосвященный Игнатій, спросилъ монаха: съ чего пришла ему мысль спросить чиновника о помыслѣ самоубійства? Монахъ отвѣчалъ: „какъ среди плача по Богу приходятъ минуты необыкновеннаго успокоенія совѣсти, въ чемъ заключается утѣшеніе плачущихъ: такъ и среди ложнаго наслажденія, доставляемаго бѣсовскою прелестію, приходятъ минуты, въ которыя эта прелесть какъ бы разоблачается и даетъ вкусить себя такъ, какъ она есть. Эти минуты ужасны! Горесть ихъ и производимое этою горестію отчаяніе—невыносимы! По этому состоянію, въ которое приводитъ прелесть, всего бы легче узнать ее прельщенному и принять мѣры къ исцѣленію себя. Но увы! начало прелести—

гордость, и плодъ ея—преизобильная гордость. Прельщенный, признающій себя причастникомъ божественной благодати, почти всегда презираетъ совѣтъ ближнихъ, какъ это замѣтилъ св. Симеонъ".

Разсказываетъ также епископъ Игнатій объ одномъ аѳонскомъ іеросхимонахѣ, котораго онъ просилъ научить его молитвѣ. „Іеросхимонахъ немедленно согласился быть моимъ наставникомъ, говоритъ онъ, и—о ужасъ! съ величайшимъ разгорячепіемъ началъ мнѣ передавать способъ восторженной мечтательной молитвы. Вижу: у него разгорячены и кровь, и воображеніе,—онъ въ самодовольствѣ, въ восторгѣ отъ себя, въ самообольщеніи, въ прелести! Давъ ему высказаться, я началъ понемногу, въ чинѣ учащагося, предлагать ему ученіе св. отцевъ о молитвѣ, указывая его въ „Добротолюбіи" и прося объяснить мнѣ это ученіе. Аѳонецъ пришелъ въ совершенное недоумѣніе. Вижу: онъ вовсе незнакомъ съ ученіемъ св. отцовъ о молитвѣ. Въ бесѣдѣ говорю ему: „смотри, старецъ: будешь жить въ Петербургѣ, никакъ не квартируй въ верхнемъ этажѣ, квартируй непремѣнно въ нижнемъ".—Отчего такъ? спросилъ аѳонецъ.—„Оттого, отвѣчалъ я, что если вздумается ангеламъ, внезапно восхитивъ тебя, перенести изъ Петербурга на Аѳонъ, и они понесутъ тебя изъ верхняго окна да уронятъ, то убьешься до смерти; если же понесутъ изъ нижняго, то только ушибешься".—„Представь себѣ, отвѣчалъ аѳонецъ: сколько уже разъ, когда я стоялъ на молитвѣ, приходила мнѣ живая мысль, что ангелы восхитятъ меня и поставятъ на Аѳонѣ!"—Оказалось, что іеросхимонахъ носитъ вериги, почти не спитъ, мало вкушаетъ пищи и чувствуетъ въ тѣлѣ такой жаръ, что зимою не нуждается въ теплой одеждѣ. Я сталъ просить аѳонца, чтобъ онъ испыталъ способъ, преподанный св. отцами, заключающійся въ томъ, чтобы умъ во время молитвы былъ совершенно чуждъ всякаго мечтанія, погружался весь во вниманіе словамъ молитвы, заключался и вмѣщался, по выраженію св. Іоанна Лѣствичника, въ словахъ молитвы, при чемъ сердце обыкновенно сочувствуетъ уму душеспасительнымъ чувствомъ печали о грѣхахъ, какъ сказалъ преподобный Маркъ подвижникъ: „умъ, неразвлеченно молящійся, утѣсняетъ сердце: сердце же сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ." Когда же ты испытаешь надъ собою, сказалъ я аѳонцу: то и мнѣ сообщи о плодѣ опыта, потому что самому мнѣ предпринять такой опытъ неудобно по развлеченной жизни, мною проводимой.—Аѳонецъ съ охотой согласился. Чрезъ нѣсколько дней приходитъ онъ опять ко мнѣ и говоритъ: „что ты со мною сдѣлалъ"?—А что?—„Да какъ я попробовалъ молиться со вниманіемъ, заключая умъ въ слова молитвы, то всѣ мои видѣнія пропали, и уже не могу возвратиться къ нимъ". Далѣе въ бесѣдѣ съ аѳонцемъ я не увидѣлъ той самонадѣянности и дерзости, которыя были замѣтны въ немъ при первомъ свиданіи. Я посовѣтовалъ ему не отличаться наружностію отъ другихъ, потому что это ведетъ къ высокоумію, и онъ снялъ съ себя вериги и отдалъ ихъ мнѣ. Чрезъ мѣсяцъ онъ еще разъ былъ у меня и сказывалъ, что жаръ въ тѣлѣ его прекратился, что онъ нуждается уже въ теплой одеждѣ и гораздо болѣе спитъ. Искушеніе такимъ образомъ кончилось".

Случалось и мнѣ встрѣчать примѣры такой прелести среди самочинныхъ подвижниковъ неправиль-

ной молитвы. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ былъ послушникъ, слѣпецъ отъ рожденія, звонарь по послушанію. Онъ и жилъ на колокольнѣ, подъ колоколами. Ходилъ онъ ко всѣмъ службамъ исправно, жилъ крайне воздержанно, утрени никогда не просыпалъ, словомъ—былъ усерднымъ послушникомъ. Однажды онъ открылся духовнику, что „видитъ все, что совершается въ монашескихъ кельяхъ по ночамъ“.—„Какъ же ты видишь, когда ты слѣпъ и притомъ живешь на колокольнѣ?“ спросилъ духовникъ.—„Сижу въ кельѣ, говоритъ послушникъ, и брожу мыслію по кельямъ и вижу, кто что дѣлаетъ“.—„А какъ ты молитву творишь въ кельѣ? какое исполняешь правило?“—„Кладу каждую ночь по тысячѣ поклоновъ“, отвѣчалъ тотъ и разсказалъ способъ молитвы мечтательной. Тогда старецъ строго запретилъ ему творить поклоны самочинно, разъяснилъ опасность того способа, какой онъ употреблялъ, и далъ заповѣдь: творить не больше десятка поклоновъ сверхъ положеннаго ему отъ духовника правила. Прошла недѣля какая-нибудь, и послушникъ является къ духовнику. „Отче, говоритъ: что со мною сталось? Я уже не вижу ничего, что по кельямъ монахи дѣлаютъ, я не могу себя принудить положить тѣ поклоны, какіе ты заповѣдалъ“. Такъ закончилось искушеніе сего брата. Но не всегда кончается дѣло такъ благополучно. Иные и съ ума сходятъ, и видѣнія видятъ, и самоубійствомъ кончаютъ...

Вотъ почему слѣдуетъ строго держаться правила молитвы, которое епископъ Игнатій выражаетъ такими словами:

„Умъ во время молитвы должно имѣть и со всею тщательностію сохранять безвиднымъ, отвергая всѣ образы, рисующіеся въ способности воображенія, потому что умъ въ молитвѣ предстоитъ невидимому Богу, Котораго невозможно представить никакимъ вещественнымъ образомъ. Образы, если ихъ допуститъ умъ въ молитвѣ, содѣлаются непроницаемою завѣсою, стѣною между умомъ и Богомъ“. „Тѣ, которые въ молитвахъ своихъ не видятъ ничего, видятъ Бога“, сказалъ преподобный Мелетій Исповѣдникъ.

„Самый простой законъ для молитвы, пишетъ святитель-затворникъ Ѳеофанъ, ничего не воображать, а, собравшись умомъ въ сердцѣ, встать въ убѣжденіе, что Богъ близъ, что Онъ видитъ и внимаетъ, и въ этомъ убѣжденіи припадать къ Нему, страшному въ величіи и близкому въ благоснисхожденіи къ намъ“.

211.

О слезахъ спасительныхъ и опасныхъ.

Мой добрый читатель пишетъ мнѣ: „Вы говорите: „не должно гонятся за умилительными слезами при молитвѣ“. Да, вѣдь, когда раскрываешь свою грѣшную душу на молитвѣ предъ Вседержителемъ, слеза умиленія невольно изойдетъ. Въ чемъ же тутъ опасность для человѣка? Зачѣмъ же думать, что если я прослезился при молитвѣ, то молитва стала уже угодна Богу? Нужно сознавать свою духовную немощь: это-то и можетъ вызвать у сокрушеннаго сердца покаянную слезу

и сознаніе своей грѣховности. Какая же будетъ молитва, когда я, не настроя себя молитвенно, не смогу вообразить, что я стою предъ Господомъ, Котораго только по грѣховности моей не могу видѣть, но Онъ видитъ меня и душу мою"...

Не знаю, что смущаетъ писавшаго сіи строки. Вѣдь, большая разница сказать: „*гоняться* за умилительными слезами", то есть, искусственно какъ бы выжимать ихъ изъ своихъ очей, и сказать: слеза умиленія *невольно* изойдетъ". Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, нѣтъ опасности, если при такой слезѣ человѣкъ скажетъ себѣ: „вотъ какъ не постоянно мое молитвенное настроеніе: сейчасъ будто слезинка канула изъ грѣшныхъ очей, а часъ назадъ полонили и черезъ часъ потомъ опять заполонятъ грѣшныя мысли мою душу... Минутное, только минутное движеніе сердечнаго чувства —какъ же я духовно немощенъ, грѣшенъ, непостояненъ!"... Да, при *такомъ* настроеніи сокрушеннаго сердца—пусть льются эти сладкія „невольныя" слезы! Блаженны такіе плачущіе! Хорошо и то, если грѣшникъ при этомъ „стоитъ предъ Господомъ",—стоитъ, но не воображаетъ, не рисуетъ себѣ въ фантазіи Его ликъ, Его образъ. Вотъ этого воображенія, какъ я писалъ въ предыдущемъ дневникѣ моемъ, надо остерегаться. И смущаться тѣмъ, что говорятъ св. отцы, а согласно съ ихъ благодатнымъ словомъ и мы, грѣшные пастыри Церкви, не подобаетъ. Если не все понятно—надо смиряться, а не смущаться, ибо смущеніе святые отцы называютъ „вражескою колесницей". Оно свидѣтельствуетъ о недостаткѣ смиренія въ душѣ смущающагося: смиренный, говорятъ св. отцы, не смутится, если и небо упадетъ на землю...

Теперь о слезахъ. Всякія бываютъ слезы. Бываютъ слезы благодатныя: это роса—благодати Божіей, на смиренное сердце сходящая. Само собою понятно, что это—слезы спасительныя. Кто позналъ свою нищету духовную, кто видитъ предъ собою грѣхи свои, тотъ не можетъ не плакать надъ симъ духовнымъ мертвецомъ своимъ. Такими слезами плакалъ Адамъ у дверей потерянаго рая; такими слезами плакалъ Давидъ, орошая по ночамъ постель свою слезами своими; такими слезами плакала блудница у ногъ Христовыхъ и Петръ послѣ минутнаго отреченія отъ Христа Спасителя въ ночь спасительныхъ страданій Господнихъ... Такими слезами оплакивали свои грѣхи всѣ грѣшники кающіеся, въ покаяніи къ Богу обращающіеся. О, если бы Господь послалъ и намъ эти слезы — жемчужины, собираемыя нашими Ангелами-хранителями и приносимыя къ престолу Божію, какъ благоуханный ѳиміамъ, какъ чистая жертва любви къ Тому, Кто не только слезы, но и кровь Свою пролилъ за спасеніе наше! И были такіе рабы Божіи, которые всю жизнь проводили въ такихъ слезахъ покаянія, которые говорили себѣ: предъ тобою лежитъ мертвецъ— душа твоя, умерщвленная грѣхами, она дороже для тебя всего міра: какъ же не плакать о ней? — И плакали, и одному изъ такихъ плачущихъ явился Самъ Господь въ сонномъ видѣніи и сказалъ: „о чемъ ты плачешь и скорбишь?"—„Какъ же мнѣ не плакать, Господи, отвѣчалъ онъ, когда я столько оскорбилъ Тебя?"—Тогда Спаситель положилъ руку Свою на сердце его и сказалъ: „не скорби; поелику ты самъ оскорбилъ себя, за это Я не оскорблю тебя. Ради тебя Я кровь Мою пролилъ, а потому и помилую

тебя, какъ всякую душу кающуюся“.—Но эти слезы—даръ Божій душѣ кающейся, даръ отъ Того, отъ Кого всякое даяніе благое, Кто даетъ и молитву молящемуся, и покаяніе ищущему истиннаго покаянія. Никогда смиренный сердцемъ и не припишетъ такихъ слезъ своему настроенію, никогда не станетъ ставить ихъ себѣ въ какую-либо заслугу, онъ просто не будетъ и думать о томъ, что онъ плачетъ, такъ же, какъ не думаетъ о томъ, что онъ воздухомъ дышетъ. Послалъ Богъ слезинку—поблагодари Его мысленно за сіе утѣшеніе; не посылаетъ—благодари Его паки за Его благое промышленіе, ибо, по словамъ преподобнаго Іоанна Лѣствичника, есть и богоугодный плачъ, „съ которымъ часто сплетается гнуснѣйшая слеза тщеславія“, конечно, тонкаго, для неопытныхъ въ духовной жизни непримѣтнаго, но тѣмъ не менѣе душевреднаго и опаснаго. У сего великаго учителя покаянія, въ его Богомъ вдохновенной „Лѣствицѣ“, есть большое слово, состоящее изъ 70 главъ, въ которыхъ онъ подробно говоритъ о плачѣ во всѣхъ его видахъ. Между прочимъ, онъ пишетъ: „Благій и праведный нашъ Судія, какъ во всемъ, такъ, безъ сомнѣнія, и въ плачѣ судитъ по мѣрѣ силъ естества; ибо я видѣлъ, что иные источаютъ малыя слезныя капли, какъ капли крови, а другіе безъ труда проливаютъ цѣлые источники слезъ. Но я судилъ о труждающихся болѣе по труду, а не по слезамъ. Думаю, что и Богъ такъ же судитъ“. Преподобный Іоаннъ называетъ покаянный плачъ матерію добродѣтелей, но тутъ же говоритъ: „велика злоба враговъ нашихъ, такъ что они матерей добродѣтелей дѣлаютъ матерями золъ, и средства къ достиженію смиренія превращаютъ въ источникъ гордыни. Я видѣлъ, что у нѣкоторыхъ и въ городахъ, и среди молвы возбуждаются слезы. Это бываетъ по злоумышленію лукавыхъ бѣсовъ, чтобы мы подумали, будто никакого вреда не получаемъ отъ этой молвы, и чтобы сближались съ міромъ“. Конечно, тутъ рѣчь у св. отца о монахахъ, но опасность есть и для мірянъ: „сіе на опытѣ узнаемъ, говоритъ онъ, когда увидимъ, что плачемъ и въ то же время предаемся гнѣвливости“. Вотъ почему и должно остерегаться слезъ, искусственно въ себѣ возбуждаемыхъ: не самыя слезы пріятны Богу, а наше покаянное настроеніе, наше сердце сокрушенное и смиренное, которое Онъ никогда не отринетъ. „Не вѣрь слезамъ твоимъ, говоритъ св. Лѣствичникъ, прежде совершеннаго очищенія отъ страстей; ибо то вино еще не надежно, которое прямо изъ точила заключено въ сосудъ“. „Не выжимай изъ себя искусственно слезъ“, писалъ нѣкогда святитель Филаретъ своему другу архимандриту Антонію.

Такія слезы могутъ привести къ самообольщенію. Глубоко сердце человѣческое, говоритъ св. Писаніе, и незамѣтно подкрадывается къ нему врагъ и окрадываетъ его. Всегда есть опасность принять явленія простой слабонервности за благодатныя слезы: такъ лучше, безопаснѣе принять иногда и благодатную слезу умиленія, считая себя недостойнымъ такого прикосновенія благодати, за слезу естественную, чѣмъ наоборотъ. А главное: побольше смотрѣть на грѣхи свои, не мѣрять себя, не думать о томъ, до какой степени ты дошелъ въ духовномъ устроеніи, а задняя забывая, въ передняя простираться, свое сердце очищая отъ тѣхъ мерзостей, какія въѣлись въ него, какъ ржавчина въ желѣзо, и помнить, что въ очахъ Божіихъ

кающійся грѣшникъ—мытарь неизмѣримо выше самодовольнаго праведника—фарисея, любующагося на свои мнимыя совершенства. Если бы и было что у тебя доброе, то поскорѣе постарайся забыть это, а тѣмъ болѣе, что и это, вѣдь, не твое, а все Божіе, отъ Бога, Богомъ же черезъ тебя содѣланное. Богу и предоставь помнить это, а смотри на свои грѣхи, вотъ это — твое, твоя собственность, отъ которой надо всячески отдѣлаться. Вѣдь, если имѣть храбрость, не давая воли своему самооправданію, взглянуть въ лицо всѣмъ безобразнымъ формамъ своихъ беззаконій, то какая печальная картина представится предъ тобою! До того ли будетъ, чтобъ любоваться тѣми ничтожными искорками добра, въ родѣ слезинки умиленія во время молитвы? До того ли, чтобъ замѣчать грѣхи твоего ближняго? Самая мысль о чужихъ грѣхахъ будетъ противна тебѣ, какъ о чужомъ тяжкомъ бремени, когда у тебя нѣтъ силъ нести свою тяжелую ношу! А чтобы такое настроеніе было прочнѣе, молись Господу: даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и покрой отъ очей моихъ лукавыхъ грѣхи братій моихъ! Чаще бесѣдуй съ отцомъ твоимъ духовнымъ, старайся достигнуть такой степени самоосужденія, чтобъ послѣдній злодѣй, влекомый на казнь, казался тебѣ святымъ въ сравненіи съ тобою. Углубляй въ себѣ, какъ говоритъ святитель Ѳеофанъ-затворникъ, чувство и убѣжденіе въ своемъ непотребствѣ и безотвѣтственности предъ Богомъ. Когда почувствуешь себя проникнутымъ такимъ убѣжденіемъ, какъ бы растерзаннымъ въ сознаніи своего беззаконія, тогда поймешь, что такое раскаяніе. Раскаяніе настойчиво потребуетъ отъ тебя очищенія совѣсти спасительнымъ таинствомъ покаянія и исповѣди. „Искреннее сокрушеніе Богъ подаетъ, говоритъ епископъ Ѳеофанъ, и молить Его надобно о семъ всеусердно, не переставая однакоже и своими усиліями вызывать сокрушительныя чувства. *Устыди* себя предъ людьми, ангелами и святыми, *подосадуй* на себя за оплошность, *поскорби* за себя ради потерь, причиненныхъ грѣхомъ, *поболѣй*, что оскорбилъ Бога, не преставшаго изливать на тебя Свои милости и тогда, когда ты работалъ грѣху, *устраши* себя горькою участію, ожидающею тебя въ будущемъ и тогда—поплачь обо всемъ, если Богъ подастъ слезы. Сокрушеніе слагается изо всѣхъ этихъ чувствъ, изъ коихъ каждое, въ настоящей силѣ, то же для сердца, что ударъ молота для камня. Сокрушился? Благо тебѣ, но надобно же подумать и о томъ, чтобъ поправить свое горькое состояніе. Это производится рѣшимостію—не ходить болѣе тѣми путями, которые довели до него. Все тутъ въ двухъ словахъ: *согрѣшилъ*, *не буду*. Но во всѣхъ видахъ раскаянія надо доходить до причинъ уклоненія отъ правоты и придумывать: какъ чего избѣжать впередъ, чтобы, когда будетъ произноситься: „согрѣшилъ ,не буду“, ясно было, что и какъ будетъ дѣлаться потомъ.

Вотъ истинный путь къ покаяннымъ слезамъ! Но опять скажу: все дѣло, вся цѣль дѣянія сего—не въ стяжаніи собственно слезъ, а въ покаянномъ настроеніи, въ сокрушеніи кающагося сердца. А слезы суть лишь проявленіе сего сокрушенія. Пошлетъ Богъ сей сладостный источникъ—слава и благодареніе Ему, пріими рукою смиренія, а не пошлетъ—укори себя, яко недостойнаго, за черствость сердца твоего, и сіе самоукореніе Господь приметъ яко источники слезъ.

212.

Небесныя утѣшенія вѣрующей душѣ.

Много появляется въ наше время въ духовныхъ журналахъ разныхъ разсказовъ съ оттѣнкомъ чудеснаго; иногда разсказываются и дѣйствительныя чудеса, когда, напримѣръ, очевидно проявляется Промыслъ Божій въ спасеніи погибающаго или вразумленіи грѣшника. И когда авторъ прямо и открыто говоритъ, что это—не вымыселъ благочестиво-настроенной фантазіи, а дѣйствительный фактъ, что если онъ не называетъ именъ или мѣста происшествія, то это дѣлаетъ лишь потому, что не получилъ разрѣшенія на такое соглашеніе и не желаетъ дѣйствующихъ лицъ подвергать искушенію со стороны празднаго любопытства, то, прочитавъ такой разсказъ, перекрестишься и скажешь отъ души: слава Тебѣ, Господи, что и въ наше грѣшное, маловѣрное время, Ты, по неизреченной милости, не оставляешь насъ явленіями благости Твоей, и утѣшаешь знаменіями, укрѣпляющими слабую вѣру нашу, и зовешь насъ ко спасенію въ нѣдрахъ матери нашей—Церкви православной.

Но надо сказать правду: иногда такіе разсказы, безъ всякаго отзыва о нихъ самого автора въ отношеніи ихъ дѣйствительности, наводятъ на печальныя думы... Что если это—вымыселъ автора, а не дѣйствительный фактъ? А это нерѣдко бываетъ въ наше время. Хорошо еще, если хотя въ основѣ-то лежитъ такой фактъ, въ изложеніи только облеченный въ литературную форму разсказа для того, чтобы сильнѣе произвести впечатлѣніе на читателя: съ такими разсказами еще можно мириться; для дѣтей, живущихъ больше воображеніемъ, чѣмъ умомъ, такіе разсказы даже полезны въ воспитательномъ отношеніи. Но если это—съ начала до конца—вымыселъ, то невольно припоминается слово святителя Димитрія Ростовскаго: „не буди ми лгати на святаго“... Разсказывать о томъ, что могло быть, но было только въ воображеніи автора, не значитъ ли „лгати“ на промышленіе Божіе, лгати, правда, безсознательно, лишь потому, что такъ дѣлаютъ многіе писатели, что это-де—во славу Божію, для воспитанія чувства вѣры и любви—это ужъ будетъ разсужденіе въ духѣ тѣхъ, кто учитъ, что цѣль оправдываетъ средства. Миѳы намъ не нужны. Исторія Церкви полна фактами столь поучительными, что никакая фантазія сочинителей миѳовъ до нихъ не додумается. Мы живемъ среди чудесъ. Много ихъ было въ нѣдрахъ жизни церковной прежде, не оскудѣваютъ они и теперь. Вѣдь, и то уже чудо, что мы вотъ живемъ, движемся, есмы... Промыслъ Божій руководитъ всѣми обстоятельствами нашей жизни, и то, что невѣрующіе называютъ „случаемъ“, то для насъ—дѣло Божія Промысла. Вѣдь и самое слово-то „случай“ означаетъ только то, что человѣкъ *не знаетъ* причины совершившагося и только... А отрицать причину онъ никакъ не можетъ. Этого не позволяетъ ему его здравый смыслъ, не позволяетъ непреложный законъ причинности, постоянно проявляющійся въ жизни. И вотъ, вѣрующій, внимательный къ своей совѣсти, къ путямъ Божія Провидѣнія, постоянно и видитъ чудеса какъ въ своей личной жизни, такъ и въ жизни міровой—государственной и общественной, церковной

и семейной. Вездѣ видна рука Божія. Въ смиренномъ самопреданіи въ водительство Промысла Божія, онъ заботится объ одномъ: какъ бы, по невниманію или нерадѣнію, не опустить повода сдѣлать дѣло доброе, какъ бы не ослушаться своей совѣсти, въ которой говоритъ ему его Ангелъ-хранитель, напоминая заповѣди Божіи и завѣты родной матери Церкви. Богъ все видитъ и предвидитъ; всѣмъ руководитъ и всякому готовъ подать благодатную помощь; Онъ

и птичку въ полѣ кормитъ,
и крошитъ росой цвѣтокъ;

ужели же Онъ покинетъ Свое созданіе разумное, аще и недостойное, но все же по Его образу созданное?... А стало быть—что же? Позволительно ли предаваться излишнему безпокойству, излишнимъ, часто безполезнымъ заботамъ о будущемъ завтра, когда, можетъ быть, до этого „завтра“ еще позоветъ Господь къ Себѣ?... Вотъ объ этомъ призывѣ надо думать каждый день и часъ и стоять на стражѣ, какъ бы не прослушать его! И кто прислушивается къ этому зову Божію,—а онъ слышится въ нашей совѣсти каждый разъ, какъ только она напоминаетъ намъ заповѣдь Хрістову, — тотъ всегда сердцемъ чувствуетъ прикосновеніе ободряющей и подкрѣпляющей его благодати Божіей, силою коей мы и добро-то всякое совершаемъ. А люди, простые сердцемъ, неспособные возгордиться, въ дѣтской простотѣ и добро то творящіе, иногда утѣшаемы бываютъ и особеннымъ образомъ отъ Господа, по реченному у святыхъ отцевъ: какъ нѣжная мать утѣшаетъ малыхъ дѣтей, такъ благодать Божія утѣшаетъ тѣхъ, кто въ простотѣ сердца угождаетъ Господу и исполняетъ заповѣди Его.

Раскрылъ я свой семинарскій журналъ за 1869 годъ и прочиталъ тамъ давно уже забытый, но, къ счастью, тогда же записанный въ этомъ моемъ юношескомъ „еженедѣльномъ изданіи“—рукописи разсказъ крестьянина Московской губерніи села Никоновскаго деревни Софьина П. И. (къ сожалѣнію имя означено только иниціалами, а припомнить не могу уже: 45 лѣтъ съ той поры прошло) слѣдующаго утѣшительнаго и вмѣстѣ поучительнаго содержанія:

„Назадъ тому лѣтъ восемь это было, говорилъ онъ,—слѣдовательно, еще въ крѣпостныя времена;—у нашего управляющаго было человѣкъ восемь дѣтей. Родители любили дѣтокъ со всею нѣжностью, только ни мать, ни отецъ почему-то не жаловали самую маленькую дочку Машу, лѣтъ двухъ. Малютка не умѣла еще ни ходить, ни говорить; мать нерѣдко била ее и называла уродомъ, потому что у Маши язычокъ приросъ къ полости рта. Жаль намъ съ женою было невиннаго ребенка; своихъ дѣтей у насъ не было, да и сосѣди совѣтовали намъ взять Машу къ себѣ въ дочки. Пошелъ я тогда къ батюшкѣ священнику спросить: что онъ скажетъ насчетъ этого.

Дѣло то, вѣдь, важное: лучше сдѣлать его какъ слѣдуетъ, съ Божія благословенія.

Батюшка и говоритъ мнѣ: „обдумалъ ли ты, П. И чъ, что хочешь дѣлать? Вѣдь, говорятъ—она уродецъ. Смотри, чтобы послѣ не раскаиваться“.

Я сказалъ батюшкѣ, что жена моя согласна, дѣтей у насъ нѣтъ. Богъ дастъ—и Маша не будетъ намъ въ тягость.

— „Если такъ, сказалъ батюшка, то—съ Богомъ! Благословляю тебя на доброе дѣло“.

Тогда я пошелъ къ управляющему, говорю ему: отдай намъ Машу въ дочки. А онъ отвѣчаетъ: „по мнѣ, пожалуй, возьми: она-уродецъ, и не по сердцу мнѣ. И безъ нея дѣтей у меня много. Поди, проси у матери". А та и очень рада: „я сама не знаю, говоритъ, почему не люблю Машу; возьми ее: Богъ съ ней"!.

Я сказалъ, что прошу дитя не на время, а навсегда, въ дочки. А мать говоритъ: „возьми, возьми, пожалуйста: я боюсь за себя, чего бы ей не сдѣлала худого".

Въ тотъ же день взяли мы Машу къ себѣ.

Крѣпко заснулъ я въ ту ночь. И вотъ, вижу во снѣ, будто лежу я навзничь; вдругъ просіялъ въ комнатѣ необыкновенный свѣтъ и летитъ съ неба прекрасный крылатый юноша, точно такой, какими пишутъ на иконахъ Ангеловъ Божіихъ; а въ рукахъ у него—дитя, которое онъ и подалъ мнѣ. Я взялъ малютку и—проснулся. А на душѣ стало такъ хорошо, что я отъ умиленія заплакалъ...

На другой день позвали мы священника и отслужили молебенъ Спасителю.

Во время этого разсказа П. И—чъ такъ былъ умиленъ, что въ его глазахъ блистали слезы; и насъ онъ тронулъ тоже до слезъ.

— Что же было потомъ? спросили мы П. И—ча.

— Потомъ мы свезли Машу въ Москву, тамъ подрѣзали ей язычекъ, а мѣсяца чрезъ два она уже стала говорить, сказалъ онъ.

— А что же мать ея? Ужели ей не жаль было свое дитя отдать въ чужую семью? спросили мы.

— Когда она узнала, что Маша стала говорить, то пригласила насъ къ себѣ на чай. Въ одно воскресенье, послѣ обѣдни, зашли мы съ Машей къ ея родителямъ. Она сидѣла на стулѣ какъ вкопанная и молчала. Мать обратилась къ намъ съ вопросомъ: какъ же я слышала, что Маша стала говорить?..

— „Она, вѣроятно, боится васъ", сказали мы.

Мать вышла въ другую комнату. Маша вдругъ оживилась.

— „Папаша, сказала она, обращаясь къ отцу: посмотри, какой хорошенькій мальчикъ!"

Она указала на своего братишку, соскочила со стула и бросилась къ мальчику. Но тутъ вошла мать, и Маша со страхомъ поспѣшила на свое мѣсто и—опять ни слова.

— „Если ужъ такъ Богу угодно, грустно сказала мать, то Богъ съ нею. Пусть она будетъ вашею дочерью!"

Теперь Машѣ девять лѣтъ, заключилъ свой разсказъ П. И—чъ: она живетъ съ нами; мы ее любимъ какъ родную дочь, а она насъ—какъ кровныхъ родителей".

Такъ утѣшаетъ Господь добродѣющихъ еще въ сей жизни: сколь же велико будетъ утѣшеніе имъ тамъ, въ дому Отца небеснаго, въ вѣчно блаженной жизни!

Такъ Промыслъ Божій однихъ выводитъ изъ тяжелаго, невыносимаго для нихъ положенія, а другимъ подаетъ поводъ къ исполненію спасительной заповѣди о любви къ ближнему, а вмѣстѣ и къ тому, чтобы еще на землѣ отвѣдать сладости райскихъ утѣшеній за добродѣланіе.

Разскажу здѣсь же то, что слышалъ не такъ давно отъ одной почтенной старицы игумени. Поученіе разсказа въ томъ, что Господь являетъ Свое дивное о насъ промышленіе не только Самъ, непосредственно, но и чрезъ святыхъ угодниковъ Своихъ, пекущихся о нашемъ духовномъ преуспѣяніи и

дивно руководящихъ чистыми душами.

Часто ходила въ ихъ обитель на богомолье одна незнакомая дѣвушка. Удивительно было то, что она почти ежедневно была у заутрени. Но случилось, что она на нѣкоторое время перестала ходить. А затѣмъ матушка игуменія снова увидѣла эту богомолицу въ храмѣ. И снова дѣвушка участила свое утреннее богомоленіе въ обители. Игуменія пожелала узнать: кто она?

Однажды послѣ службы, при выходѣ изъ храма, она остановила дѣвушку и говоритъ ей:

— Васъ что-то долго не видно было у насъ въ церкви, здоровы ли вы были?

— Слава Богу: я не болѣла, отвѣтила та, но меня не пускала матушка моя, все боялась за меня, какъ бы кто меня не обидѣлъ въ ранній часъ на пустыхъ улицахъ города.

— А теперь пускаетъ?

— Святой великомученикъ Георгій приказалъ,—и пускаетъ.

— Если можно, скажите, пожалуйста, что это значитъ?

— А то, что угодникъ Божій будилъ меня къ утрени, а когда мать мнѣ запретила ходить въ церковь въ столь раннее время, то онъ явился ей и пригрозилъ мечомъ: „если не будешь отпускать ее въ церковь, то отсѣку тебѣ голову“.

Мать сказала ему: „святый великомучениче Георгіе! я не хочу препятствовать ей въ добромъ дѣлѣ, только ночью-то ее обидѣть могутъ“.

— Я ей защитникъ и покровитель! отвѣчалъ великомученикъ.

И мать снова стала меня отпускать спокойно къ утрени“.

Невольно вспоминается житіе преподобнаго Ѳеодора Сикеота: и его такъ же въ отрочествѣ будилъ святый великомученикъ на молитву въ свой храмъ, и его мать не пускала, и его матери такъ же являлся и такъ же пригрозилъ мечомъ св. великомученикъ Георгій.

Достойно замѣчанія, что и въ томъ храмѣ, куда ходила дѣвушка, находится древнее рѣзное изображеніе великомученика Георгія, попирающаго змія.

Слово Божіе говоритъ: „Іисусъ Хрістосъ вчера и днесь, Той же и во вѣки“. Святые Божіи „въ Бозѣ почиваютъ“, во Хрістѣ и со Хрістомъ пребываютъ, а во Хрістѣ и они—„вчера и днесь и во вѣки“. Они не умирали для Церкви, пребываютъ въ Церкви, яко живые ея члены, внимаютъ молитвамъ вѣрующихъ и по вѣрѣ вѣрующихъ творятъ по прежнему чудеса, какъ то было во дни оны древніе, когда вѣра вѣрующихъ была живѣе и проявлялась въ дѣлахъ вѣры. Церковь сама въ себѣ пребываетъ тою же носительницею Божіей благодати, какою была отъ своего основанія. Люди мѣняются, вѣра въ ихъ сердцахъ слабѣетъ, а благодать пребываетъ одна и та же. А въ чьемъ сердцѣ вѣра крѣпка и проста, какъ у младенца, для того и нынѣ возможны чудеса, подобныя тѣмъ, о какихъ повѣствуютъ житія святыхъ.

Жаль, что православные, особенно пастыри Церкви, имѣя вѣрныя сообщенія отъ своихъ духовныхъ чадъ о такихъ знаменіяхъ и чудесахъ нашего времени, прославляя Бога за нихъ, не всегда предаютъ ихъ письмени: если нельзя иногда оглашать ихъ теперь же, то, несомнѣнно, впослѣдствіи повѣствованія о нихъ были бы весьма назидательны для будущихъ поколѣній...

213.

Голосъ Божій въ нашей совѣсти у Гроба Хрістова.

Поученіе надъ плащаницею.

Сія глаголетъ Господь іудеомъ: людіе Мои, что сотворихъ вамъ? Или чимъ вамъ стужихъ? Слѣпцы ваши просвѣтихъ, прокаженныя очистихъ, мужа, суща на одрѣ, возставихъ... Людіе Мои, что сотворихъ вамъ? И что Ми воздасте?

Глубоко трогательно это печальное церковное пѣснопѣніе, трогательно и поучительно, возлюбленныя чада Церкви Хрістовой, нынѣ умомъ и сердцемъ предстоящіе кресту и гробу Господа Іисуса! Безмолвствовалъ устами, ни слова не говорилъ Своимъ мучителямъ страждущій Господь нашъ, претерпѣвая оплеванія, заушенія, біенія, всякія поношенія, умирая позорною смертью на крестѣ; но святая Церковь, яко таинница дѣлъ Божіихъ (Прем. Сол. 8, 4), отъ лица Господа, словами пророка Михея (6, 3) обличаетъ ихъ заснувшую совѣсть, въ которой долженъ бы звучать голосъ Божій: *людіе Мои*, народъ Мой избранный! *Что сотворихъ вамъ?* Чѣмъ Я отягощалъ васъ? Ужели тѣмъ, что слѣпцамъ вашимъ подавалъ зрѣніе, прокаженныхъ исцѣлялъ, разслабленныхъ съ постели поднималъ? Кто изъ васъ обличитъ Меня въ неправдѣ? (Іоан. 8, 46). Кто найдетъ какое-либо зло, Мною вамъ причиненное? Напротивъ: Я дѣлалъ вамъ одно только добро и добро, и чѣмъ же вы платите Мнѣ за это добро? За манну, какою питалъ Я васъ нѣкогда въ пустыни, за эту пищу ангельскую, вы подаете Мнѣ желчь; за сладкую воду, чудесно источенную для васъ въ той же пустыни,—оцетъ; вмѣсто того, чтобы платить Мнѣ любовью, вы пригвоздили Меня къ ужасному кресту!.. Но настанетъ для васъ грозный часъ: не можетъ оставаться безнаказанною нераскаянность ваша, и истощится Мое долготерпѣніе, и отвращу лице Мое отъ васъ, и призову другіе народы, и уже не вы, а они прославятъ Меня со Отцемъ и Духомъ Святымъ....

И сбылось, братіе мои, сбылось все это на несчастномъ народѣ еврейскомъ во всей точности! Гдѣ нынѣ государство ихъ, гдѣ чистая вѣра богооткровенная, гдѣ самый языкъ ихъ? Разсѣяны они между всѣми народами земли; подмѣнили они свою вѣру талмудическими измышленіями; говорятъ на языкѣ совершенно чужомъ и притомъ искаженномъ донельзя; стали они поношеніемъ у всѣхъ народовъ, самое имя ихъ, историческое имя, стало браннымъ словомъ, которымъ сами они гнушаются и, когда ихъ называютъ симъ именемъ—обижаются... Какое ужасное отверженіе! какой позоръ! Сбылось слово, ими же самими на себя, въ минуту опьяненія злобою противу Господа, произнесенное: *кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ*!...

А на ихъ мѣсто призваны и призываются доселѣ всѣ презираемые ими язычники, всѣ мы, когда-то бывшіе язычниками; и мы имѣемъ несказанное счастіе не только носить на себѣ имя Хрістово, но и быть членами Церкви Хрістовой, чадами ея,—дерзну сказать слово Апостола Хрістова: Самъ Хрістосъ

называетъ насъ *братіями Своими*... Это ли—не счастье? Своею кровію Онъ омылъ грѣхи наши, Своимъ тѣломъ и кровію Онъ питаетъ насъ; Онъ зоветъ и ведетъ насъ, если только мы не противимся Его водительству, въ Свое царство небесное, намъ уготованное отъ сложенія міра...

Но... возлюбленныя чада Церкви, чада Хрістовы по благодати крещенія! Когда мы внимаемъ печальному и вмѣстѣ грозному для евреевъ церковному пѣснопѣнію, то не слышится ли въ нашей совѣсти тревожный вопросъ: не повинны ли и мы въ томъ забвеніи Божіихъ благодѣяній, за какія упрекаетъ Господь евреевъ? Вѣдь, и къ намъ могутъ относиться Его словеса: *людіе Мои*; вѣдь, и мы, православные, избраны изъ народовъ земныхъ и призваны въ благодатное царство Хрістово, и мы не можемъ исчислить величества благодѣяній Божіихъ къ намъ, грѣшнымъ... Правда, всѣ народы, именующіе себя хрістіанами, воспользовались великими благодѣяніями Хрістова ученія: стоитъ только сравнить то, чѣмъ былъ міръ до Христа и чѣмъ онъ сталъ послѣ Христа, сколько свѣта и тепла внесло ученіе Хрістово какъ въ семейную, такъ и въ общественную и государственную жизнь хрістіанскихъ народовъ, какъ смягчились нравы, процвѣли всѣ науки и искусства,—словомъ: измѣнилось все лицо земли, стоитъ все это вспомнить, чтобы невольно вопросить того, кто нынѣ поноситъ ученіе Хрістово, кто считаетъ это ученіе отжившимъ, якобы устарѣвшимъ: за что, за что ты, мнящій себя быть представителемъ науки, гонишь Христа? Что Онъ тебѣ сдѣлалъ? Онъ умъ твой просвѣтилъ свѣтомъ истиннаго богопознанія; Онъ открылъ тебѣ чрезъ то свѣтлый путь къ такъ называемому тобою же „прогрессу“, если только ты не злоупотребляешь симъ словомъ; Онъ Своимъ Евангеліемъ положилъ закваску того добра, которымъ ты, исказивъ его, впрочемъ, хвалишься; Онъ и нынѣ всѣхъ зоветъ къ миру, къ братской любви, къ единой истинной духовной свободѣ и истинному равенству предъ Богомъ... Или, забывъ Христа-Благодѣтеля, ты все это приписалъ уже себѣ, и гордость уже такъ ослѣпила твои духовныя очи, что свѣтъ смиренія Хрістова, свѣтъ Его истины сталъ несносенъ для этихъ болѣющихъ очей? И вмѣсто благодарности ко Христу за Его благодѣянія ты бѣжишь отъ Него, ты даже преслѣдуешь Его, ты клевещешь на Него, издѣваешься надъ Нимъ?... За все добро, отъ Него полученное, ты платишь ненавистью къ святой Церкви Его, къ вѣрнымъ Его послѣдователямъ?..

Но что я говорю о народахъ, уклонившихся отъ чистоты ученія Хрістова, о народахъ инославныхъ? Что говорю о мнимыхъ представителяхъ науки, въ своей совѣсти лукавнующихъ? Обратимъ лучше свой взоръ на самихъ себя, на то, что творится у насъ, на Руси, среди насъ, именующихъ себя православными.... *Людіе Мои*, православные русскіе люди!—какъ бы такъ говоритъ въ нашей совѣсти гласъ Сына Божія, насъ ради распятаго и—увы!—вторе грѣхами нашими распинаемаго,—люди Мои, *что сотворихъ вамъ*? Не избралъ ли Я васъ, народъ Русскій, быть для всего міра хранителями во всей чистотѣ ученія Моего, не ввѣрилъ ли Я вамъ сокровище Мое безцѣнное — вѣру православную — паче всѣхъ народовъ земныхъ? Не явилъ ли Я въ теченіе тысячи лѣтъ исторіи вашей многаго множества несказанныхъ чудесъ и милостей Моихъ и Пречи-

стой Матери Моей, вашей усердной Заступницы? Оглянитесь на минувшія судьбы вашего отечества: не напоминаетъ ли его исторія времена библейскія, судьбы народа, нѣкогда избраннаго, народа еврейскаго? Всѣ важнѣйшія судьбы его сплетены съ судьбами Церкви Моей: какъ бы вамъ не понять, что и все благо его заключается въ ревностной охранѣ сего ковчега Божія? Но бережете ли вы его? Смотрите, какъ расхищаютъ его тати и разбойники—разные сектанты и безбожники: скажите, положа руку на сердце, много ли вы дѣлаете для сохраненія сей завѣтной святыни въ сердцахъ малыхъ сихъ—въ простотѣ вѣрующихъ? Вы, пастыри Церкви: стоите ли вы бодро на стражѣ въ виду волковъ хищныхъ, со всѣхъ сторонъ покушающихся на стадо, вамъ ввѣренное? Вы, правители и законосоставители: ужели вы не видите, какъ и въ вашу среду проникаютъ тѣ же враги Церкви Божіей и, прикрываясь красивыми словами, выкидывая даже знамя, якобы, свободы, стремятся дать свободу волкамъ, чтобы вторгаться въ ограду Церкви и расхищать кроткихъ овецъ—простыхъ душою чадъ Божіихъ? Что худого сдѣлала вамъ Церковь православная, за что вы, многіе изъ васъ, относитесь къ ней столь презрительно, какъ носительницѣ какого-то мрака, а не свѣта, просвѣщающаго всякаго человѣка? Если отдѣльныя личности въ средѣ пастырей немощны, если они не всѣ отвѣчаютъ своему великому назначенію, то зачѣмъ же винить всю Церковь, зачѣмъ пускать волковъ въ ея ограду?... Вы, отцы, матери, вы, старшіе братья и сестры, вы, всѣ міряне, именующіе себя православными: ужели не видите страшныхъ опасностей, въ наши дни грозящихъ и вѣрѣ, и душамъ вашихъ дѣтей отъ всей этой тучи грязныхъ уличныхъ листковъ, отъ всѣхъ этихъ газетъ и журналовъ, театровъ и кинематографовъ, книжекъ и книженокъ, развращающихъ массы юношества и простыхъ людей? Людіе Божіи,—если только можно еще назвать васъ такимъ именемъ, чѣмъ вы платите Церкви Божіей, на протяженіи почти тысячи лѣтъ воспитывавшей народъ Русскій въ духѣ Хрістова ученія, взростившей его въ стомилліонную семью, во главѣ съ Помазанникомъ Божіимъ, отцемъ его, чѣмъ платите ей за все то добро, коему ни числа, ни мѣры нѣтъ?

Увы! На этотъ вопросъ отвѣчаетъ сама жизнь: прислушайтесь, присмотритесь, какіе проходятъ законы въ нашихъ законосоставительныхъ учрежденіяхъ, что говоритъ печать о Церкви, какъ относятся писатели и публицисты ко всему, что дорого и свято для нашей души... Что позволяютъ себѣ писать даже мнимые православные люди! Ложь и клевета на служителей Церкви, на духовенство; защита и возвеличеніе еретиковъ и сектантовъ; непростительное для образованныхъ людей невѣжество въ догматахъ вѣры; легкомысленные толки о церковной жизни безъ знанія руководящихъ ею каноновъ церковныхъ, какая-то безсознательная вражда ко всему, что носитъ печать церковности и, особенно, православія... За что, за что??.. Не вѣдятъ, что творятъ и что говорятъ!

Не говорю о грѣхахъ воли, грѣхахъ обычныхъ, но все же смертныхъ, подъ тяжестью коихъ сотрясается земля, море вздымаетъ волны свои, ураганы и другія грозныя явленія въ природѣ заставляютъ содрогаться отъ страха жителей земли... И содрогаются, но не каются! И это чаще всего—хрістіане!

Боже праведный! Какъ страшенъ судъ Твой, грядущій на міръ преступный, на нечестивцевъ нераскаянныхъ!.. Братія мои! Слышите ли угрозу суда сего, можетъ быть, какъ послѣднее предостереженіе намъ, угрозу, изреченную нѣкогда все тѣмъ же евреямъ, но готовую разразиться и надъ нами, какъ громъ небесный: *се—оставляется домъ вашъ пустъ. Отымется отъ васъ царствіе Божіе и дастся народу, творящему плоды его!..* Всмотритесь въ изображеніе Господа, во гробѣ почивающаго, приникните и очами, и сердцемъ къ этимъ язвамъ гвоздиннымъ на Его пречистыхъ рукахъ и ногахъ, къ этой зіяющей язвѣ въ пречистомъ ребрѣ Его: кто нанесъ ихъ? Кто виновникъ Его безмѣрныхъ, несказанныхъ страданій? Вѣдь, это—мы, грѣшники, это—мы измучили, изранили, мы на крестъ вознесли Его! *Той язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша: язвою Его мы исцѣлѣхомъ!* Вѣдь, каждый новый грѣхъ, каждое злое слово, грѣшная мысль—все это—новыя и новыя раны Господу, все это—второе распинаніе Христа! Не я это говорю, а святый Апостолъ Павелъ. Припадемъ же нынѣ, въ сей спасительный день всемірнаго искупленія, къ священной плащаницѣ сей и восплачемся о грѣхахъ нашихъ, какъ плачутся дѣти, когда просятъ прощенія у матери! Облобызаемъ язвы сіи и дадимъ въ сердцѣ своемъ обѣтъ: больше не причинять ихъ Господу, а если бы и случилось сдѣлать что-либо неблагоугодное предъ Нимъ, по немощамъ нашимъ, то скорѣе—опять и опять къ Нему, со слезами умиленнаго покаянія и Онъ, просившій у Отца Своего небеснаго отпущенія распинателямъ Своимъ, Онъ, за сіи ничтожныя наши слезы, омоетъ грѣхи наши кровію Своею и речетъ намъ: *отпущаются вамъ грѣси ваши.* Аминь.

214.

Благодатная радость свѣтлаго праздника Воскресенія Христова.

Христосъ воскресе!

Радуйтеся! Се Азъ съ вами есмь, глаголетъ воскресшій Господь.

Да, Онъ воскресъ, воистину воскресъ! Воскресъ, и ктому не умираетъ и смерть уже не имѣетъ никакой власти надъ Его пречистымъ тѣломъ, хотя и прежде не имѣла сей власти: Онъ Самъ предалъ Себя во власть смерти, чтобы Своею смертью попрать, истребить смерть для всѣхъ, кто вѣруетъ въ Него... Онъ воскресъ! Слава Ему, смерти Умертвителю и рода человѣческаго Воскресителю!

И въ свѣтлый день Его воскресенія, послѣ того, какъ мы, чада Церкви, въ умилительныхъ обрядахъ нашего богослуженія и въ высшей степени поэтическихъ пѣснопѣніяхъ, сердцемъ и мыслію пережили всѣ, сообщаемыя Евангелистами подробности Его страданій, смерти, погребенія, это сердце, эта мысль стремятся нынѣ навстрѣчу Воскресшему Господу и, не дерзая, скажу больше: не имѣя потребности

вопрошать Его: гдѣ Ты, Господи?— уже слышатъ, ощущаютъ Его отвѣтъ: *се Азъ съ вами есмь!* Съ вами есмь, не только сегодня, въ день Моего воскресенія, но и *во вся дни—до скончанія вѣка!* Съ вами есмь и пребуду: только вы пребывайте со Мною, только вы не отгоняйте Меня отъ себя своимъ грѣхолюбіемъ, своимъ упорнымъ противленіемъ велѣніямъ Церкви Моей—вашей матери, забвеніемъ Моихъ заповѣдей... *О божественнаго, о любезнаго, о сладчайшаго Твоего гласа! Съ нами бо неложно обѣщался еси быти до скончанія вѣка, Хрісте!*

Да, возлюбленные: Господь съ нами, но мы-то съ Нимъ-ли?..

Переживая свѣтлую радость праздника Воскресенія Хрістова, вспомнимъ радость учениковъ Хрістовыхъ въ сей нареченный и святый день, когда Господь являлся имъ дверемъ затвореннымъ. Вѣдь, и нынѣ Онъ стоитъ среди насъ незримо для очей нашихъ тѣлесныхъ; стоитъ среди насъ и смотритъ на насъ, смотритъ въ нашу душу, въ наше сердце; видитъ, чѣмъ занятъ нашъ умъ, чѣмъ полно это сердце; прозираетъ всѣ тайны сердечныя... Радуется и благословляетъ того, кто отдаетъ Ему и умъ, и сердце, и волю свою... Не хочу думать, чтобы въ сей день радости о Господѣ былъ кто-либо здѣсь, не радующійся о Господѣ! Но при свѣтѣ небесной радости виднѣе бываютъ наши немощи, наши недостатки. *Нѣсть радоватися нечестивому*—вотъ законъ радости о Господѣ! Грѣшная совѣсть дѣлаетъ сердце неспособнымъ къ радости. И если въ чувствѣ сердца есть слѣды упрековъ совѣсти, если сердце недостаточно воспринимаетъ радость о Господѣ, то—вотъ Онъ, воскресшій Господь твой, Спаситель твой, невидимо стоитъ предъ тобою, весь—радость, весь—любовь! Покажи Ему твои немощи, пожалуйся на свое собственное сердце, прикоснися вѣрою къ Его пречистымъ язвамъ, облобызай любовію Его пречистое, ради тебя прободенное ребро и—возрадуйся радостію, если не награждаемаго праведника, то милуемаго грѣшника! Не можетъ быть, чтобы и всегда милосердый, всегда готовый принять кающагося, въ сей наипаче день спасительный не принялъ вздоха твоего грѣшнаго сердца и не согрѣлъ твое сердце Своею благодатію. Вѣрь и надѣйся, что Онъ тотчасъ же, ради Своего воскресенія, воскреситъ и твою душу, заронитъ въ нее искру благодати спасающей, а ты постарайся, елико можешь, разжечь сію искру въ пламень любви, горящей исполненіемъ заповѣдей Его. И тогда *возрадуется сердце* твое радостію великою, и, какъ Самъ Онъ сказалъ: *радости сея никто не возметъ* отъ тебя. Сегодня небеса достойно веселятся, сегодня земля радуется, сегодня празднуетъ весь міръ видимый и невидимый: можетъ ли быть, чтобы твое сердце, если только оно вѣруетъ въ Господа, было лишено радости? Слышишь, что глашаетъ Златоустый учитель: *внидите вси въ радость Господа своего! Первіи и послѣдніи, мзду пріимите! Богатіи и убозіи, другъ со другомъ ликуйте! Воздержницы и лѣнивіи, день почтите! Постившіися и непостившіися, возвеселитеся днесь! Трапеза исполнена: вси насладитеся пира вѣры! Никтоже да плачетъ прегрѣшеній: прощеніе бо отъ гроба возсія!*

Одно есть условіе духовной радости, условіе чистой, несомнѣнной, благодатной радости о Господѣ: быть вѣрнымъ сыномъ Церкви Хрістовой. Только вѣрный сынъ Церкви—во Хрістѣ и со Хрістомъ, и способенъ

радоваться святою радостью о Христѣ. А кто бѣжитъ отъ Церкви, тотъ бѣжитъ отъ Христа. Кто Церкви не слушаетъ, тотъ преслушникъ Христа. А безъ Христа нѣтъ и истинной радости о Немъ. А поелику здѣсь, въ святомъ храмѣ, я, конечно, вижу только сыновъ Церкви, вижу ихъ сонмъ многъ, радующихся и ликующихъ о воскресшемъ Господѣ нашемъ, то преисполняется и мое сердце радостію сугубою: радостію о воскресшемъ нашемъ Спасителѣ, и радостію о чадахъ Церкви, о ихъ радости; сугубо радуюсь и отъ всего сердца привѣтствую васъ, братія мои о Христѣ, съ свѣтлою радостію сегодня: радуйтесь о Господѣ, и паки реку: всегда радуйтесь, не разлучаясь съ Источникомъ вашей радости — Господомъ Іисусомъ, не удаляясь отъ Него... Христосъ воскресе! Христосъ съ нами есть, и будетъ, и да пребудетъ въ Церкви Своей до скончанія вѣка. Аминь.

215.

Не соблазняйте въ простотѣ вѣрующихъ.

Съ удивленіемъ прочиталъ я небольшую статейку въ духовномъ журналѣ „Отдыхъ христіанина“ почтеннаго о. протоіерея Ст. О—ва, подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о гражданскомъ бракѣ“. Хотѣлось бы думать, что о. протоіерей недостаточно точно обдумалъ слова, имъ употребляемыя, а, между тѣмъ, въ наше время не рѣдко изъ-за словъ-то и выходятъ искушенія, ибо враги Церкви придираются къ нашимъ словамъ и злоупотребляютъ ими. Есть слова, которыя слѣдуетъ употреблять крайне осторожно, чтобы людей простыхъ, православно-вѣрующихъ, не ввести въ соблазнъ такою неосторожностью. Таково слово „бракъ“. Искони, отъ библейскихъ временъ, мы, вѣрующіе, привыкли придавать ему священное значеніе союза мужа и жены для благословеннаго рожденія чадъ и для воспитанія ихъ въ духѣ ученія истинной вѣры, союза, столь тѣснаго, что мужъ и жена восполняютъ другъ друга, а въ христіанской Церкви и изображаютъ союзъ Христа съ Церковью. Посему Церковь, слѣдуя указанію Апостола Павла, актъ заключенія сего союза освящаетъ благодатію и именуетъ таинствомъ. *Тайна сія велика есть.* Такъ всегда православный русскій человѣкъ и разумѣетъ это слово, и состояніе брачное, благословенное Церковію, одно только и есть, по его понятію, истинный бракъ. И никакое иное „сожитіе“ мужчины и женщины, въ сущности, не можетъ, въ обществѣ православныхъ людей, именоваться истиннымъ „бракомъ“. Есть, правда, бракъ и у язычниковъ, магометанъ, іудеевъ, но когда приходится говорить о такомъ бракѣ, то всегда подразумѣвается, что тутъ идетъ рѣчь не о благодатномъ бракѣ, а только о естественномъ сожительствѣ людей, внѣ Церкви сущихъ, каковое для чадъ Церкви не благословенно, грѣховно, хотя бы и было закрѣплено человѣческимъ закономъ. Итакъ, когда говоримъ мы о бракѣ православныхъ, то всегда разумѣемъ союзъ, освященный Церковію такъ или иначе. Говорю: такъ или иначе, ибо бракъ, совершенный въ язычествѣ, напримѣръ, остается въ силѣ, по принятіи супругами христіанства, какъ закрѣпленный благодатію кре-

щенія. Читайте у Апостола Павла въ первомъ посланіи къ Коринеянамъ. Такимъ образомъ, хотя терминъ „бракъ“ свойственъ понятіямъ и не-хрістіанъ, однако же въ наше православное понятіе о бракѣ входитъ уже существеннымъ, неотъемлемымъ элементомъ божественное начало — благословеніе Божіе; все остальное: политическое, гражданское, хозяйственное, юридическое— привходитъ уже совнѣ, и постольку пріемлется нашею православною совѣстію, поскольку касается именно церковнаго брака. Итакъ, повторяю: если законъ говоритъ объ отношеніяхъ мужа и жены православныхъ, то мы разумѣемъ тутъ благодатный бракъ истинный, безусловно—бракъ; если—объ язычникахъ, іудеяхъ и сектантахъ, то разумѣемъ только называемый бракомъ союзъ двухъ лицъ, а не облагодатствованный Церковію бракъ въ собственномъ смыслѣ. Если православный рѣшается вступить въ бракъ съ раскольницей или сектанткой, не признающей брака нашего (къ сожалѣнію, по снисхожденію къ немощамъ человѣческимъ, это у насъ допускается, хотя надо правду сказать: ужъ какое же будетъ единеніе мужа и жены въ духовномъ отношеніи? какое вліяніе на дѣло воспитанія дѣтей?), то для православнаго нуженъ церковный бракъ, ибо предполагается, что онъ вѣруетъ въ силу таинства. Мы, сыны Церкви, не можемъ иначе мыслить о всякомъ, не освященномъ Церковію сожительствѣ православныхъ христіанъ, какъ о блудномъ сожительствѣ, и если бы мы дожили до того, что введенъ былъ бы у насъ такъ называемый „гражданскій бракъ“, то это былъ бы великій соблазнъ для насъ, было бы великое оскорбленіе Церкви, ибо самое слово „бракъ“ у насъ не иначе понимается для православныхъ, какъ таинство, а брачное законное сожитіе—какъ освященное таинствомъ сожитіе. Сказать: „гражданскій бракъ“ въ отношеніи къ православнымъ значитъ произнести кощунство. Формально узаконить такой союзъ подъ именемъ брака значило бы глубоко оскорбить религіозное чувство православно вѣрующаго, значитъ—узаконить беззаконіе, нарушить Божій законъ. Такъ и не иначе понялъ бы нашъ православный народъ введеніе „гражданскаго брака“. Вѣдь, по словамъ почтеннаго о. протоіерея, выходитъ: невѣръ „пріемлетъ бракъ церковный съ усмѣшечкой невѣрія“; раскольникъ - безпоповецъ не признаетъ священства и под. Такъ что же? Для такихъ господъ, что-ли, надо узаконять беззаконіе, оскорблять Церковь и совѣсть вѣрующихъ признаніемъ „законнымъ“ какого-то „гражданскаго“, въ сущности языческаго „брака?“ Само собою понятно, что если они „съ усмѣшечкой“ соглашаются итти подъ вѣнецъ, то и не допускайте ихъ до таинства: Церковь не можетъ нарушать заповѣди Спасителя—„не бросать бисеръ предъ свиньями“; но если это—„свиньи“, то пусть и живутъ „по-свиному“, пусть будутъ отлучены отъ Божественнаго причащенія, дондеже оставятъ блудъ; пусть вѣдается съ ними полиція въ отношеніи ихъ семейныхъ дѣлъ, но отнюдь не называйте ихъ блудное сожитіе „бракомъ“, хотя бы и „гражданскимъ“: пока государство въ союзѣ съ Церковію, оно не можетъ, не смѣетъ, безъ оскорбленія Церкви, похищать у нея уже освященное ею слово и дѣлать изъ него идоложертвенное злоупотребленіе! Не имѣетъ права блудное сожитіе именовать бракомъ! „Человѣческая правда“, о которой говоритъ о. О—въ, не имѣетъ права вторгаться въ область церковныхъ понятій, разрушать православное

міросозерцаніе вѣрующихъ русскихъ людей, волочить по грязи священныя для православнаго человѣка слова! Церковь должна и, конечно, стала бы протестовать противъ усвоенія блуднымъ сожитіямъ имени какого-бы то ни было „брака“!

Господи! До чего мы дожили?! Въ духовномъ изданіи, духовное лицо, почтенный старецъ, пастырь Церкви, спокойно говоритъ о томъ, что „разновѣрнымъ удобнѣе сходиться по чину гражданскаго брака, а потомъ уже подумать о своемъ религіозномъ объединеніи!“ Вѣдь, это значитъ: сначала оскверни себя блудомъ съ сектанткой, а потомъ уже позаботься объ ея обращеніи въ православную вѣру! Но не проще ли, если ты искренно дорожишь своею вѣрою православною, то и оставь вредную для души твоей, гибельную, можетъ быть, для будущихъ дѣтей твоихъ мысль жениться на отступницѣ отъ вѣры православной, на раскольницѣ или сектанткѣ? Или эта чуждая Церкви особа для тебя дороже Церкви, дороже спасенія? И ты готовъ итти съ нею на блудъ, промѣнять на нее завѣты родной Церкви? Да когда же наконецъ мы одумаемся, перестанемъ играть своею вѣрою? Когда оглянемся на себя и спросимъ себя: да кто же мы? православные или сыны противленія? Увы, мы идемъ дальше: мы находимъ возможнымъ заговаривать о какомъ-то „гражданскомъ“, то есть, языческомъ бракѣ *для православныхъ*. Объ отлученіи такихъ православныхъ отъ общенія святѣйшаго таинства причащенія, о коемъ Господь сказалъ, что лишающій себя сего таинства лишаетъ себя вѣчной жизни,—ибо съ узаконеніемъ формальнаго „гражданскаго брака“, сирѣчь блуднаго сожитія, Церковь вынуждена будетъ всѣхъ вступившихъ въ него отлучать отъ Божественнаго причащенія! И кто же говоритъ? Это-то вотъ и больно читать: не міранинъ, не Мережковскій какой-нибудь, а... пастырь Церкви!..

Правда, сей пастырь говоритъ, что „идеалъ единобрачія глубоко внѣдренъ въ сознаніе человѣчества, онъ отразился въ древней и новой поэзіи, въ миѳахъ; онъ слышится донынѣ въ бесѣдахъ и обѣтахъ влюбленныхъ (Охъ, ужъ эти „бесѣды и обѣты влюбленныхъ“! Кто имъ цѣны не знаетъ? Лучше бы о нихъ не упоминать!). Если жизнь грязна, низка, то ради ея Церковь не отречется отъ своего принципа, на которомъ зиждется семья и бракъ „въ Господѣ“. Авторъ напоминаетъ великій Божественный законъ, изреченный устами Господа: *еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ*. Напоминаетъ и ученіе Апостола Павла о нерасторжимости брака, пока тотъ или другой супругъ живъ. Справедливо отмѣчаетъ ослабленіе сего основнаго закона въ практикѣ нашей Церкви чрезъ разрѣшеніе разводовъ и особенно разрѣшеніе виновной сторонѣ вновь вступать въ бракъ. Это—уступка духу времени, принесшая немало вреда самой Церкви, уступка, съ которою не мирится и теперь совѣсть многихъ архіереевъ. Но... что же пишетъ о. О—въ затѣмъ? „Есть, говоритъ онъ, низшаго качества браки, браки гражданскіе“. То есть? „Браки„ нехристіанскіе, браки безъ благословенія Церкви? И это—для православныхъ? Какое-то гражданское таинство? Простой человѣкъ, вѣдь, такъ и пойметъ: если законъ-де позволяетъ, значитъ „не грѣшно“, разъ—„бракъ“, то дѣло законное, а стало быть и безгрѣшное... Въ понятія простыхъ людей вносится невшество, вносится грѣшное понятіе о законности блуднаго сожитія... Въ то время, какъ Церковь должна

всячески выяснять свои православныя понятія, вносится путаница въ эти понятія, подмѣна церковнаго мірскимъ... Вѣдь, какъ хотите, а оно такъ и есть: хотятъ посредствомъ „гражданскаго брака“ избавить „несчастныхъ женщинъ и безотцовскихъ дѣтей отъ позора, насмѣшекъ и прозвищъ: для такихъ обездоленныхъ, говоритъ о. О—въ, гражданскій бракъ былъ бы благодѣяніемъ“. А для людей слабыхъ въ церковности, скажу я,—новый доводъ для самооправданій въ блудномъ сожительствѣ: у насъ-же не блудное, позорящее насъ, сожитіе, а бракъ законный, записанный въ законномъ указанномъ мѣстѣ, мы живемъ законно, мы-законные мужъ и жена; только нашъ бракъ не церковный, а гражданскій, но, вѣдь, онъ все же—законный!“

Ссылаться на Василія Великаго, будто онъ считалъ конкубинатъ лучше блуда, не слѣдуетъ: вѣдь, онъ подвергаетъ сожительствующихъ блудно епитиміи блуда, а такая епитимія, по древнимъ правиламъ, полагалась въ отлученіи отъ св. причащенія на 7 лѣтъ: такимъ постояннымъ, нераскаяннымъ блудникамъ приходилось всегда быть въ отлученіи отъ Божественныхъ Таинъ. Что же было дѣлать Церкви съ такими грѣшниками? То же должна она сдѣлать и нынѣ, если бы ея правила и законы были попраны введеніемъ „гражданскаго брака“. Но и это попустительство въ своемъ родѣ было потомъ отмѣнено, какъ говоритъ самъ же о. О—въ.

Но скажутъ: какъ же быть государству, когда сама жизнь требуетъ упорядоченія отношеній мужчины и женщины, живущихъ въ блудной связи и не желающихъ разойтись, но не желающихъ и вступить въ законный церковный бракъ?

На это отвѣчаю: не мое дѣло писать законы для открытыхъ блудниковъ. Мое дѣло—напомнить пишущимъ законы, чтобъ они не узаконяли, не дѣлали законнымъ то, что преступно съ точки зрѣнія Церкви. Отнюдь не похищайте у Церкви термина, ею усвоеннаго отъ времени Христа Спасителя, не вводите въ сознаніе вѣрующихъ чадъ ея новаго соблазна. Если этотъ терминъ и былъ въ законахъ языческихъ, то, вѣдь, Церковь вложила въ него новое благодатное содержаніе; она освятила его, какъ храмы языческіе иногда освящались въ христіанскіе: ужели же позволительно снова обращать ихъ въ языческіе, или въ христіанскомъ храмѣ ставить идола Венеры? Довольно старыхъ соблазновъ. Довольно, напримѣръ, того, что дуэль между военными допущена, и вотъ мы слышимъ отъ нихъ, что это уже не грѣхъ, что это—долгъ чести, и тому подобные неумные глаголы. Но тутъ еще какъ бы исключеніе изъ правила, сдѣланное въ виду несовершенства закона общаго о дуэляхъ. А въ „гражданскомъ бракѣ“ явился бы уже общій для всѣхъ законъ, вторженіе въ область церковной жизни, церковныхъ понятій, разрушеніе всего строя понятій православныхъ введеніемъ новаго, чуждаго духу Церкви термина, столь подслуживающагося духу вѣка сего лукаваго и прелюбодѣйнаго. Блудное сожитіе такъ и называйте блуднымъ сожитіемъ, или придумайте другое слово, но не употребляйте въ законахъ слово „бракъ“. Упорядочивайте отношенія вступившихъ въ такое сожитіе, но не касайтесь нравственной оцѣнки самаго дѣянія. Пока существуетъ запись такихъ сожитій только для раскольниковъ и сектантовъ, такая запись не блазнитъ вѣрующихъ: „вѣнчаются около куста“, говоритъ, не безъ ироніи, православный народъ: что ужъ это за „бракъ“?

А вотъ какъ православные будутъ дѣлать „законными“ свои блудныя похожденія у нотаріуса или тамъ, гдѣ выдумаютъ наши законосоставители, и эти браки будутъ именоваться „законными“: тогда совсѣмъ другое дѣло. Пока грѣхъ грѣхомъ называется, дотолѣ еще православное міропониманіе остается неподвижно, а вотъ какъ сами законы будутъ называть этотъ грѣхъ „законнымъ“ для людей православныхъ, тогда—мы на краю погибели!.. И не намъ, пастырямъ Церкви, итти навстрѣчу такимъ законопроектамъ въ православномъ государствѣ, искони воспитанномъ Церковію, всегда пребывавшемъ въ союзѣ съ нею,—итти въ угоду масонскимъ стремленіямъ, — расшатать основы хрістіанскаго міросозерцанія и особенно православія!

216—217.

Можно-ли молиться за души самоубійцъ и еретиковъ?

Удивительное время мы переживаемъ! Поднимаются вопросы, тысячу лѣтъ назадъ уже рѣшенные; переоцѣниваются цѣнности, вѣками оцѣненныя; пересматриваются рѣшенія, отъ первыхъ вѣковъ хрістіанства состоявшіяся. И что особенно опасно: или забываютъ, или даже прямо не хотятъ справиться о томъ, какъ и на какихъ основаніяхъ рѣшала эти вопросы, оцѣнивала цѣнности, постановляла свои рѣшенія хрістіанская древность, а иногда и сама Церковь, руководительница православной хрістіанской мысли въ тѣ далекія отъ насъ времена. Выходитъ, что наше поколѣніе считаетъ себя какъ бы умнѣе, талантливѣе и обильнѣе благодатными дарованіями, нежели великіе мужи, носители духа хрістіанскаго, жившіе въ вѣкахъ, отъ насъ отдаленныхъ. Если такое самомнѣніе сознательно, то оно преступно, свидѣтельствуетъ объ отступленіи отъ Церкви, хотя пока въ мысли; но хочется думать, что больше творится все это безсознательно, какъ грѣхъ невѣдѣнія, какъ послѣдствіе недостаточнаго воспитанія въ духѣ церковности...

Въ послѣдніе годы мутною, ядовитою волною разливается по родной Руси въ разныхъ видахъ невѣріе, и прежде всего—невѣріе въ Церковь, какъ живой организмъ любви, возглавляемый Хрістомъ Спасителемъ, какъ воплощенною любовью. И это невѣріе въ Церковь проявляется въ тѣхъ, которые считаютъ себя вѣрующими въ Бога. Для нихъ безразлично, какъ учитъ о томъ или другомъ предметѣ вѣры и жизни православная Церковь: они полагаютъ, что въ правѣ имѣть о всемъ свое собственное сужденіе, не справляясь о томъ, что скажетъ св. Церковь. А такихъ вопросовъ жизнь современная выдвигаетъ на каждомъ шагу множество. Вотъ тому примѣръ: вслѣдствіе упадка вѣры вообще и ослабленія какъ нравовъ, такъ и характеровъ, умножилось число самоубійствъ. Убиваютъ себя юноши, убиваютъ себя 90-лѣтніе старики. Опустошается душа, расхищаютъ изъ сердца послѣдніе остатки вѣры, идеализма, стираются послѣдніе слѣды образа Божія, замираетъ духъ, не остается никакой опоры для борьбы съ искушеніемъ и—человѣкъ рѣшаетъ: нѣтъ смысла больше жить и страдать, и въ озлобленіи на все, какъ мятежникъ, са-

мовольно уходитъ изъ жизни. Такова психологія большинства случаевъ самоубійствъ. Въ ея основѣ лежитъ невѣріе въ промыслъ Божій, хула на благость Божію, отчаяніе—смертные грѣхи. Смертные потому, что не даютъ мѣста покаянію, убиваютъ духъ, удаляютъ, гонятъ отъ человѣка спасающую Божію благодать. Человѣкъ добровольно и всецѣло отдаетъ себя во власть врага рода человѣческаго, врага Божія, преграждаетъ къ себѣ всѣ пути для благодати: какъ же возможно будетъ для него воздѣйствіе сей благодати? Когда идетъ рѣчь о спасеніи, мы должны всегда помнить, что Богъ не спасаетъ насъ насильно: создать насъ безъ насъ Онъ могъ, а спасти, насъ безъ насъ—не хощетъ и, безъ нарушенія правды Своей, потому—не можетъ. Необходимо, чтобы человѣкъ при исходѣ изъ сей жизни имѣлъ бы хотя зачатки произволенія ко спасенію, чтобы, по крайней мѣрѣ, не отрицалъ возможности своего спасенія, а слѣдовательно—не терялъ надежды: мы молимся о тѣхъ, кто почилъ въ надеждѣ воскресенія и жизни вѣчныя, въ комъ осталась хотя бы искра надежды на Искупителя міра. Тогда Церковь молится и „о иже во адѣ держимыхъ“, по слову Василія Великаго. Общій законъ спасенія выраженъ въ словахъ: „въ чемъ застану, въ томъ и сужу“, глаголетъ Господь.

Что сказалъ я о самоубійцахъ, то же можно сказать и объ отлученныхъ отъ Церкви еретикахъ, не примирившихся съ Церковію, умершихъ во враждѣ съ нею, въ отлученіи отъ нея. Внѣ Церкви нѣтъ пути къ единенію со Христомъ, а слѣдовательно нѣтъ и спасенія. Спасаются только живые члены Церкви, живущіе ея жизнію, въ единеніи съ нею посредствомъ таинствъ, наипаче же святѣйшаго таинства Причащенія Тѣла и Крови Христа Спасителя, какъ Онъ Самъ изрекъ: *аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ*. А сіе величайшее таинство существуетъ только въ Церкви. И относительно еретиковъ надо сказать, что если они умерли безъ примиренія съ Церковію, если они унесли въ душѣ своей вражду къ ней туда, въ другой міръ, то для нихъ невозможно превратить эту вражду въ любовь, потому что вообще для души въ загробномъ мірѣ уже невозможно измѣненіе настроеній: какое направленіе получила душа въ сей жизни, въ такомъ она продолжаетъ жить и въ загробной. Тамъ живетъ уже неполный человѣкъ, а только душа его, и что преобладало въ душѣ въ сей жизни, то продолжаетъ обладать ею и въ будущей. Перемѣна для душъ отошедшихъ изъ сего міра въ другой возможна лишь по молитвамъ Церкви, но при томъ условіи, если душа отошла въ мирѣ съ Церковію, если въ произволеніи усопшаго были зачатки искренняго желанія спасенія, если онъ былъ хотя и немощнымъ, но не совсѣмъ мертвымъ, не отпадшимъ отъ цѣлаго членомъ тѣла Церкви.

Таковы общія основанія для сужденія о томъ: можно ли молиться за души самоубійцъ и еретиковъ. Но относительно самоубійцъ святый Тимоѳей, епископъ Александрійскій, на вопросъ: „аще кто, будучи внѣ себя, подыметъ на себя руки, или повержетъ себя съ высоты, за таковаго должно ли быти приношеніе (литургія), или нѣтъ?“—отвѣчаетъ: „о таковомъ священнослужитель долженъ разсудити, подлинно ли будучи внѣ ума содѣлалъ сіе. Ибо часто близкіе къ пострадавшему отъ самого себя, желая достигнути, да будетъ приношеніе и молитва за

него, неправдуютъ и глаголютъ, яко былъ внѣ себя. Можетъ же быти, яко содѣлалъ сіе отъ обиды человѣческія, или по иному какому случаю, отъ малодушія: и о таковомъ не подобаетъ быти приношенію, ибо есть самоубійца. Посему священнослужитель непремѣнно долженъ со всякимъ тщаніемъ испытывати, да не подпадетъ осужденію".— Вотъ единственное исключеніе, допускающее молитву церковную за самоубійцъ! Человѣкъ совершилъ страшное преступленіе въ состояніи невмѣняемости: ясно, что нельзя его строго и судить за это. Богъ, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своего промысла, попустилъ такое несчастіе, такое насиліе со стороны врага рода человѣческаго въ отношеніи къ человѣку, лишенному разума: Богъ пусть и будетъ единственнымъ его судіею... Церковь, въ смиреніи склоняясь предъ непостижимыми судьбами Божіими, предаетъ сего человѣка въ руцѣ милосердія Божія, какъ лишеннаго возможности бороться съ насиліемъ діавольскимъ. Впрочемъ, повторяю: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопросъ о томъ, можно ли допускать церковное поминовеніе самоубійцы, должна рѣшать церковная власть, которая и беретъ за себя отвѣтственность предъ Богомъ за разрѣшеніе или запрещеніе такого поминовенія. И это представляетъ тяжелое бремя для каждаго епископа. Самоубійства участились въ послѣднее время до крайности, особенно среди молодежи. Полагаться на рѣшеніе врачей, нерѣдко и въ Бога не вѣрующихъ, и принадлежащихъ къ исповѣданіямъ, не признающимъ молитвы за умершихъ вообще, нельзя: вѣдь, такіе врачи вовсе не обязаны входить въ сужденіе по существу съ *духовной* точки зрѣнія о томъ, былъ ли самоубійца въ состояніи остраго помѣшательства и внѣ ума въ моментъ совершенія преступленія; ихъ забота, хотя нѣсколько, успокоить живыхъ, скорбящихъ родственниковъ покойника, и вотъ обычно они всѣ самоубійства съ легкимъ сердцемъ приписываютъ острому помѣшательству. А въ глухомъ, отдаленномъ отъ епархіальнаго города углу, этотъ вопросъ приходится рѣшать мѣстному священнику, у котораго иногда и мужества недостаетъ отказать въ христіанскомъ погребеніи и поминовеніи самоубійцы, въ виду возможныхъ жалобъ архіерею за отказъ въ этомъ, со стороны родственниковъ покойника. Вѣдь, въ наше время міряне забываютъ совсѣмъ церковное правило о подчиненіи своего смышленія авторитету своего пастыря и духовнаго отца: они смотрятъ на него просто какъ на требоисправителя, который обязанъ непремѣнно, безъ всякихъ разсужденій, исполнить ихъ требованіе. Забываютъ извѣстное еще въ ветхомъ завѣтѣ правило: послушаніе выше поста и молитвы, выше приношеній и жертвъ. Когда имъ напоминаютъ о церковныхъ правилахъ, они обычно ссылаются на бывшіе примѣры разрѣшенія, и больше не хотятъ разсуждать... И совѣсть священника нерѣдко насилуется мірянами, и священникъ, вопреки совѣсти, во избѣжаніе жалобъ и дознаній, исполняетъ ихъ требованіе. Невольно думаешь: какъ же наша жизнь далеко уклонилась отъ того пути, какой ей указуется Церковію! Вѣдь, выходитъ, что родственники самоубійцы какъ будто насильно, вопреки волѣ Самого Господа, Который управляетъ Церковію и чрезъ іерархію указуетъ ей правила жизни, хотятъ—да будетъ позволено такъ выразиться—втолкнуть несчастнаго въ царство небесное!... И особенно это надо сказать о панихидахъ по

еретикамъ и богохульникамъ: тутъ уже бываетъ прямое кощунство, превращеніе молитвы церковной въ какое-то насиліе надъ Церковію, издѣвательство надъ ея служителями. Такъ было въ отношеніи Толстого, такъ теперь творится въ отношеніи другого богохульника—Шевченко, такъ постоянно творится невѣрами-интеллигентами въ отношеніи разныхъ хулителей Церкви, ея враговъ, если только они носили имена хрістіанскія... Но относительно еретиковъ св. Церковь не допускаетъ даже и такихъ исключеній, какія бываютъ въ отношеніи къ самоубійцамъ: разъ еретикъ или богохульникъ умеръ непримирившимся съ Церковію, умеръ въ отлученіи отъ нея—Церковь не можетъ допустить и молитвы о немъ. Ересь есть духовное самоубійство, а о мертвомъ членѣ, отсѣченномъ отъ цѣлаго тѣла Церкви, безполезно и заботиться, безполезно и молиться.

Есть еще одна сторона вопроса о молитвѣ за еретиковъ и самоубійцъ, которую, обыкновенно, упускаютъ изъ виду, хотя она едва ли не важнѣе всѣхъ теоретическихъ сужденій, которыя, можетъ быть, въ самой основѣ-то своей на нее и опираются. Это сторона, такъ сказать, мистическая. Помнить надо: что такое Церковь въ своей сущности? По ученію великаго Апостола Павла, она есть—живое тѣло Христа Спасителя, коего Онъ Самъ и есть Глава, а всѣ вѣрующіе—члены, такъ сказать—живые клѣточки сего великаго организма любви, одушевляемаго Духомъ Божіимъ; молитва, по выраженію покойнаго А. С. Хомякова, есть кровь Церкви, своимъ обращеніемъ привлекающая благодатныя силы къ обновленію всего организма. Она есть и дыханіе любви, объединяющей всѣхъ вѣрующихъ со Христомъ и во Христѣ. Любовь движетъ молитву, приводитъ ее въ дѣйствіе. Любовь приводитъ въ соприкосновеніе душу молящагося съ душою того, за кого онъ молится. Но сіе соприкосновеніе бываетъ цѣлительно для послѣдняго только тогда, когда онъ еще не умеръ для тѣла Христова, когда онъ составляетъ еще живую клѣточку сего тѣла, то есть, не потерялъ общенія со Христомъ; хотя онъ и болѣетъ, хотя и не очищенъ отъ грѣховной нечистоты, но ушелъ отсюда съ вѣрою въ молитвы Церкви, съ надеждою воскресенія во Христѣ. Тогда молитва любви, восходя къ Искупителю міра, несетъ отъ Него исцѣляющую благодать душѣ почившаго, благодать, изливаемую любовію Христовой къ тому, кто не потерялъ еще вѣры въ искупительную силу крови, проліянной за него на крестѣ. Такая молитва и Господу угодна, какъ жертва любви за почившаго, и для молящагося полезна, какъ животворящее дѣло его любви, какъ исполненіе заповѣди Господней. Такая молитва сливается съ молитвою всей Церкви, становится уже молитвою самой Церкви, молитвою — дерзну сказать—Самого Господа, яко Ходатая Новаго Завѣта, яко Главы Церкви. Соединенная съ таинствомъ Евхаристіи, она проникаетъ небеса и отверзаетъ двери милосердія Божія къ почившимъ въ вѣрѣ нашимъ братіямъ и кровію Господа омываетъ ихъ грѣхи. *Отмый, Господи, грѣхи здѣ поминавшихся кровію Твоею честною, молитвами святыхъ Твоихъ*, молится Церковь, когда опускаются частицы, вынутыя за живыхъ и умершихъ, въ кровь Господню. Теперь примѣните сію мысль къ тому несчастному, кто, какъ еретикъ, отпалъ отъ Церкви, мертвъ для нея въ качествѣ члена, или же отсѣченъ отъ Церкви невидимымъ

судомъ Божіимъ за смертный грѣхъ отчаянія, въ какомъ онъ умеръ, какъ самоубійца. Можетъ ли принести пользу такому, уже мертвому, члену Церкви, уже отсѣченному отъ нея, молитва за него, хотя бы это была молитва всей Церкви? Конечно, не можетъ. И причина тому не внѣ сего несчастнаго, а въ немъ самомъ, въ томъ настроеніи, въ какомъ онъ перешелъ въ другую жизнь. Это—настроеніе упорнаго сопротивленія Богу и святой Церкви. Онъ самъ не хочетъ себѣ спасенія: *не восхотѣ благословенія и удалится отъ него*, какъ сказано въ Писаніи. А перемѣна настроенія, какъ я уже сказалъ выше, тамъ, въ другомъ мірѣ, невозможна, если не было зачатка такой перемѣны въ сей жизни. Богъ насильно не спасаетъ. Это—первое. Второе: невыносимъ свѣтъ для глазъ болѣющихъ. Невыносимо приближеніе къ Богу для души, умершей въ грѣхѣ нераскаянномъ. Кто знаетъ? Можетъ быть, наша молитва о человѣкѣ, умершемъ въ состояніи ожесточенія, будетъ только еще больше тревожить и усиливать въ немъ враждебныя чувства къ Богу... По крайней мѣрѣ, относительно злыхъ духовъ извѣстно, что и сихъ отверженцевъ Господь готовъ былъ бы принять, но они сами того не желаютъ въ ожесточеніи своей гордыни. Посему вмѣсто пользы молитва за того, кто ушелъ отсюда въ нераскаянномъ грѣхѣ отчаянія и хулы на Бога, можетъ и ему принести вредъ, и тому, кто за него молится.

Вредъ такому молитвеннику возможенъ еще и съ другой стороны. Молитва не есть простое словесное ходатайство за другаго, какъ это иногда бываетъ между людьми. Нѣтъ. Когда мы молимся за ближняго, молимся не языкомъ только, не словами, а и сердцемъ, то воспринимаемъ память о душѣ его въ свою душу, въ свое сердце; воспринимаемъ, по любви къ нему, и тѣ скорби, тѣ грѣхи, какими онъ отягощенъ и уже какъ бы отъ своего лица вознося ихъ ко Господу, умоляемъ Его благость о помилованіи или ниспосланіи ему спасающей благодати. Чѣмъ сердечнѣе и искреннѣе такая молитва, тѣмъ большую милость Господню она можетъ низвести душѣ того, за кого молимся. И чѣмъ ближе намъ человѣкъ этотъ, чѣмъ больше питаемъ къ нему чувства любви, тѣмъ сердечнѣе бываетъ и молитва наша о немъ. И если онъ жилъ на землѣ благочестиво и богоугодно, то, воспоминая въ молитвѣ его душу, тѣсно соприкасаясь, объединяясь съ нею, мы незамѣтно дѣлаемся какъ бы причастниками и той благодати, какая присуща была этой душѣ при жизни на землѣ, и тѣмъ добрымъ свойствамъ, коими она была украшена. Посему-то молитва за почившихъ праведныхъ людей весьма душеполезна и для насъ самихъ спасительна. Не столько они получаютъ отъ насъ пользы, сколько мы воспринимаемъ отъ нихъ духовной отрады и утѣшенія. Надъ нами сбывается слово писанія: *молитва его въ нѣдро его возвратится*. Съ одной стороны, при одномъ простомъ воспоминаніи о лицѣ, извѣстномъ намъ доброю жизнію, наша благоговѣйная мысль о немъ уже услаждается красотою его духовнаго облика; съ другой—онъ видитъ любовь нашу къ себѣ и, конечно, въ долгу у насъ не остается: онъ, такъ сказать, показуетъ Богу любовь нашу и, по любви своей къ намъ, приноситъ Богу теплую, чистую свою молитву за насъ.

Но совсѣмъ другое дѣло, когда молишься за человѣка, который всю жизнь свою грѣшилъ тяжкими смертными грѣхами и не подумалъ объ

очищеніи ихъ покаяніемъ. Тутъ уже не отраду вливаетъ молитва, а, напротивъ, сообщаетъ молящемуся тягость, смущеніе, безпокойство. Да такъ оно и должно быть. Воспринимая образъ души усопшаго, молящійся вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается какъ бы общникомъ и его душевнаго состоянія, входитъ въ область его душевныхъ томленій, соприкасается его грѣхамъ, не очищеннымъ покаяніемъ, беретъ на себя и долю его душевныхъ страданій. И сіе-то томленіе и страданіе душою во время молитвы за умершаго грѣшника, если онъ еще не погибъ грѣхомъ отчаянія, доставляетъ ему отраду и облегченіе, приклоняя къ нему Божіе милосердіе молитвою любви. Но если его душа перешла въ иной міръ въ настроеніи враждебномъ къ Церкви, если она отвергла искупительныя заслуги Господа Спасителя міра, какъ это было съ несчастнымъ графомъ Толстымъ, то какъ молиться за такихъ? Какъ можно допустить себя до нѣкотораго прикосновенія тому богоборному настроенію, коимъ душа его была заражена? Какъ воспріять въ свою душу всѣ тѣ хулы и безумныя рѣчи, и даже помыслы, коими была полна его душа, можетъ быть, даже въ самый моментъ смерти?... Не значитъ ли это—подвергать свою душу опасности зараженія такимъ настроеніемъ? Не напрасно же говорятъ, что, напримѣръ, самоубійство заразительно: при одномъ имени самоубійцы въ душѣ возникаетъ его образъ, а съ образомъ симъ рисуется и то, какъ онъ окончилъ жизнь... Спросите любаго психіатра, и онъ вамъ скажетъ, что при разговорахъ о самоубійцахъ, о способахъ ихъ самоубійства у впечатлительныхъ людей не рѣдко появляются, такъ называемыя, „навязчивыя мысли“, а по-нашему, православному, просто вражескія искушенія, влекущія слабыхъ людей къ тому же преступленію... Какъ у человѣка, смотрящаго внизъ съ вершины высокой скалы или колокольни, откуда-то появляется мимолетная мысль—броситься внизъ, такъ нѣчто подобное бываетъ и при воспоминаніи о самоубійствѣ человѣка, особенно извѣстнаго тому, кто вспоминаетъ о немъ и имѣлъ къ нему отношенія. Говорю о людяхъ впечатлительныхъ и слабыхъ. А, вѣдь, въ молитвѣ, какъ я сказалъ, мы какъ бы соприкасаемся своею душою душѣ того, за кого молимся... Что если молитва о самоубійцѣ, вообще Церковію воспрещенная, будетъ неугодна Богу?.. Если благодать Божія отступитъ отъ насъ за нарушеніе заповѣди о послушаніи Церкви? За то, что мы свое мнѣніе ставимъ выше ученія и правилъ Церкви?

О всемъ этомъ пусть подумаютъ тѣ, которые требуютъ отъ служителей Церкви молитвъ объ еретикахъ и самоубійцахъ.

А можно ли, скажутъ мнѣ, молиться за самоубійцъ и еретиковъ на молитвѣ домашней, частной, не церковной?

Отвѣчаю: молитва домашняя не можетъ стоять въ противорѣчіи съ церковною, тѣмъ болѣе, что церковная молитва несравненно выше частной, домашней. Что такое моя одинокая, грѣшная, слабая молитва въ сравненіи съ церковною?.. Въ церковной молитвѣ моя немощная и, можетъ быть, нечистая молитва очищается и несется къ Богу на крыльяхъ молитвы всей Церкви, всего сонма вѣрующихъ, сонма всѣхъ святыхъ Божіихъ. Не имѣю я дерзновенія за премногіе грѣхи мои къ Господу Богу моему, тѣмъ паче дерзновенія молиться о томъ, кто премного прогнѣвалъ Его смертнымъ

грѣхомъ отчаянія; и какъ дерзну я дѣлать то, чего не дерзаетъ дѣлать Церковь? Ибо если бы она дерзала, то не воспрещала бы такой молитвы...

Таково общее сужденіе о молитвѣ частной, домашней.

Но мнѣ скажутъ: какъ удержаться отъ такой молитвы особенно человѣку, который былъ связанъ—не говорю уже съ отлученнымъ отъ Церкви явнымъ еретикомъ: о таковомъ не позволитъ молиться чувство уваженія къ Церкви, которую онъ оскорблялъ и отъ которой отпалъ,—но съ самоубійцей узами кровнаго родства, или былъ очень близокъ къ нему по духу любви,—какъ удержаться отъ того, чтобы излить свою душу предъ Отцемъ небеснымъ? какъ не возвѣстить Ему печали своего сердца?...

Но это—совсѣмъ другое дѣло. Никто не можетъ запретить лично каждому изъ насъ „изливать свою душу“ въ молитвѣ предъ Господомъ, „повѣдать Ему печали свои“. Это—не одно и то же съ молитвеннымъ ходатайствомъ за покойника. Мудрые, духовно опытные и обладавшіе даромъ разсужденія старцы-подвижники удовлетворительно даютъ на это отвѣтъ. Такъ извѣстный Оптинскій старецъ Леонидъ, скончавшійся въ 1841 году, далъ такое наставленіе своему ученику, обратившемуся къ нему за утѣшеніемъ, по случаю полученнаго имъ извѣстія о смерти отца, послѣдовавшей отъ самоубійства: „Вручай какъ себя, такъ и участь своего родителя волѣ Господней, премудрой, всемогущей. Не испытывай Вышняго чудесъ. Тщися смиренномудріемъ укрѣплять себя въ предѣлахъ умѣренной печали. Молись преблагому Создателю, исполняя долгъ любви и обязанности сыновней“.

— Но какимъ образомъ молиться за таковыхъ? спросилъ послушникъ.

— „По духу добродѣтельныхъ и мудрыхъ такъ: „*Взыщи, Господи, погибшую душу отца моего, и, аще возможно есть, помилуй! Неизслѣдимы судьбы Твои. Не постави мнѣ въ грѣхъ сей молитвы. Но да будетъ святая воля Твоя!*“

Такъ училъ и утѣшалъ богомудрый старецъ своего ученика, бывшаго въ печали и скорби великой.

Въ этомъ наставленіи и для каждаго христіанина, находящагося въ подобномъ положеніи, есть много утѣшительнаго, успокоивающаго скорбную душу въ преданіи и себя и покойника въ волю Божію, всегда благую и премудрую... И вѣрный, смиренный сынъ Церкви не станетъ требовать отъ Церкви большаго.

218—219.

Церковная дисциплина и свобода печати.

Когда истина столь очевидна, что ложь не можетъ ее затмить, несмотря ни на какія усилія, тогда ложь начинаетъ притворяться, будто она давно побѣдила истину, давно доказала, что ея нѣтъ, что если и есть что-то, то, вѣдь, это только легенда, вымыселъ, съ коимъ умнымъ, образованнымъ людямъ и считаться-то стыдно... А толпа невѣждъ, коимъ хочется казаться „интеллигентами“, идущими въ ногу съ людьми „передовыми“, охотно вторитъ глашатаямъ лжи, шумными криками стараясь заглушить скромный голосъ святой истины.

Такимъ образомъ въ наше время создается такъ, называемое, „общественное мнѣніе“, такъ насаждаются лживыя теоріи, построяются и укореняются лженаучныя гипотезы. И чѣмъ больше льститъ страстямъ человѣческимъ какая-нибудь теорія или гипотеза, тѣмъ она больше имѣетъ вѣроятія на распространеніе. Увы! Все меньше становится число самоотверженныхъ, безпристрастныхъ, а главное—смиренныхъ служителей истинной науки, все больше сгущается туманъ лжи вокругъ истины и его ядъ впитывается въ массы: чѣмъ незамѣтнѣе, тѣмъ глубже, отравляя міросозерцаніе православнаго человѣка.

Откуда это?—Не приходится долго задумываться надъ этимъ вопросомъ: прочтите „Протоколы“ семи мудрецовъ въ книгѣ С. А. Нилуса и увидите, что все это дѣлается очень планомѣрно, обдуманно, тѣми, кому нужно превратить все человѣчество въ свой рабочій скотъ... А факты, поразительнѣйшіе факты налицо.

Прислушайтесь къ тому, какъ относится наша печать, наши газеты,—да, газеты: увы, вѣдь, мы теперь книгъ почти не читаемъ, а все только газеты: поневолѣ приходится къ нимъ прислушиваться, —такъ вотъ и прислушайтесь, какъ онѣ относятся къ Церкви, къ Евангелію, къ самому христіанству...Вѣдь, если еще не отрицаютъ прямо, то въ общемъ знать ихъ не хотятъ! Церковь учитъ святой истинѣ, газеты—проповѣдуютъ служеніе плоти и похотямъ ея: Церковь объявляетъ постъ, газеты преподносятъ читателямъ, какъ нарочито, веселые фельетоны и новости по части увеселеній... Настаетъ великій праздникъ Пасхи или Рождества Христова; въ газетахъ появляются разсказы и статейки на темы, какъ будто, религіозныя, но увы—лучше бы ихъ не появлялось! При этомъ-то случаѣ и снимаютъ съ себя маску лицемѣрнаго христіанства разные авторы: они даютъ разные вымыслы, подкладкою коихъ служатъ якобы научныя открытія, разныя сказанія, преданія, легенды, и все это сводится, въ сущности, къ подрыву вѣры въ сердцахъ православныхъ читателей, все — сознательно или безсознательно — служитъ цѣлямъ все тѣхъ же враговъ христіанства, враговъ Бога и людей...

Газетные листы создаютъ, такъ сказать, настроеніе, а мелкія брошюрки для народа, якобы научныя популярныя книжки для полуинтеллигенціи, для школъ, для молодежи питаютъ это настроеніе уже открытою ложью, обманывая читателей и выдавая разныя хитроумныя гипотезы за научно доказанные факты. Печати теперь дана полная свобода: лги, сколько хочешь, подкапывайся подъ вѣру Христову, расхищай душу народную, сѣй отраву полною рукою—все позволено! Правда, есть статьи закона, коихъ нарушеніе влечетъ иногда наказаніе, но эти статьи такъ легко обойти, что не стоитъ много и думать о томъ. Переводятъ на русскій языкъ всякую гниль, направленную противъ христіанства, хотя бы эта гниль давнымъ давно обличена тамъ же, гдѣ она появилась, и уже давно заброшена и забыта людьми, честно мыслящими: а у насъ ее распространяютъ какъ новинку, обманывая простой народъ заглавіями. За примѣромъ ходить недалеко: на сельскихъ ярмаркахъ, въ отдаленныхъ уголкахъ Руси, гдѣ-нибудь въ Царевококшайскѣ или Устьсысольскѣ, можно найти на рынкѣ сочиненіе богохульника Ренана, подъ заголовкомъ: „Жизнь Іисуса“, и благочестивый простецъ покупаетъ книж-

ку, воображая, что это книжка „божественная“ и вовсе не допуская мысли, что этой книжкой ему подносятъ „ножъ, медомъ помазанный“...

Само собою понятно, что тутъ уже не можетъ быть рѣчи о „безсознательномъ“ отравленіи народной души: тутъ ясно, какъ Божій день, что отрава подносится сознательно, намѣренно, чтобъ развратить вѣрующую душу русскаго простеца. Только хотѣлось бы спросить: что лучше: оставлять ли этихъ отравителей въ спискѣ хрістіанъ, да еще—чего добраго—православныхъ, или же открыто выбросить ихъ за бортъ корабля церковнаго? А, можетъ быть, они и сами предпочли бы такую свободу—считаться не людьми, а скотами или человѣкообразными животными? Вѣдь, въ душѣ то они уже не отличаютъ себя отъ животныхъ: такъ къ чему ужъ и лицемѣріе это? Зачѣмъ обманывать добрыхъ людей: носить имя хрістіанское, а въ душѣ быть просто скотомъ?...

Знаю, что сіи „носители якобы культуры“, глаголемые „передовые“ люди, якобы „просвѣщенные научными послѣдними словами“, запротестуютъ противъ такого прямолинейнаго рѣшенія. Какъ? Лишать ихъ права носить имена хрістіанскія? что за варварство, что за насиліе!.. Но позвольте, господа: вѣдь, имена хрістіанскія, православныя принадлежатъ чтимымъ нами святымъ угодникамъ Божіимъ; для насъ носители сихъ именъ не умирали, они живы, мы съ ними въ благодатномъ общеніи, и это для насъ живой фактъ, а не легенда, не мечта... Вы просто не имѣете права носить ихъ имена, потому что для васъ эти имена не больше, какъ клички для животныхъ, а для насъ—символы близкихъ намъ, чтимыхъ нами существъ. Вамъ все равно, казалось бы, называться Иваномъ ли Ивановичемъ или Дубомъ Дубовичемъ, а для насъ было бы важно знать: съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло: съ человѣкомъ ли хрістіаниномъ, или съ человѣкообразнымъ существомъ, правда, можетъ быть, и очень умнымъ, но такимъ, у котораго вытравлено изъ души все, чѣмъ отличается человѣкъ отъ животнаго, а сношеніе съ такимъ лжечеловѣкомъ не всегда можетъ быть безопасно, не говоря уже о всемъ прочемъ...

Не будемъ оправдываться: плохіе мы хрістіане, не стоимъ и сами имени хрістіанскаго; но все же, вѣдь, больно становится на душѣ, когда не видишь отпора соблазну безбожія, когда широкою волною разливаются противохрістіанскія лжеученія, когда люди открыто Бога знать не хотятъ, а въ то же время именуютъ себя еще хрістіанами... Великая разница: хрістіанинъ—простой грѣшникъ, и—хрістіанинъ—безбожникъ. Грѣшникъ всегда покаяться можетъ: пока Богъ терпитъ грѣхамъ, пока грѣшникъ называетъ грѣхъ—грѣхомъ и себя—грѣшникомъ, дотолѣ для него возможно обращеніе. Но безбожникъ никогда не признаетъ себя грѣшникомъ; что бы онъ ни дѣлалъ, какое бы зло ни чинилъ—онъ всегда правъ въ собственныхъ глазахъ, онъ грѣха не знаетъ, не признаетъ: на чемъ же тутъ основаться самой возможности покаянія? Развѣ на особой милости Божіей за молитвы чьи-нибудь или за какое-нибудь доброе дѣло, сдѣланное имъ когда-нибудь, можетъ быть, тогда, когда онъ былъ еще вѣрующимъ хрістіаниномъ: вѣдь, у меня о такихъ именно и идетъ рѣчь.

Да, плохіе мы хрістіане, а иногда думаешь: не лучше ли бы было, если бы явныхъ безбожниковъ со-

всѣмъ исключать изъ среды нашей, чтобъ не оскорбляли они, не гасили совсѣмъ наше религіозное чувство. Я спросилъ бы, напримѣръ, хотя бы этого „ученаго мужа“, который такъ развязно толкуетъ о происхожденіи нашихъ каноническихъ Евангелій въ духѣ тюбингенской школы: да вѣруетъ ли онъ въ самый фактъ воскресенія Христова? Не считаетъ ли онъ его легендой второго вѣка? Знаетъ ли, то есть, вѣруетъ ли такъ, твердо, какъ онъ научно опознаетъ хотя бы самъ себя, что онъ живетъ на свѣтѣ,—*знаетъ* ли такъ же твердо, что Христосъ *живъ*, что Онъ управляетъ Своею Церковію, живетъ въ ней и она въ Немъ, что это—такой же фактъ, какъ его собственное личное существованіе? Вѣруетъ ли,—скажу опять сильнѣе: *знаетъ* ли точно, что Христосъ паки пріидетъ, непремѣнно пріидетъ со славою многою судить живымъ и мертвымъ, которые для того и изъ мертвыхъ воскреснутъ, и это—непреложная истина? Что будетъ вѣчная жизнь, для однихъ—вѣчноблаженная, для другихъ — вѣчномучительная? Вѣдь, сей многоученый мужъ все это теоретически знаетъ, конечно, съ дѣтства, но есть ли для него это знаніе — живая жизнь, безспорная аксіома, или же —только легенда, темное сказаніе, прямѣе сказать—миѳъ?.. Если послѣднее, то, вѣдь, онъ уже ушелъ изъ Церкви, онъ фактически отступилъ отъ Христа, сталъ снова язычникомъ, бродитъ внѣ ограды Христовой: такъ зачѣмъ же и держать его насильно въ Церкви, считать христіаниномъ?..

Мнѣ укажутъ на притчу о плевелахъ: *оставите расти обоя купно до жатвы*... Но, вѣдь, рѣчь идетъ не о плевелахъ, а о сѣятеляхъ этихъ плевелъ; не о лжеученіяхъ, а о тѣхъ сознательныхъ лжеучителяхъ, которые распространяютъ эти лжеученія; рѣчь идетъ не о какихъ-либо карахъ противъ нихъ, а просто о мѣрахъ предостереженія вѣрующихъ противъ ихъ лжеученій. Въ самомъ дѣлѣ; вотъ какой-нибудь лжеученый издаетъ переводъ безбожнаго сочиненія, положимъ хотя бы того же богохульника Ренана или же богохульное сочиненіе нашего, къ несчастію, соотечественника графа Толстого: ужели Церковь не въ правѣ спросить этого господина, если только онъ именуетъ себя ея чадомъ, значится въ спискахъ православныхъ христіанъ: а какъ онъ вѣруетъ? Почитаетъ ли онъ Господа нашего Іисуса Христа Богомъ воплотившимся или простымъ человѣкомъ? Вѣруетъ ли онъ въ Его воскресеніе и будущее второе пришествіе? Ну, хотя бы поставить сему господину только два—три такихъ вопроса... Ужели нельзя? Вѣдь, пастыри Церкви на то и поставлены, чтобы пасти Христовыхъ овецъ: а что если подъ одеждою-то овцы скрывается просто-таки волкъ? Ужели пастырь не въ правѣ заглянуть подъ его одежду? А дальше—заповѣдь: *повѣждь Церкви*... Скажутъ: доносъ? Но пусть говорятъ, что угодно: если моего вразумленія моя овца не слушаетъ, то я *долженъ* повѣдать о семъ Церкви! Это —мой долгъ. И никто не въ правѣ воспрепятствовать мнѣ исполнить сей долгъ. Тотъ, кто пересталъ вѣровать въ Господа Іисуса Христа, яко Бога, кто не вѣруетъ въ Его воскресеніе и будущее второе пришествіе Его, какъ въ непреложную истину,—не говоря уже о прочихъ догматахъ святой нашей вѣры,—кто открыто, печатно проповѣдуетъ свое невѣріе,—тотъ уже пересталъ быть христіаниномъ, тотъ отпалъ уже отъ Церкви, тотъ уже самъ подвелъ себя подъ анаѳему, воз-

глашаемую Церковію въ недѣлю Православія: ужели Церковь не въ правѣ удостовѣрить этотъ, уже совершившійся фактъ отпаденія отъ нея, открыто объявить вѣрующимъ, чтобъ такого человѣка боялись, какъ зараженнаго неисцѣльною духовною проказою, а потому и все, что онъ выпускаетъ изъ—подъ печатнаго станка, слѣдуетъ принимать съ крайнею осторожностью, какъ отъ богоотступника? Недавно церковная власть оповѣстила православныхъ, чтобы остерегались бесѣдъ нѣкоего хлыста Чурикова: почему она не можетъ оповѣстить вѣрующихъ, чтобы береглись изданій, руководимыхъ хотя бы только открытыми врагами Церкви и Христа—іудеями или открытыми ихъ приспѣшниками, привлекая сихъ послѣднихъ, если они еще не отреклись формально отъ православія, къ отвѣтственности предъ судомъ Церкви, яко чадъ Церкви, за распространеніе безбожныхъ и противохрістіанскихъ идей и за соблазнъ вѣрующихъ? Если Церковь привлекаетъ къ своему суду, напримѣръ, имебожниковъ — вождей секты, то почему не привлечь и покровителей ихъ, разныхъ издателей и сочинителей, именующихъ себя православными? Не все ли равно: распространяется ли лжеученіе словесно или письменно, или же печатно? Ересь остается ересью и въ словесной формѣ и въ письменномъ изложеніи, да въ послѣднемъ вредъ ея грозитъ большей опасностью, что каждому ребенку извѣстно даже изъ басни Крылова: „Писатель и разбойникъ“. Само собою понятно, что не формальный, а такъ сказать—идейный судъ Церкви неминуемо простирается и на тѣхъ, кто распространяетъ или защищаетъ ересь печатно, но, къ сожалѣнію, это далеко не всѣми сознается, а разные писатели и издатели, защитники ересей, не допускаютъ о томъ и мысли, будто они подлежатъ суду Церкви за свои печатныя выступленія. Между тѣмъ,печатное слово въ защиту ереси, какой бы то ни было, есть уже дѣяніе грѣховное противъ Церкви, противъ Христовой истины, есть уже соблазнъ малыхъ сихъ, а извѣстно, какъ Господь осудилъ грѣхъ соблазна: Онъ, милосердый, призналъ, что лучше бы соблазнителю быть потоплену въ пучинѣ морской, нежели согрѣшить грѣхомъ симъ! И Церковь видитъ, какъ разные писатели и издатели грѣшатъ симъ грѣхомъ: уже ли же она не въ правѣ—скажу сильнѣе: не есть ли ея прямой долгъ обратиться къ симъ, еще именующимъ себя чадами ея, съ словомъ увѣщанія, вразумленія, а если они не слушаютъ, прекословятъ ей, то—по меньшей мѣрѣ,предостеречь послушныхъ чадъ отъ такихъ лжесловесниковъ, вносящихъ соблазнъ ереси въ души православно-вѣрующихъ?... Можетъ быть, они не пойдутъ на этотъ судъ Церкви? Но, вѣдь, это уже будетъ отпаденіе отъ Церкви и она будетъ имѣть и право и долгъ объявить объ этомъ чадамъ Церкви! Ужели положеніе церковной власти дошло до такого паралича, что она не можетъ уже, считаетъ безполезнымъ, можетъ быть, даже опаснымъ — воздѣйствовать на явныхъ соблазнителей даннымъ ей отъ Христа полномочіемъ: увѣщевать, убѣждать, грозить отлученіемъ и, наконецъ,—приводить угрозу въ исполненіе? Со стороны можетъ показаться, что церковная власть—простите слово, неудобь къ ней примѣнимое—забыла о своемъ правѣ и долгѣ! Тутъ, вѣдь, рѣчь идетъ не о какихъ-либо гражданскихъ правоограниченіяхъ: говорю просто о правѣ и долгѣ разсматривать дѣя-

тельность именуемыхъ „чадъ“ Церкви, въ ея отношеніи къ міру Церкви, къ внутренней жизни Церкви, къ чистотѣ ея ученія и святыхъ догматовъ церковныхъ. Во времена вселенскихъ соборовъ не было печатныхъ станковъ, не было журналовъ и газетъ; но и тогда на соборахъ власть церковная находила нужнымъ осуждать нѣкоторыя сочиненія неправославномыслящихъ писателей, даже умершихъ, даже и самихъ писавшихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она привлекала бы къ своему суду, и суду строгому, такихъ писателей, которые стали бы защищать ереси, выпуская въ тысячахъ экземпляровъ ихъ изложенія или апологіи. Печать совсѣмъ разнуздалась въ отношеніи вопросовъ вѣры; именующіе себя православными открыто излагаютъ и проповѣдуютъ всяческія ереси и безбожныя ученія; печатаютъ нерѣдко самыя богохульныя сочиненія, а Церковь молчитъ, какъ будто она ничего не можетъ сдѣлать противъ этого зла. Но какъ же она терпитъ это зло, тогда, когда оно распространяется не іудеями, не иновѣрцами, не отпадшими отъ Церкви сектантами и раскольниками, а ея же чадами?.. Ссылаться на свободу, объявленную печати и истолкованную врагами Церкви въ смыслѣ, имъ желательномъ и Церкви явно враждебномъ, нельзя: для чадъ Церкви у матери есть свои мѣры воздѣйствія, которыя она должна привести въ дѣйствіе. Высказываются опасенія, что тогда много „писателей“ и издателей объявятъ себя отдѣлившимися отъ Церкви. Дѣло не въ томъ, сколько непослушныхъ и неразумныхъ умниковъ уйдетъ въ секту или расколъ послѣ увѣщаній и материнскаго воздѣйствія Церкви: важнѣе то, что соблазняемые теперь ими увидятъ, къ чему ведетъ самовольное мудрованіе, и отшатнутся отъ такихъ мудрователей. Важнѣе то, чтобы пробудить въ чадахъ Церкви заснувшее во многихъ сознаніе необходимости для спасенія послушанія Церкви, единенія съ нею въ мысли и словѣ. Важнѣе то, что всѣмъ, еще вѣрнымъ Церкви чадамъ ея будетъ извѣстно: кто сѣетъ и поддерживаетъ смуту, чтобы такихъ людей остерегаться и, по завѣту св. Апостоловъ, не имѣть съ ними близкаго братскаго общенія. Кто посмѣетъ сказать, что Апостолъ Іоаннъ Богословъ, сей Апостолъ любви, не имѣлъ достаточно христіанской любви, когда писалъ „избранной госпожѣ и чадомъ ея“: *всякъ преступаяй и не пребываяй во ученіи Христовѣ, Бога не имать. Аще кто приходитъ къ вамъ и сего ученія не приноситъ, не пріемлите его въ домъ и радоватися ему не глаголите*, не привѣтствуйте его. *Глаголяй бо ему радоватися сообщается дѣломъ его злымъ.* (2 Іоан. 9—11). А Апостолъ Павелъ запрещаетъ съ такимъ даже вмѣстѣ принимать пищу. Такъ велика опасность отъ общенія съ противникомъ Церкви! Да и Самъ Христосъ Спаситель сказалъ: *аще и Церковь преслушаетъ братъ твой, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь* (Мѳ. 18, 17). Обычно, противники власти церковной говорятъ, что архіерей и Синодъ еще не Церковь. Но всю полноту власти, всѣ обязанности блюсти чистоту ученія вѣры, всю отвѣтственность, а слѣдовательно, и права управленія Церковію возложены не на мірянъ, а на преемниковъ апостольскаго служенія—архіереевъ, а потому святые отцы требовали безусловнаго послушанія церковной власти, и въ частности носителямъ ея—архіереямъ, пока они не лишены своихъ полномочій соборомъ церковнымъ. Не мі-

рянамъ судить своихъ пастырей: такое извращеніе порядка церковной жизни въ Церкви недопустимо. Если мы не находимъ въ правилахъ соборныхъ и святоотеческихъ указанія на то, какъ относиться къ авторамъ печатныхъ произведеній еретическаго содержанія, то это понятно: тогда печати еще не было. Но, какъ я выше уже сказалъ, писанія еретическія Церковь судила и авторовъ осуждала. А нынѣ авторы и издатели вообразили себя уже какими-то судіями самой Церкви, и пусть бы ужъ это были враги Церкви, вторгающіеся въ ея жизнь внутреннюю: такъ бы и пришлось относиться къ нимъ, какъ не вмѣняемымъ, какъ къ людямъ, которые не вѣдятъ, что говорятъ и пишутъ. А когда пишутъ и печатаютъ именующіе себя сынами Церкви, да еще мнящіеся ревновать о чистотѣ ученія церковнаго, дерзающіе обвинять самую церковную власть въ ереси, поносящіе исполняющихъ свой долгъ пастырей Церкви: можетъ ли Церковь тогда молчать? Ужели во имя какой-то неопредѣленной свободы печати, свободы слова, власть церковная должна безмолвствовать? Ужели даже своимъ чадамъ, ей еще вѣрнымъ, Церковь не можетъ, не смѣетъ сказать, что такой-то писатель, или такое то изданіе лжетъ, заблуждается, распространяетъ ересь? Ужели этого писателя или издателя власть церковная не можетъ даже вопросить: како вѣруеши? Вѣдь, ты именуешь себя православнымъ: кто же далъ тебѣ право искажать ученіе Церкви православной, да не про себя только, но и другихъ смущать, подрывая въ нихъ довѣріе къ церковной власти, стоящей на стражѣ догматовъ и ученія Церкви? Если ты самъ смущался чѣмъ-либо, то долженъ былъ обратиться къ пастырямъ Церкви за разъясненіемъ, а не выступать предъ цѣлымъ міромъ въ качествѣ ихъ обличителя и обвинителя—ты, именующій себя еще сыномъ Церкви! Данная тебѣ свобода слова еще не освобождаетъ тебя отъ обязанности послушнаго сына Церкви — почитать Самимъ Господомъ поставленную власть церковную, если только ты еще не отпалъ отъ единенія съ Церковію, ибо сказано: кто не съ епископомъ, тотъ и не въ Церкви. И пока ты именуешь себя сыномъ Церкви, дотолѣ Церковь имѣетъ и право и долгъ требовать отъ тебя послушанія, судить тебя судомъ божественнымъ, а въ случаѣ непослушанія—отказаться отъ тебя, отлучить тебя отъ себя! Судъ Церкви никакого отношенія къ законамъ гражданскимъ не имѣетъ, и что разрѣшаетъ—если только разрѣшаетъ—законъ гражданскій, то не всегда можетъ одобрить, иногда не можетъ допустить законъ церковнаго послушанія. Извѣстно, напримѣръ, что законъ разрѣшаетъ военнымъ дуэли, а Церковь называетъ ихъ тройнымъ преступленіемъ: убійствомъ, мятежемъ противъ правительства и самоубійствомъ. Конечно, судъ Церкви есть судъ любящей матери, но есть предѣлъ любви не только матерней, но и божественной. А судъ Церкви есть судъ божественный по своей сущности, ибо право сего суда дано Церкви не людьми, а Самимъ Господомъ. *Елика аще свяжете на земли, будетъ связана на небесѣхъ, и елика аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшена на небесѣхъ*—это, вѣдь, словеса Самого Господа. Нынѣ привыкли къ мысли, что Церковь, въ лицѣ ея служителей—пастырей, должна только разрѣшать и разрѣшать своихъ чадъ, въ какомъ бы грѣхѣ они ни каялись, а о правѣ „связывать“.

запрещать, даже отлучать почти всѣ забываютъ. Но бываютъ обстоятельства, когда, хотя бы во избѣжаніе соблазна, зараженія ересью, Церковь должна, хотя и съ болью сердца, провозглашать свой строгій судъ надъ непослушными своими чадами. Когда распространяется зараза, надо принимать предохранительныя мѣры. Надо предупреждать дѣтей отъ опасности зараженія. И въ этомъ судѣ никакія мірскія власти, никакіе законы о свободахъ ей не могутъ препятствовать. Это—ея небесное право. Само собою разумѣется, что для человѣка, покинувшаго Церковь, такой судъ не страшенъ: онъ будетъ смѣяться надъ нимъ, какъ несчастный Толстой смѣялся; но для вѣрующихъ приговоръ Церкви есть уже знакъ, что должно сторониться такого человѣка. А еще, слава Богу: хотя число вѣрующихъ и умалилось, все же на Руси ихъ не мало, и для нихъ голосъ Церкви будетъ имѣть всю свою силу и значеніе. Есть и такіе, которые въ недоумѣніи вопрошаютъ: почему Церковь молчитъ? Почему она не принимаетъ мѣръ къ такому или иному воздѣйствію на именуемыхъ чадъ ея, доходящихъ до такой дерзости, что они судятъ церковную власть, какъ будто она имъ подчинена, а не они —ей, какъ будто они кѣмъ-то уполномочены давать свои заключенія относительно ея дѣяній и вовсе не обязаны выслушивать ея рѣшенія и сужденія. Казалось бы: ужъ пусть будетъ лучше наоборотъ: пусть Церковь исполнитъ свой долгъ въ отношеніи сихъ заблуждающихся и, если они не раскаются и не смирятся предъ Церковію, то пусть будутъ извергнуты изъ ея нѣдръ, а затѣмъ ихъ газетные толки, ихъ критика церковной власти и ея распоряженій уже будутъ въ глазахъ вѣрныхъ сыновъ Церкви то же, что теперь сужденія какихъ-либо раскольниковъ и сектантовъ въ ихъ повременныхъ изданіяхъ, обычно преисполненныхъ клеветъ на Церковь православную и ея служителей.

Было время, когда церковная жизнь шла спокойно въ своемъ вѣковомъ руслѣ и церковная власть руководила ея теченіемъ, не имѣя крайней нужды усиливать строгость своей дисциплины. Теперь—время всякихъ свободъ, лучше же сказать —распущенности во всѣхъ областяхъ русской жизни. Эта распущенность проникла уже и въ область церковной жизни. Забывъ о необходимомъ условіи пребыванія въ нѣдрахъ Церкви, иные „чада“ Церкви позволяютъ себѣ всякое самочиніе и въ мысли, и въ печатномъ словѣ, и въ ученіи вѣры. Сама жизнь такимъ образомъ настойчиво проситъ болѣе строгой дисциплины. Сыны послушанія начинаютъ чувствовать уже гнетъ отъ сыновъ противленія. Благодаря слабости дисциплины, и для лицемѣра-жида стало легко быть, то есть считаться, православнымъ, ибо православіе на дѣлѣ, въ жизни, ничего отъ него не стало требовать, что препятствовало бы ему жить, какъ ему хочется. Съ другой стороны, распустились и исконно-православные: внѣшняя ограда закона гражданскаго снята: вѣруй, какъ знаешь, иди въ какую хочешь секту, исключая противогосударственныхъ и противообщественныхъ; пиши и говори, что хочешь: свобода слова и печати почти безграничная, а внутренней церковной дисциплины, какъ внѣшняго проявленія жизни самой Церкви, незамѣтно. И мнимые православные забыли, что есть власть церковная, что она имѣетъ и право, и долгъ наблюдать за ихъ дѣятельностію въ области вѣры православ-

ной. Въ ихъ сознаніи, какъ будто, сгладилось различіе между пастыремъ и пасомыми, между имѣющимъ право и долгъ учить, и между неимѣющими такого права, между облеченными благодатію „созиданія Церкви", то есть благодатію священства, и между простыми міянами, коимъ разрѣшается учительство только по особому благословенію пастырей Церкви. Все спуталось, смѣшалось, и безъ возстановленія церковной дисциплины, и притомъ строго разумной, не разобраться въ этой путаницѣ. Думается, что церковная власть и должна положить начало такому великому дѣлу съ тѣхъ именуемыхъ чадъ Церкви, которые самочинно берутъ на себя судъ надъ самою властью церковною, надъ С. Синодомъ и архипастырями, надъ ихъ ученіемъ, то есть, ученіемъ самой Церкви, ибо у нихъ нѣтъ своего личнаго ученія, своего смышленія. А таковы и есть такъ называемые представители публицистики, руководители печатнаго слова...

Необычно на сей разъ мое слово. Не дерзаю сказать съ Апостоломъ „не почти кто-нибудь меня неразумнымъ", но дерзаю повторить его дальнѣйшее слово: „примите меня, хотя какъ неразумнаго" (2 Кор. 11, 16). Если я ошибаюсь, то вразумите меня, но все же удѣлите вниманіе симъ моимъ строкамъ...

220—221.

На опасномъ пути.

Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что вождь имябожниковъ А. Булатовичъ не подаетъ надежды къ смиренному сознанію своего заблужденія. Вступивъ на путь самочиннаго мудрованія, онъ сталъ на почву полемики съ церковною властью, уже воображая себя вполнѣ правоспособнымъ богословомъ для такой полемики и для формулированія новыхъ, въ богословской наукѣ еще неизвѣстныхъ, догматовъ. Почва опасная и Церковію неблагословляемая! А что это такъ, что онъ на опасномъ пути, видно изъ того, что, вѣдь, не можетъ же онъ отказаться отъ заявленія схимонаха Иларіона, что имъ открытъ „новый догматъ", доселѣ какъ бы незамѣченный, именно—что „имя Божіе есть Самъ Богъ". А св. отцы, учители подвижничества, Іоаннъ Лѣствичникъ, Варсанофій Великій и другіе, строго запрещаютъ рядовымъ монахамъ заниматься изслѣдованіемъ догматовъ, указывая имъ смиренный путь послушанія и предоставляя „догматствованіе" епископамъ.

Нынѣ Булатовичъ заявляетъ въ своемъ „прошеніи" Святѣйшему Синоду, что „по одному своему званію схимонаха будучи всегда готовъ „смириться" (это слово онъ почему-то ставитъ во вносные знаки, что производитъ странное впечатлѣніе, какъ будто призывъ Святѣйшаго Синода къ смиренію по адресу инока носитъ какой-то специфическій характеръ), да и вообще никогда не стыдясь сознать свою ошибку, въ особенности, если эта ошибка можетъ имѣть пагубныя послѣдствія не только для него, но и для многихъ другихъ", онъ „съ радостью готовъ и смириться и отстать отъ заблужденія, но"...

Но прежде, чѣмъ читать его условія, на какихъ онъ „готовъ" сми-

риться, я не могу не напомнить ему нашей бесѣды въ больницѣ, въ Петербургѣ: г. Троицкій и я довели его до сознанія, что онъ неправильно перевелъ изъ греческой постной тріоди слово *θεότης* словомъ *Богъ*: для понятія „Богъ“ у грековъ есть спеціальное слово *Θεός*. Мы предложили ему немедленно, теперь же, напечатать въ „Колоколѣ“ или въ какомъ угодно изданіи, что онъ исправляетъ свою ошибку. На это онъ не согласился, сказавъ, что исправитъ во второмъ изданіи своей „Апологіи“. Правда, онъ далъ на бумагѣ нѣчто въ родѣ такой поправки для представленія Святѣйшему Суноду, но когда я прочиталъ эту поправку въ Сунодѣ, то она была признана довольно двусмысленною и недостаточной, да притомъ авторъ все же меня не уполномочилъ ее напечатать. Итакъ: мы въ правѣ сомнѣваться и теперь, что онъ дѣйствительно „готовъ“ сознаться въ своемъ заблужденіи. Однакоже, какія его условія покаянія?

„Но, говоритъ онъ, прежде нежели это сдѣлать, я долженъ знать, въ чемъ должно заключаться сіе „смиреніе“ (замѣтьте: опять какъ бы иронія—знаки вносные) и отъ какихъ заблужденій подобаетъ мнѣ отстать?“—„И затѣмъ, на 27 страницахъ въ листъ (по 62 строки!), въ 9 пунктахъ, разбираетъ, точнѣе—критикуетъ, все посланіе Святѣйшаго Сунода, доказывая несправедливость предъявленныхъ ему обвиненій, обвиняя въ свою очередь архіепископа Антонія и меня въ богохульствѣ, повторяя всѣ тѣ подмѣны и искаженія, въ коихъ онъ изобличенъ уже и мною, и С. В. Троицкимъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на эти изобличенія, какъ будто ихъ и не было, и въ заключеніе категорически заявляя: „судите насъ, или совсѣмъ отлучите, но отступаться отъ святоотеческой православной вѣры во имя Божіе—мы не можемъ!“ Другими словами: онъ, отъ лица своихъ единомышленниковъ, заявляетъ, что отступиться отъ ученія, признаннаго и Святѣйшимъ Сунодомъ, и двумя вселенскими патріархами—ересью, они не могутъ, а требуютъ—это само собою подразумѣвается, — чтобы самъ Святѣйшій Сунодъ отрекся отъ своего приговора надъ ихъ ересью, призналъ насъ, архіепископовъ Антонія и Нікона, богохульниками, а поелику Святѣйшій Сунодъ является единомысленнымъ съ нами, то и себя пусть признаетъ погрѣшившимъ, если ужъ не еретичествующимъ... Таково „смиреніе“ (вотъ, ужъ, поистинѣ, смиреніе въ вносныхъ знакахъ!) А. Булатовича!

Разбирать всѣ 1600 строкъ сего прошенія значило бы писать цѣлую книгу; а главное, сіи строки представляютъ собой не что иное, какъ пересказъ, повтореніе все той же знаменитой „Апологіи“ Булатовича, которая была тщательно разобрана уже и въ докладахъ Святѣйшему Суноду, и въ статьяхъ, и въ брошюрахъ нашихъ; авторъ съ спокойной совѣстью повторяетъ, какъ я сейчасъ сказалъ, всѣ свои ошибки, цитируетъ искаженныя мѣста изъ св. отцевъ, толкуетъ по своему смышленію тексты изъ Священнаго Писанія, при чемъ на каждой почти строкѣ, иногда даже не разъ, пестрѣетъ „имя Божіе“, такъ что читатель, наконецъ, испытываетъ какой-то тяжелый гипнозъ и бросаетъ чтеніе „прошенія“ такъ же, какъ онъ вынужденъ былъ откладывать и чтеніе „Апологіи“...

Онъ обвиняетъ насъ въ нежеланіи понимать его. Въ свою очередь, мы въ правѣ обвинять его не только въ нежеланіи понимать насъ, но и

въ перетолкованіи нашихъ словъ. Напримѣръ: совершенно произвольно онъ утверждаетъ, что „подъ выраженіемъ „самое имя“ въ сѵнодальномъ посланіи — очевидно (?) подразумѣвается имяначертаніе и имязвучіе“. Но откуда же это— „очевидно“? Посланіе разумѣетъ, конечно, не одни звуки, не однѣ буквы имени, но и мысленное умопредставленіе, или, какъ говорятъ, идею, все то, что Булатовичъ называетъ тварною оболочкою имени Божія. Впрочемъ, еще, можетъ быть, Булатовичъ именно идею то и разумѣетъ, когда говоритъ объ имени, что оно есть Богъ...

Читая его тезисы, въ коихъ онъ излагаетъ свое мудрованіе, и тѣ пространныя, но весьма туманныя объясненія, какія онъ даетъ въ своемъ „прошеніи“, лучше бы сказать—полемическомъ посланіи, на имя Святѣйшаго Сѵнода, ясно видишь, что человѣкъ путаетъ понятія, пускается въ область богословія и метафизики, и не зная, какъ выйти изъ этой путаницы, прибѣгаетъ къ высокопарнымъ выраженіямъ, смыслъ коихъ едва ли понятенъ и ему самому. Еще въ самомъ началѣ полемики моей съ нимъ, писалъ я ему, что прежде всего надобно твердо установить два понятія: что такое „имя“ и что такое „Богъ“? Какіе признаки сихъ понятій? Въ своемъ отвѣтѣ онъ уклонился отъ опредѣленнаго отвѣта на эти два вопроса. Уклоняется и теперь. Въ самомъ дѣлѣ: на вопросъ: что такое „имя“?—Въ своемъ „прошеніи“ онъ отвѣчаетъ: „Имя Божіе, въ самомъ обширномъ и таинственномъ смыслѣ этого слова, понимается во святомъ Писаніи и у св. Отцевъ равнозначущимъ съ именемъ „Слово Божіе“, то есть, „имя Божіе“ означаетъ „Сынъ Божій“.

Хотя это и бездоказательно и не можетъ быть признано вѣрнымъ, что въ словѣ Божіемъ и у святыхъ Отцевъ подъ именемъ Божіимъ „разумѣется, означается“, именно Второе Лице Святыя Троицы—Сынъ Божій, согласимся на минуту, что это такъ: но, вѣдь, во 1-хъ, изъ сего слѣдуетъ, что подъ „именемъ Божіимъ“ уже не должно разумѣть Первое и Третіе Лица Святыя Троицы—Отца и Святаго Духа. Иначе выйдетъ само собою заключеніе, что и Отецъ и Святый Духъ — суть Сынъ Божій. Явная нелѣпость! А во 2-хъ, и мы говоримъ, что терминомъ имя Божіе мы „означаемъ“ Бога, что имя Его есть символъ, или, какъ у грековъ принято говорить — икона Бога. Казалось бы, А. Булатовичъ согласенъ съ нами? Отнюдь нѣтъ: онъ говоритъ, что „имя Божіе есть Самъ Богъ“. Но что-нибудь одно: или имя „есть“ Богъ, или же только „означаетъ“ Бога: вѣдь, это два понятія, отстоящія одно отъ другаго, какъ небо отъ земли.

А. Булатовичъ понимаетъ, что такое опредѣленіе имени Божія, какъ „Сынъ Божій“, многихъ не удовлетворитъ, а потому онъ даетъ еще другое: „имя Божіе, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, говоритъ онъ, означаетъ различныя именованія Божіи, открытыя Богомъ человѣку, коими мы именуемъ Бога по богооткровеннымъ свойствамъ Его“. Кажется, ясно, что тутъ уже разумѣть надобно имена—*слова;* да онъ далѣе и самъ говоритъ: „въ этомъ смыслѣ понимаемое имя Божіе равночестно *Глаголамъ* Божіимъ, которые таинственно заключаютъ въ себѣ Духъ и Жизнь, то есть, Божественную дѣятельность Божества, которая, будучи растворена вѣрою воспринимающихъ сіи Глаголы, освящаетъ ихъ и просвѣщаетъ ко спасенію и причащаетъ Божеству“.

Дѣйствительно, тутъ что-то „таинственно“. Прежде всего почему-то Булатовичъ всѣ эти слова: „Глаголы, Духъ, Жизнь“, пишетъ съ прописныхъ буквъ: значитъ, надо въ эти слова влагать какой-то особый, таинственный смыслъ, ибо, вѣдь, это—не собственныя имена, чтобы писать ихъ съ большой буквы. Во-вторыхъ, какъ понимать, что сіи „именованія Божіи“, сіи „Глаголы Божіи“ причащаютъ насъ Божеству? А Булатовичъ еще прибавляетъ: „въ семъ смыслѣ мы имѣемъ право называть имя Божіе Богомъ, ибо въ немъ (въ имени, конечно)? мы воспріемлемъ Божество Божественной энергіи, а въ сей энергіи Божества непостижимо и недомыслимо вселяемъ (сами?) въ себя Самого Бога“. Что же это такое? новое ученіе о причащеніи посредствомъ имени Божія? Не въ этомъ ли разгадка, почему слова: „Глаголы“, „Жизнь“, „Духъ“, пишутся съ большой буквы? Не потому ли мнѣ еще на Аѳонѣ имебожники заявляли, что если у нихъ не будетъ іерархіи, не будетъ совершителей таинствъ, то они будутъ причащаться именемъ Божіимъ? Сколько извѣстно, вѣдь, и молокане проповѣдуютъ духовное причащеніе и крещеніе словомъ Божіимъ. Православно ли это? Мы знаемъ ученіе о посѣщеніи достойныхъ благодатію Божіей чрезъ молитву, исполненіе заповѣдей Божіихъ, а наипаче чрезъ таинства Церкви, изъ коихъ только одно дѣлаетъ насъ причастниками Божества Хрістова — святая Евхаристія, но во всѣхъ 8-ми „положеніяхъ“, или исповѣдуемыхъ Булатовичемъ тезисахъ, ни разу не упомянуто слово „благодать“, столь обычное въ церковномъ языкѣ, когда идетъ рѣчь объ отношеніяхъ между Богомъ и спасаемымъ человѣкомъ. По его мудрованію, имена Божія, оболочкою коихъ служатъ слова, воспринимаются вѣрою и причащаютъ воспринимающаго Божеству, ибо „произносящій ихъ вселяетъ въ себя Самого Бога“. Логическое удареніе ставится не на словѣ „благодать“, которое какъ-будто намѣренно избѣгается, а опять-таки на „имени Божіемъ“, которое, по словамъ Булатовича, „въ строго-догматическомъ смыслѣ, въ смыслѣ Божественнаго откровенія есть энергія Божества и Божество“. „Имя Божіе, говоритъ онъ далѣе, есть Божественная сила, Господственно (опять большая буква) дѣйствующая. Имя Божіе въ Богѣ и Богъ въ имени Своемъ“.

Итакъ, въ нѣсколькихъ строкахъ читаемъ: имя Божіе есть Сынъ Божій. Имя Божіе есть сила Божія. Имя Божіе есть энергія Божества, есть дѣятельность Божества. Имя Божіе—глаголы Божіи, именованія Божіи, открытыя Богомъ человѣку... Кромѣ перваго опредѣленія, („Сынъ Божій“), которое не можетъ быть признано вѣрнымъ, ибо очевидно смѣшиваетъ совершенно различныя понятія: Слово—*Λόγος* и—имя—*ὄνωμα*—идетъ рядъ отвлеченныхъ понятій: „сила, энергія, дѣятельность, именованія, глаголы“... И все это—Богъ! Пусть спеціалисты по богословію разберутся въ этой путаницѣ, смѣшеніи понятій. Булатовичъ, какъ будто, боится сознаться, что въ сущности обожаетъ звуки и идеи, однако же, когда говоритъ объ имени „Іисусъ“, что „оно есть самое совершенное наименованіе Сына Божія, имѣющее величайшій сокровенный смыслъ“, то неизбѣжно, вѣдь, говоритъ о звукахъ, ибо какъ же безъ звуковъ именовать какое бы то ни было имя?.. Правда, въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что

„приписываетъ Божественныя свойства не тѣмъ буквамъ, которыми условно выражается Божественная истина, но лишь *самому слову истины*". Но что же это за „*слово истины?*" Въ чемъ онъ полагаетъ самую сущность имени? „Конечно, говоритъ онъ, буквы и звуки суть условные знаки, разные на разныхъ языкахъ, но та истина, которая сими буквами и звуками выражается на всѣхъ языкахъ и во всѣхъ выраженіяхъ, всегда одна и та же и сія истина есть происхожденія Божественнаго, всегда пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ ней пребываетъ. Вотъ что называемъ мы „именемъ Божіимъ", отличая имя отъ именачертанія и имезвучія". — Что вы, авторъ „прошенія", отличаете свое понятіе объ имени отъ именачертанія и имезвучія—это понятно; но все же остается непонятнымъ: что такое, по вашему ученію, „имя" въ своей сущности? Дѣло въ томъ, что слово „имя" имѣетъ такое свойство по своей логической природѣ, что требуетъ непремѣнно звукового сочетанія, дабы отмѣтить тотъ или другой предметъ для нашего мышленія, и если отнять отъ имени звукъ, то остается только предметъ, ими означаемый, или умопредставленіе о немъ, но уже темное, обычно мыслимое посредствомъ звукового сочетанія. Самую „идею" трудно мыслить безъ звукового имени, хотя бы это имя и не было произносимо устами: таковъ законъ нашего мышленія. Но что это за „слово истины"? Когда мы дѣлаемъ предположеніе, что вы имя Божіе отожествляете съ Самымъ Существомъ Божіимъ, вы говорите: „Имя „Іисусъ" *по самому существу своему есть Самъ Богъ*, но *не есть оно Самая неименуемая Сущность Божія*—прочь такое хуленіе,—но оно *есть истина единосущная Трипостасной Истинѣ*". Значитъ, имя, по вашему, по самому существу, своему есть Самъ Богъ, но въ то же время оно—не есть Сущность Божія. Значитъ, оно есть нѣчто отличное отъ Бога. Значитъ, оно не есть Богъ. Такъ требуетъ неумолимый законъ логики. А если такъ, то что же это за „нѣчто", которое вы исповѣдуете Богомъ? Что это за „объективное бытіе", въ которомъ, „по неотдѣлимости дѣятельности Божіей отъ Существа Его, Самъ всемогущій и вездѣсущій Богъ, Сама всесовершенная *Личность* со всѣми Своими свойствами", но опять-таки—*безъ Существа* Божія, ибо вы говорите и это подчеркиваете, что „имя не есть самая Сущность Божества"?... „Имя Божіе, говорите вы, есть непрестающее свѣтоизліяніе Божества, озаряющее человѣка Боговѣдѣніемъ, которое неизмѣнно всегда существуетъ само въ себѣ и въ Церкви съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Церковь Ангеловъ и человѣковъ". Но тогда — при чемъ же тутъ самое слово—„имя"? Вѣдь, говоримъ же мы, что Господь есть *свѣтъ* истинный, просвѣщающій всякаго человѣка? Съ равнымъ правомъ можно бы при этомъ назвать и другое свойство Божіе, напримѣръ, — премудрость Божію, а вамъ почему-то нужно именно — „имя"?... Вы признаете бытіе имени—именно „имени", даже объективно, какъ свѣтъ Божества, какъ всегда Божество... Вы говорите, что „объективно истина Божія, выражаемая (словесно) именемъ Божіимъ, есть Самъ Богъ". Но Богъ есть всесовершенная Личность, слѣдовательно, по вашему, истина Божія, выражаемая въ имени Божіемъ, есть личность? Но сія истина, говорите вы, только выражается въ имени, слѣдовательно, самое-то имя уже не есть Богъ? „Имя Божіе,

говорятъ имебожники, есть энергія Божества". Замѣтимъ: лучше сказать: энергія Божія, а не энергія Божества. Это необходимо для того, чтобы въ наше время, когда естественныя науки такъ много говорятъ о разныхъ энергіяхъ, не всѣять въ мысли читателя представленіе о Самомъ Богѣ, какъ бы источающемъ энергію изъ Себя подобно нѣкоторымъ физическимъ тѣламъ, источающимъ изъ себя эманацію непроизвольно. Итакъ, по вашему, имя—энергія. Но что есть энергія? Это—свойства Божіи: всемогущество, премудрость и благость въ ихъ дѣйствіи. Въ этомъ смыслѣ энергія Божія сотворила міръ. Въ этомъ смыслѣ, перенося понятіе дѣйствія на Дѣятеля-Творца, должно сказать: Богъ сотворилъ міръ. Въ этомъ смыслѣ и энергію Божію можно называть Богомъ. Но что такое имя? Допустимъ, что оно — плодъ дѣйствія энергіи Божіей въ духѣ человѣка. Но, вѣдь, міръ—плодъ дѣйствія той же энергіи. Слѣдовательно, имя есть нѣчто тварное. Богъ вложилъ въ духѣ человѣка сѣмя, инстинктъ, потребность, идею вѣры. Это уже твореніе Божіе. Духъ человѣка данными ему способностями образовалъ „имя"; отмѣтилъ въ своемъ мышленіи это сѣмя вѣры нѣкіимъ знакомъ, символомъ, необходимымъ для его мышленія. Это уже не энергія Бога, а лишь послѣдствіе первоначальнаго воздѣйствія Божіей энергіи въ духѣ человѣка. Но даже если бы Богъ Самъ, безъ содѣйствія духа человѣческаго, вложилъ въ духъ сей тотъ мысленный знакъ, умопредставленіе о Себѣ, что именуется именемъ Божіимъ, все же это было бы только твореніемъ Божіимъ, но не Богомъ. Но святые отцы ясно учатъ, что имя Божіе „измышлено" самимъ человѣкомъ. Поэтому уже никакъ нельзя называть имя Божіе „энергіей Божества". Во всякомъ случаѣ имя есть нѣчто тварное, а не Самъ Богъ.

Говорятъ: „истина", а не звуки, не умопредставленіе есть имя. Но тогда и слово „имя" уже не должно употреблять: оно неизбѣжно требуетъ того или иного мысленнаго знака, символа, выражаемаго въ словѣ. Вотъ почему отнюдь нельзя допускать такого смѣшенія понятій, какое допускаютъ имебожники.

Но я утомляю читателя, водя его по лабиринту мудрованій имебожника. Чтобы выйти изъ этого лабиринта, пытаюсь установить нѣкоторыя необходимыя понятія болѣе опредѣленно.

У грековъ есть два слова, коимъ въ русскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ три. Греческое слово *Θεός* соотвѣтствуетъ русскому—*Богъ*. А слово того же корня *Θεότης*—русскимъ—*Божество и Божественность*. Первое слово заключаетъ въ себѣ понятіе, по преимуществу, личности, второе—качественности. Русскія слова *божество и божественность* имѣютъ свои оттѣнки: слово *божество* можетъ быть употребляемо и въ смыслѣ личности—„Богъ", но большею частію въ примѣненіи къ языческимъ богамъ, и въ смыслѣ качественнаго понятія: Божество Христово — природа Божественная. А слово *Божественность*—только въ смыслѣ качества и относительности: Божественныя свойства: премудрость, благость и пр. и Божіе промышленіе, а затѣмъ—святость предмета: имена Божіи, Богу принадлежащія, Ему единому свойственныя, приличествующія—божественны.

Имебожники, не зная греческаго языка, не умѣли какъ слѣдуетъ разобраться въ этихъ оттѣнкахъ поня-

тій и перепутали ихъ. Такъ, напримѣръ, въ подлинномъ греческомъ текстѣ о дѣйствіи Божіемъ (объ энергіи) употреблено слово *θεότης*—божественность, они перевели какъ слово *Θεός*—Богъ и получилось ученіе, что самая дѣятельность Божія есть Богъ, какъ личность, какъ „Самъ Богъ". А такъ какъ они имена Божіи считаютъ „энергіей" Божіей, (въ чемъ и есть ихъ главное заблужденіе), то, понятно, по ихъ понятіямъ и выходитъ, что они—Богъ, Самъ Богъ. Имена Божіи, какъ иконы, конечно, суть святыня; ихъ должно называть Божественными, какъ мы и называемъ; но для имебожниковъ этого мало: они называютъ насъ имеборцами, какъ будто мы отвергаемъ сіи имена, отрекаемся отъ нихъ...

Но Булатовичъ, — страшно сказать,—дерзаетъ клеветать на самого апостола Павла, будто онъ разные виды дѣятельности Божества именуетъ Богомъ: „Прочтите, пишетъ онъ, главу 12-ю 1-го посланія къ Коринеянамъ, въ которой говорится о разныхъ видахъ дѣятельности Божества, —въ ней сія дѣятельность именуется „той же Богъ" или иначе сказать: „Тотъ же Самый Богъ", или, какъ мы (имебожники) говоримъ—„Самъ Богъ". Читатель съ изумленіемъ останавливается на такомъ толкованіи, но Булатовичъ, нимало не смущаясь, продолжаетъ выписку, вставляя, по своему обычаю, въ нее свои толкованія: „Раздѣленіе же дарованій суть (то есть благодатныхъ дарованій Божіихъ), а Той же Духъ; и раздѣленіе служеній (то есть даровъ служенія Богу), а Той же Господь; и раздѣленіе дѣйствъ (или различныхъ видовъ Энергіи Божества, поясняетъ Булатовичъ), а Той же есть Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ. Вся же сія дѣйствуетъ единъ и той же Духъ, раздѣляяй властію коемуждо, якоже хощетъ".—„Итакъ, какое свидѣтельство, восклицаетъ Булатовичъ, непреложнѣе этого можетъ дать намъ право называть Энергію Божественной Истины въ Именахъ и Глаголахъ Божіихъ—„Самимъ Богомъ", то есть, Тѣмъ же Самимъ Богомъ, Который неотдѣлимъ отъ Энергіи Своей, Который есть препростый Духъ и въ Которомъ нѣтъ ничего ни неодушевленнаго, ни отвлеченнаго, ни вещественнаго, но Который есть и всесовершенная Личность Богъ и въ Которомъ все есть Лично, ибо препросто и претѣсно соединено съ Сущностью Его".

Это торжествующее восклицаніе вызываетъ только крайнее недоумѣніе... Ужели Булатовичъ настолько невѣжественъ въ славянскомъ языкѣ, что не можетъ разобраться въ священномъ текстѣ, гдѣ подлежащее и гдѣ сказуемое? Всякій видитъ, что слова: „Той же Богъ" не есть сказуемое къ подлежащему „дѣйствія", а все это выраженіе Апостола есть самостоятельное предложеніе, въ которомъ подлежащее — „Богъ", а сказуемое—„одинъ и тотъ же". Если встрѣтилось недоразумѣніе, то Булатовичъ могъ бы прочитать въ русскомъ переводѣ тотъ же текстъ, и тогда для него ясно стало бы, что тутъ и намека нѣтъ на то, будто Апостолъ называетъ дѣйствія Божіи Самимъ Богомъ. И не было бы повода съ такимъ пафосомъ восклицать: „какое свидѣтельство непреложнѣе" и проч. Теперь же мы въ правѣ видѣть въ этомъ случаѣ свидѣтельство только—или невѣжества, или же недобросовѣстности Булатовича... Можно даже думать, что онъ нарочито приводитъ это мѣсто Апостола Павла по-славянски: нѣкоторая темнота славянской рѣчи даетъ ему удобство прикрыть свое непра-

вое мудрованіе. Вѣдь, то же самое онъ дѣлаетъ и съ выписками изъ святыхъ отцевъ, приводя славянскій текстъ вмѣсто русскаго.

Я сказалъ, что Булатовичъ смѣшалъ понятія: Богъ, Божество, Божественность. Онъ также смѣшалъ и понятія: свойство, качество, сила, дѣйствіе, имя. Ясно что и, понятіе благодати онъ подводитъ подъ ту же категорію. Для него, въ его мышленіи, существуетъ только двѣ категоріи, безъ всякихъ подраздѣленій: Творецъ и твореніе, Богъ и тварное бытіе. Все, что не тварное, бытіе — есть Самъ Богъ. Поэтому всѣ свойства Божіи, дѣйствія, силу, благодать онъ относитъ къ понятію Богъ: „энергія Божія—Самъ Богъ, имя Божіе—Самъ Богъ". Мало того: уже не мысль, но самыя слова, „оболочка мысли", по выраженію Булатовича—„Евангеліе, сіе слово Воплощеннаго и дѣйствія Его, въ немъ описанныя,—суть Самъ Онъ Богъ Слово". „Полагается Евангеліе, т.-е. слова Іисусовы, которыя и суть Самъ Богъ". „Всякое слово молитвы есть Богъ, а имя Божіе тѣмъ болѣе — Богъ". Это „тѣмъ болѣе" показываетъ, что у имебожниковъ есть и—„тѣмъ менѣе" Богъ. Это — ужъ простите — отзывается чѣмъ-то хлыстовскимъ... Только въ хлыстовщинѣ понятіе о Богѣ употребляется въ степеняхъ сравненія: болѣе Богъ, менѣе Богъ... Такъ постепенно, незамѣтно для самихъ себя, имебожники переносили понятія изъ области тварнаго — въ область понятія о Богѣ, смѣшивали „божественное" съ „Богомъ", и пришли къ обожанію именъ Божіихъ, вопреки ученію святыхъ отцевъ, признавая имена дѣйствіями Божіими вмѣсто того, чтобы почитать ихъ только „божественными". Это смѣшеніе понятій: „Богъ" и „Божественность" и стало камнемъ претыканія для малосвѣдущихъ въ тонкостяхъ святоотеческаго богословія монаховъ. Благопріятною почвою для такого смѣшенія понятій являлось и библейское словоупотребленіе, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ слову „имя" [1]). Разъ уклонившись на путь самочиннаго, неокормляемаго руководствомъ іерархіи, какъ хранительницы церковныхъ преданій, мудрованія, они отъ имени перешли уже къ ученію о томъ, что имя Божіе есть нѣкое реальное, объективное бытіе, есть духовное существо, есть Самъ Богъ... Явилось ученіе о боголѣпномъ поклоненіи имени Божію, какъ Богу. А поелику слова Евангелія седьмымъ Вселенскимъ соборомъ приравнены только къ св. иконамъ, а богоподобное поклоненіе иконамъ запрещено подъ угрозою анаѳемы, то пусть имебожники сами сдѣлаютъ выводъ, какая угрожаетъ имъ опасность отъ ихъ обоготворенія имени, какъ бы они его ни толковали. Допущенное ими вначалѣ, вѣроятно, по недоразумѣнію, а потомъ уже защищаемое сознательно, смѣшеніе понятій привело ихъ съ одной стороны къ обоготворенію именъ Божіихъ, именъ Божественныхъ, но не болѣе какъ иконъ, слѣдовательно къ обоготворенію тварнаго начала, а съ другой—къ приниженію и искаженію понятія о Богѣ до какого-то идейнаго пантеизма. А все это удаляетъ ихъ отъ Церкви, лишаетъ благодати, въ ней сущей, и ведетъ къ вѣчной погибели...

Имѣяй уши слышати да слышитъ!

[1]) Объ этомъ подробнѣе—въ моемъ первомъ докладѣ Святѣйшему Синоду. „Церк. Вѣдом." 1913 г. № 20.

222.

Дерзость растетъ!

Вожди имебожниковъ не успокоиваются. Не успѣваешь разобрать одно ихъ мудрованіе, какъ они подаютъ другое, третье и т. д. С. Синодъ только-что сдалъ въ Московскую синодальную контору прошеніе А. Булатовича, на 27 страницахъ, какъ тотъ же Булатовичъ подалъ, уже за подписью еще трехъ монаховъ, новое „Исповѣданіе вѣры въ Бога и во имя Божіе". Еще члены С. Синода не прочитали этого „исповѣданія", какъ онъ подаетъ уже дерзкое заявленіе, что если С. Синодъ не откажется отъ своего, по его мнѣнію ложнаго, ученія объ именахъ Божіихъ, то онъ, Булатовичъ и всѣ его единомышленники отказываются отъ всякаго общенія съ С. Синодомъ и его, С. Синода, единомышленниками... Гордыня еретичествующаго вождя растетъ уже не по днямъ, а по часамъ! Они уже воображаютъ себя выше патріарховъ, выше Синода, считаютъ себя судіями ихъ и готовы отлучить сихъ представителей Церкви отъ общенія съ собою...

Какое безуміе! Какая дерзость!

Первый пунктъ ихъ „Исповѣданія" гласитъ: „Вѣрую во единаго Бога такъ, какъ учитъ вѣровать Церковь въ Символѣ вѣры и отъ себя ничего не прибавляю и не убавляю", но съ слѣдующаго же, втораго пункта „Исповѣданіе" начинаетъ именно „прибавлять отъ себя" новое ученіе, исповѣдуемое имебожниками о вѣрѣ „въ имя Божіе", какъ въ Бога. Это лжеученіе изложено въ видѣ отрывковъ изъ писаній отцевъ и изъ Свящ. Писанія, со всѣми натяжками, перетолкованіями, словомъ—все дальнѣйшее изложеніе этой вѣры въ имя Божіе не представляетъ ничего новаго противъ того, что уже имебожниками не разъ излагалось въ ихъ многочисленныхъ писаніяхъ, а главнымъ образомъ въ писаніяхъ самого Булатовича, который, несомнѣнно, сочинялъ и этотъ новый документъ. Что такое „имя Божіе" по ихъ пониманію—такъ и остается неяснымъ, двойственнымъ, даже тройственнымъ, съ массою выписокъ, ссылокъ, иногда непонятныхъ: напримѣръ, на какой-то „святой катихизисъ", вѣроятно, на старопечатный Большой, въ свое время еще патріархомъ Филаретомъ изъятый изъ употребленія. Новаго въ этомъ „Исповѣданіи" развѣ только все болѣе и болѣе возрастающая дерзость еретичествующаго автора: онъ безъ стѣсненія клевещетъ на С. Синодъ, напримѣръ, будто въ его посланіи сказано, что имя Божіе не божественно, почему авторъ и заявляетъ: „не только не могу подписаться, что сердцемъ пріемлю и лобызаю сіе ученіе, патріарховъ Іоакима и Германа и С. Синода, но страшусь всякаго соприкосновенія съ нимъ и чужда себя творю отъ онаго". Совсѣмъ, какъ отрекающійся, даже славянскимъ языкомъ, только уже не отъ ереси, а отъ ученія, изложеннаго Церковною властію, отъ ученія Церкви...

И въ этомъ „Исповѣданіи", какъ и во всѣхъ прежнихъ имебожническихъ писаніяхъ, въ выпискахъ изъ отцевъ Церкви логическое удареніе ставится на словахъ: „вѣрую во имя", а слово „вѣрую" вездѣ понимается какъ слово: „признаю за Бога". Если выпустить всѣ мѣста,

въ коихъ встрѣчается слово „вѣрую во имя“, но не говорится прямо—„имя Божіе есть Богъ“, то останется очень немного выраженій, повидимому благопріятствующихъ имебожникамъ, но и то только тогда, когда сіи выраженія приводятся внѣ контекста рѣчи.

Въ самомъ дѣлѣ: развѣ мы не вѣруемъ во имя Божіе, какъ вѣруемъ, напр., въ чудотворную икону, въ честный крестъ, къ которому даже молитвенно обращаемся: „о, пречестный и животворящій кресте Господень, помогай намъ!..“—Но мы разумѣемъ при этомъ „непостижимую и божественную силу честнаго животворящаго креста,“—силу Божію, говоря при этомъ человѣкообразно, какъ нѣкогда сказалъ и Господь, когда прикоснулась къ Нему кровоточивая жена: „Я чувствовалъ силу, изшедшую изъ Меня“, силу—волеизъявленіе Всемогущаго. Но какъ въ крестѣ Господнемъ, такъ и въ имени Его сія благодатная сила дѣйствуетъ не сама по себѣ, а по изволенію Носящаго силу, а Его изволеніе бываетъ подъ условіемъ вѣры въ Его Божественное Лицо, въ Его всемогущество: аще что можеши вѣровати — вся возможно вѣрующему. Вотъ смыслъ нашей вѣры „во имя Божіе“, какъ таковое, именно какъ имя и только имя. При такой вѣрѣ въ простотѣ сердца нѣтъ никакой надобности мудрствовать объ „объективномъ бытіи“ имени Божія, о томъ, что оно есть „духовное существо“, что оно есть „истина единосущная тріипостасной Истинѣ“.

„Имя Божіе свято само по себѣ“, говоритъ Булатовичъ. Такъ вѣруемъ и мы, ибо имя Божіе не нуждается въ освященіи отъ кого-либо; оно свято по естеству, по существу, ибо принадлежитъ единому Богу, Освятителю и Творцу всего, что достойно освященія. „Слава имени Божія вѣчна и непремѣняема есть“—и сіе пріемлемъ, хотя слово вѣчный должно быть понимаемо условно: если подъ именемъ Божіимъ разумѣть то „свѣтоизліяніе“, о коемъ говоритъ Булатовичъ, а не имена, облеченныя въ звуки.

Сіи имена, какъ видно изъ писаній св. отцевъ, измышлены самимъ человѣкомъ, слѣдовательно, до сотворенія человѣка и не существовали, потому что Богу, яко Единому Сущему, не нужны были. Впрочемъ, если угодно, они существовали въ предвѣдѣніи Божіемъ, ибо каждая мысль наша отъ вѣчности была Богу извѣстна, предвидѣна. Но такое бытіе въ Божіемъ предвѣдѣніи уже ничѣмъ не разнится отъ такого же бытія въ предвѣдѣніи и всѣхъ тварей.

Достойно вниманія, что во множествѣ выписокъ, сдѣланныхъ Булатовичемъ и его послѣдователями, нѣтъ ни одной, ни изъ Библіи, ни изъ св. отцевъ, въ которой стояло бы рядомъ выраженіе: „вѣра въ Бога“ съ выраженіемъ: „вѣра во имя Божіе“ и оба выраженія были бы соединены союзомъ „и“. Дѣло въ томъ, что, большею частію, они замѣняютъ одно другое и соединить ихъ такъ, какъ соединяютъ въ самомъ заглавіи своего „исповѣданія“ имебожники, нельзя. Если сказано: „вѣрую въ Бога“, то уже нѣтъ надобности особо говорить объ имени Божіемъ: само собою разумѣется, что вѣруя въ Бога, мы вѣруемъ и въ благодатную силу Его имени, какъ Его умопредставляемой иконы. И наоборотъ: если я говорю, что вѣрую во имя Божіе, то подразумѣваю само собой и свою вѣру въ Бога. Вѣровать во имя Божіе на языкѣ св. Писанія и св. отцевъ и значитъ—„вѣровать въ Бога“. Никакого въ собственномъ смыслѣ

„имени", именованія,—напримѣръ: Іисусъ, Господь, Богъ, тутъ нѣтъ надобности и подразумѣвать. Св. мученики страдали не за „имя", какъ наименованіе, а за Самого Господа, за то, что вѣровали не въ какое-либо „имя", а въ Самого Господа. Конечно, мнѣ укажутъ на букву текстовъ, приводимыхъ имебожниками. Но, вѣдь, и буква нигдѣ, рѣшительно нигдѣ не говоритъ, что слѣдуетъ вѣровать въ такое-то „имя", а просто—„во имя", а потому вездѣ святые отцы и понимаютъ такъ: „во имя" значитъ въ „Самого Господа", а не въ то или другое Его *наименованіе*. Толкованіе сихъ выраженій имебожниками совершенно произвольно и ни на чемъ не основано. Они укажутъ мнѣ на такія, напримѣръ, мѣста: *да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится*. Но, вѣдь, и здѣсь слово „Іисусовѣ", въ русскомъ переводѣ „Іисуса" стоитъ не въ именительномъ, а въ родительномъ, какъ опредѣлительное слово къ слову „имя". Главнымъ словомъ и тутъ является самое слово „имя", а не слово „Іисусъ". А подъ словомъ „имя" разумѣется Самъ Господь нашъ, Его святѣйшая Личность. И конечно, всякое колѣно преклоняется предъ Его Личностью, а не предъ словомъ „Іисусъ", хотя и слово сіе достопокланяемо, какъ достопокланяема Его икона. И поклоненіе имени, какъ иконѣ, восходитъ на первообразное—на Самого Господа.

Я утомилъ своихъ читателей статьями объ имебожническомъ лженученіи, разбирая его въ своихъ „дневникахъ". Разбирать ихъ новое „исповѣданіе" вѣры въ Бога и имя Божіе, кажется, нѣтъ надобности: это сдѣлано подробно моимъ сотрудникомъ С. В. Троицкимъ, въ „Церк. Вѣдомостяхъ", очень подробно и основательно.

Но, обращаясь къ дѣятельности этихъ новыхъ евноміанъ, не могу еще разъ не отмѣтить, на какіе поступки способны эти якобы ревнители правой вѣры. Своими органами они избрали, главнымъ образомъ, два изданія, которыя ставятъ своею главною задачею лишать всякаго довѣрія церковную власть и поносить ея представителей въ лицѣ С. Синода, архіереевъ и его органовъ. Это — ничтожная газетка „Гроза", спеціальный органъ извѣстной секты хлыстовъ киселевскаго толка, и „Дымъ отечества", органъ не только киселевцевъ, но и разныхъ „братцевъ" хлыстовскихъ сектъ. Вотъ съ кѣмъ заключили оборонительный и наступательный союзъ имебожники! Они ищутъ поддержки отъ враговъ Церкви. Богъ имъ судія!

С. В. Троицкій уже отмѣтилъ, что они стали подражать сектантамъ и въ способѣ распространенія своего лжеученія. Въ мелкихъ книжкахъ они просто—обманываютъ читателя, заставляя его читать свои еретическія мудрованія вмѣсто того, что означено въ заголовкѣ книжки. Стоитъ, напримѣръ, въ заглавіи: „Патріархъ Ермогенъ". А о Патріархѣ Ермогенѣ въ книжкѣ только 7 страничекъ, въ томъ числѣ тропарь, кондакъ и молитва священномученику. А остальныя 16 страницъ—имебожническія мудрованія, въ коихъ искажаются—страшно сказать!—даже слова Самого Господа нашего Іисуса Христа. Вотъ примѣръ: на страницѣ 2 читаемъ: „Самъ Господь Іисусъ Христосъ сказалъ: „Имя Его животъ вѣчный есть" (Ін. 17, 3). Раскройте святое Евангеліе на указанномъ мѣстѣ и читайте: *„се же есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога и Егоже послалъ еси Іисусъ Христа"*. Скажите, до-

брые люди: не грѣшно ли влагать въ уста Господа слова, коихъ Онъ не говорилъ? Что это такое? на что похоже? Но, разъ потерявъ совѣсть, въ ослѣпленіи своемъ они ни предъ чѣмъ не останавливаются... Повидимому, они потеряли ту нравственную брезгливость, которая стоитъ на стражѣ православной совѣсти и не допускаетъ православнаго человѣка пользоваться іезуитскимъ правиломъ: „цѣль оправдываетъ средства“. Подобно сынамъ Лойолы, для большей славы имени Божія, они позволяютъ себѣ и поддѣлки, и передержки, и даже обманъ. Такъ одинъ изъ нихъ притворился слѣпцомъ, чтобы возбудить къ себѣ жалость въ добрыхъ сердцахъ и произвести впечатлѣніе тамъ, гдѣ это было особенно нужно и важно для имебожниковъ... И послѣ всего этого называютъ себя „исповѣдниками“, едва не мучениками за имя Божіе!..

Вотъ до чего доводитъ упорное сопротивленіе Церкви Божіей, доводитъ гордыня ума, не желающаго подчиниться власти церковной!

223—224.

Авторитетъ Церкви и наша интеллигенція.

Въ дѣлѣ вѣры опасность нашего времени въ томъ, что въ сознаніи нашихъ интеллигентовъ, даже вѣрующихъ, считающихъ себя православными, все болѣе и болѣе тускнѣетъ значеніе авторитета Церкви и чистоты догмата вѣры и все дѣло вѣры сводится къ нравственнымъ истинамъ и доброй жизни по вѣрѣ. Отсюда—охлажденіе къ Церкви и къ вопросамъ догматическаго свойства и равнодушіе къ истинамъ православія по ихъ существу. Что враги Церкви стараются сознательно поддерживать въ средѣ интеллигентовъ такое отношеніе къ Церкви къ догматамъ вѣры, это понятно: вытравленіе изъ народной души православія и разрушеніе Церкви—ихъ завѣтная мечта. Къ несчастью, сами вѣрующіе, особенно получившіе образованіе въ свѣтскихъ школахъ, безсознательно подготовляютъ почву для враговъ Церкви, чтобы сѣять среди нихъ сѣмена равнодушія къ догматамъ вѣры. Появляется ересь, ложное ученіе, искажающее православное ученіе—нашимъ образованнымъ „чадамъ Церкви“ и дѣла нѣтъ до самой сущности возникающаго спора о томъ или другомъ пунктѣ православнаго ученія; мало того: незнакомые съ догматикой, они и сами иногда готовы „подогматствовать“, высказать то или иное мнѣніе, не желая справляться даже съ тѣмъ: какъ излагается тотъ или другой пунктъ ученія въ изложеніяхъ вѣры православной, писанныхъ православными богословами. Стоитъ неосторожно какъ-нибудь задѣть самолюбіе такого дилетанта-богослова и онъ готовъ уже упорно отстаивать свое, иногда только-что ему пришедшее въ голову мнѣніе, а если вы вздумаете горячо опровергать его,—онъ примется еще съ большею настойчивостью отстаивать свою мысль, иногда совсѣмъ противоположную ученію Церкви... Ему и на мысль не приходитъ авторитетъ Церкви: онъ самъ себѣ авторитетъ...

По поводу аѳонскаго лжеученія объ именахъ Божіихъ теперь и происходитъ такое самочинное богословствованіе въ средѣ образованныхъ людей, именующихъ себя православными. Мы, служители Церкви, копаемся въ писаніяхъ отцевъ

и учителей Церкви, чтобы возможно лучше выяснить истинное пониманіе ученія церковнаго, возможно тверже обосновать его и обличить лжеученіе; противники наши тоже роются въ книгахъ, не пренебрегая даже такими уродливыми апокрифами, какъ „Посмертныя вѣщанія Нила мироточиваго“, которыя самъ же Булатовичъ называетъ „безграмотной и безсмысленной болтовней“; и, конечно, не будь они заражены духомъ противленія Церкви и самоцѣномъ въ своемъ богословствованіи, они сами пришли бы къ сознанію своей ошибки... А наша интеллигенція? представители якобы научной мысли? Они какъ будто и рады пофилософствовать, побогословствовать, сочинить отъ себя что-нибудь, но заняться изслѣдованіемъ: какъ учила о семъ древняя Церковь—имъ и на мысль не приходитъ, да и не подъ силу, и они предпочитаютъ—холодно-пренебрежительно отнестись ко всему возникшему вопросу въ его сущности. Недавно, дарю я одному высокопоставленному лицу свою книжку: „Имебожники“; онъ благодаритъ, но въ то же время говоритъ: „ахъ, ваше преосвященство, ну и зачѣмъ вы заварили всю эту кашу? И какое вамъ дѣло до того: какъ вѣруетъ какой-то Булатовичъ или невѣжды-монахи аѳонскіе? Къ чему этотъ шумъ, этотъ судъ? Да какъ бы они тамъ ни думали—стоитъ-ли толковать-то объ этомъ“?.. Вотъ вамъ образчикъ интеллигентнаго отношенія къ вопросамъ вѣры, къ чистотѣ догматовъ ея!

А отсюда уже дѣлаются и выводы: за что „сихъ смиренныхъ старцевъ“ отлучаютъ отъ святаго Причащенія Тѣла и Крови Господней? За что ихъ „преслѣдуютъ“? Грозятъ имъ отлученіемъ отъ Церкви?

„Выходитъ, что не они вносятъ смуту въ умы и сердца простецовъ, не они „дѣлаютъ шумъ“, а власть церковная, стоящая на стражѣ догматовъ вѣры, власть, которая, будто бы, должна безмолвно смотрѣть на эту смуту, на распространеніе ереси, на искаженіе ученія Церкви православной!.. Такъ сумѣли новые лжеучители перепутать истинное положеніе дѣлъ, можетъ быть, потому, что власть церковная ужъ слишкомъ снисходительно относилась къ нимъ, мало обращая вниманія на газетныя сплетни, ими распространяемыя, не отвѣчая на ихъ клеветы, ложь, выдумки и самую недобросовѣстную подтасовку фактовъ и поддѣлку текстовъ...

Да, это печальное и вмѣстѣ страшно опасное для чистоты ученія вѣры явленіе—полное равнодушіе къ догмату, къ церковному пониманію новыхъ вѣяній въ области догмата, къ авторитету Церкви, я уже не говорю объ авторитетѣ современной намъ іерархіи, но самой Церкви, когда ея ученіе обосновывается на ученіи св. отцевъ, на единомысліи всего епископата въ основныхъ положеніяхъ того или иного пункта ученія. Догматъ, какъ таковой, считается нашими интеллигентами какъ будто чѣмъ-то отжившимъ, потерявшимъ всякую цѣнность, что пора и забыть, и забросить, какъ пережитокъ давняго прошлаго... Мало-по-малу забывается руководящее православное начало въ отношеніяхъ „сына Церкви“ къ ученію Церкви, а такъ какъ нельзя же быть христіананомъ безъ всякихъ догматовъ, то на мѣсто православнаго начала въ сознаніе православнаго христіанина, незамѣтно для него самого, вторгается начало сектантское; смиренное исканіе водительства Церкви въ ученіи вѣры—подмѣнивается самочиннымъ блужданіемъ ума въ области религіозной мыс-

ли. Такъ равнодушіе къ догмату ведетъ къ забвенію руководящихъ началъ православнаго богословскаго мышленія, а отсюда раждается самочиніе религіозной мысли, ведущее въ свою очередь къ разномыслію съ Церковію и къ сектантству, какъ скоро въ душѣ вѣрующаго, потерявшаго руководящее начало православнаго мышленія, пробудится стремленіе къ опознанію своей вѣры. Что корабль, сорвавшійся съ якоря и лишенный руля, то вѣрующій, оторвавшійся отъ догмата и уклонившійся самочиніемъ мысли въ сторону сектантства.

Вотъ почему святые отцы такъ крѣпко стояли за чистоту догматовъ вѣры. Нѣкоторые иноки говорили преподобному Агаѳону: „мы слышали о тебѣ, что ты блудникъ и гордецъ?“ Онъ отвѣчалъ: „это правда“. Они опять спрашиваютъ его: „ты, Агаѳонъ, пустословъ и клеветникъ?“ Онъ отвѣчалъ: „да“. И еще говорятъ: „ты, Агаѳонъ, еретикъ“? Онъ отвѣчалъ: „нѣтъ, я не еретикъ“! Тогда спросили его: „скажи намъ, почему ты на первые вопросы соглашался, а послѣдняго не вынесъ“?—Онъ отвѣтилъ: „первые пороки я признаю за собою, ибо это признаніе полезно душѣ моей, а быть еретикомъ значитъ быть въ отлученіи отъ Бога, но быть отлученнымъ отъ Бога я не хочу“. Это значитъ, что угодникъ Божій боялся отлученія отъ Церкви, ибо отлученный отъ Церкви отлучается и отъ Бога, такъ какъ Глава Церкви есть Господь Іисусъ Христосъ. Наши обычные грѣхи суть грѣхи нашей слабой воли, а ересь есть грѣхъ гордаго ума. Всякая же ересь есть въ сущности искаженіе ученія вѣры. На ученіи вѣры, на догматѣ зиждется и ученіе нравственности: искажается догматъ—неизбѣжно искажается и основа нравственнаго ученія. Ересь потому и гибельна, что не даетъ мѣста смиренію предъ авторитетомъ Церкви, а чрезъ то лишаетъ еретика и возможности покаянія, а слѣдовательно и благодати спасающей. Вотъ какъ важно хранить чистоту догмата. Вотъ почему Церковь въ наше время, да и всегда, такъ строго относилась ко всякимъ лжеученіямъ и, щадя самыхъ великихъ грѣшниковъ, согрѣшающихъ грѣхами воли, не отлучала ихъ отъ себя, еретиковъ же, искажающихъ ея ученіе, безпощадно отсѣкала отъ общенія съ собою, если они послѣ вразумленія не хотѣли отречься отъ своего мудрованія.

Въ чемъ же сущность этого общенія нашего съ Церковію?

Главнымъ образомъ, въ святѣйшемъ таинствѣ Божественнаго Причащенія святыхъ Христовыхъ Таинъ. *Единъ Хлѣбъ*, поучаетъ св. Апостолъ Павелъ, *едино тѣло есмы мнози, вси бо отъ единаго Хлѣба причащаемся.* Въ семъ великомъ таинствѣ всѣ мы объединяемся въ одно тѣло Христово, именуемое Церковію. О семъ Божественномъ таинствѣ говоритъ Самъ Господь: *аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ. Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ.* Лишаемый сего Хлѣба небеснаго умираетъ духовно: *Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь имать животъ вѣчный.* Тотъ членъ тѣла, до котораго не доходитъ струя обновленной крови, мертвѣетъ, заражая собою и другіе члены, и потому отсѣкается, дабы не заразилъ всего тѣла: такъ и еретикъ, отлученный отъ общенія Тѣла и Крови Христовой, отъ общенія съ Церковію духовно мертвѣетъ. Если же онъ обманомъ, вопреки волѣ самой

Церкви какъ-нибудь причастился бы св. Таинъ, то сіе послужило бы ему въ сугубое осужденіе, какъ послѣдователю Іуды и святотатцу.

Яркій примѣръ легкомысленнаго отношенія нашей, якобы вѣрующей, интеллигенціи къ авторитету Церкви и власти церковной представляетъ все та же исторія аѳонской смуты. Не довольствуясь открытымъ сочувствіемъ въ отношеніи къ вождямъ новаго лжеученія въ печати и въ обществѣ, мірскіе люди позволяютъ себѣ судить власть церковную за то, что она еще, въ лицѣ патріарха, а потомъ и нашего С. Сунода, отлучила ихъ отъ причащенія св. Хрістовыхъ Таинъ. „Къ чему, говорятъ, такая строгость? Не благоразумнѣе ли было бы совсѣмъ прекратить о нихъ дѣло, разселивъ ихъ по монастырямъ, гдѣ они постепенно сами сознали бы свое заблужденіе“...

А гдѣ ручательство, что такое сознаніе съ ихъ стороны дѣйствительно послѣдовало бы? Напротивъ, по всему видно, что ихъ вожаки, въ лицѣ главнаго вождя ихъ Булатовича, стремятся къ распространенію своего заблужденія между православными,—мало того: ихъ послѣднее заявленіе требуетъ, чтобы и самъ С. Сунодъ принялъ ихъ ученіе—до такой дерзости въ отношеніи къ церковной власти дошли эти фанатики-невѣжды! Можно ли говорить послѣ сего о какомъ-либо снисхожденіи къ нимъ, общеніи съ ними въ таинствѣ Евхаристіи? Да они и сами на Аѳонѣ служили обѣдню отдѣльно отъ иноковъ православно-вѣрующихъ, сами отдѣляли себя отъ общенія съ сими вѣрными сынами Церкви: съ какими же чувствами приступали бы они къ святѣйшему таинству, считая совершителей его еретиками? Нѣтъ.

Мысль о томъ, чтобы допустить имебожниковъ къ Божественному причащенію, прекративъ дѣло о нихъ, недопустима. Прежде всего слѣдуетъ поставить вопросъ: правильно ли С. Сунодъ и вселенскій Патріархъ установили свой взглядъ на ихъ ученіе, какъ заблужденіе, граничащее съ ересью и потому даже названное ересью? Ученіе это было предметомъ обсужденія со стороны С. Сунода и Патріарха, и уже осуждено въ ихъ посланіяхъ и граматахъ. Хотя посланіе къ инокамъ и не можетъ быть признано совершенно непогрѣшимымъ, однако же нельзя смотрѣть на него и какъ на мнѣніе частнаго лица, тѣмъ болѣе, что оно совершенно согласно съ заключеніемъ объ ученіи имебожниковъ вселенскаго Патріарха. Могутъ быть въ немъ нѣкоторыя отдѣльныя слова и выраженія, которыя можно было бы, въ видахъ большей точности и удобопонятности для читателей-простецовъ, замѣнить другими; но сущность изложеннаго въ немъ взгляда на ученіе имебожниковъ, какъ на заблужденіе, какъ на ученіе неправославное, остается та же, и опредѣленіе С. Сунода относительно сего ученія не подлежитъ измѣненію.

Должно имѣть въ виду и то, что имебожники состоятъ подъ аргосомъ, наложеннымъ на нихъ каноническою властью Патріарха, который одинъ, въ сущности, и имѣетъ право снять съ нихъ сей аргосъ. Правда, сіе право, въ силу посланія Патріарха, перешло къ С. Суноду, но всеконечно—подъ непремѣннымъ условіемъ раскаянія заблудшихъ. Сего же раскаянія мы не видимъ. Напротивъ, имебожники, упорствуя въ своемъ заблужденіи, дерзаютъ открыто заявлять, что церковная власть сама впала въ заблужденіе,

и настаиваютъ, чтобъ она пересмотрѣла и исправила свое опредѣленіе относительно ихъ ученія, въ смыслѣ признанія его православнымъ, безъ чего они не желаютъ подчиниться С. Суноду и явиться на церковный судъ. Такимъ образомъ, къ упорству въ заблужденіи они присоединяютъ и оскорбленіе церковной власти непослушаніемъ. Мы знаемъ, что и сама Божественная Любовь не прощаетъ грѣшниковъ, упорствующихъ въ смертныхъ грѣхахъ, ибо Любовь Божія, не можетъ стать въ противорѣчіе съ правдою Божіею, если самъ грѣшникъ не пожелаетъ сего, если онъ не проявитъ своей воли къ воспріятію воздѣйствія на него Любви Божіей чрезъ смиренное раскаяніе. Церковное преданіе говоритъ, что Арій покушался лицемѣрнымъ раскаяніемъ и обманомъ возвратиться въ нѣдра Церкви, при содѣйствіи царской власти, но обличенъ былъ въ своемъ лицемѣріи правосудіемъ Божіимъ. Изъ сего видно, что общеніе таинствъ, если бы имебожники и были допущены ко Св. Причащенію, безъ раскаянія съ ихъ стороны, послужило бы имъ къ сугубому осужденію, а посему самая любовь къ заблудшимъ побуждаетъ Церковь не допускать нераскаянныхъ къ Чашѣ Господней. Со стороны же власти церковной это было бы явнымъ нарушеніемъ каноновъ и правилъ церковныхъ, что 1) послужило бы великимъ соблазномъ для православно вѣрующихъ; 2) было бы въ судъ и осужденіе самимъ заблудшимъ; 3) не примирило бы ихъ и съ Церквію, а, напротивъ, подало бы имъ поводъ хвалиться побѣдою своего лжеученія надъ ученіемъ Церкви, вслѣдствіе чего, укрѣпляясь въ духѣ сопротивленія Церкви, они еще съ большею ревностью стали бы распространять свое лжеученіе среди православныхъ и тѣмъ сѣять смущеніе въ нѣдрахъ Церкви; 4) являлось бы тяжкимъ оскорбленіемъ для святѣйшаго таинства Тѣла и Крови Господа Іисуса Христа, какъ сознательное преподаніе сего таинства явно недостойнымъ и еретичествующимъ, а слѣдовательно и 5) тяжкимъ грѣхомъ самой церковной власти, какъ допустившей таковое оскорбленіе; и, — наконецъ, 6) дало бы основаніе вселенскому Патріарху къ протесту противъ такого нарушенія каноновъ церковныхъ и подозрѣнію въ имебожной ереси самого С. Суноda, а слѣдовательно грозило бы опасностью раскола между Греческой Церковію-матерію и Русской Церковію—дщерію.

Вотъ тѣ соображенія, которыя, по моему мнѣнію, необходимо имѣть въ виду при сужденіи о томъ: возможно ли допустить къ общенію въ таинствахъ Антонія Булатовича и его ревностныхъ послѣдователей, отказывающихся предстать на судъ Церкви, и въ то-же время домогающихся всѣми путями и средствами признанія ихъ православно-мыслящими. И благо Церкви, и духовная польза самихъ заблудшихъ требуютъ удаленія ихъ отъ Божественнаго причащенія дотолѣ, пока они не раскаются въ своемъ заблужденіи, пока не смирятся предъ Церковію, не проявятъ сыновняго повиновенія Богоучрежденной ея власти.

Достойно вниманія, что, какъ скоро возникаетъ какое-либо лжеученіе, наша либеральствующая интеллигенція тотчасъ беретъ его подъ свою защиту и становится къ Церкви, къ ея представителямъ, въ оппозицію. Уже одно это показываетъ, какъ далеко уклонились такіе люди отъ Церкви. Въ ихъ сужде-

ніяхъ чувствуется уже какъ бы нѣкоторое пренебреженіе къ представителямъ Церкви, и притомъ къ представителямъ не только современной Церкви, но и Церкви вѣковъ минувшихъ, — правда, пока молчаливое, но все же довольно замѣтное: отъ Назарета-де можетъ ли что добро быти? отъ тѣхъ вѣковъ мы-де ушли далеко впередъ: стоитъ ли съ ними считаться?.. И помышляя такъ, несчастные все дальше и дальше уходятъ во мракъ духовнаго невѣжества и самочинія религіозной мысли...

А, между тѣмъ, казалось бы: если ты вѣруешь во святую соборную и апостольскую Церковь, если хочешь быть вѣрнымъ ея чадомъ, если при этомъ еще самъ не можешь глубоко изучить всѣ ея догматы, ея ученіе, то чего проще: довѣрься тѣмъ, кому Самъ Христосъ поручилъ хранить въ чистотѣ эти догматы, это ученіе—пастырямъ Церкви и ея Богоучрежденной власти, и сего довольно съ тебя для твоего личнаго спасенія. Но вотъ этой-то простоты вѣры, этого-то безусловнаго довѣрія къ представителямъ Церкви и нѣтъ у нашихъ якобы вѣрующихъ интеллигентовъ. Они сами хотятъ рѣшать всѣ вопросы вѣры и жизни, своимъ смышленіемъ, и оттого попадаютъ въ сѣти ложныхъ мудрованій, запутываются въ нихъ и впадаютъ въ ереси и расколы...

При такихъ условіяхъ, какъ не опасаться намъ, пастырямъ Церкви, возможности и формальнаго отпаденія отъ нея такихъ шатающихся, всякимъ вѣтромъ ученія колеблемыхъ чадъ Церкви? При нынѣшнихъ свободахъ всякаго рода, иные могутъ сдѣлать это просто изъ желанія показать свой либерализмъ, свое отрицательное отношеніе къ церковной власти и ея представителямъ. Но такое отпаденіе будетъ, въ сущности, только вскрытіемъ нарыва, который давно назрѣваетъ въ тѣлѣ церковномъ: конечно, Церковь должна принимать всѣ мѣры для врачеванія этого „нарыва“, но если болѣзнь не поддается леченію, то можетъ быть для цѣлаго тѣла Церкви будетъ лучше, если зараженные члены отпадутъ отъ нея и не станутъ вредить другимъ, еще здравымъ, милостію Божіей, членамъ...

225.

Строгость закона во имя любви.

Пьянство—исконный порокъ русскаго человѣка. Нѣтъ нужды говорить о томъ, какъ оно губитъ, отравляетъ, развращаетъ и душу и тѣло, нѣтъ нужды доказывать, что отъ него можетъ въ концѣ погибнуть и Русское государство. Слава Богу, хотя и поздно, но на все это обращено вниманіе: въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ вотъ уже пять лѣтъ, даже больше, обсуждаются мѣры борьбы съ пьянствомъ, а съ высоты Престола послѣдовало властное указаніе—измѣнить всю финансовую политику такъ, чтобъ она не строилась на доходахъ отъ этого порока. Слава Богу: заря занимается, начало полагается; далъ бы только Богъ мужества и духа разума составителямъ законовъ пойти прямолинейно навстрѣчу народному горю, избѣжать гипноза лживаго либерализма, фальшивой гуманности, понять психологію и логику простого русскаго человѣка и не допустить къ святому дѣлу отрез-

вленія народа его тайныхъ и явныхъ враговъ, которые могутъ отравить его, взамѣнъ алкоголя, духовнымъ ядомъ—похуже алкоголя...

Къ сожалѣнію, внимательно наблюдая за ходомъ сужденій по вопросу о борьбѣ съ пьянствомъ, нельзя не замѣтить, что всѣ такія пожеланія и опасенія имѣютъ свои основанія. Въ самомъ дѣлѣ: мнѣ кажется, что въ своихъ разсужденіяхъ о борьбѣ съ пьянствомъ составители законовъ, какъ будто, ходятъ вокругъ да около этого больного вопроса, а прямолинейно подойти къ самой сути его, какъ будто, боятся. Обсудили, напримѣръ, „законопроектъ объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ, относящихся къ продажѣ крѣпкихъ напитковъ, постановленій"; приступили къ обсужденію „законопроекта о преобразованіи попеченія о народной трезвости",—что все это, какъ не хожденіе вокругъ и около вопроса о пьянствѣ? Деревня тревожно прислушивается къ этимъ сужденіямъ, провѣряетъ ихъ по-своему, прилагая къ жизни своей, и рѣшаетъ: „нѣтъ, это вовсе не то!"... Вотъ что пишетъ мнѣ одинъ священникъ, внимательно наблюдающій деревню и все, что она говоритъ. „Сыплются у васъ тамъ, въ Питерѣ, трескучія рѣчи, указываются разные виды борьбы съ пьянствомъ, но ни одинъ голосъ не указалъ на болѣе цѣлесообразную мѣру, а если и указалъ, то не договорилъ и вопросъ этотъ долго-долго еще будетъ вращаться въ бѣличьемъ колесѣ. Если причины такой неудачи въ рѣшеніи его не понятны жителямъ столицъ и губерній (губернскихъ городовъ), то онѣ весьма понятны жителямъ деревни, которые стоятъ лицомъ къ лицу съ этимъ зломъ. Невольно думаешь, что столичные ораторы или не русскіе люди, или вовсе незнакомы съ укладомъ русской жизни и русскаго духа. Вопросъ же этотъ рѣшаетъ самъ простой русскій человѣкъ. Почему русскій человѣкъ отъ мала до велика пьянствуетъ? Потому, что можно пить безнаказанно. Я хочу и пью, а тебѣ и кому другому до этого дѣла нѣтъ.—Такъ, а если ты пьяный безобразничаешь, оскорбляешь жену, семью, стариковъ-родителей, задѣваешь проходящихъ по улицѣ—зачѣмъ ты это дѣлаешь?.. Въ этомъ-то и вся суть дѣла: если я выпью и лягу спать, меня никто не видитъ; если я пойду на улицу и площадь—меня всѣ увидятъ, и ужъ повеличаюсь я тогда!.. Я „свободенъ" и никто мнѣ не указъ, а кого хочу раздѣлать, такъ ужь берегись! А если бы за безобразія, чинимыя на улицѣ, строго наказывали, тогда и пить охоты не было бы, да не будетъ резона пить и дома. Таково глубокое убѣжденіе, высказываемое откровенно простымъ русскимъ человѣкомъ".

Такова ужъ психологія русскаго человѣка. Онъ пьетъ, чтобы развернуться во всю ширь своей натуры, чтобы дать волю своей удали, чтобы снять съ себя нѣкоторымъ образомъ тѣ нравственныя узы, какими онъ чувствуетъ себя связаннымъ въ трезвомъ видѣ, хотя бы эти узы были и не особенно высокаго нравственнаго качества, напримѣръ—страхъ полиціи и стыдъ человѣческій. Въ пьяномъ видѣ въ немъ просыпается животный инстинктъ, теряется духовное равновѣсіе и онъ, по слову псалмопѣвца, дѣйствительно уподобляется скотамъ несмысленнымъ. Ему нравится не вкусъ водки: вѣдь, онъ морщится, когда пьетъ ее,—нравится ему состояніе опьяненія и вотъ это „ослабленіе задерживающихъ центровъ", какъ говорятъ врачи, когда онъ воображаетъ, что „ему все мож-

но“... Понятно, что отсюда и хулиганство во всѣхъ его видахъ: „что у трезваго на умѣ, говоритъ пословица, то у пьянаго на языкѣ“. Что въ трезвомъ состоянія таится на днѣ грѣшной души, что сдерживается совѣстью, стыдомъ, страхомъ Божіимъ и человѣческимъ, съ чѣмъ человѣкъ борется и, при помощи благодати Божіей, побѣждаетъ, то все у пьянаго прорывается наружу и проявляется въ самыхъ уродливыхъ формахъ пьянаго безобразія и всевозможныхъ преступленій. Пьяный человѣкъ — безоружный плѣнникъ пороковъ. А, между тѣмъ, пьянство захватило всѣ сословія, оба пола, всѣ почти возрасты, кромѣ развѣ младенческаго. „Пьетъ интеллигентъ, студентъ, гимназистъ, ученикъ городскаго и сельскаго училища, пьетъ мѣщанинъ, рабочій, крестьянинъ“...

Невольно возстаетъ вопросъ: можно ли ограничиться въ борьбѣ съ такимъ губительнымъ порокомъ такими средствами, какія предлагаются въ законопроектахъ, касающихся пьянства, какіе разсматриваются въ Г. Совѣтѣ? Всѣ эти чайныя, читальни, дешевыя столовыя, ночлежные дома, такъ называемыя развлеченія: театръ, гимнастика, свѣтовыя картины, кинематографы, разныя чтенія и пр. — все это, въ сущности, сводится къ отвлеченію отъ водки, но на слабую волю человѣка, уже поработившагося страсти, едва ли подѣйствуетъ въ должной мѣрѣ: слишкомъ ужъ вошелъ въ плоть и кровь нашего народа этотъ порокъ, чтобъ можно было много надѣятся на столь „благородныя“ средства борьбы съ нимъ. Надо прежде всего воспитать въ народной душѣ представленіе объ опьяненіи, какъ о позорномъ дѣяніи, какъ о преступленіи противъ закона, строго караемомъ не только общественнымъ мнѣніемъ, но и самимъ закономъ. Вотъ чего ждетъ, вотъ чего проситъ деревня. Мнѣ пишетъ тотъ же священникъ: „если бы законодательныя учрежденія сказали бы: пей, сколько угодно, а пьянъ не бывай!—получилась бы иная картина. Каждый скажетъ: „коли пить только дома, а на людяхъ не порисоваться, то не стоитъ овчинка и выдѣлки,—лучше совсѣмъ ее, проклятую, не пить!“—Я исключаю больныхъ запоемъ, пьющихъ, въ большинствѣ случаевъ, скрытно и украдкой. Положеніе дѣла говоритъ само за себя. Необходимъ законъ, строго карающій поведеніе пьяныхъ и ихъ появленіе въ публичныхъ мѣстахъ: площади, улицы, вагоны, станціи, волостныя и сельскія правленія, аптеки и пр. Мнѣ знакомы такіе факты. Въ деревнѣ есть извѣстный пьяница и хулиганъ, никогда не отходящій отъ монопольки. Хвативши изрядно, онъ идетъ домой и проходитъ мимо зажиточнаго мужика, имѣющаго четырехъ взрослыхъ сыновей. Проходя мимо, хулиганъ начинаетъ костить его отборною бранью за то, что тотъ не даетъ ему на „могорычъ“. Надоѣло мужику выслушивать ежедневно оскорбленія, засѣлъ онъ съ четырьмя своими молодцами въ укромномъ мѣстечкѣ, подстерегъ хулигана,—и всыпалъ ему и въ зубы, и въ губы.—Проходитъ послѣ того день, другой, недѣля,—не видно и не слышно хулигана. Поинтересовался мужикъ о его судьбѣ у сосѣдей, а тѣ и говорятъ ему: „спасибо, родимый, что поучили: какъ сто бабокъ пошептали: идетъ каждый день пьяный, да только ругается ужъ тогда, когда отворитъ въ своемъ дворѣ калитку“. Другой хулиганъ, не дававшій всей деревнѣ покоя, какъ-то вечеромъ догналъ своего родственника, повалилъ его на землю

и началъ душить, сдавливая ему горло и пичкая въ ротъ землю. Родственнику удалось кое-какъ освободиться, и онъ убѣжалъ домой. Минуть чрезъ десять явился къ нему и хулиганъ съ топоромъ и сталъ рубить тому спину и плечи. Хозяинъ схватилъ, попавшіяся подъ руку желѣзныя вилы и, обороняясь, всадилъ ихъ въ грудь хулигану... Къ истекающему кровью былъ приглашенъ священникъ, который, со скорбію, спросилъ его: зачѣмъ онъ напалъ на хозяина? Хулиганъ спокойно отвѣтилъ: „если бы я зналъ, что онъ заколетъ меня вилами, то и топора въ руки не взялъ бы".

Ясно, что деревня проситъ закона, усиливающаго наказаніе за преступленія, совершаемыя въ пьяномъ видѣ, закона карающаго самое появленіе пьяницы внѣ своего дома. Что дѣлать? Приходится прибѣгать къ мѣрамъ строгости тамъ, гдѣ безсильно нравственное воздѣйствіе. Надо воспитывать народъ, особенно молодежь, въ новыхъ понятіяхъ относительно самаго состоянія опьяненія. Нынѣ говорятъ: „пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ"; надо, чтобъ говорили: „уменъ, но пьянъ: никуда не годенъ".

Мнѣ могутъ сказать: не дѣло архіерея возбуждать вопросы о. строгостяхъ закона; онъ—представитель Церкви, а Церковь должна проповѣдывать всюду любовь, и только любовь, а не кары закона.

Въ отвѣтъ на это я напомню, что, еще 900 лѣтъ тому назадъ, именно Церковь, а не кто другой, ходатайствовала о возстановленіи даже смертной казни предъ мягкосердымъ княземъ Владиміромъ, который уничтожилъ было смертную казнь. Тогдашніе святители не убоялись сказать правду властителю Русской земли, что такая отмѣна преждевременна. Усилились—де разбои на землѣ, и житья не стало честнымъ людямъ.

И въ наши дни усилились беззаконія на Русской землѣ отъ пьянства: надо пожалѣть тѣхъ, кто невинно страдаетъ отъ пьяницъ, особенно женъ и дѣтей. Въ защиту этихъ-то невинныхъ страдальцевъ и возвышаю *я* свой голосъ: если мѣры нравственнаго воздѣйствія не въ силахъ сократить пьяный разгулъ и преступность отъ пьянства, то надобно усилить строгость закона противъ сего зла. Я напоминаю слово одного мудреца: „чѣмъ мягче законы, тѣмъ грубѣе нравы". Пусть лучше будутъ законы построже, только бы нравы были помягче!

226.

Берегите монашество!

Есть законъ, бываетъ и премѣненіе закона, но только великія нужды ради. Законъ есть постоянная норма жизни, премѣненіе его—временное уклоненіе отъ этой нормы, и постоянно терпимо быть не можетъ. И если мы желаемъ, чтобъ жизнь протекала въ нормахъ законности, направлялась къ поставленнымъ ей идеаламъ, по мѣрѣ силъ человѣческихъ, то не должны часто отклоняться отъ нормъ закона, ибо это отклоненіе будетъ уже переходить въ злоупотребленіе, и неизбѣжно поведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Въ наше время утилитаризма это особенно полезно почаще напоминать и обществу, и даже власть имущимъ.

Эти мысли пришли мнѣ по по-

воду статьи священника Гр. Кучеровскаго въ „Колоколѣ“, подъ заглавіемъ: „Нужда въ запасныхъ священникахъ“. И авторъ, и я вполнѣ согласны, что такіе священники необходимы, что такъ или иначе вопросъ о нихъ долженъ быть рѣшенъ, ибо и самихъ больныхъ священниковъ надо пожалѣть, и приходскія требы нельзя не удовлетворять, и храмы Божіи нельзя надолго оставлять безъ служенія. Все это—безспорно, но вотъ тотъ путь, какимъ авторъ хочетъ рѣшить этотъ вопросъ, во мнѣ возбуждаетъ не только сомнѣнія, но и опасенія. Правда, путь не новый: къ нему, *великія ради нужды*, и теперь прибѣгаютъ архипастыри, чтобъ удовлетворять крайнюю нужду приходовъ; но узаконять, дѣлать обязательнымъ этотъ способъ значило бы злоупотреблять идеей монашества. Авторъ желаетъ, чтобъ сама церковная власть вмѣнила въ обязанность монастырямъ посылать въ села, а, можетъ быть, и не въ села только, а и въ города, іеромонаховъ для замѣны больныхъ священниковъ. „Въ каждой епархіи, говоритъ о. Кучеровскій, чернаго духовенства достаточно, а въ иныхъ изобиліе, и мы не видимъ, что собственно можетъ затормозить разрѣшеніе вопроса о запасныхъ священникахъ за счетъ этого духовенства“.—Во-первыхъ, есть епархіи, въ коихъ имѣется только одинъ-два монастыря, и притомъ—скудныхъ числомъ братій, а, слѣдовательно, неправда, будто въ каждой епархіи чернаго духовенства достаточно. Во-вторыхъ, надо знать, какъ наши монастыри нуждаются, вообще, въ священнослужителяхъ: иной настоятель готовъ закрыть глаза на всякія „немощи“ иного послушника, чтобъ только поскорѣе произвести его во іеродіакона, а потомъ и въ іеромонаха: иначе некому будетъ отправлять ежедневныя богослуженія. И если бы не непремѣнное требованіе устава, чтобъ каждый день совершалась литургія въ обители, то настоятель готовъ бы былъ хотя бы день или два въ недѣлю давать отдыхъ единственному служащему іеромонаху. А иногда и самъ служитъ, замѣняя его. Смотрѣть легко на служеніе въ монастырѣ чреды не слѣдуетъ. Во всякомъ случаѣ монастырская служба идетъ дольше, притомъ монахи читаютъ по кельямъ такъ называемое „правило“ предъ служеніемъ гораздо полнѣе, чѣмъ это принято у священниковъ.

Забываетъ о. Кучеровскій, что наши монахи, въ массѣ своей, люди простые, домашняго образованія, и замѣнить священника могутъ лишь только въ качествѣ требоисправителей. Но все бы это не было такъ важно, если бы для монаховъ это было безвредно. Монахъ, долго живущій внѣ монастыря, то же, что рыба безъ воды. Окружающій его міръ разслабляетъ его духовно, отучаетъ его отъ монастырской дисциплины, лишаетъ тѣхъ удобствъ, какія онъ имѣетъ въ своей кельѣ для молитвы, наталкиваетъ его иногда на такія искушенія, отъ коихъ онъ убѣжалъ изъ міра въ монастырь. Поживъ мѣсяца два-три въ міру, монахъ незамѣтно для себя самъ обмірщается, теряетъ ту собранность, какая прививается ему самой обстановкой монастырской жизни, всѣмъ ея укладомъ. За что его, особенно еще некрѣпкаго въ своемъ духовномъ устроеніи, подвергать опасности и искушеніямъ, коихъ онъ избѣжалъ бы въ обители? Я всегда съ болью смотрю на тѣхъ монаховъ, которые, „ради послушанія“, вынуждены бываютъ жить на монастырскихъ подворьяхъ въ го-

родахъ. Хорошо еще, если они живутъ не въ одиночку, а по нѣсколько человѣкъ: братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ, говоритъ слово Божіе. А одному трудно уберечься отъ искушеній: сегодня одинъ, завтра одинъ, и такъ каждый день — цѣлыми мѣсяцами, иногда годами... Поневолѣ сводитъ монахъ знакомство съ мірскими, и хорошо, если доброе... Что же сказать о монахѣ, живущемъ въ одномъ домѣ, чаще всего — въ одной семьѣ съ священникомъ, когда онъ служитъ за больнаго? Ни помолиться ему не даютъ, какъ онъ привыкъ, ни заняться своею келейной работой. Да и жить приходится впроголодь, если требовать себѣ постоянно постнаго, монашескаго стола. Если проживетъ монахъ въ такой обстановкѣ два-три мѣсяца—онъ возвращается въ обитель уже не тотъ, какимъ вышелъ изъ монастыря. Старцы говорятъ, что если выйдешь изъ кельи безъ крайней нужды или внѣ послушанія, то уже не вернешься въ нее такимъ, какимъ вышелъ. Мірскіе люди не многіе знаютъ, что душа, касавшаяся, хотя мало, духовной жизни, бываетъ очень чутка къ внѣшнимъ вліяніямъ, какъ нѣжный тепличный цвѣтокъ къ неблагопріятнымъ для его роста вѣтрамъ и перемѣнной температурѣ. Не безъ причины же старцы говорятъ, что въ міру на цѣлый городъ — одинъ воръ, а въ монастырѣ къ каждому монаху ихъ приставлено десятокъ. Да, вѣдь, и міръ требовательнѣе относится къ монаху, нежели къ мірянину. Онъ возлагаетъ на него бремена тяжкія и неудобь носимыя, а самъ и коснуться ихъ не желаетъ, и — что особенно печально: нисколько не считаетъ даже нужнымъ касаться сихъ бременъ: это, де, не мое дѣло, это — только монаховъ дѣло. И вотъ, слѣдятъ за каждымъ шагомъ, за каждымъ, можно сказать, движеніемъ монаха и прилагаютъ къ нему самыя строгія мѣрки. Міряне, напримѣръ, въ наше время почти не блюдутъ постныхъ дней, а съ насъ взыскиваютъ. Мнѣ пришлось слышать похвалу архіерею за то, что въ среды и пятницы онъ не позволялъ себѣ пить кофе съ молокомъ: спасибо, что хоть за это похвалятъ. Стало быть, грѣхъ еще считаютъ грѣхомъ хотя бы только для монаховъ, и, замѣчая исполненіе церковной заповѣди въ другихъ, видятъ въ себѣ ея нарушеніе. Это имъ полезно, а насъ-то, правду сказать, ужъ за это хвалить вовсе не стоитъ. Вѣдь, это у насъ— привычка съ младенчества, а не подвигъ воздержанія. Но какъ же строго слѣдятъ за нами наши чада духовныя! Вотъ ужъ, по истинѣ, готовы замѣтить всякую пылинку— не только сучецъ—въ нашемъ глазу, а себѣ простить тяжелое бревно! Кстати, разскажу случай изъ жизни покойнаго о. намѣстника Сергіевы лавры, извѣстнаго архимандрита Антонія. Гостепріимный архимандритъ пригласилъ къ себѣ пообѣдать какого-то генерала. Тутъ же обѣдалъ и другой гость, простецъ игуменъ изъ провинціи. Простыя монастырскія блюда, необычныя для его превосходительства, но вкусно приготовленныя, ему очень понравились: онъ кушалъ съ аппетитомъ и похваливалъ. Хозяинъ угощалъ усердно. Наконецъ, генералъ не удержался отъ тонкаго намека на роскошь монастырскаго стола: „завидую монахамъ, сказалъ онъ: ихъ такъ хорошо кормятъ! Понятно, что они отъ такого стола и толстѣютъ“. А извѣстно, что о. Антоній былъ довольно полный тѣлосложеніемъ старецъ. Хозяину пришлось только улыбнуться на эту неделикатность гостя. Но гость-простецъ игуменъ

его выручилъ. Подали творогъ со сметаной — лакомое, не часто подаваемое въ монастыряхъ, блюдо. Игуменъ и говоритъ генералу: „вотъ, ваше превосходительство, если по этому блюду побѣжитъ черный тараканъ—вы, навѣрное, скажете: „какой неряшливый поваръ!“ А если бы поваръ подалъ вамъ тарелку съ черносливомъ, то вы спокойно стали бы кушать, не замѣчая и десятка таракановъ, пока они не забѣжали бы вамъ въ ложку. Такъ-то вотъ и въ монастыряхъ: всякое пятнышко мірскіе замѣчаютъ, а у себя, въ своей жизни личной, и самой вредной грязи не примѣчаютъ“. Генералъ понялъ урокъ, и извинился предъ хозяиномъ. А хозяинъ потомъ поблагодарилъ игумена-простеца за этотъ урокъ.

Пусть такъ, пусть міръ напоминаетъ намъ о нашихъ обѣтахъ. Нашъ долгъ—благодарить за такія напоминанія, откуда бы они ни шли, лишь бы были искренни и не были клеветою на насъ. Но тогда ужъ не вторгайтесь въ порядки нашей жизни, не ломайте нашихъ уставовъ отцепреданныхъ: иначе вы будете строже святыхъ отцевъ, которые писали свои уставы, вѣдь, при условіи исполненія всѣхъ правилъ и порядковъ, ими для монаховъ установленныхъ. А насколько они были снисходительны къ немощамъ человѣческимъ—вотъ вамъ примѣръ: заповѣдуютъ они раньше извѣстнаго срока не вкушать винограда (это и для здоровья полезно, вѣдь), но тутъ же оговариваютъ: „кромѣ блюдущихъ вертограды“. А это что значитъ?—То, что для сторожей при виноградникахъ больше искушенія нарушить это правило: вотъ, святые отцы и не хотятъ безъ нужды налагать на нихъ правила, которое для нихъ труднѣе выполнить, чѣмъ для тѣхъ, кто не имѣетъ нужды ходить въ виноградники. Не къ тому я говорю это, чтобы инокамъ разрѣшать, напримѣръ, употребленіе мяса въ томъ случаѣ, когда имъ приходится бывать, и особенно—живать въ мірскомъ домѣ, а къ тому, что не слѣдуетъ ставить монаха въ такія условія, въ коихъ является для него искушеніе—ослабить свое монастырское правило и порядокъ жизни монашеской. Только „великая нужда“, случайныя, непредвидѣнныя обстоятельства могутъ послужить причиною такого нарушенія порядка жизни для монаха. А что можно предвидѣть, напримѣръ, что въ епархіи всегда могутъ быть больные священники,—это надо устранять не такими мѣрами, какъ предлагаетъ о. Кучеровскій.

Сіи мысли невольно обращаютъ нашъ взоръ на іеромонаховъ, служащихъ во флотѣ. Почему на корабляхъ какъ будто не могутъ быть семейные священники? зачѣмъ туда командируютъ іеромонаховъ? Понимаю, что женамъ священниковъ неудобно было бы сопровождать ихъ въ плаваніи; но, вѣдь, и офицеровъ ихъ жены не сопровождаютъ же. Вѣроятно, дѣло въ томъ, что первоначально было рѣшено: монахи много дешевле, чѣмъ бѣлые священники, а потомъ такъ ужъ и дальше пошло. Но ужели поправить дѣло такъ и нельзя? Простите мнѣ: я смотрю на іеромонаховъ, долгое время служащихъ во флотѣ, какъ на монаховъ уже неспособныхъ къ монастырской жизни: они отвыкли отъ монастырской дисциплины, привыкли къ свѣтскому обществу, сжились съ порядками, чуждыми монастырю, обмірщились и притомъ заразились—незамѣтно для себя—особымъ самоцѣномъ: нѣсмы якоже прочіи... Таково мое наблюденіе. Само собою разумѣется, есть и

исключенія, но, къ сожалѣнію, именно—только исключенія. Не Церковь, а міръ создалъ такое „флотское“ монашество, и дай Богъ, чтобъ поскорѣе монаховъ освободили отъ этой повинности, и, слава Богу, въ послѣднее время, кажется, уже монаховъ замѣняютъ священниками.

Берегите монашество! Не расходуйте расточительно тѣ малыя крупицы сего святаго сѣмени, какія еще есть въ нашихъ святыхъ обителяхъ! Охраняйте въ чистотѣ самую идею его, не утилизируйте ее тамъ, гдѣ можно обойтись безъ этого! Знаю, что мнѣ укажутъ на ходы иноковъ съ чтимыми иконами по мірскимъ селеніямъ: не могу считать и это явленіе вполнѣ нормальнымъ, какъ говорилъ я это лѣтъ десять назадъ, въ своихъ статьяхъ въ защиту идеала монашескаго, но тамъ хоть трудъ, трудъ неустанный съ ранняго утра до поздняго вечера, и выплывая, такъ сказать, изъ тихой своей пристани—святой обители на нѣкоторое, краткое время, иноки спѣшатъ возвратиться домой, а эти долговременныя командировки на флотъ, на войну, куда-нибудь на Шипку, слабымъ инокамъ приносятъ положительный вредъ, а сильныхъ, способныхъ на сугубый подвигъ у насъ и безъ того столь мало, что монастырское начальство бережетъ ихъ для своихъ обителей, ибо безъ нихъ замираетъ самый духъ монашества въ монастыряхъ.

227.

Блаженной памяти митрополита Филарета.

Близится, чрезъ три года, 50-лѣтіе кончины великаго и въ маломъ, какъ выразился профессоръ А. П. Лебедевъ въ своей лекціи, митрополита Филарета. Помню, какъ я горько плакалъ на Перервѣ, въ IV классѣ духовнаго училища, когда во время уроковъ, 20 ноября 1867 г. намъ, дѣтямъ, сказали, что скончался великій святитель Филаретъ... Я плакалъ какъ ребенокъ о томъ, что не привелъ Богъ принять у него лично его святительскаго благословенія, о чемъ такъ мечталъ тогда. И зарисовалъ я тогда на закладкѣ своей Библіи что-то и написалъ: пусть это напоминаетъ мнѣ скорбный часъ, когда я услышалъ о кончинѣ митрополита Филарета... Такъ велико было дѣйствіе самаго имени святителя, даже на насъ, дѣтей, а что мы понимали тогда о значеніи Филарета въ жизни и исторіи родной Церкви?

Поистинѣ, имя его, какъ бы нѣкое благоуханіе, носилось въ атмосферѣ церковной жизни еще въ то время, а съ теченіемъ времени, съ появленіемъ въ печати великаго множества матеріаловъ, касающихся его дѣятельности, все росло и росло, и нынѣ стоитъ на недосягаемой высотѣ сравнительно съ именами другихъ іерарховъ, его современниковъ. Какъ незабвенный Императоръ Александръ III-й былъ носителемъ идеала русскаго православнаго Самодержца, такъ митрополитъ Филаретъ былъ какъ бы воплощеніемъ идеала русскаго православнаго іерарха. Онъ напоминалъ не только Россіи, но и всей вселенской Церкви великихъ святителей и вселенскихъ учителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и подобныхъ. Справедливо писалъ его извѣстный, беззавѣтно ему преданный, викарій Леонидъ Краснопѣвковъ, что по-

томки будутъ считать современниковъ Филарета счастливцами, что имѣли счастіе видать его, что слышали мудрое слово его. Богъ послалъ русскому народу митрополита Филарета, какъ путеводную звѣзду, въ его церковной, культурной и государственной жизни, и если бы мы, архіереи, свято соблюдали его завѣты въ нашемъ святительскомъ служеніи, если бы люди науки, особенно богословской, въ своемъ дѣланіи искали постоянно его руководства, если бы мужи государственные не чуждались тѣхъ глубоко мудрыхъ, словомъ Божіимъ освященныхъ, началъ, какія онъ раскрывалъ въ своемъ государственномъ ученіи, если бы даже служители искусства хрістіанскаго не чуждались тѣхъ его указаній, какія разсѣяны въ его мнѣніяхъ, резолюціяхъ, отзывахъ, то — кто знаетъ? Можетъ быть, мы не переживали бы того духовнаго тумана, какой окутываетъ насъ теперь во всѣхъ областяхъ нашей духовной жизни; можетъ быть, мы не сбились бы съ того историческаго пути, на какой поставилъ насъ Промыслъ Божій среди народовъ земныхъ, не отвратились бы отъ тѣхъ святыхъ идеаловъ, какіе завѣщаны намъ отцами и дѣдами нашими... Въ свое время избранному народу еврейскому Богъ посылалъ отъ времени до времени пророковъ, чтобъ освѣщать ему пути Божіей правды, отъ коихъ онъ постоянно уклонялся; то же мы видимъ и въ исторіи нашего народа. Однимъ изъ такихъ посланниковъ Божіихъ былъ, по нашему убѣжденію, и великій святитель Филаретъ. Немногіе понимали его; онъ былъ сокровенъ въ духѣ; сопрятанъ, какъ говорятъ монахи; онъ всѣхъ любилъ, и въ то же время былъ очень остороженъ въ общеніи съ людьми, особенно мало ему извѣстными; онъ стоялъ на высотѣ своего служенія, яко градъ верху горы, и понималъ это, и зналъ, какъ должно въ наше время держать себя, какъ обходиться съ людьми, чтобы дѣло Божіе не потерпѣло чего-либо отъ немощей человѣческихъ. Оттого у него немало было враговъ. Враги въ верхахъ—по зависти, по непониманію его личности, по гордому нежеланію итти за нимъ, при невольномъ сознаніи его превосходства надъ собою. Враги въ низахъ—по нежеланію сознать свои немощи и подчиниться святительской власти, понести заслуженныя наказанія, направляемыя притомъ къ ихъ же вразумленію. Даже я зналъ такихъ, хотя не могу считать себя современникомъ святителя Филарета. Нѣтъ нужды говорить, какъ это естественно; но чѣмъ человѣкъ стоитъ выше надъ другими, чѣмъ онъ чище и въ его личной жизни, тѣмъ строже предъявляются къ нему требованія со стороны толпы: „ты—святой, тебѣ-то непростительно“... Такъ было всегда, такъ было и въ отношеніи къ митрополиту Филарету. Были и теперь есть писатели, которые ставятъ себѣ задачей чернить эту свѣтлую личность, и конечно—чернятъ только сами себя...

Сказать откровенно: неважную услугу оказалъ церковной исторіи г. К. Харламповичъ, опубликовавъ письмо нѣкоего магистра Петрова, писанное, очевидно, въ немирномъ настроеніи противъ великаго святителя Филарета. Сей Петровъ, потомъ удостоенный сана священника въ Москвѣ, бросаетъ тѣнь на митрополита, будто онъ „съ самаго вступленія въ управленіе Московскою епархіей, вопреки писаннымъ и Высочайшимъ подписаніемъ утвержденнымъ правиламъ для духовныхъ училищъ“, словесно требовалъ, что-

бы „служащіе въ академіи и семинаріяхъ съ намѣреніемъ поступить въ бѣлое духовенство оставляли училищную службу прежде, нежели явятся предъ лице его святѣйшества съ прошеніемъ объ опредѣленіи на какое-либо священническое мѣсто". Такимъ образомъ, говоритъ дальше авторъ письма, „наша братія, которую монашествующіе отцы стыдятся нарицати братіею своею, подвергается полугодичному, годичному, аще же совѣсть не зазритъ владыку, и долговременному искусу".

Почему и какъ случилось это— теперь трудно судить. Г. К. Харламповичъ самъ замѣчаетъ, что эта черта митрополита не отразилась ни въ одной резолюціи митрополита Филарета въ извѣстныхъ „Матеріалахъ по исторіи Московской епархіи подъ управленіемъ митрополита Филарета", а стало быть и то обстоятельсто, о которомъ такъ неравнодушно сообщаетъ Петровъ въ своемъ письмѣ, апеллируя даже къ совѣсти святителя, объясняется какою-либо простою случайностью. Слово „святѣйшество" даже звучитъ ироніей надъ святителемъ: не можетъ же быть, чтобы магистръ и баккалавръ не могъ знать титула митрополита. Не думаю, чтобы было большимъ пріобрѣтеніемъ и для академическаго органа, „Богосл. Вѣстника", напечатаніе такого письма: имя святителя столь священно и дорого для родной ему академіи, чтобы занимать журналъ такими „матеріалами"... Пусть проститъ мнѣ этотъ упрекъ почтенная редакція: мнѣ хотѣлось бы видѣть въ помѣщеніи письма Петрова простой недосмотръ редактора, а не безпристрастное освѣщеніе невѣдомой черты въ дѣятельности митрополита Филарета. Пристрастіе... автора письма тутъ налицо.

Но если позволительно печатать матеріалы такого сомнительнаго и явно пристрастнаго свойства, то да позволено будетъ сообщить нѣкоторыя разсказы современниковъ святителя, слышанные мною слишкомъ сорокъ лѣтъ назадъ и тогда же записанные. Они свидѣтельствуютъ о томъ благоговѣніи, съ какимъ относились къ памяти великаго святителя въ первые же годы послѣ его блаженной кончины.

Въ селѣ Тархонѣевѣ (оно же— Трахонѣево) близъ моей родины, въ Московскомъ уѣздѣ, былъ причетникъ, неисправимый пьяница. Въ пьяномъ видѣ онъ всячески издѣвался надъ женою, билъ ее, и грозилъ ей тѣмъ, что лишитъ себя жизни и заставитъ ее хлопотать относительно похоронъ самоубійцы-мужа. И не разъ несчастная жена вынуждена бывала гоняться за мужемъ, который, съ веревкой въ рукахъ, бѣгалъ по лѣсу, грозя удавиться. Наконецъ, поздней осенью несчастный сдержалъ свое слово: побѣжалъ въ лѣсъ, жена—за нимъ, но вдругъ онъ скрылся изъ ея глазъ... Послѣ поисковъ она увидѣла его висящимъ на суку толстаго дуба... Все было кончено. Прибылъ на дознаніе по сему дѣлу мѣстный благочинный, близкій родственникъ самоубійцы. Обслѣдовавъ дѣло, онъ донесъ митрополиту Филарету, что причетникъ удавился въ припадкѣ остраго помѣшательства и, какъ родственникъ, просилъ владыку разрѣшить похоронить самоубійцу въ стихарѣ. Святитель нехотя далъ разрѣшеніе, но сказалъ благочинному: „смотри самъ: ты лучше меня знаешь обстоятельства его смерти: на тебѣ будетъ грѣхъ". — Погребеніе совершено безпрепятственно, желаніе благочиннаго достигнуто. Но не замедлилъ и судъ Божій надъ благочиннымъ, изреченный устами святителя. До похоронъ

благочинный отличался трезвостію, но вскорѣ сталъ самъ выпивать неумѣренно. Неумѣренность превратилась въ страсть, и несчастный погибъ отъ вина... Похоронившій самоубійцу съ почившими во Христѣ самъ лишенъ былъ сего погребенія. Такъ говорили тогда въ средѣ духовенства, приписывая словамъ святителя особенную силу.

Такую же силу словамъ святителя приписывали и по другому случаю. Одинъ священникъ Богородскаго уѣзда, по неважной причинѣ, вѣроятно, изъ-за выгодныхъ доходовъ, просился на другое мѣсто. Святитель отклонялъ отъ сего намѣренія, указывая на долгъ пастыря не покидать овецъ своихъ, съ которыми онъ уже сжился. Но священникъ стоялъ на своемъ. Тогда митрополитъ сказалъ: „недавно одинъ священникъ, такъ же, какъ и ты, настойчиво просилъ другаго мѣста; я совѣтовалъ ему послужить на старомъ мѣстѣ, но онъ не послушался моего совѣта. Я далъ ему мѣсто, но не прошло и полугода, какъ онъ умеръ“! Но и этотъ урокъ не вразумилъ просителя, и владыка удовлетворилъ его просьбу. Но не прошло и полугода, какъ священникъ скончался...

Эти разсказы, какъ и многіе другіе, свидѣтельствуютъ, какимъ ореоломъ святости окружало лучшее духовенство своего незабвеннаго святителя Филарета. Вотъ почему каждый, у кого имѣлась хоть одна строчка, писанная его рукою, хранили этотъ клочекъ бумаги какъ драгоцѣнную реликвію; вотъ почему и по нынѣ еще печатаются его письма къ разнымъ лицамъ, имѣвшимъ къ нему то или другое отношеніе. Въ заключеніе своей замѣтки, приведу здѣсь два небольшихъ письмеца, копіи съ коихъ мнѣ были доставлены еще въ 1870 году моимъ товарищемъ по семинаріи Н. Іерапольскимъ. Они писаны къ протоіерею Богоявленскаго, въ г. Богородскѣ, собора.

I.

Отецъ протоіерей!

Прилагаемые триста рублей употребите на нуждающихся послѣ бывшаго въ вашемъ городѣ пожара. Объ отчетѣ не заботьтесь. Знаю, что употребите со вниманіемъ. Богъ да подкрѣпляетъ васъ въ несчастныхъ обстоятельствахъ.

Филаретъ М. Московскій.

Сент. 7. 1834.

II.

Отецъ протоіерей!

Прилагаемые при семъ экземпляры бесѣды приведите въ употребленіе, по примѣру прежнихъ.

Филаретъ М. Московскій.

№ 3706.

СПБ. Дек. 20. 1835.

228.

Читателямъ „Гражданина“.

Не вижу пользы обращаться къ чести и совѣсти извѣстнаго князя Мещерскаго, и не пишу ему самому, а пишу эти строки для тѣхъ порядочныхъ людей, которые еще читаютъ его „Гражданинъ“, чтобы предупредить ихъ отъ той „ненависти“, какою пропитанъ этотъ ста-

рый публицистъ ко мнѣ и къ моимъ единомысленникамъ. Прежде всего скажу: слово „ненависть“—любимое словечко князя: онъ употребляетъ его не только въ отношеніи къ частнымъ лицамъ, но и къ учрежденіямъ, а въ 1910 году онъ не постѣснился сказать и о С. Синодѣ, что его постановленіе относительно графа Толстого „исполнено ненависти“. Когда я писалъ свои дневники по поводу смерти гр. Толстого, князь по семи разъ на столбцѣ своихъ дневниковъ употреблялъ это слово по отношенію ко мнѣ, ставилъ мнѣ въ вину даже то, что я „произношу съ ненавистью имя сатаны“: какъ будто это имя надо произносить „съ любовію“! Что удивительнаго, что его „ненависть“ ко мнѣ не простыла и доселѣ, и, въ № 22 своего „Гражданина“, онъ снова шесть разъ повторяетъ по моему адресу это любимое словечко, присоединяя къ нему еще и „злобу“, „брань“ „насиліе“, „жестокосердіе“, и т. п.? Однимъ словомъ: въ его глазахъ я—какое-то чудовище, олицетвореніе всякаго зла. Мѣряя всѣхъ своею мѣркою, онъ хочетъ увѣрить и своихъ читателей въ томъ, что ему мерещится: будто „нѣтъ человѣка на Руси, который не питалъ бы злого чувства къ этому іерарху“, т. е., ко мнѣ. Да, вѣдь, это было бы ужасно, если бы, хоть наполовину, правда! Но за что же такая стихійная ненависть? Слава Богу: все это сплошная ложь и клевета на православный Русскій народъ: онъ меня знаетъ по моимъ „Троицкимъ листкамъ“, коихъ разошлось въ теченіе 35 лѣтъ болѣе ста пятидесяти милліоновъ, знаетъ по моимъ „дневникамъ“, столь ненавистнымъ Мещерскому; но вотъ, сіятельный князь порѣшилъ меня „ликвидировать“ и дѣлаетъ это—въ своей газетѣ. Постоянно, съ настойчивостью, достойною лучшаго примѣненія, изъ № въ №, вѣроятно, къ удивленію своихъ читателей, онъ приплетаетъ мое имя и поноситъ меня, какъ только умѣетъ это дѣлать его высокомѣрное сіятельство. Но не я одинъ ненавистенъ ему: онъ не терпитъ всей православной миссіи, которая ведетъ энергическую борьбу съ ересями, расколами, особенно съ модною нынѣ хлыстовщиной. И по отношенію къ миссіи у него не находится другого подходящаго слова, какъ все то же—любимое имъ слово „ненависть“. Сей много о себѣ помышляющій князь дерзаетъ говорить, что „духъ ненависти *долженъ быть признанъ* постояннымъ духомъ нынѣшнихъ ревнителей Церкви“, и становится открыто на защиту Чурикова и его послѣдователей... Этого еще недоставало! Да ужъ не потому ли онъ и сталъ въ ряды враговъ Церкви, защищающихъ и Чурикова, и гр. Толстого, и всѣхъ новыхъ и старыхъ еретиковъ, что боится заразиться тою „ненавистью“, какою, по его мнѣнію, „должны быть“ заражены (слышите: не просто заражены, а: должны быть заражены) всѣ нынѣшніе ревнители Церкви?.. Не потому ли и защищаетъ теперь послѣдователей Чурикова, такъ называемыхъ „трезвенниковъ, обвиняемыхъ, по его словамъ, въ хлыстовщинѣ, при чемъ-де обвинители во имя Церкви не отступали ни отъ какой лжи, ни отъ какой клеветы“?

Но не угодно ли князю все это взять обратно: вотъ именно всѣ такіе непрошенные „ревнители Церкви“, какъ онъ, не гнушаются никакою ложью, никакою клеветой! Въ прошломъ году воздѣйствіе государственной власти на бунтующихъ аѳонскихъ монаховъ, изгнавшихъ своего одного игумена и грозившихъ изгнать другого и всѣхъ православ-

но-вѣрующихъ собратій своихъ, было превращено въ жидовскихъ газетахъ и въ единомысленныхъ съ княземъ Мещерскимъ органахъ—въ какой-то „походъ“ мой на невинныхъ старцевъ-подвижниковъ, а нынѣ тѣ же радѣтели Православія, во главѣ съ Гарязинымъ, въ компаніи съ княземъ-писателемъ, хотятъ во что бы то ни стало увѣрить своихъ читателей, что С. Синодъ „созналъ свою ошибку“, „измѣнилъ свой взглядъ“ на ересь, признавъ имебожниковъ православными, словомъ—самъ сталъ имебожникомъ... И вотъ, такая вліятельная газета, какъ „Новое Время“, еще недавно помѣстившая статью своего сотрудника г. Вега, безпристрастно освѣщавшую аѳонское дѣло, теперь уже говоритъ объ „ошибкѣ Синода“. Здѣсь, въ Россіи, это, пожалуй, еще не опасно: не трудно навести справку, въ какомъ положеніи это дѣло: С. Синодъ и не думалъ признавать православнымъ ученіемъ то, что онъ, въ своемъ посланіи отъ 18 мая прошлаго года, назвалъ ересью; но на Аѳонѣ такая ложь не проходитъ безслѣдно. Оставшіеся на Св. Горѣ имебожники, какъ мы имѣемъ свѣдѣнія, поднимаютъ голову и смущаютъ православныхъ толками, будто С. Синодъ раскаялся и призналъ ихъ ученіе православнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они находятся въ постоянномъ сношеніи съ своими вождями, которые снабжаютъ ихъ писаніями Гарязина и Мещерскаго, и погасшій было пожаръ ереси снова грозитъ разгорѣться. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что греки прекрасно учитываютъ это обстоятельство и во всей строгости примѣнятъ законъ Св. Горы о еретикахъ... А наше посольство едва ли станетъ въ другой разъ примѣнять мѣры для очищенія православныхъ монастырей отъ имебожниковъ. И вотъ, благодаря лжи, усердно распространяемой разными жидовскими, хлыстовскими и княжескими газетами, легко можетъ случиться, что еще сотни монаховъ будутъ изгнаны съ Аѳона и будутъ скитаться по Русской землѣ безъ пріюта и духовнаго окормленія. Вѣдь, нельзя же открыто противящихся Церкви, требующихъ отъ Церкви признанія ихъ ложнаго ученія православнымъ, принимать въ русскіе монастыри безусловно. Надо помнить, наконецъ, что опредѣленія патріаршихъ грамотъ и посланія Св. Синода чего-нибудь да стоятъ. Замалчивать ихъ невозможно и допускать надломъ въ взаимныхъ отношеніяхъ Церкви-матери и Церкви-дочери непростительно. И напрасно гг. Гарязины и князья Мещерскіе стараются все дѣло свести на мои отношенія къ имебожной ереси, тщательно замалчивая такіе документы, какъ посланіе С. Синода и патріаршія грамоты: я стою только на почвѣ этихъ документовъ, отъ коихъ ни С. Синодъ нашъ, ни патріархъ не отрекались. Пусть А. Булатовичъ смиренно сознается, что въ своей „Апологіи“ и др. писаніяхъ онъ во многомъ заблуждался, пусть отречется отъ нихъ и, если ужъ его душа не можетъ безусловно принять ученіе церковное, изложенное въ вышеупомянутыхъ документахъ, то—*непремѣнно при отреченіи отъ прежнихъ мудрованій*—представитъ новое изложеніе своего мнѣнія, которое и разсмотритъ С. Синодъ: это все, что, думаю я, могла бы допустить церковная власть. А мѣшаться въ это дѣло разнымъ Гарязинымъ и Мещерскимъ недопустимо. Они вносятъ только смуту въ святое дѣло выясненія Христовой истины и вражду во взаимныя отношенія разномыслящихъ.

229—231.

О монашествѣ епископовъ.

Дня не проходитъ, чтобъ въ печати не поднималось все новыхъ и новыхъ вопросовъ, касающихся той или другой стороны церковной жизни, церковныхъ обычаевъ и каноновъ. Вкривь и вкось стараются непрошенные радѣтели интересовъ Церкви толковать по поводу этихъ вопросовъ, чтобы смутить православныхъ, въ простотѣ вѣрующихъ въ Церковь, и подорвать въ нихъ довѣріе къ Церкви, предварительно лишивъ въ ихъ глазахъ довѣрія представителей церковной власти. Синодъ не канониченъ! восклицаютъ они и обвиняютъ епископатъ въ поддѣлкѣ Регламента, положеннаго въ основаніе Синода. Теперь г. Папковъ стремится доказать, что монахамъ нѣтъ мѣста среди епископата, и приходится отражать это новое нападеніе на современный строй церковнаго управленія, весь построенный—уже тысячу лѣтъ назадъ — на монашествѣ епископата. Помѣщаю въ своихъ дневникахъ пока письма мои въ „Новое Время“, посланныя съ цѣлію прояснить туманъ, напускаемый безъ всякой нужды въ атмосферу церковной жизни г. г. Папковыми, которымъ очень хотѣлось бы вторгнуться съ своими пресвитеріанскими вожделѣніями въ эту церковную жизнь.

I.

Письмо въ редакцію „Новаго Времени“, помѣщенное въ № 13728.

М. г. Въ № 13721 „Новаго Времени“, въ отвѣтъ на письмо архіепископа Антонія, ставится вопросъ: „почему же всѣ наши епископы должны быть монахами и не возводятъ въ архіерейскій санъ бѣлое духовенство?“

Каноны церковные не запрещаютъ возводить въ санъ архіерейскій и бѣлыхъ священниковъ, но тѣ же каноны, именно правило 12-е шестого вселенскаго собора, требуютъ, чтобы рукоположенный во епископа обязательно прекращалъ сожитіе съ своею супругою: „аще же кто усмотрѣнъ будетъ сіе творящій, да будетъ изверженъ“. Итакъ, церковный канонъ строго предписываетъ епископу безбрачіе. А въ такихъ условіяхъ чѣмъ же епископъ-бѣлецъ будетъ отличаться отъ монаха? Обѣты монашества извѣстны; они сводятся къ тремъ: дѣвство, нестяжаніе и послушаніе. Но развѣ епископъ, будь онъ монахъ, или бѣлецъ, не обязанъ всецѣлымъ отреченіемъ отъ своей воли, отъ всѣхъ личныхъ интересовъ, если онъ хочетъ всецѣло отдаться своему служенію? Прочтите его обѣты, произносимые имъ предъ посвященіемъ: они строже обѣтовъ монашескихъ. А съ отреченіемъ отъ семейной жизни, по силѣ правила шестого вселенскаго собора, чѣмъ же онъ будетъ отличаться отъ монаха, если даже не приметъ монашескаго пострига? Развѣ тѣмъ, что будетъ имѣть право въ скоромные дни ѣсть мясо? Но онъ долженъ будетъ вспомнить, какъ посмотритъ его паства на епископа, ядущаго мясо, и слова великаго апостола Павла: *аще мясо соблазняетъ брата мо-*

его,—не имамъ ясти мяса во вѣки! И что же это за епископъ, который не хочетъ подчиниться, если еще не канону, то тысячелѣтнему порядку церковному, требующему отъ епископа обѣтовъ монашества? Конечно, эти обѣты свяжутъ его совѣсть покрѣпче, но, по смиренію служителя Христова, онъ долженъ бы радоваться, что сіи обѣты будутъ укрѣплять его немощную волю. При томъ же, онъ будетъ долженъ въ своемъ епископскомъ служеніи руководить и монахами, которые будутъ входить въ составъ его паствы: хорошо ли, если каждый разъ, какъ онъ будетъ поучать монаховъ, въ его совѣсти будетъ слышаться упрекъ: „ты—не монахъ, тебѣ ли учить монаховъ?“...

Вотъ почему еще шестой вселенскій соборъ, постановляя правило о безбрачіи епископовъ, и предусматривая тѣ ссылки на практику апостольскихъ временъ, какія теперь дѣлаются при требованіи, чтобы епископъ былъ не-монахъ, оговорился: „сіе же глаголемъ не ко отложенію или превращенію апостольскаго законоположенія, но прилагая попеченіе о спасеніи и о преуспѣяніи людей на лучшее, и о томъ, да не попустимъ какого-либо нареканія на священное званіе. Ибо глаголетъ божественный апостолъ: „вся во славу Божію творите: безпреткновенни бывайте іудеемъ, и еллиномъ, и Церкви Божіей, якоже и азъ во всемъ всѣмъ угождаю, не искій своея пользы, но многихъ, да спасутся. Подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу“.

При апостолахъ, конечно, монаховъ еще не было, но дѣвственники были, каковымъ былъ и апостолъ Павелъ. А разъ Церковь канономъ своимъ поставила безбрачіе условіемъ епископства, то нѣтъ никакихъ основаній требовать, чтобы епископы были не-монахи. Да напрасно умалчиваютъ и о томъ, что значительная часть современнаго епископата состоитъ изъ бывшихъ бѣлыми священниками: нѣтъ нужды называть такихъ святителей по именамъ. Они приняли монашество, но не забыли быта и жизненныхъ нуждъ бѣлаго духовенства, а потому и вопросъ: почему не возводятъ бѣлое духовенство въ санъ епископскій — не имѣетъ мѣста, на него отвѣчаетъ жизнь: возводятъ, и очень часто, но съ принятіемъ монашества; а на другой вопросъ: почему всѣ наши епископы должны быть монахами, можно отвѣтить вопросомъ же: а для чего это условіе было бы нужно устранить, когда обѣты архіерейскіе почти совпадаютъ съ монашескими, кромѣ развѣ такихъ условій, какъ неяденіе мяса, и тогда какъ тысячелѣтняя экономика церковной жизни ввела въ эту жизнь монашество архіереевъ? Не говорю о томъ, что вся Русь привыкла видѣть епископа въ мантіи и клобукѣ, и пр.

II.

За тысячелѣтній обычай.

(Письмо въ редакцію „Новаго Времени“, помѣщенное въ № 13739).

На мое письмо въ редакцію, помѣщенное въ № 13728 „Новаго Времени, г. Папковъ откликнулся статьей „Епископскія недоразумѣнія“. Недоразумѣнія у епископовъ, конечно, возможны, но не чужды ихъ и г. Папковъ. Я привелъ правило вселенскаго собора, требующее

для епископа прекращенія сожитія съ супругою. Выводъ совершенно ясенъ: епископъ долженъ со дня рукоположенія хранить безусловное цѣломудріе наравнѣ съ монахомъ. Жена перестаетъ для него быть женою, она становится только сестрою, какъ и всякая другая женщина-хрістіанка. Можете не называть это „полнымъ расторженіемъ брака", но въ существѣ дѣла это все же будетъ „безусловнымъ прекращеніемъ брачныхъ отношеній". И въ этомъ отношеніи такой епископъ и безъ постриженія есть безусловно—монахъ. Правило строго караетъ нарушеніе сего канона: аще усмотрѣнъ будетъ—да извержется. Подчиняясь сему правилу, избранный во епископа іерей тѣмъ самымъ уже отрекается отъ сожитія съ женою, даетъ обѣтъ цѣломудрія по благоговѣнію къ воспринимаемой имъ благодати архіерейства и изъ послушанія вселенскому собору, т. е., Церкви. Надѣюсь, противъ сего г. Папковъ спорить не будетъ.

Перехожу къ понятію о „послушаніи". Г. Папковъ понимаетъ его какъ „безволіе". Признаюсь: такое опредѣленіе монашескаго послушанія меня нѣсколько испугало: ужъ не разумѣетъ ли г. Папковъ подъ нашимъ словомъ „послушаніе" какой-нибудь гипнозъ, внушеніе, парализующее волю? Очень жалѣю, что въ газетной замѣткѣ не могу распространиться на тему о послушаніи; скажу только, что послушаніе мы считаемъ основнымъ началомъ духовнаго воспитанія, матерью смиренія, хрістоподражательною добродѣтелью. Всѣ мы, православные, обязаны быть въ послушаніи Богу въ исполненіи Его заповѣдей, въ послушаніи Церкви и власти церковной, а епископъ несетъ сугубое послушаніе канонамъ церковнымъ и всѣмъ распоряженіямъ высшей церковной власти: онъ и управляетъ, и приказываетъ, и наказываетъ, и награждаетъ, и все, что долгъ ему повелѣваетъ, творитъ — *за послушаніе*. И это „послушаніе", это безусловное отсѣченіе своей воли предъ Церковію, этотъ тяжелый крестъ служенія Церкви онъ несетъ въ сознаніи, что для него есть какъ бы продолженіе монастырскаго послушанія, есть средство его собственнаго спасенія. Не будучи связанъ семейною жизнію, онъ имѣетъ возможность всего себя всецѣло отдать на служеніе Церкви и скорѣе, чѣмъ семейный, оградить себя отъ того риска, о коемъ говоритъ г. Папковъ—„риска отдать въ руки и распоряженіе своихъ приспѣшниковъ и подчиненныхъ епископское дѣло". А развѣ у семейнаго епископа не можетъ быть такихъ „приспѣшниковъ" (я сказалъ бы: сотрудниковъ, а не какихъ-то приспѣшниковъ)? И почему это непремѣнно и только семейный епископъ можетъ, а монахъ-епископъ уже не можетъ „сближаться съ паствою и низшимъ духовенствомъ, печаловаться о нихъ предъ мірскими властями по старинѣ, милостиво относиться къ грѣхамъ и заблужденіямъ ближнихъ" и пр.? Наша русская церковная исторія знаетъ множество Богомъ прославленныхъ святителей — печальниковъ народныхъ, и всѣ они были монахи, да и теперь не оскудѣла наша Церковь такими святителями, какъ митрополитъ московскій, не говоря уже о другихъ. И къ чему всѣ эти разсужденія, когда весь вопросъ сводится просто къ тому: какія причины могъ бы представить кандидатъ архіерейства, чтобы не принимать постриженія, хотя бы изъ уваженія къ тысячелѣтнему обычаю въ нашей Церкви? Вѣдь, и многіе каноны церковные сначала были „обычаями", а по-

томъ закрѣплены соборами въ каноны. И безъ особо уважительныхъ причинъ такихъ вѣковыхъ обычаевъ нарушать не слѣдуетъ. Что же касается правила, которое говоритъ, что монахи обѣщаются не иныхъ пасти, а пасомыми быти, то рѣчь идетъ о тѣхъ епископахъ, которые „*низошли въ* монашескій образъ", т. е., оставили каѳедру и стали бы искать снова каѳедры самочинно или распоряжаться въ монастырѣ, какъ епархіальные архіереи. Это, конечно, было бы нарушеніемъ обѣта послушанія, какъ самочиніе.

Слова апостола Павла и я приводилъ какъ примѣръ, какъ должно бережно относиться къ совѣсти немощныхъ братій; ставлю себя на мѣсто немощныхъ, и вопрошаю паки кандидата іерея во архіереи: отрицаясь отъ семейной жизни, ища смиренія, чтобы именоваться и—конечно—быть „смиреннымъ епископомъ", а смиреніе, какъ извѣстно, стяжавается не иначе, какъ послушаніемъ,—почему онъ уклонился бы отъ обѣтовъ монашескихъ? Почему и мірянинъ, г. Папковъ, не желаетъ имѣть своимъ епископомъ монаха? Почему инымъ мірянамъ въ наше время такъ хочется измѣнить установившійся тысячелѣтіемъ обычай?

III.

За идеалы бѣлаго духовенства.

(Письмо въ редакцію „Новаго Времени", помѣщенное въ № 13,746).

Наше время — вѣкъ пониженія идеаловъ. Идеалъ недостижимъ: *будите совершенни, яко Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть*, говоритъ Господь. Но мыслимо ли для человѣка достигнуть сего идеала? И вотъ, онъ хочетъ свести его на землю, принизить, сдѣлать для себя доступнымъ, не замѣчая того, что чрезъ это подмѣниваетъ его и обманываетъ себя.

В. В. Розановъ полагаетъ, что „рѣшительно" каждый русскій священникъ „чувствуетъ муку" при мысли: „отчего *я* или *мой ближній*, священникъ праведной жизни, высокаго ума, большой ревности къ Церкви, *за то только одно, что мы семейны*, лишены навсегда права быть блюстителями Церкви, быть епархіальными?.. лишены права епископата...?"—„Вотъ, говоритъ г. Розановъ, мысль каждаго священника, вотъ горе каждой сельской и городской священнической семьи". Позволяю себѣ сказать, что авторъ оскорбляетъ сто тысячъ іереевъ Божіихъ, не допускающихъ и мысли критиковать правило вселенскаго собора, т.-е. самой Церкви, возбраняющее епископу вести брачную жизнь. Я уже не говорю о томъ, что только честолюбіе можетъ возбуждать „чувство муки" въ іереѣ и „горе въ семьѣ" въ виду такого правила Церкви. Можетъ быть, въ средѣ ста тысячъ іереевъ и найдется десятка два-три тронутыхъ модными идеями протеста противъ дѣйствующихъ каноновъ Церкви, а среди ихъ матушекъ не хочу и думать, чтобъ нашлось и столько мечтающихъ быть „архіерейшами". Церковь, принимая, между прочимъ, во вниманіе слова св. Апостола Павла: *не оженившійся печется о Господнихъ, а оженившійся печется о мірскихъ*, а посему неженатый или разлучившійся съ женою съ большимъ удобствомъ отдастъ себя всецѣло великому служенію епископства, и постановила быть епископу

безбрачнымъ, тѣмъ болѣе, что среди вѣрующихъ всегда можно найти небольшое число лицъ, способныхъ понести крестъ архіерейства въ безбрачіи. И смиренные служители алтаря Господня, внимая велѣнію правилъ церковныхъ, благодарятъ Бога за жребій служенія іерейскаго, нимало не испытывая никакой „муки“, никакого „горя“ при мысли, что они не могутъ быть кандидатами въ архіереи, а ихъ матушки—въ „архіерейши“. Они знаютъ, что не земныя почести, а вѣчное спасеніе—послѣдняя цѣль ихъ подвига, а тамъ, на небѣ, у великаго Пастыреначальника, будетъ свой судъ, на коемъ могутъ оказаться и первые—послѣдними, и послѣдніе—первыми. Это въ военной средѣ принято за идеалъ: „плохой тотъ солдатъ, который не мечтаетъ быть генераломъ“, а въ Церкви Божіей—не такъ: „плохой тотъ священникъ, который считаетъ себя достойнымъ архіерейства даже, вопреки правиламъ Церкви“...

Теперь я вопрошаю В. В. Розанова: откуда онъ взялъ, будто до шестаго вселенскаго собора „монахи не допускались въ епископы?“ А великіе отцы—законоположники монашества, какъ Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Григорій Богословъ и многіе другіе „преподобные“ развѣ не были монахами? Или они отреклись отъ монашества, какъ увѣряетъ авторъ? Гдѣ это нашелъ г. Розановъ, будто всѣ таковые монахи, избранные во епископа, „предварительно должны были снять съ себя обѣты монашества и одѣяніе монаха“? „Да, говоритъ онъ, и подчеркиваетъ: каждый такой монахъ *сбрасывалъ* съ себя монашество“... далѣе не привожу выписки его словъ, но говорю прямо и рѣшительно: это клевета на святыхъ Божіихъ, на монашество, на Церковь, которая будто бы требовала этого сбрасыванія: это—неправда, это—вымыселъ, коему г. Розановъ нигдѣ въ церковной исторіи не найдетъ подтвержденія! А значитъ, и всѣ его выводы, основанные на семъ вымыслѣ, лишены всякаго значенія. Неправда и то, будто бѣлое духовенство всегда и вездѣ враждебно настроено противъ чернаго: бываютъ исключенія, но—только исключенія; въ общемъ же, могу сослаться на весь сонмъ святительскій, на всѣхъ добрыхъ иноковъ, что они нимало не терпятъ отъ бѣлаго духовенства нареканій, и особенно вражды... Равно и мы, монахи, съ любовію смотримъ на служителей Церкви Божіей, живущихъ семейно, видя въ нихъ своихъ сослужителей во Христѣ. Басня о взаимной враждѣ чернаго и бѣлаго духовенства выдумана ненавистниками монашества, а ихъ теперь немало на Руси.

Суть дѣла въ вопросѣ о кандидатахъ епископства въ томъ, что ни мы, монахи, ни бѣлые іереи, послушные канонамъ Церкви, не можемъ, да и не хотимъ, нарушать ихъ, пока сама Церковь, на восьмомъ вселенскомъ соборѣ, аще Господь изволитъ сему быти, не пересмотритъ ихъ и не измѣнитъ, если сіе признаетъ благопотребнымъ. Тогда, и только тогда, не послѣ всероссійскаго помѣстнаго собора, который не имѣетъ права отмѣнять каноны вселенскаго собора, а послѣ *вселенскаго* собора мы примемъ новый канонъ о брачномъ состояніи епископовъ, если, говорю, это Церковь постановитъ. А пока довольно и того, что каждый іерей имѣетъ право быть избраннымъ на епископство, подъ непремѣннымъ условіемъ отреченія отъ брачной жизни, а у насъ на Руси, по многовѣковому обычаю, и—принятія монашества.

Въ заключеніе, позволю себѣ сказать В. В. Розанову, да и многимъ свѣтскимъ писателямъ, что „преподобные“ отцы наши Сергій Радонежскій и Серафимъ Саровскій „святителями“ не были, а потому и называть ихъ симъ словомъ не подобаетъ. „Святитель“ значитъ, на языкѣ Церкви, архіерей, и когда какого-либо угодника Божія, неимѣвшаго архіерейскаго сана, называютъ „святителемъ“, то, ужъ, да простятъ намъ, церковникамъ, нашу скрупулезность: намъ кажется, что писатель, такъ неумѣстно употребляющій слово: „святитель“, въ языкѣ церковномъ является... несвѣдущимъ.

IV.

„За святое послушаніе“.

(Письмо въ редакцію „Новаго Времени“, помѣщенное въ № 13,753).

Въ вопросахъ, касающихся особенно вѣры и Церкви, долгъ совѣсти властно повелѣваетъ быть наипаче безпристрастными и спокойными; но когда васъ подозрѣваютъ въ томъ, что вы „всячески стараетесь скрывать многія, касающіяся современныхъ церковныхъ порядковъ истины“ и дѣлаете иногда „завѣдомо невѣрныя сообщенія“, что вы „не уважаете читателя и сознательно извращаете смыслъ церковныхъ правилъ“, что вы „всѣми мѣрами свое измышленіе, которое дали при постриженіи отлагать, стараетесь выдать за церковный законъ“ и, „разсчитывая на всеобщую неосвѣдомленность читателей, дѣлаете утвержденія, явно противорѣчащія церковнымъ законамъ, и выдаете за каноническія предписанія“, — при такихъ условіяхъ вести спокойно обмѣнъ мыслей въ газетѣ довольно трудно. А г. „Мірянинъ“, въ № 13745 „Н. Времени“, во всемъ этомъ меня не только подозрѣваетъ, но и обвиняетъ. Одно замѣчу кстати: мнѣ кажется, что когда съ вами говоритъ извѣстный вамъ человѣкъ съ открытымъ лицомъ, то говорить съ нимъ въ маскѣ анонима или псевдонима, какъ будто... не совсѣмъ вѣжливо. Но, вѣдь, бываютъ обстоятельства, когда безъ маски не обойдешься: и пчеловоды надѣваютъ сѣтку, когда достаютъ медъ.

Оставляя въ сторонѣ общія фразы, бросающія на меня тѣнь какого-то не то подлога церковныхъ правилъ, не то ихъ сокрытія, сдѣлаю нѣсколько замѣчаній по адресу г. „Мірянина“ на тѣ строки его статьи, гдѣ его обвиненія противъ меня какъ бы иллюстрируются. Но тутъ ужъ и мнѣ есть основаніе подозрѣвать его самого въ сокрытіи всей истины. Такъ, приведя 5-е правило св. Апостоловъ о томъ, чтобы священнослужители, въ числѣ коихъ поименованъ и епископъ, „не изгоняли своихъ женъ“, онъ замолчалъ помѣщенное тутъ же, въ „Книгѣ Правилъ“, толкованіе на это правило извѣстнаго древняго канониста Зонары, которое гласитъ: „изгнаніе жены запрещается священнымъ лицамъ потому, что сіе казалось бы охужденіемъ супружества. Впрочемъ, говоритъ далѣе толкованіе: воздержаніе епископовъ отъ супружества есть *древнее преданіе*, отъ котораго отступленіе шестой вселенскій соборъ замѣтилъ *только въ нѣкоторыхъ* африканскихъ церквахъ, и тотчасъ запретилъ своимъ правиломъ 12-мъ“... Вотъ какъ понимала апостольское правило древняя Церковь. А что такъ понимаетъ и современная намъ Церковь — видно изъ того, что толкованіе Зонары внесено въ вашу „Книгу Правилъ“. Это „толкованіе“ есть

вмѣстѣ съ тѣмъ и толкованіе 12-го правила VI-го вселенскаго собора. Г. „Міряннинъ“ позволяетъ себѣ толковать 12-е правило по своему смышленію, не имѣя для себя никакой опоры въ самомъ правилѣ: по его мнѣнію, „соборъ только установилъ *временный* обычай безбрачнаго состоянія епископовъ, пока не прекратится соблазнъ“. Но въ правилѣ нѣтъ ничего, дающаго основаніе къ такому толкованію. Правило говоритъ очень категорично: „да не будетъ отнынѣ ничего таковаго; аще же кто усмотрѣнъ будетъ сіе творящій (т. е. сожительствующій съ женою), да будетъ изверженъ“. И пока это правило не отмѣнено равнымъ по авторитету *вселенскимъ* соборомъ, дотолѣ оно имѣетъ полную силу и обязательность для Православной Церкви.

Толкованіе Зонары для насъ цѣнно и въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о древности „преданія“ о воздержаніи епископовъ отъ брачной жизни: уже во времена 6-го вселенскаго собора это было всеобдержнымъ обычаемъ въ Церкви, такъ что уклоненіе отъ него было уже соблазномъ для вѣрующихъ.

Г. „Міряннинъ“ напоминаетъ мнѣ о монашескихъ обѣтахъ: спасибо за доброе напоминаніе, которое всегда благовременно. Но, милостію Божіей, яихъ помню и, Богу содѣйствующу, тщуся, по мѣрѣ силъ, исполнять. Къ сожалѣнію, онъ не дочиталъ въ этихъ обѣтахъ двухъ словъ и не приводитъ ихъ. Да, монахъ долженъ пребывать въ монастырѣ „до послѣдняго издыханія“, сохранять послушаніе къ игумену и всей братіи“ и пр., и „пребывать въ монастырѣ *семъ*“, т. е., въ которомъ онъ постриженъ, но тутъ же прибавлено: „или въ немже ти отъ святаго послушанія повелѣно будетъ“. Ясно что для монаха „послушаніе“ есть основная стихія его жизни, и что бы ему ни повелѣли, куда бы ни послали, какое „послушаніе“, какой тяжелый крестъ—а что можетъ быть тяжелѣе креста архіерейскаго?—ни возложили бы на него,—онъ долженъ все принять, все нести „*за послушаніе*“. Знаю архіерея, который, въ санѣ архимандрита, плакалъ, получивъ указъ Синода объ избраніи во епископа, хотѣлъ послать телеграмму въ Синодъ, что онъ—сошелъ съ ума, чтобы только избѣжать тяжелаго креста архіерейскаго, но старецъ приказалъ за послушаніе, и онъ пошелъ... Такъ иноки, призываемые къ архіерейству, исполняютъ свой монашескій обѣтъ: „отложить своего разума измышленія и своея воли мудрованія“!

Совершенно напрасно г. „Міряннинъ“ приводитъ 4-е правило IV-го вселенскаго собора: прочтите его все сполна, и увидите, что оно говоритъ о монахахъ-самочинникахъ, „по произволу ходящихъ по градамъ“, не желающихъ жить въ своемъ монастырѣ и „даже монастыри составляти для себя покушающихся“, а не о тѣхъ, которые достойно избираются въ епископы. Напрасно также обвиняетъ меня „въ сознательномъ извращеніи смысла церковнаго правила“, якобы „запрещающаго совмѣстительство иночества и епископства“. Если бы его толкованіе 2-го пр. собора въ храмѣ св. Софіи было вѣрно, то ужели Церковь на протяженіи болѣе тысячи лѣтъ, постоянно нарушая его, не замѣчала этого и ни разу не обратила на это вниманіе? Ясно, что она понимала это правило такъ, какъ и я понимаю: относила его только къ епископамъ, ушедшимъ съ каѳедры въ монастырь „на покой“. Да и нельзя иначе понимать: слова: „*чистедшій* въ монашескій образъ“—это именно и обозначаютъ.

Ушелъ съ каѳедры, поселился въ монастырѣ, какъ монахъ, и живи, какъ монахъ, не ищи снова каѳедры, хотя это не можетъ связывать высшую церковную власть, если она найдетъ благопотребнымъ для Церкви снова призвать тебя на каѳедру, и опять таки не иначе, какъ—„за послушаніе“... За святое послушаніе мы, монахи-епископы, и исполняемъ завѣты Апостола Павла: „паси стадо, настой, обличи, запрети, умоли“; за то же послушаніе апостольскимъ и соборнымъ правиламъ мы и при дѣлахъ церковныхъ стоимъ и разбираемъ ихъ съ разсужденіемъ, тѣмъ самымъ исполняя свой монашескій обѣтъ отреченія отъ своей воли и послушанія уже не только игумену, но и всей Церкви Божіей, церковной власти, всѣмъ канонамъ и правиламъ церковнымъ...

V.

За кого говоритъ исторія Церкви?

(5-е письмо въ редакцію „Новаго Времени“.)

Нашъ споръ о монашествѣ епископовъ не только не конченъ, но и обѣщаетъ быть безконечнымъ. Не знаю, полезно ли и продолжать его. Дѣло въ томъ, что мы никакъ не можемъ, не оскорбляя свою мать—Церковь, допустить мысль, будто она не досмотрѣла явнаго, якобы, нарушенія каноновъ своихъ же вселенскихъ соборовъ и терпитъ это нарушеніе въ продолженіе—по крайней мѣрѣ—полуторы тысячи лѣтъ... Въ самомъ дѣлѣ, прошу принять во вниманіе: кто были законоположники монашества, кто писалъ для монаховъ правила? Да такіе святители и великіе вселенскіе учители, какъ Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и множество другихъ святителей... Но, вѣдь, они всѣ были—монахи! Святители, т. е., епископы, и въ то же время—монахи! Правда, Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ жили раньше IV вселенскаго собора, но, всеконечно, они были истинными носителями самаго духа монашества и вмѣстѣ строжайшими блюстителями каноновъ церковныхъ, ихъ духа, ихъ силы, равно и всѣ другіе великіе святители, какъ греческой, такъ и русской и другихъ православныхъ Церквей, да не только Церквей восточныхъ, но и западныхъ, святители-монахи, на протяженіи болѣе полуторы тысячи лѣтъ, съ самаго появленія монашества, тысячи монаховъ—епископовъ—что же? всѣ они не замѣчали нарушенія каноновъ, принимая санъ епископа? И никто, рѣшительно никто, изъ нихъ не протестовалъ, что имъ даютъ такое послушаніе, которое будто бы заставляетъ ихъ нарушать иноческія клятвы (обѣты) и постановленія соборовъ относительно образа жизни и положенія иноковъ въ Церкви? Какъ объяснить мнѣ это г. Царевскій? Для насъ совершенно ясно, что всѣ они, святые отцы, законоположники иночества, всѣ святые, Богомъ прославленные и Церковію именуемые даже вселенскими учителями, понимали иноческіе обѣты послушанія не такъ, какъ понимаетъ ихъ г. Царевскій, а именно такъ, какъ понимаемъ мы и съ нами вся православная Церковь. А мы убѣждены, что иноческіе обѣты не только не препятствуютъ послушанію архіерейства, но и содѣйствуютъ къ прохожденію его.

Здѣсь умѣстно повторить слова г. Царевскаго: „еслибы Церковь иначе понимала эти правила, она измѣнила бы чинъ постриженія“. Въ такомъ измѣненіи нѣтъ никакой надобности, ибо и самъ игуменъ, которому инокъ обязуется послушаніемъ до конца жизни, давалъ такой же обѣтъ, и если толковать слово „послушаніе“ въ томъ смыслѣ, какъ желаютъ понимать его наши возражатели, то и игуменъ оказался бы нарушителемъ своихъ обѣтовъ, вступая въ свою должность и начиная повелѣвать иноками...

Когда я прочиталъ статью г. Царевскаго, я былъ въ родной мнѣ Троицкой Сергіевой Лаврѣ. И припомнилось мнѣ: сколько вышло изъ постриженниковъ этой лавры, съ благословенія преподобнаго Сергія, во епископы, начиная съ его племянника — ростовскаго архіепископа Ѳеодора. Справился, оказывается болѣе ста епископовъ! А митрополитъ Филаретъ, упоминая о семъ, говоритъ, что великій отецъ иноковъ, самъ, по глубокому смиренію своему, отказавшись отъ архіерейства, взамѣнъ себя далъ столь великій сонмъ въ лицѣ епископовъ—его духовныхъ потомковъ. Предоставляю историкамъ высчитать: сколько тысячъ архіереевъ на протяженіи полуторы тысячи лѣтъ вышло изъ монаховъ... Ужели все это—по недоразумѣнію и недосмотру Церкви?...

Въ заключеніе скажу: меня очень удивилъ вопросъ г. Царевскаго: „можетъ ли частная помѣстная Церковь давать инокамъ такое послушаніе, которое заставляетъ ихъ нарушать иноческіе обѣты?“ О какой помѣстной Церкви говоритъ онъ? Конечно, о нашей, русской. Но вотъ же исторія свидѣтельствуетъ, что съ самаго возникновенія монашества, когда наши предки были еще язычниками, вселенская Церковь избирала кандидатовъ во епископы преимущественно изъ монашествующихъ: какъ же быть съ этимъ фактомъ? Указанія на такіе исключительные факты, какъ посвященіе епископа Маркелла безъ постриженія въ монашество, не имѣетъ никакого значенія въ нашемъ спорѣ: вѣдь, возможности такого избранія я не оспаривалъ, знаю и еще подобные случаи, но надо же принять во вниманіе, что—съ одной стороны десятки тысячъ монаховъ епископовъ, а съ другой—одинъ—два епископа безъ постриженія... Надо помнить и то, что о. Маркеллъ привелъ за собою въ единеніе съ Церковію нѣсколько тысячъ изъ уніи: при отсутствіи канона, для него можно было сдѣлать и отступленіе отъ обычая.

Нужно ли говорить о „такой“, по выраженію самого г. Царевскаго, „хрупкой соломинкѣ“, какъ мнѣніе покойнаго архіепископа Димитрія Херсонскаго, будто „монахъ, дѣлаясь епископомъ, перестаетъ быть монахомъ“: въ отвѣтъ на это можно указать на святителя Митрофана, Воронежскаго чудотворца, который не только былъ монахомъ, но даже и схимникомъ, что не препятствовало ему быть добрымъ пастыремъ и угодникомъ Божіимъ...

Изъ сказаннаго ясно, что Церковь понимала обѣты монашескіе не такъ, какъ понимаетъ ихъ г. Царевскій; что она не только не запрещала своими канонами избирать кандидатовъ епископства изъ монаховъ, но и избирала ихъ предпочтительно изъ монаховъ; правило же VI всел. собора можетъ быть отмѣнено только вселенскимъ же соборомъ, а отнюдь не помѣстнымъ. А такъ какъ, по общецерковному пониманію, обѣты иноческіе не только не противорѣчатъ архіерейскому послушанію, но и содѣйствуютъ его исполненію, то уклоненіе отъ нихъ для кандидата

епископства, безъ особенно уважительныхъ причинъ, каждый разъ разсматриваемыхъ Церковною властію, было бы, по меньшей мѣрѣ, уклоненіемъ отъ церковнаго преданія и обычая, вѣками установленнаго... Чтый да разумѣетъ!

Это письмо не было напечатано въ „Новомъ Времени“: читатели сами могутъ понять, почему. Сказать что - либо противъ приводимыхъ здѣсь доводовъ не было возможности, ибо тогда пришлось бы дѣйствительно признать, что Церковь допускала нарушеніе своихъ же каноновъ въ продолженіе 1500 лѣтъ. Оставалось молчать. А что бы у читателей газеты осталось впечатлѣніе, что ея сотрудники взяли въ спорѣ верхъ, предпочли письмо мое вовсе не печатать. Такъ оборванъ споръ о монашествѣ епископовъ, и у читателей „Нов. Времени“ осталось впечатлѣніе одержанной надо мною побѣды со стороны г. Царевскаго. „Міранина“ и пр. Ясно, что кому-то нужно, во что бы то ни стало, доказать, что монашество несовмѣстимо съ епископствомъ, а потому—пусть-де будутъ „бѣлые“ епископы. Для сей цѣли, умалчивая о безчисленныхъ, буквально исчисляемыхъ тысячами, епископахъ — монахахъ, откапываютъ въ минувшемъ столѣтіи нѣсколько примѣровъ поставленія во епископы безъ постриженія, но—ни одного русскаго, а все—изъ бывшихъ уніатовъ, а одинъ изъ грузинъ. Это—„рясофорные монахи“. Безпристрастный читатель видитъ, какъ слабы эти примѣры. Вѣдь, и я не отрицалъ возможности исключеній въ такихъ особенныхъ обстоятельствахъ, какія были, напримѣръ, при присоединеніи уніатовъ цѣлыми тысячами, когда и можно, и должно было дѣлать исключенія изъ тысячелѣтняго обычая. Но почему такъ настойчиво хотятъ, требуютъ, чтобы наша Церковь оставила тысячелѣтній обычай: въ случаѣ избранія во епископа лица изъ бѣлаго духовенства предлагать ему принять монашеское постриженіе? Что совмѣщеніе епископства съ монашествомъ допустимо—въ этомъ невозможно и сомнѣваться въ виду тысячъ архіереевъ-иноковъ. Умнѣе Церкви не будешь, какъ ни мудрствуй; Церковь говоритъ: монашество не препятствуетъ, а напротивъ—помогаетъ быть добрымъ архіереемъ; личное мудрованіе должно отложить, если хочешь быть во всемъ послушенъ Церкви: иначе—никто тебя не принуждаетъ быть архіереемъ, не хочешь принимать постриженія — откажись и отъ епископства. Епископство—не карьера, а тяжелый подвигъ, связанный съ полнѣйшимъ самоотреченіемъ и самопреданіемъ въ волю Церкви.

Тотъ доводъ, который приводятъ въ защиту своего положенія, будто монахъ не знаетъ жизни духовенства—положительно не выдерживаетъ никакой критики. Довольно указать на то, что въ составѣ современнаго намъ епископата имѣется до 70 епископовъ изъ вдоваго духовенства (почти половина числа всѣхъ епископовъ), во главѣ съ первосвятителемъ Русской Церкви: слѣдовательно, церковная власть достаточно освѣдомлена о положеніи бѣлаго духовенства, объ ихъ нуждахъ, да и кромѣ того: развѣ мы-то, монахи, съ постриженіемъ забываемъ все свое прошлое, все, чему были свидѣтелями, пока росли, росли, большею частію, въ деревнѣ, въ нуждѣ, развѣ мы не помнимъ, какъ тяжело жилось нашимъ отцамъ, которые служили обѣдню за крошню мякины, устраивали своихъ дочерей, нашихъ сестеръ, за крестьянъ или же за мастеровыхъ на фабрики, са-

ми пахали матушку-землю, сами работали, да и мы, семинаристы, съ ними въ поляхъ и огородахъ работали наравнѣ съ мужичками—уже ли, принявъ монашество такъ все это и забыли?.. Какъ хотите, а обидно думать объ этомъ!

Но надо же сказать откровенно и прямо: тутъ дѣло даже и не въ монашествѣ епископовъ, а совсѣмъ въ другомъ. Кому-то нужно внести смуту въ умы вѣрующихъ, подорвать довѣріе къ авторитету церковной власти, а чрезъ то и къ божественному авторитету самой Церкви, посодѣйствовать ея ослабленію, и если можно—ея разложенію посредствомъ разныхъ, несвойственныхъ ея духу реформъ въ духѣ протестантства. Не хочу думать, что всѣ такіе реформаторы Церкви стремятся сознательно къ такой цѣли, но, уклоняясь отъ руководства пастырей Церкви, безсознательно содѣйствуютъ тѣмъ, кто работаетъ уже сознательно въ этомъ направленіи. Вѣрные сыны Церкви должны бы проникнуться убѣжденіемъ, что нынѣ времена опасныя для Церкви, что подъ видомъ ея благожелателей развелось много ея тайныхъ враговъ, лукавыхъ, скрытыхъ Ахитофеловъ, совѣтующихъ именно то, что ведетъ не къ пользѣ, а ко вреду Церкви. И если бы поняли эту опасность, то стали бы стремиться не къ реформамъ въ церковномъ управленіи,—это не дѣло мірянъ, а іерархіи,—не къ новымъ мудрованіямъ въ области догматовъ вѣры, а къ тѣснѣйшему единенію съ іерархіей, дабы подъ ея руководствомъ глубже усвоять и къ жизни прилагать ученіе Церкви, а чрезъ то достигать и опытнаго познанія: какое великое благо—жить жизнію Церкви и воспитывать себя для вѣчно—блаженной жизни.

Есть и еще нѣчто, удобь пріемлемое только вѣрующими въ простотѣ сердца чадами Церкви. Для таковыхъ только и пишу сіи строки. Въ дѣлѣ избранія епископовъ, будутъ ли то монахи или бѣлые іереи, какъ и во всемъ, что совершается въ нѣдрахъ Церкви, ничто не бываетъ безъ воли Того, Кто есть глава Церкви. Бываетъ избраніе недостойныхъ — попустительно, а избраніе достойныхъ—благоволительно. Порядокъ избранія точно опредѣленъ соборами, которые говорятъ, что избраніе совершается епископами же, а отнюдь не мірянами. Лично для избраннаго весьма важно, чтобы его совѣсть была совершенно чиста отъ всякаго честолюбиваго помысла и пожеланія быть епископомъ: если онъ не искалъ, если даже всячески уклонялся отъ сего высокаго званія, то можетъ быть спокоенъ, можетъ всецѣло положиться на благодать Божію, которая и будетъ ему содѣйствовать въ прохожденіи имъ своего высокаго послушанія. Христосъ не оставитъ Своего „соработника“ въ дѣлѣ спасенія душъ человѣческихъ безъ благодатной помощи. Онъ и добрую мысль ему пошлетъ, и добрыхъ людей къ нему на помощь направитъ, и обстоятельства будетъ располагать такъ, что его тяжелый крестъ, его бремя, символизируемое его омофоромъ, будетъ для него легкимъ бременемъ. Господь Самъ будетъ работать съ нимъ и за него дивнымъ образомъ. Для тѣхъ, кто сталъ епископомъ вопреки своей волѣ, кто лишь за послушаніе принялъ на себя сіе иго послушанія, кто всецѣло въ своемъ служеніи епископскомъ предалъ себя въ руки Христовы, это—несомнѣнная истина, аксіома, опытомъ доказанная. И этотъ опытъ вѣры—залогъ ихъ добраго служенія и крѣпости въ минуты тяжелыхъ испытаній. Такіе епископы, по преимуществу, являются „созидателями

тѣла Хрістова", яже есть Церковь Божія. Чрезъ нихъ въ особенности и дѣйствуетъ промыслъ Главы Церкви въ судьбахъ Церкви. Потому и святая Церковь наиболѣе воздаетъ честь и прославленіе отшедшимъ къ Богу святителямъ своимъ, яко посредникамъ въ общеніи земной Церкви съ небесною въ таинствахъ и окормленіи корабля церковнаго. Просмотрите святцы: большая часть святыхъ Божіихъ, Церковію прославленныхъ, за исключеніемъ мучениковъ,—все преподобные и святители. Мірянъ—наперечетъ, кромѣ, говорю, мучениковъ. Это, конечно, не значитъ, что въ Царствіи Божіи ихъ мало, но имъ земная слава не нужна, не нужна она и святителямъ, и преподобнымъ, но намъ нуженъ свѣтъ ихъ добродѣтели, намъ нужно взирать на ихъ подвиги, чтобы укрѣплять въ себѣ вѣру, какою они жили, какъ спасались, при помощи Божіей благодати, и служили оружіемъ спасенія для ближнихъ, для насъ же самихъ. Великіе уроки жизни по Богу даютъ и святые угодники Божіи—міряне, но жизнь святителей и преподобныхъ всецѣло была посвящена Богу и ближнему, и идеалы хрістіанской жизни—жизни членовъ Церкви Хрістовой, въ нихъ сіяютъ во всемъ своемъ блескѣ, во всей ихъ красотѣ. Посему Церковь, а паче рещи Самъ Богъ, и прославляетъ ихъ не только небесною славою, но и великою честію на землѣ, являя чрезъ ихъ святыя мощи чудеса и знаменія великія въ Церкви православной, въ средѣ вѣрующихъ. Для насъ въ высшей степени спасительна самая идея, что безъ Церкви, внѣ Церкви, нѣтъ спасенія, а представителями Церкви, церковнаго водительства ко спасенію, и являются святители Божіи. И вотъ, внѣ всякаго внѣшняго воздѣйствія, какъ бы безсознательно, на самомъ же дѣлѣ весьма жизненно, этою идеей живетъ само тѣло Церкви, вѣрующій православный народъ: онъ самъ влечется Божіей благодатію къ избранникамъ благодати, преимущественно святителямъ Божіимъ, и, входя съ ними въ благодатное общеніе молитвы, прежде, чѣмъ церковная власть признала ихъ прославленными, указуетъ сей власти—не какими-либо формальными бумагами,—это ужъ послѣ, когда нужно будетъ возбудить дѣло формально,—а всеобщимъ, всенароднымъ преклоненіемъ предъ памятью избранниковъ благодати, такъ что мѣстные епископы уже должны освѣдомлять высшую церковную власть о семъ явленіи въ жизни Богомъ врученной имъ паствы. Духъ Божій дышетъ, идѣже хощетъ, и ими же Самъ вѣсть судьбами, помимо человѣческаго вмѣшательства, располагаетъ движеніями сердца народа православнаго, къ прославленію святыхъ Божіихъ.

Повторяю: пишу я эти строки для людей православно-вѣрующихъ, а не для читателей газетъ извѣстнаго лагеря: они не поймутъ насъ, имъ покажется юродствомъ то, что я говорю... Боюсь даже, что своими разсужденіями я введу ихъ въ такое искушеніе. Дай Богъ, чтобъ этого не случилось! А если случится, то пусть они прочтутъ въ Евангеліи отъ Матѳея гл. 15, стихи 12—14...

232.

Уготовимъ себя къ подвигу!

Всѣ мысли, всѣ сердца русскаго народа теперь сосредоточены на томъ великомъ испытаніи, какое было благоугодно Господу ниспо-

слать намъ для нашего вразумленія, для нашего наказанія, для нашего очищенія отъ всѣхъ тѣхъ духовныхъ нечистотъ, какими пропиталась духовно-нравственная атмосфера нашей жизни. Послѣдніе годы мы жили какъ бы окруженные какимъ-то ядовитымъ туманомъ: чтобы разсѣять, разогнать этотъ туманъ, Господь и попускаетъ намъ скорбь велію—эту ужасную общеевропейскую войну. И вѣрится, что она сдѣлаетъ свое дѣло, что туманъ разсѣется, и надъ Русской землей снова засіяетъ яркое солнце Божіей правды, Божія благословенія и православнаго смиренія, какъ это было встарь!

Газета „Вечернее Время“ запросила меня, что я думаю о современныхъ событіяхъ, о смыслѣ войны и пр. Я отвѣтилъ кратко:

„Совершается судъ Божій надъ народами земли“.

„Нѣмцы согрѣшили гордынею,—грѣхомъ сатаны. Много согрѣшили и мы предъ Богомъ. Но грянулъ громъ, и мы ограждаемъ себя крестнымъ знаменіемъ. Въ народѣ замѣтно заговорила совѣсть. Онъ вспомнилъ Бога. Тѣ нравственныя начала, которыя глубоко заложены въ основу народной души родною Церковью, несмотря на сильный на нихъ натискъ со стороны темныхъ силъ, еще живы, еще могутъ вспыхнуть яркимъ пламенемъ и очистить народъ отъ грѣха. И вотъ, Богъ посылаетъ народу великій крестоносный подвигъ: полагать душу свою за страждущихъ братій по вѣрѣ и по крови. Подвигъ очиститъ и обновитъ народъ. Это—общій нравственный законъ“.

„Народъ чувствомъ сердца понимаетъ это и, съ преданностью въ волю Божію, возлагаетъ на свои плечи тяжелый крестъ. Далъ бы Богъ, чтобы поняли наши передовые люди великій смыслъ грядущаго подвига! Въ помощи Божіей мы не сомнѣваемся: славянскіе народы, доселѣ порабощенные тевтонамъ, будутъ освобождены отъ тяжкаго нравственнаго ига. Сицe вѣрую, сицe уповаю!“

„Моя мысль, откровенно говорю, сосредоточивается не столько на ходѣ внѣшнихъ событій, сколько на проявленіи внутреннихъ настроеній въ разныхъ слояхъ народной массы. Все дѣло теперь въ томъ, чтобы народъ оглянулся на себя, на свои немощи, на свои грѣхи и постарался исправиться, покаявшись предъ Богомъ. И не одинъ простой народъ, нравственно опустившійся, но и его верхніе слои, начиная съ среднихъ классовъ. Бога забыли, отъ Церкви отвращаются, завѣты предковъ осмѣиваютъ. А въ верхнихъ слояхъ господствуетъ практическое язычество... И вотъ, наблюдая изъ тишины своей кельи, съ отрадою я замѣчаю, что какъ будто есть нѣкоторый поворотъ къ лучшему, есть признаки нѣкотораго отрезвленія, просвѣтлѣнія. И слава Богу. И сказать ли?.. Если бы Богу было благоугодно ввести насъ въ большій подвигъ временнымъ надъ нами успѣхомъ врага, то и на сіе мы должны быть готовы: да будетъ воля Твоя, Господи милосердый! Но не попусти насъ впасть въ унынie и сотвори со искушеніемъ и скорое избытіе. Такъ бывало въ нашей исторіи, въ достопамятныхъ годахъ 1612 и 1812. Тутъ приложимъ физическій законъ: чѣмъ сильнѣе пламень, тѣмъ лучше закаляется сталь: чѣмъ бѣдственнѣе, до степени, Богу вѣдомой, всенародное испытаніе, тѣмъ болѣе очищается народная душа. Богъ лучше насъ вѣдаетъ, какое врачество потребно для нашего очищенія и духовнаго обновленія. Наше дѣло предать себя

Богу, внимать Его гласу въ грядущихъ событіяхъ, каяться, просить помилованія и итти къ выполненію того великаго подвига, на какой Онъ зоветъ насъ. Предавая себя всецѣло волѣ Господней, вѣровать должно, что непреложно слово Хрістово: *елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ. Просите и пріимете.* (Іоан. 16, 23, 24). А совѣсть наша свидѣтельствуетъ, что просимъ у Господа не худого: просимъ мира всему міру, просимъ Его помощи въ борьбѣ съ врагами Его Церкви святой, просимъ нашимъ братьямъ свободы отъ гоненій за вѣру православную, за любовь къ родному своему народу. Мы просимъ у Бога милости, но тогда и сами должны широко оказывать милость нуждающимся въ милости. Таковъ у Господа законъ: просишь прощенія? Прежде самъ прости. Просишь милости? Прежде самъ помилуй, смилуйся, окажи милость. Сжалься надъ тѣми, которые изранены, изуродованы на полѣ брани: помоги, чѣмъ можешь, святому дѣлу заботъ о раненыхъ воинахъ. Смилуйся надъ ихъ безпомощными семьями: сколько вдовъ и сиротъ теперь будетъ оплакивать своихъ отцовъ и мужей, душу свою положившихъ на полѣ брани! Сколько матерей, оставленныхъ воинами безъ пропитанія, можетъ быть, безъ пріюта! О, поистинѣ, различенъ милованія образъ, по слову святаго Златоуста, и широка заповѣдь сія!

И сіе широкое поле благотворенія открывается предъ нами милостію Божіей, дабы мы сами заслужили сію милость. Самому Богу подражая въ милосердіи. *Блаженни милостивіи, яко тіи помиловани будутъ.* И—*судъ безъ милости не сотворшему милости!*

233.

Выступленіе гордыни и подвигъ любви.

Притча Хрістова говоритъ, что хозяинъ сѣялъ пшеницу, а среди пшеницы появились и плевелы. Слуги предлагали ему выполоть плевелы, но онъ не позволилъ, жалѣя пшеницу, которую легко было вырвать съ плевелами

Господь щадитъ и грѣшниковъ ради праведныхъ и готовъ былъ пощадить преступные города Содомъ и Гоморру, если бы тамъ нашлось хотя десять праведниковъ. Пока грѣхъ порабощаетъ себѣ отдѣльныя личности, пока онъ не становится характерною чертою цѣлаго народа, дотолѣ Господь терпитъ грѣшникамъ, дотолѣ не губитъ ихъ со беззаконіями ихъ. Но когда грѣхъ становится стихіей народной жизни, когда имъ заражаются, ему порабощаются, имъ хвалятся, какъ какимъ-то достоинствомъ, какъ національной добродѣтелью, уже не только отдѣльныя лица, но и массы народныя, тогда—наступаетъ часъ суда Божія и изливается на народъ пламенный фіалъ гнѣва Божія.

И прежде всего надъ такимъ народомъ исполняется древнее изреченіе: кого Богъ хочетъ наказать, у того отнимаетъ умъ. Онъ теряетъ способность здраво разсуждать, онъ смотритъ на все въ тѣ очки, какія подставляетъ ему его національный порокъ, онъ всѣ явленія окружающей его жизни видитъ, оцѣниваетъ, старается истолковать и использовать какъ средство служенія обуревающей его страсти. И ему кажется, что онъ думаетъ и дѣйствуетъ ра-

зумно, законно, что лучше нельзя и дѣйствовать. А со стороны изумляешься его ослѣпленію, его помѣшательству на своей страсти.

Примѣръ такого всенароднаго грѣха у насъ предъ глазами. Народы германскаго племени помѣшались на идеѣ всемірнаго господства, и вотъ, въ наши дни, весь міръ возмущенъ ихъ гордынею, и нѣтъ уголка на землѣ, гдѣ эта гордыня не заставляла бы, по крайней мѣрѣ, говорить о себѣ, а десять державъ, великихъ и малыхъ, уже составили союзъ, чтобы смирить буйнаго помѣшаннаго тевтона, и къ симъ державамъ, возмущеннымъ высокомѣріемъ нѣмцевъ, шлютъ свое сочувствіе, а можетъ быть въ потребную минуту и примкнутъ содѣйствіемъ многіе не только хрістіанскіе, но и языческіе народы: такъ всѣмъ стала ненавистна гордыня нѣмецкаго народа, обуяннаго сатанинскимъ грѣхомъ!

И вотъ, мы являемся свидѣтелями поразительнаго явленія. Мы какъ будто переживаемъ событія, предсказанныя въ апокалипсическомъ откровеніи: такъ все необычно, такъ все неожиданно и непредвидѣнно!

Съ одной стороны два государя, одинъ, считающій себя преемникомъ преданій благороднаго рыцарства, честности, лучшихъ завѣтовъ средне-вѣковаго западноевропейскаго хрістіанства; другой, носящій титулъ „апостолическаго величества“, величающій себя „хрістіаннѣйшимъ“ среди хрістіанскихъ государей,—два государя и ихъ—въ сущности одинъ, съ ними единомысленный народъ нѣмецкій, гордящійся своею наукою, своимъ просвѣщеніемъ, считающій себя носителемъ культуры и цивилизаціи,—государи, какъ представители сего народа, и народъ, какъ исполнитель ихъ воли, объединились ненавистію къ разрозненнымъ, ими же угнетаемымъ народамъ только за то, что эти народы не принадлежатъ къ ихъ роду—племени, исповѣдуютъ хрістіанскую вѣру не въ томъ видѣ, какъ исповѣдуютъ они, хотятъ говорить на родномъ языкѣ, не хотятъ, да и не могутъ, превратиться въ нѣмцевъ... Но за этими народцами стоитъ великій ихъ старшій братъ, исполинъ—народъ Русскій, и вотъ вся сила злобы, ненависти, обрушивается на этого могучаго заступника угнетенныхъ народностей, и начинается война... Страшная, едва ли въ лѣтописяхъ міра бывалая война.

Много и мы, русскіе, согрѣшили предъ Богомъ. Быть можетъ, мы какъ мытари временъ Хрістовыхъ, и по дѣломъ заслужили Божіе наказаніе: въ нашей исторіи, подобно исторіи древняго избраннаго народа Божія, такъ часто проявлялись судьбы промысла Божія, то наказующаго, то милующаго, что самая исторія народа неразрывно сплетается съ судьбами Церкви Божіей на землѣ. И народъ нашъ привыкъ смотрѣть на всѣ бѣдствія очами вѣры: то нашествіе татаръ, то—поляковъ и литовцевъ, то—французовъ, а теперь — нѣмцевъ—все это народъ принимаетъ, какъ Божіе наказаніе за народные грѣхи: за уклоненіе отъ завѣтовъ отцовъ, отъ завѣтовъ матери—Церкви, за пьянство, нравственную распущенность; и сознавая это, народъ кается, подобно ниневитянамъ, подобно евреямъ лучшихъ временъ ихъ исторической жизни; и Господь внемлетъ всенародному покаянію и, по ходатайству родныхъ намъ не только по вѣрѣ, но и по крови угодниковъ Своихъ, милуетъ насъ и паки возвращаетъ намъ Свое благоволеніе, и Русь паки обновляется и народъ паки служитъ Богу отцевъ своихъ. Но есть грѣхъ, такъ ска-

зать, трудно поддающійся покаянію какъ въ личной, такъ особенно въ государственной жизни; это—„грѣхъ къ смерти“, грѣхъ сатаны, грѣхъ гордыни. Нашъ Русскій народъ—дѣти православія, а основная стихія православной жизни есть смиреніе. Русскому народу чужда національная гордыня: для русскаго человѣка и нѣмецъ, и французъ, и всякій другой иностранецъ, даже и некрещеный еврей, татаринъ, и даже—язычникъ—всѣ люди, всѣ по образу Божію созданы, и обижать ихъ безъ крайней нужды, когда они не обижаютъ, не слѣдуетъ—грѣшно, не по-божьи. Вотъ почему даже съ плѣнными врагами—турками и японцами—наши русскіе люди всегда обходились миролюбиво, сохраняя достоинство хрістіанина, и это миролюбивое настроеніе русской души не только проявлялось, напримѣръ, въ добрыхъ отношеніяхъ русскаго солдата къ врагу во время перемирія, или въ отношеніи къ плѣннымъ, когда солдатъ дѣлился съ плѣннымъ послѣднимъ кускомъ своего хлѣба, но и въ тѣхъ крайностяхъ, съ которыми нельзя мириться, когда, напримѣръ, наши интеллигенты брали плѣнныхъ французовъ въ гувернеры къ своимъ дѣтямъ или наши дамы подносили цвѣты плѣннымъ туркамъ: это уже уродство какое-то! Мы знаемъ и помнимъ,—ибо этому учитъ насъ мать наша Церковь православная, — что всякая гордость есть грѣхъ,—мы радуемся, мы счастливы, мы благодаримъ Бога, что мы—русскіе, но не гордимся этимъ: это—милость Божія, за которую мы и благодаримъ Господа. Внимая судьбамъ Божіимъ, проявляемымъ въ исторіи нашей Руси православной, мы съ благоговѣніемъ и смиреніемъ видимъ, что Господь зоветъ нашъ народъ и нынѣ на святое дѣло—не только освободить нашихъ братьевъ славянъ отъ духовнаго порабощенія нѣмцамъ, отъ плѣненія ихъ неправославною культурой Запада, отъ вытравленія въ нихъ тѣхъ началъ, какія заложены были нашими первоучителями Кирилломъ и Меѳодіемъ равноапостольными,—но и самому Западу показать, если только онъ захочетъ познать, сокровище православной духовной культуры нашей, всю красоту ея, всю ея животворность для человѣческаго духа. Все это задачи будущаго, можетъ быть, очень и очень не близкаго, и ко всему этому мы должны еще готовиться и готовиться, не покладая рукъ: до гордости ли намъ? До того ли, чтобы мѣрить себя и высоко о себѣ мудрствовать? Помогъ бы Богъ, хотя въ нѣкоей малой мѣрѣ, выполнить поставленную намъ промысломъ Божіимъ задачу.

Въ цѣлыхъ народахъ, въ ихъ жизни и исторіи, повторяются законы духовной жизни отдѣльныхъ лицъ. Извѣстно, что святые Божіи, чѣмъ выше поднимались по степенямъ духовной жизни, чѣмъ болѣе приближались къ Богу, тѣмъ болѣе смирялись, считали себя какъ бы полными нулями въ средѣ людей, и за то Богъ избиралъ ихъ орудіями Своей Божественной жизнедѣятельности въ человѣчествѣ и даже облекалъ ихъ силою свыше творить чудеса. Прилагая этотъ законъ къ жизни народовъ, можно сказать: чѣмъ болѣе нашъ народъ будетъ смиряться, всецѣло вручая себя Богу, сознавая, что безъ Божіей помощи, безъ Божія благословенія онъ не можетъ исполнить возложеннаго на него промысломъ Божіимъ дѣла, тѣмъ скорѣе придетъ къ нему эта помощь Божія. Такіе великіе праведники, какъ покойный отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, совершая своею молитвою чудо исцѣленія, всячески гнали отъ себя самую тѣнь

мысли, будто они тутъ „при чемъ-то“: все—Богъ, все Его сила благодатная да вѣра тѣхъ, кто просилъ ихъ молитвъ. А они — они ничто, только свидѣтели сей чудотворящей вѣры, привлекающей силу Божію. Не то же ли бываетъ и съ народами—исполнителями судебъ Божіихъ? Когда Моисей воздѣвалъ руки въ своей пламенной молитвѣ, во время битвы евреевъ съ амалйкитянами въ пустынѣ, тогда евреи брали верхъ; когда же опускалъ руки, то брали верхъ амаликитяне. Поднятіе рукъ—символъ крѣпкой, все побѣждающей вѣры, возносящей къ Богу умъ и сердце молящагося пророка и низводящей отъ Бога чудотворящую силу Божію, поражающую враговъ. Подобно Моисею и святая Церковь нынѣ непрестанно воздѣваетъ свои руки, простираетъ къ Богу свои горячія молитвы въ то время, когда Русскій народъ, въ лицѣ своихъ воинствъ, выступаетъ противъ новаго Амалика, въ гордынѣ своей возносящагося превыше облакъ небесныхъ и безпощадно, звѣрски истребляющаго беззащитныхъ жителей и даже дѣтей, имѣвшихъ несчастіе быть застигнутыми въ своихъ мѣстахъ пребыванія. Сердце обливается кровью, когда читаешь объ этихъ звѣрствахъ. Справедливо говоритъ одинъ публицистъ: „ничѣмъ инымъ, кромѣ поразительнаго безбожія и потери совѣсти (безъ Бога — какая ужъ совѣсть!) нельзя объяснить чудовищныхъ случаевъ насилія, проявленнаго нѣмцами надъ несчастными нашими соотечественниками, среди мира, захваченными ими въ плѣнъ. Исчерпаны всѣ виды издѣвательства, брани, побоевъ, лишенія свободы, томленія голодомъ, оплеваній, истязаній. Исчерпано воровство, ложь, клевета, ограбленіе церквей и иконъ, изнасилованіе женщинъ и, наконецъ, самое циническое человѣкоубійство. Всѣ заповѣди хрістіанской вѣры растоптаны нѣмцами и осмѣяны“.

Не перечислишь всѣхъ видовъ звѣрства, какимъ подвергали нѣмцы русскихъ людей, случайно оказавшихся въ ихъ владѣніяхъ во время объявленія войны. Тѣмъ хуже для нихъ. Богъ все видитъ, и воздастъ каждому по дѣломъ его. А такъ какъ въ преступленіяхъ сихъ повиненъ не одинъ человѣкъ, а, какъ это видно изъ сообщеній очевидцевъ, весь нѣмецкій народъ, наущаемый своимъ кейзеромъ, то и отвѣтитъ Богу весь нѣмецкій народъ. *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ*, глаголетъ нелицепріятный Судія! И чѣмъ глубже падаетъ онъ въ гордынѣ своей, тѣмъ выше долженъ стать нашъ народъ, носитель Божіей правды въ душѣ своей, тѣмъ дальше долженъ онъ поставить себя отъ сихъ изверговъ рода человѣческаго, открещиваясь, по своему русскому обычаю, отъ всякаго подражанія нѣмцамъ-безбожникамъ. И чѣмъ выше станетъ онъ, нашъ родной народъ, въ нравственномъ подвигѣ, тѣмъ скорѣе привлечетъ къ себѣ благословеніе и благоволеніе Божіе, тѣмъ скорѣе Господь проститъ ему грѣхи его и совершитъ чрезъ него дѣло Свое, какъ чрезъ избранное орудіе Свое. Выступленіе нѣмцевъ — дѣло гордыни сатанинской; нашъ подвигъ — есть подвигъ любви въ защиту православія, въ защиту братьевъ по крови, въ защиту родной земли, которой грозитъ нашествіе, воистину, безбожныхъ тевтоновъ, потерявшихъ образъ человѣческій.

Предоставляя все дѣло, всю судьбу Русскаго народа и народовъ славянскихъ, суду Божію, будемъ крѣпко вопіять къ Богу: *Господи Силъ! Съ нами буди! Иного бо*

разве Тебе помощника въ скорбѣхъ не имамы: Господи Силъ, помилуй насъ! Суди, Господи, обидящія насъ и братьевъ нашихъ, *побори борющія насъ! Пріими оружіе и щитъ и востани въ помощь нашу! Не помяни беззаконій нашихъ, но призри на насъ милостивымъ окомъ ради пречистыя Матери Твоея и всѣхъ святыхъ Твоихъ, наипаче же присныхъ намъ по плоти угодниковъ Твоихъ!* Аминь.

Какъ бы въ дополненіе и раскрытіе Высочайшихъ Манифестовъ о войнѣ съ Германіей и Австріей, Верховный Главнокомандующій нашихъ силъ опубликовалъ два воззванія: къ полякамъ и къ русскому народу, до сего времени находящимся подъ властію нѣмцевъ. Онъ призываетъ и тѣхъ и другихъ къ объединенію подъ знаменемъ Русской державы. Особенно много выстрадали русскіе люди въ Галиціи и Буковинѣ отъ нѣмцевъ. Я напечаталъ въ „Нов. Времени", № 13793, слѣдующій

Привѣтъ братьямъ-сынамъ Червонной Руси.

Сегодня пасхальнымъ благовѣстомъ раздался голосъ Руси православной, обращенный къ древней вотчинѣ славнодержавнаго князя Владиміра, къ Галицкой Руси,—голосъ, призывающій эту многострадальную область въ полное единеніе съ великою матерью, въ ея объятія, къ новой свободной жизни... Да благословитъ угодникъ Божій, великій святитель Петръ, митрополитъ московскій и всея Руси, въ благоуханіи святыни почивающій въ самомъ сердцѣ Россіи—въ священномъ Кремлѣ, въ Успенскомъ соборѣ, да благословитъ онъ свою далекую родину—Галицкую землю—паки вернуться въ великую семью общерусскую, да будутъ и Великая, и Малая, и Бѣлая, и Червонная Русь—единою святою Русью!..

Сотни лѣтъ тосковала Червонная Русь, оторванная отъ родной матери, гонимая за вѣру православную фанатиками-папистами, лишенная непосредственнаго общенія съ роднымъ народомъ, вѣчно подозрѣваемая въ измѣнѣ гонителямъ, отданная на растерзаніе жидамъ и нѣмцамъ и ихъ приспѣшникамъ,—и вотъ, наконецъ, желанный часъ насталъ: слышите ли, братья Галичане—Христосъ воскресе!!!

Это было лѣтъ 25 назадъ. Мою тихую келью въ Троицкой Сергіевой лаврѣ посѣтилъ незабвенный печальникъ Галицкой Руси, о. протоіерей Иванъ Григорьевичъ Наумовичъ. Что за милый, умный, добрый былъ старецъ—царство ему небесное! Бывало, встрѣтишься съ нимъ—не наговоришься.

И вотъ, я спрашиваю его:

— Какъ мирится ваша русская совѣсть съ тѣмъ, что вы оторваны отъ родной Руси, что вынуждены, на виду у матери, быть въ подданствѣ у чужого царя, быть въ разобщеніи народной жизни, какъ-будто вы и не Русскіе? Не болитъ ли ваше сердце? Не скорбите ли вы на матушку Россію, что она будто забыла васъ?..

Вздохнулъ добрый старецъ глубоко-глубоко. Съ полминуты помолчалъ, а потомъ и говоритъ:

— Нѣтъ, не забыла насъ матушка родимая,—мы вѣримъ, крѣпко вѣ-

римъ въ это; нашъ Царь Батюшка, нашъ настоящій Императоръ—это Русскій Самодержецъ, а австрійскій—это только арендаторъ: нашему Батюшкѣ, Царю Вѣлому Православному угодно, чтобъ мы до времени оставались въ подчиненіи австрійскому императору, какъ бы въ арендѣ были у него—мы и слушаемся; въ Петербургѣ нашъ настоящій императоръ; а австрійскій—только арендаторъ!

Такъ мирилась русская душа Галичанина съ нуждою политическою, неизбѣжною, и вотъ, срокъ аренды приближается: довольно иноплеменному царю владѣть достояніемъ древнихъ русскихъ князей, пора вступить въ права Державному Наслѣднику ихъ—Царю Вѣлому, Православному! Пора воскреснуть Червонной Руси, пора русской душѣ ея отдохнуть на груди матушки родимой, подъ ласковымъ взоромъ Царя-Батюшки! Да возрадуется душа великаго борца за нее—о. Іоанна Наумовича!

Итакъ: Хрістосъ воскресе, братья Галичане! Другъ друга обымемъ и—ненавидящимъ насъ, по русскому православному обычаю—простимъ вся воскресеніемъ!!!

234.

Зрѣлища и увеселенія близъ народныхъ святынь.

Измученнымъ сердцемъ пишу я эти строки... Силъ нѣтъ терпѣть поруганіе всего, что этому сердцу дорого, что для него свято.

Вчера я прибылъ въ родную мою Троицкую Сергіеву лавру. Прибылъ на два-три дня, чтобъ немного отдохнуть душою отъ суетъ, отъ тревогъ и волненій столичной жизни, чтобы освѣжиться нравственно воспоминаніями дивныхъ судебъ Божіихъ, совершившихся здѣсь, на протяженіи 550—570 лѣтъ, чтобы мысленно пережить тѣ скорби и радости, какія волновали мое сердце на протяженіи почти тридцати лѣтъ моего здѣсь пребыванія, повидаться съ тѣми, съ кѣмъ дѣлилъ эти горести и радости, и помолиться на могилкахъ тѣхъ изъ нихъ, кто отошелъ уже ко Господу...

Поклонившись до праха земнаго великому печальнику Русской земли, преподобному Сергію и облобызавъ его нетлѣнныя мощи, я направился въ свою келлію, расположенную въ лаврскомъ саду. Какъ здѣсь тихо, какимъ миромъ вѣетъ отъ этихъ кедровъ, которые я сажалъ здѣсь когда-то, лѣтъ тридцать пять назадъ, зернышками изъ шишекъ, присланныхъ съ Толги, и которые теперь настолько выросли, что подъ ихъ тѣнью можно и отдохнуть, и о прошломъ поразмыслить, и съ друзьями побесѣдовать. Слава Богу за все!

Насталъ вечеръ. Вдругъ откуда то понеслись звуки плясовой музыки, послышались пѣсни, какъ будто гдѣ-то тутъ, неподалеку отъ стѣнъ святой обители, былъ какой-нибудь театръ или иное увеселительное мѣсто... И звуки все росли, все усиливались: чувствовалось, что подъ ихъ музыку отбиваютъ страстный танецъ мірскіе люди...

Господи, перекрестился я: да что же это такое? Ужели и въ эти мѣста, освященныя стопами и окропленныя молитвенными слезами преподобнаго Сергія, проникла та мерзость духовнаго запустѣнія, которая такъ оскорбляетъ вѣрующее сердце въ городахъ на каждомъ шагу? Ужели и тутъ, куда стремятся милліоны православныхъ душъ, на протяженіи

пяти съ половиной вѣковъ, чтобы излить свое горе, повѣдать угоднику Божію свои скорби и—хотя рѣдко—и радости, тутъ, гдѣ живымъ ключомъ бьетъ здоровая струя народной церковной жизни, и въ этомъ святомъ мѣстѣ народной молитвы и общенія съ небомъ, дозволилъ кто-то открыть мѣсто „позорищное", мѣсто служенія страстямъ человѣческимъ, отъ чего съ такимъ отвращеніемъ бѣгали наши благочестивые предки—даже міряне: говорить ли о преподобномъ Сергіи, объ его ученикахъ и духовныхъ потомкахъ? Кто допустилъ такое поруганіе народной святыни? Кто дерзнулъ внести сюда эту мерзость духовнаго запустѣнія?..

И сердце мое болѣзненно сжалось, и не могъ я примириться съ мыслію, что вижу и слышу это не въ кошмарномъ снѣ, а въ дѣйствительности... И видятъ и слышатъ сей позоръ православные русскіе люди, со всѣхъ концовъ родной земли сюда притекающіе, и повѣдаютъ преподобному сердечную скорбь свою на таковое беззаконіе, и внемлетъ имъ угодникъ Божій... Два года назадъ уже было творящимъ сіе беззаконіе предостереженіе: стали они въ свой театръ, называемый „клубомъ", заманивать объявленіями о томъ, что будетъ представленъ какой-то „танецъ сатаны", и вскорѣ послѣ того домъ сталъ добычею пламени [1])...

Да вразумитъ и нынѣ творящихъ неподобная, но не гнѣвомъ, а милостію, тотъ, коего мѣста подвиговъ они такъ дерзко оскорбляютъ!

Переношусь мыслію въ недалекое прошлое. То было десять лѣтъ назадъ, въ 1904 г., предъ самою войной съ Японіей. Въ началѣ января мѣсяца я встрѣтился въ вагонѣ желѣзной дороги съ однимъ православнымъ торговцемъ-простецомъ изъ жителей посада. Онъ сообщилъ мнѣ, что скоро въ посадѣ будетъ строиться такъ называемый „народный домъ". Въ то время я былъ казначеемъ Троицкой Сергіевой лавры и, какъ членъ Духовнаго Собора оной, казалось бы, долженъ былъ знать это, но это было для меня новостью. Все дѣло велось въ глубокой тайнѣ отъ начальства Лавры и, по справкѣ, оказалось, что губернскій комитетъ попечительства о народной трезвости, по ходатайству уѣзднаго комитета, уже составилъ планъ, смѣту и постановилъ ходатайствовать, гдѣ слѣдуетъ, объ отпускѣ 30.000 р. на постройку „народнаго дома" въ Сергіевомъ посадѣ. Чѣмъ вызвано было тогда такое „ходатайство?" Да видите ли: въ посадѣ постоянно проживаетъ не менѣе 20.000 чел.; преимущественно, это—бѣдный, трудящійся людъ; „не имѣя въ посадѣ рѣшительно никакихъ развлеченій, большинство населенія проводитъ массу

---

[1]) Вотъ что пишутъ изъ Тамбова въ *Моск. Вѣд.*:

14 іюля, около часу ночи, надъ городомъ взвилось огромное пламя гигантскаго костра. Такъ какъ зарево указывало мѣсто каѳедральнаго собора (тамъ же и губернаторскій домъ), то можетъ быть понятна паника, охватившая жителей. Всѣ успокоились, когда узнали, что святыня невредима.

Горѣло зданіе лѣтняго театра, что близъ собора. Пожарище это—роковое. *Каждый разъ вновь выстроенное зданіе театра уничтожается огнемъ!* Странно, что городъ не обратитъ серьезнаго вниманія на это „совпаденіе"; не мѣсто для увеселеній сосѣдство съ мѣстомъ упокоенія святого угодника Питирима, нынѣ прославляемаго.

Театръ, музыкантская эстрада и близлежащія постройки сгорѣли, какъ фейерверкъ! Спектакля въ этотъ день не было. Пожаръ начался по окончаніи гулянья въ саду. Театръ былъ еще новый, съ хорошими декораціями.

Видно, и великій новый чудотворецъ святитель Питиримъ не желаетъ имѣть такого сосѣдства.

свободнаго времени въ трактирахъ". Далѣе писали, что въ духовной академіи хотя и ведутся бесѣды, но помѣщенія тамъ недостаточны для вмѣщенія всѣхъ желающихъ слушать эти бесѣды. А главное, необходимость устройства въ посадѣ народнаго дома со свойственными ему развлеченіями вызывается - де тѣмъ, что „въ Троицкую лавру стекаются ежегодно сотни тысячъ богомольцевъ со всѣхъ концевъ Россіи: видя наглядно благотворную дѣятельность народнаго дома, его полезность—богомольцы разнесутъ о немъ вѣсть по всей Россіи, и, несомнѣнно, это вызоветъ учрежденіе такихъ домовъ въ различныхъ уголкахъ далекой провинціи". Такъ писали тогда въ жидовскихъ газетахъ, привѣтствуя мысль объ устройствѣ народнаго дома въ Сергіевомъ посадѣ.

Читаешь эти строки, и глазамъ не вѣришь: да неужели могутъ такъ разсуждать православные русскіе люди? Вѣдь, это—клевета на Русскій народъ, это—кровная обида для него: только тотъ, кто совсѣмъ не знаетъ его, или намѣренно хочетъ оскорбить его, можетъ написать такія строки... А, вѣдь, такими соображеніями руководились люди неглупые, люди, считающіе себя интеллигентными: простые люди, съ коими мнѣ пришлось потомъ говорить, съ сокрушеніемъ сердца говорили по поводу такихъ ходатайствъ своихъ согражданъ—интеллигентовъ.

Грѣшно было молчать. Немедленно составлена была мною „записка по поводу предположенія построить народный домъ въ Сергіевомъ посадѣ", напечатана, на правахъ рукописи, въ 25 экз., и представлена незабвенному ревнителю православія, Великому Князю Сергію Александровичу, Митрополиту Московскому Владиміру, почившимъ: В. К. Плеве, К. П. Побѣдоносцеву и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ. А Духовный Соборъ Лавры возбудилъ ходатайство чрезъ Митрополита, какъ настоятеля Лавры, о недопущеніи таковой постройки. Между тѣмъ, грянулъ громъ японской войны, и дѣло было прекращено. Такъ, молитвами преподобнаго Сергія, была устранена опасность великаго соблазна для русскихъ православныхъ людей постройкою театра на казенныя деньги въ мѣстѣ, освященномъ трудами и подвигами великаго печальника Русской земли. Я говорю: „постройка театра", а не просто „народнаго дома", гдѣ былъ бы залъ для чтеній, библіотека и что-либо столько же скромное, приличное святому мѣсту, ибо самъ видѣлъ проектъ постройки и планъ его: большая сцена, обширный зрительный залъ, фойе и все прочее, какъ подобаетъ театру, и... небольшой уголокъ для библіотеки.

Постройка предполагалась на горѣ, противоположной Лаврѣ, на той исторической „Волкушѣ", на которой преподобный Діонисій благословлялъ князя Пожарскаго, шедшаго на освобожденіе Москвы отъ поляковъ и Литвы.

Быть можетъ, именно этотъ случай вызвалъ циркуляръ г. Министра Финансовъ всѣмъ предсѣдателямъ губернскихъ, областныхъ и особыхъ комитетовъ попечительствъ о народной трезвости, отъ 9 апрѣля того же 1904 года за № 1178. Этотъ циркуляръ говоритъ: „Однимъ изъ уѣздныхъ комитетовъ попечительства о народной трезвости предполагалось устроить народный домъ, съ приспособленіями для театральныхъ развлеченій въ немъ, въ мѣстности, особенно посѣщаемой богомольцами. Находя, что въ мѣстахъ, чтимыхъ Русскимъ народомъ по религіознымъ чувствамъ и усиленно посѣщаемыхъ богомольцами, нежелательно устрой-

ство театральныхъ развлеченій, я считаю долгомъ просить г.г. предсѣдателей губернскихъ, областныхъ и особыхъ комитетовъ попечительствъ о народной трезвости преподать состоящимъ въ ихъ вѣдѣніи комитетамъ попечительствъ указанія о необходимости воздерживаться отъ устройства въ этого рода мѣстностяхъ театральныхъ для народа развлеченій". Подписалъ: Министръ Финансовъ, сенаторъ В. Коковцевъ. Скрѣпилъ: помощникъ начальника Главнаго Управленія, членъ Совѣта Министра Финансовъ І. Новицкій.

Повидимому, дѣло кончилось тогда въ благопріятномъ смыслѣ не только для Сергіевой Лавры, но и для всѣхъ, подобныхъ ей обителей, „усиленно посѣщаемыхъ богомольцами", какъ говоритъ циркуляръ министра. Спасибо этому министру: русскимъ сердцемъ онъ понялъ все неприличіе постройки народныхъ домовъ въ сосѣдствѣ съ святыми мѣстами Русской земли. Но могутъ ли успокоиться темныя силы, воюющія противъ Церкви Хрістовой и стремящіяся всюду сѣять соблазнъ и искушеніе для православнаго народа? Прошло десять лѣтъ, и они нашли способъ обойти начальство, испросить разрѣшеніе на зрѣлища другимъ путемъ и устроить открытую сцену съ духовой музыкой уже не въ закрытомъ помѣщеніи, какъ это было бы въ народномъ домѣ, а на открытомъ воздухѣ: вы, монахи, не хотѣли, чтобы мы построили закрытый театръ—такъ вотъ же вамъ: мы дѣлаемъ это открыто, на виду у вашихъ богомольцевъ, да еще съ духовой музыкой нашихъ добровольныхъ пожарныхъ дружинъ, съ музыкой, которая вторгается своими плясовыми звуками въ ваши кельи, въ ваши храмы! И намъ не смѣютъ не разрѣшить: у насъ въ уставѣ „клуба" есть разрѣшеніе давать спектакли, а приводимый вами циркуляръ Министра Финансовъ—намъ не указъ: мы—другого вѣдомства...

И дѣйствительно: Московскій губернаторъ, на письмо Митрополита Макарія, протестовавшаго противъ открытаго театра, отвѣтилъ, ссылаясь на уставъ „Сергіево-посадскаго общественнаго собранія", что онъ „не считаетъ возможнымъ воспретить собранію использовать предоставленное ему уставомъ право устройства увеселеній". И вотъ, они, эти „нищіе, присѣдящіе при вратахъ обители преподобнаго Сергія и питающіеся отъ обильно падающихъ крохъ со стола приходящихъ сюда богомольцевъ", какъ писалъ нѣкогда о жителяхъ посада великій святитель Филаретъ, — они „устраиваютъ увеселенія", и устраиваютъ ихъ такъ, что не даютъ иному монаху въ кельѣ правила прочитать, ибо въ окна его тихой келліи врываются звуки плясовой музыки, и торжествуютъ побѣду... только чью побѣду? Побѣду врага рода человѣческаго, врага Божія, сатаны, надъ монахами... Не напрасно же, какъ я сказалъ уже выше, не напрасно они полтора года назадъ и „танецъ сатаны" придумали поставить на своей сценѣ, приглашая и публику участвовать въ немъ... Сгорѣлъ ихъ „клубъ"—они на открытомъ воздухѣ „устрояютъ увеселенія" свои. Оправдываясь предъ начальствомъ, они увѣряютъ, будто ихъ клубъ былъ на той же улицѣ, на которой теперь устроено зрѣлище, но, вѣдь, это же неправда: чтобы попасть въ ихъ клубъ тогда надо было проѣхать или мимо вокзала желѣзной дороги, или же мимо церкви Вознесенія Господня и завернуть въ другую улицу, такъ что въ Лаврѣ тогда не было слышно ихъ музыки, богомольцамъ не было искушенія заглянуть на ихъ сцену,

притомъ же—устроенную не на открытомъ воздухѣ.

Въ самый день преподобнаго Сергія, 5 іюля, я служилъ у св. мощей его божественную литургію, и не вытерпѣлъ: совѣсть потребовала того, и я, отъ имени угодника Божія, обратился къ совѣсти жителей „веси, на нейже наречено имя преподобнаго Сергія“, съ жалобою на нихъ же самихъ... Будетъ ли плодъ отъ моего слабаго слова? Увы, не вижу надежды на это: по крайней мѣрѣ, мнѣ сказывали, что одинъ изъ виновниковъ открытія сего „увеселенія“, по выходѣ изъ церкви, громко выразился по моему адресу: „и какое ему-то дѣло до того, что творится въ Посадѣ? Обличаетъ, да еще въ присутствіи Великой Княгини“... Да, господа: обличаю и не перестану обличать такія оскорбленія угоднику Божію и Церкви-матери, пока силы есть, пока не лишатъ меня права открыто говорить и печатать то, что совѣсть моя подскажетъ въ защиту святынь народныхъ! И не только самъ обличаю, но и всѣхъ православныхъ русскихъ людей къ тому же призываю: времена настали грозныя, тучи собираются надъ бѣдною Русью, насилуемою измѣнниками и предателями, ведомою на закланіе и въ плѣненіе іудейское... До плясовой ли музыки теперь у самаго порога святынь народныхъ, братья, еще именуемые хрістіанами! Не гнѣвите Господа Бога, не заставляйте угодниковъ Божіихъ отвращать лице свое отъ насъ, грѣшныхъ! Не соблазняйте малыхъ сихъ, отовсюду къ преподобному Сергію притекающихъ и васъ же питающихъ! Вѣдь, не одни монахи, вѣдь, и вы—*Сергіевы*, ибо и въ Посадѣ *его* живете, и въ обители *его* же питаетесь! И я, болѣе чѣмъ другіе, имѣю и право, и долгъ говорить правду жителямъ веси Сергіевой, ибо и я — тоже *Сергіевъ*, я сынъ его обители, искреннѣйше желающій добра не только святой, родной мнѣ обители, но и всѣмъ живущимъ близъ сей обители, ибо имя преподобнаго Сергія роднитъ насъ другъ съ другомъ. Знаю заповѣдь древняго мудреца: *не обличай злыхъ, да не возненавидятъ тебе*, — потому и обличаю, что злыми жителей Посада не считаю, а премудрый дальше говоритъ: *обличай премудра и возлюбитъ тя*. Знаю, что не сладки грѣшному сердцу такія обличенія, но опытъ вѣковъ показываетъ, что —*достовѣрнѣе суть язвы друга паче, нежели вольная лобзанія врага*...

235.

II.

Народные дома и народныя святыни.

Изъ записки по поводу предположенія построить народный домъ въ Сергіевомъ посадѣ.

По своей идеѣ народные дома должны отвлекать простонародье отъ пьянства посредствомъ такъ называемыхъ „разумныхъ развлеченій“, публичныхъ общедоступныхъ чтеній, зрѣлищъ и т. п. Можетъ быть, въ этихъ видахъ законъ относится къ нимъ снисходительнѣе, чѣмъ къ театрамъ, въ вопросѣ о разстояніи отъ храмовъ Божіихъ: постройка народныхъ домовъ допускается почти въ сосѣдствѣ съ храмами. Къ

глубокому сожалѣнію, практика этихъ домовъ по всей Россіи, не исключая и столицъ, неопровержимо доказала, что совмѣщеніе „полезнаго съ пріятнымъ“,—просвѣтительныхъ начинаній съ развлеченіями, повело только къ отстраненію всего полезнаго на второй планъ и къ преобладанію, яко-бы на законномъ основаніи, развлеченій надъ просвѣтительными начинаніями. Народъ своимъ здравымъ умомъ и нравственнымъ чувствомъ хорошо понялъ это и отождествилъ народные дома съ театрами. Близость народнаго дома къ храму Божію уже блазнитъ его. Народный домъ — театръ—мѣсто развлеченій: вотъ понятія, въ умѣ простолюдина тождественныя. Это отмѣчено въ печати, и люди вдумчивые въ вопросѣ о пользѣ народныхъ домовъ становятся на сторону простонароднаго взгляда на это дѣло. Такъ теперь, напримѣръ, думаетъ г. Меньшиковъ въ своихъ письмахъ къ ближнимъ. „Признано необходимымъ, говоритъ онъ, на казенный счетъ доставлять народу разныя развлеченія и увеселенія—игры, народные спектакли, гулянья. Возникли при казенной поддержкѣ народные театры, „народные дома“—цѣлыя учрежденія, заботящіяся о томъ, чтобы народу въ праздное время было весело. Будь я крестьяниномъ, я сходилъ бы одинъ разъ въ народный домъ и во второй—не пошелъ бы. Не жаль гривенника за входъ, хотя гривенникъ—это три часа работы. Жаль было бы потерянаго времени. У рабочаго человѣка время дороже, чѣмъ у насъ. Разъ у труженника праздный день, надо, чтобы онъ былъ днемъ отдыха, возстановленія силъ. А можно ли отдохнуть въ народномъ домѣ? Огромная толпа, толкотня, шумъ, ревъ духовой музыки, пѣнье хоромъ, пыль, галдѣнье. Надо стоять на ногахъ, вытягивать шею, чтобы что-нибудь разглядѣть, разслышать. Если, съ большими усиліями, разглядишь и разслышишь—узнаешь не Богъ вѣсть что: отрывокъ изъ какой-то пѣсни чудной, или увидишь, какъ голый человѣкъ глотаетъ шпагу. Не то, что отдохнуть, а въ полчаса тутъ устаешь до головной боли. Чтобы домой вернуться, то-есть итти версты три-четыре, нужно непремѣнно зайти въ портерную, отдохнуть. А всего, конечно, лучше отдыхается дома, у кого конура есть, на своей кровати, за своимъ столомъ, среди своей семьи: когда ее, семью эту, видишь въ будни? Потратить единственный свободный вечеръ въ недѣлю на то, чтобы послушать какой то вздоръ, это плохое увеселеніе. Насколько толпа утомляетъ и душитъ, настолько и маленькій кружокъ своихъ людей даетъ каждому просторъ, каждому свою роль и ту настоящую жизнь, для которой всѣ живутъ. Пріучать народъ къ нашимъ тяжеловѣснымъ вечернимъ сборищамъ, къ дорогимъ платнымъ мѣстамъ, къ длиннымъ безжизненнымъ представленіямъ, къ потерѣ цѣлыхъ вечеровъ стоя или сидя на одномъ мѣстѣ—мнѣ кажется—трудъ напрасный. Слѣдуетъ остеречься, чтобы не заразить рабочій, свѣжій классъ нашей мертвечиной и, можетъ быть, лучше всего предоставить народу самому выработать свои развлеченія“.

Не будемъ приводить мнѣнія по сему вопросу пастырей Церкви и лицъ глубоковѣрующихъ изъ образованнаго общества. Не будемъ указывать тѣхъ злоупотребленій, какія уже вкрались въ дѣло развлеченій и народныхъ домовъ, какъ послѣдствіе устройства въ этихъ домахъ развлеченій. Замѣтимъ только, что и отъ многихъ изъ простыхъ людей слышится мнѣніе, что если Правительство находитъ возможнымъ тра-

тить крупныя суммы на борьбу съ пьянствомъ, то желательно, чтобы по крайней мѣрѣ развлеченія, особенно въ формѣ зрѣлищъ, были исключены изъ средствъ этой правительственной борьбы съ народнымъ порокомъ. Надобно знать, что нашъ простой народъ, въ массѣ, еще смотритъ на зрѣлища съ церковной точки зрѣнія: онъ считаетъ ихъ лицедѣйствомъ, въ сущности недостойнымъ хрістіанина, и потому грѣховнымъ. Позволительно думать, что итти Правительству противъ такого народнаго взгляда на театры, хотя-бы, съ точки зрѣнія современности, и нѣсколько ригористическаго, путемъ устройства на казенный счетъ домовъ для развлеченій и зрѣлищъ, по меньшей мѣрѣ—дѣло неосторожное. Зачѣмъ какъ бы насильственно разрушать народное воззрѣніе на зрѣлища, если оно не только безвредно, но по своей вѣковой древности—лежитъ въ ряду другихъ вѣковыхъ народныхъ воззрѣній, воспитанныхъ церковностью и составляющихъ завѣтное сокровище и характеристическій обликъ русской народной души? Пусть народъ смотритъ на зрѣлище, какъ на забаву: пока эта забава предлагается ему частными лицами, дотолѣ онъ смотритъ на нее снисходительно, какъ на дѣло житейское: надо же чѣмъ-нибудь и забавникамъ кормиться; но какъ скоро эту же забаву предлагаетъ ему само Правительство, является уже соблазномъ для строго православнаго простеца: за дѣло ли взялось Правительство? Для православнаго это тѣмъ болѣе соблазнительно, что устройство зрѣлищъ на казенный счетъ идетъ въ разрѣзъ съ его исторически сложившимся взглядомъ на зрѣлища: это болѣе опасно, чѣмъ крикъ римской черни: panem et circenses! Слава Богу: нашъ народъ смотритъ съ должнымъ уваженіемъ, почти съ благоговѣніемъ на Богомъ поставленную Власть. Онъ видитъ въ ней благопопечительнаго отца, который, въ отношеніи къ зрѣлищамъ, позволяетъ шаловливымъ дѣтямъ забавляться играми, но не станетъ тратить трудомъ и потомъ добытыхъ денегъ на игрушки, когда нѣтъ насущнаго хлѣба у дѣтей. Не говоримъ уже о религіозномъ воззрѣніи на театръ, какъ на грѣховную потѣху. Народъ желалъ-бы, напротивъ, чтобы его оберегали отъ такой потѣхи, а не пріучали къ ней. Онъ ищетъ и жаждетъ развлеченій иного рода. Тамъ, гдѣ ведутся религіозныя или патріотическія чтенія, бесѣды, всегда тѣсно отъ толпы. Надо видѣть благодарность народной массы къ опытнымъ проповѣдникамъ, чтецамъ и руководителямъ такихъ бесѣдъ и чтеній. Онъ еще не дорось до эстетической оцѣнки такъ называемаго „сценическаго искусства“. Онъ доволенъ будетъ тѣмъ хлѣбомъ насущнымъ, какой даютъ ему въ видѣ чтеній упомянутаго характера. Для большаго впечатлѣнія на его душу желательны,—конечно, не въ храмѣ Божіемъ,—и тѣневыя картины. Изданіе возможно лучшихъ по изложенію книгъ для такихъ чтеній, распространеніе хорошихъ безплатныхъ библіотекъ по селамъ и посадамъ, живое слово о „божественномъ“—вотъ чего жаждетъ народная душа.

Обычно говорятъ, что зрѣлища желательны самыя нравственныя, патріотическія и т. п. Къ несчастію, всѣ подобныя желанія остаются на бумагѣ и служатъ только ширмою для другихъ зрѣлищъ, крайне нежелательныхъ. Разъ устроена сцена—никто не поручится, что она всегда будетъ давать исключительно высоконравственныя зрѣлища. Да если бы это и было достижимо, то

и тогда еще останется сомнительнымъ: возможно-ли посредствомъ забавъ и развлеченій насаждать въ народѣ добрые нравы? Слово Божіе говоритъ, что только страхомъ Господнимъ уклоняется всякій отъ зла. Слѣдуетъ ли къ массѣ простонародья искусственно прививать утонченный вкусъ къ воспріятію посредствомъ сценическаго искусства такихъ истинъ, которыя онъ привыкъ воспринимать непосредственно сердцемъ подъ впечатлѣніемъ церковнаго воспитанія, истоваго Богослуженія, чтенія книгъ, называемыхъ имъ „божественными“, и добраго, властнаго, теплаго живаго слова своего пастыря или инока-старца? Если образованные слои общества стали малоспособными къ такому непосредственному воспріятію, то не есть ли это послѣдствіе какъ бы нѣкоего пресыщенія художественными впечатлѣніями съ дѣтства? И позволительно еще спросить: кто въ отношеніи воспріятія истины ближе къ идеалу: простецъ ли, непосредственно сердцемъ воспринимающій ее и проводящій немедленно, по мѣрѣ этого воспріятія, въ жизнь, или интеллигентъ, воспринимающій ту же истину при посредствѣ сценическаго искусства, подвергающій ее критикѣ холоднаго ума и затѣмъ, какъ большею частію бываетъ въ жизни—охладѣвающій къ истинѣ до безразличія?..

Мысль бороться съ народнымъ пьянствомъ посредствомъ развлеченій на казенный счетъ—нельзя признать счастливою. Можно надѣяться, что Правительство скоро пойметъ это и не будетъ отпускать денегъ на эти развлеченія. Опытъ показываетъ, что этими развлеченіями пользуется, большею частію, такъ называемая интеллигенція, особенно въ селахъ и посадахъ. Если и приходятъ туда люди изъ простого народа, то народные дома все же не отвлекаютъ ихъ отъ пьянства: и по выходѣ изъ народнаго дома они успѣваютъ напиться. Дѣло въ томъ, что впечатлѣнія, выносимыя изъ этихъ домовъ, не обладаютъ сдерживающею силою, не дѣйствуютъ непосредственно на совѣсть слабыхъ людей и потому остаются безплодными. Если же обратимъ вниманіе на то, что не находится въ потребномъ количествѣ средствъ на сельскія школы, на исправленіе проселочныхъ дорогъ и под. неотложныя нужды народныя, то было бы великимъ благодѣяніемъ для народа, когда Правительство нашло бы возможнымъ отпускать тѣ же средства именно на такія нужды; а для сокращенія пьянства придти на помощь просвѣтительной дѣятельности церковныхъ братствъ, обществъ трезвости и под. учрежденій, запретить воскресные базары, по крайней мѣрѣ въ зимнее время, устроить рабочіе дома для принудительнаго труда неисправимыхъ пьяницъ, открывать, гдѣ только есть возможность, лечебницы и амбулаторіи для алкоголиковъ, и издать законы, обуздывающіе уличное пьянство, столь развившееся въ послѣднее время вслѣдствіе новаго порядка продажи спиртныхъ напитковъ.

Таково наше монашеское мнѣніе по вопросу о полезности такъ называемыхъ народныхъ домовъ вообще. Но есть мѣста, гдѣ эти дома могутъ приносить народу неисчислимый вредъ, вмѣсто ожидаемой отъ нихъ пользы. Это такъ называемыя самимъ народомъ—„святыя мѣста“, куда стекаются сотни тысячъ православныхъ русскихъ людей, чтобы отдохнуть душой, чтобы сложить бремя жизни у подножія священныхъ ракъ, въ коихъ почиваютъ мощи великихъ угодниковъ Божіихъ. Таковъ—Сергіевъ посадъ, среди ко-

его красуется великая Лавра Сергіева.

Не только обитель, но и всѣ ея окрестности говорятъ сердцу народному о его великомъ заступникѣ и святомъ подвижникѣ: вѣдь онъ, Преподобный Сергій, жилъ тутъ, въ этихъ мѣстахъ, слишкомъ 50 лѣтъ; вѣдь, онъ исходилъ всѣ эти мѣста своими святыми стопами, онъ оросилъ ихъ своими молитвенными слезами. Не покажется ли благочестивому богомольцу святотатствомъ появленіе близъ Св. обители народнаго дома, который онъ иначе не мыслитъ, какъ мѣстомъ развлеченій и зрѣлищъ? Не осудитъ ли онъ, оскорбленный въ святѣйшихъ чувствахъ своего сердца, тѣхъ, кто допустилъ это святотатство? А зная, что на эти дома отпускаются средства изъ казны, не попрекнетъ ли онъ въ душѣ своей имущихъ власть, какъ духовную, такъ и гражданскую? И ради чего, ради какой нужды будетъ внесенъ этотъ соблазнъ въ душу простеца? Только не русскій, а если русскій человѣкъ, то развѣ въ насмѣшку надъ разумнымъ и благочестивымъ Русскимъ народомъ могъ бы сказать то, что говоритъ корреспондентъ „Русскаго Листка“ о богомольцахъ, будто они, „видя наглядно благотворную дѣятельность народнаго дома, его полезность, разнесутъ о немъ вѣсть по всей Россіи и, несомнѣнно, это вызоветъ учрежденіе такихъ домовъ въ различныхъ уголкахъ далекой провинціи.“

Что „разнесутъ вѣсть“—это несомнѣнно, но какую вѣсть? Съ болью сердца будутъ говорить, что вотъ и близъ завѣтныхъ стѣнъ святой обители Преподобнаго Сергія, у этого ковчега святыни всероссійской, построили театръ, да еще и построили то на казенныя деньги!—И какою горечью отзовется эта вѣсть въ православныхъ русскихъ сердцахъ! И не придутъ ли имъ на мысль грозныя слова Евангелія: *егда узрите мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, и тогда пріидетъ кончина...*

Нельзя допустить и мысли, чтобы настоящіе богомольцы пошли въ народный домъ. Они не находятъ времени бывать даже на внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ въ академіи и въ приходскихъ посадскихъ церквахъ. Они сочтутъ за грѣхъ пойти въ домъ, который считаютъ театромъ. Они жаждутъ святыхъ впечатлѣній у святыни и съ этими впечатлѣніями спѣшатъ во-свояси. Но уже одна мысль о возможности посѣщенія ими зрѣлищъ, на что разсчитываютъ тѣ, кому желательно устройство народнаго дома въ посадѣ, уже эта мысль представляется великою духовною опасностію для народа. Допустимъ на минуту, что богомолецъ „впалъ въ искушеніе“, зашелъ посмотрѣть на зрѣлище въ домъ, построенный на казенныя средства,—что произойдетъ въ его молитвенно настроенной душѣ? Не повторится ли то, что говоритъ Господь въ Евангеліи объ исцѣленномъ бѣсноватомъ; *и будутъ послѣдняя человѣку тому горша первыхъ!* Ничего не могло бы быть изобрѣтено худшаго, вреднѣйшаго въ смыслѣ соблазна, чтобы парализовать благотворное вліяніе святой Лавры на сотни тысячъ ея богомольцевъ, какъ зрѣлища, привлекающія этихъ богомольцевъ, можно сказать, у самыхъ стѣнъ Лавры! Пощадите же народную душу! Пощадите народную совѣсть! Оставьте на святой Руси хотя такія мѣста всенароднаго паломничества свободными отъ соблазна! Не мутите свѣтлаго родника, изъ коего черпаетъ народъ благодатныя силы... Пусть хотя мѣста, освященныя подвигами великихъ печальниковъ родной зем-

ли, будутъ исключеніемъ, куда не допущены зрѣлища, какъ не соотвѣтствующія народнымъ воззрѣніямъ на святыя мѣста.

Въ заключеніе умѣстно привести историческую справку по вопросу о театрѣ въ Сергіевомъ посадѣ. Въ 1866 году нѣкто купецъ Вичуринъ или Чичулинъ пытался устроить въ посадѣ театръ. Уже было дано разрѣшеніе мѣстной городской управой. Узнаетъ о семъ въ Бозѣ почившій святитель Филаретъ Митрополитъ Московскій и вотъ что пишетъ онъ тогдашнему Генералъ-Губернатору въ отношеніи отъ 2 апрѣля за № 147.

„Въ свѣтлые дни Пасхи опечаленъ былъ я извѣстіемъ изъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, что купецъ Вичуринъ предпринялъ устроить въ Сергіевомъ посадѣ театральныя представленія, и что онѣ должны начаться 29 марта, то-есть во вторникъ на недѣлѣ Пасхи.

„Посадскій Глава и значительнѣйшіе граждане, которымъ сказано было, что симъ наносится духовное оскорбленіе Преподобному Сергію, отозвались, что они не знали о семъ и сожалѣютъ о семъ.

„Сергіевскій посадъ получилъ существованіе по милости Преподобнаго Сергія. Приходящимъ къ нему богомольцамъ нужно было пристанище и удовлетвореніе нѣкоторыхъ потребностей. Соотвѣтственно сему образовалось селеніе, которое нашло свои выгоды.

„Сергіевскій посадъ и нынѣ благоденствуетъ по милости Преподобнаго Сергія. Значительнѣйшія выгоды жителей посада происходятъ отъ богомольцевъ.

„Какая неблагодарность, какое неблагоговѣніе къ Святому, если облагодѣтельствованное и непрерывно благодѣтельствуемое имъ селеніе близъ его обители, такъ недалеко отъ святыхъ мощей его, будетъ представлять столь противоположныя духу его театральныя зрѣлища, особенно въ настоящее время, извѣстныя противу-религіознымъ и противо-нравственнымъ направленіемъ, и такимъ образомъ соблазнять и богомольцевъ и обывателей посада.

„Вредно и то, если богомольцы, услышавъ о театрѣ близъ Лавры, будутъ осуждать допустившее оный начальство, и роптать на него: и еще вреднѣе, если нѣкоторые изъ нихъ увлекутся соблазномъ, и благоговѣйное чувство, съ которымъ пришли къ Преподобному, погубятъ въ чувственныхъ, нечистыхъ, порочныхъ впечатлѣніяхъ театральнаго зрѣлища.

„Уповаю, что Преподобный Сергій не не одобритъ, если скажу, что Его именемъ прошу Ваше Сіятельство не допустить соблазна, и возбранить учрежденіе театра въ Сергіевомъ Посадѣ.

„Покорнѣйше прошу не оставить меня безъ увѣдомленія о послѣдующемъ".

На это отношеніе на другой же день послѣдовалъ отвѣтъ Генералъ-Губернатора кн. Оболенскаго, что имъ предписано Полицеймейстеру Сергіевскаго посада воспретить открытіе театра въ посадѣ (Дѣло Духовн. Собора Серг. Лавры № 180 за 1866 годъ).

Желательно, чтобы такой же результатъ получился нынѣ.

236.

Въ утѣшеніе многоскорбнымъ подвижницамъ любви.

Много крови льется на поляхъ битвъ; еще больше льется слезъ по лицу родной земли. И собираютъ эти слезы Ангелы Божіи, наши хра-

нители безплотные, и несутъ ихъ, какъ дорогія жемчужины, къ престолу Царя царей Господа Бога, и пріемлетъ ихъ Господь какъ жертву чистую, благоуханную, отъ любящихъ сердецъ приносимую во искупленіе и очищеніе многихъ грѣховъ много предъ Богомъ согрѣшившей Руси, когда-то святой. О, Господи, Боже милосердый! Да будутъ эти слезы купелью, очищающею наши сердца, загрубѣвшія въ нерадѣніи и духовномъ разлѣненіи!..

Немного на Руси семействъ, которыя не имѣли бы въ рядахъ христолюбиваго воинства родныхъ людей. И нѣтъ сомнѣнія, что всюду льются больше всего именно женскія слезы. Плачутъ матери, проводивъ на войну сыновей—надежду и опору ихъ старости; плачутъ жены, оставаясь съ малыми дѣтьми, безъ хозяина-кормильца; плачутъ дѣти, разставаясь съ горячо любимыми отцами... Плачутъ, но вотъ что достойно особеннаго вниманія, вотъ что трогаетъ и умиляетъ: всѣ эти плачущія матери, жены, сестры прекрасно сознаютъ, что ихъ дорогіе родные исполняютъ святой долгъ послушанія Царю, Помазаннику Божію, что идутъ они на святое дѣло—защищать родину и братьевъ-славянъ отъ лютаго врага—нѣмца нечестиваго, что, слѣдовательно, удерживать сихъ защитниковъ вѣры, Царя и Отечества, если бы и можно было—нельзя, грѣшно, позорно, а, стало быть, надобно отъ всего сердца благословить ихъ въ дальній путь—на бранное поле: „идите, дорогіе наши, сердцу нашему милые: стойте крѣпко за святую нашу Русь матушку, за вѣру нашу православную, за Царя нашего батюшку... Благослови васъ Господь, помоги вамъ Матерь Божія и святые угодники. Идите, а мы будемъ цѣлымъ сердцемъ молиться за васъ, дѣлайте свое дѣло святое, а о насъ не тревожьтесь: Богъ да Царь—батюшка, да добрые люди насъ не покинутъ. Знайте, что каждый день, каждый часъ мы сердцемъ нашимъ будемъ съ вами, что дѣтки ваши будутъ усердно молиться за васъ Царицѣ небесной, чтобъ Она покрыла васъ Своимъ честнымъ покровомъ, чтобъ помогла вамъ на всякаго врага и супостата“. И въ такомъ святомъ настроеніи, прощаясь съ грядущими на бранный подвигъ, эти истинно русскія женщины мужественно отрекаются отъ самихъ себя, отъ своихъ личныхъ чувствъ, всецѣло предавая и присныхъ своихъ, и самихъ себя волѣ Божіей, и осѣняютъ ихъ крестнымъ знаменіемъ дотолѣ, пока скроется изъ виду уносящій ихъ поѣздъ...

Не видите ли вы предъ собою, какъ совершается великое добровольное святое жертвоприношеніе этихъ смиренныхъ русскихъ женщинъ на алтарь любви за вѣру православную и Русь-матушку? Не вспоминается ли вамъ при этомъ отецъ вѣрующихъ Авраамъ, приносящій въ жертву своего сына за послушаніе Богу? И что особенно цѣнно въ очахъ Божіихъ: имъ, этимъ подвижницамъ любви, и на мысль не приходитъ, что онѣ совершаютъ великій подвигъ: напротивъ, онѣ готовы при этомъ упрекнуть себя, что не имѣютъ достаточно мужества сдержать эти слезы, которыя такъ неудержимо льются изъ ихъ очей, что, вѣдь, это—малодушіе... О, добрыя русскія матери, жены, сестры! Пусть льются эти слезы—жемчужины; повторяю: ихъ собираютъ ваши ангелы-хранители въ сосуды златые и относятъ къ престолу Божію какъ жертву чистую, жертву вашей любви къ родинѣ; тамъ эти слезы смѣ-

шаются съ кровью дорогихъ вамъ воиновъ—страдальцевъ за вѣру православную, смѣшаются съ молитвами Церкви, святой нашей матери, съ молитвами вашими и дѣтей вашихъ, и услышитъ Господь эти молитвы вѣры, молитвы любви, и благословитъ оружіе русское побѣдою на враговъ!

Была одна великая страдалица—единственная въ мірѣ: это—Пресвятая Дѣва, Матерь Божія. Кто измѣритъ всю глубину скорбей, въ какую Она была погружена, когда стояла подъ крестомъ Сына Своего, Господа нашего Іисуса Христа? Что испытывало, какія муки переживало Ея чистое, беззавѣтною любовію преисполненное сердце! Потоками струилась Пречистая Кровь изъ язвъ гвоздинныхъ—изъ рукъ и ногъ Божественнаго Страдальца Ея Сына; тяжелыми каплями падала на землю эта Кровь съ Его чела, изъязвленнаго терніемъ колючимъ; и каждая капля ея падала на Ея материнское сердце и жгла его нестерпимою болью, больнѣе каленаго желѣза. Прочитайте, русскія женщины, въ минуты жгучей скорби вашей, канонъ на плачъ Пресвятыя Богородицы, который читается въ Великую Пятницу на повечеріи: вы почерпнете въ этомъ изліяніи неизмѣримой скорби Пресвятой Дѣвы себѣ великое утѣшеніе. Сколько самыхъ нѣжныхъ, самыхъ трогательныхъ чувствъ выражено въ словахъ канона, которыя влагаетъ святая Церковь въ уста Матери Богоневѣстной! „Свѣтъ Мой сладкій, надежда Моя, радость, жизнь—Чадо Мое возлюбленное! Ты одинъ былъ свѣтомъ очей Моихъ, и вотъ Я лишилась Тебя, Чадо Мое любимое! Съ Тобою хотѣла бы Я умереть, ибо не могу видѣть Тебя бездыханнымъ мертвецомъ... Не скажешь ли хотя одно словечко Рабѣ Твоей, Слове Божій? Увы, не услышу Я больше сладкаго Твоего голоса, не увижу красоты лица Твоего, какъ прежде было: Ты сокрылся отъ очей Моихъ! Возьми же Меня съ Собою, Чадо Мое, не оставляй Меня здѣсь одинокою"!.. Чье сердце не тронется отъ такихъ изліяній многоскорбнаго плача Пренепорочной Матери? И ужели сія Преблагословенная всемірная Страдалица, собственнымъ сердцемъ пережившая такую невыносимую, казалось бы, муку, муку матери, у которой отняли единственнаго сына, ужели Она, Матерь милосердія, не услышитъ сердечныхъ воздыханій, не увидитъ слезъ русскихъ матерей, женъ, сестеръ нашихъ воиновъ, ужели не согрѣетъ Своею материнею любовію сихъ подвижницъ любви, изливающихъ предъ Нею свои пламенныя молитвы за родныхъ своихъ, тамъ, на поляхъ битвъ мужественно подвизающихся? О, русскія православныя женщины! Какъ счастливы вы, что имѣете такую всесильную Заступницу и Ходатаицу предъ Господомъ: много бо можетъ Ея молитва, какъ молитва матерняя, ко благосердію Владыки! Вѣдь, и Самъ Онъ Ей поручилъ всѣхъ истинно вѣрующихъ въ Него, когда изрекъ Ей со креста, указуя взоромъ на любимаго Своего ученика Іоанна: *Жено, се—сынъ Твой.* А ученику сказалъ: *се—Мати твоя.* Онъ Самъ, по неизреченной благости Своей, называетъ вѣрующихъ братіями Своими, а если такъ, то всѣ мы—дѣти Матери Божіей, для всѣхъ насъ раскрыто Ея безконечно любящее сердце: приходите, припадайте къ Ея стопамъ, повѣдайте Ей, въ простотѣ дѣтской души, свои скорби, изливайте свое горе въ слезахъ любви, и вѣруйте: Она утѣшитъ, Она прикроетъ вашихъ близкихъ

въ страшную минуту опасности смертной. Она Сама приметъ ихъ души, если Богу благоугодно будетъ, чтобъ они положили сіи души за вѣру, Царя и Отечество, Сама увѣнчаетъ ихъ вѣнцомъ мученическимъ, а вашему израненному сердцу прольетъ такое утѣшеніе, что вы будете считать себя счастливѣйшими изъ русскихъ женщинъ, и расположитъ добрыя сердца позаботиться о васъ и малюткахъ вашихъ. Дивны пути Промысла Божія, нерѣдко такъ располагающаго дѣлами человѣческими, что люди и не подозрѣваютъ, а, между тѣмъ, исполняютъ то, чего хощетъ Богъ. Слава Богу: на Святой Руси еще много добрыхъ людей, сердцами которыхъ управляетъ Богъ. Пошлетъ Богъ такихъ людей и для вашихъ дѣтей, если осиротѣютъ они: они станутъ тогда сугубо дѣтьми всего Русскаго народа, родными всѣмъ намъ, русскимъ людямъ. Грѣшно будетъ намъ не позаботиться о нихъ. И уже заботится о нихъ прежде всего—Самъ Царь Батюшка: Онъ учредилъ особый Всероссійскій Верховный Совѣтъ, чтобъ имѣть попеченіе о семьяхъ воиновъ нашихъ христолюбивыхъ. Самъ Богъ внушилъ Ему такую святую мысль. Онъ поможетъ Ему и исполнить ее, въ жизнь провести. А во главѣ Совѣта стала Сама Матушка Царица, наша народная Печальница.

Но не всѣмъ же Господь судилъ умереть на полѣ брани: несравненно больше такихъ, которые вернутся оттуда въ добромъ здоровьѣ, вернутся, мы твердо вѣримъ милости Божіей, побѣдителями, на радость всей родной нашей матушкѣ Руси православной,—наипаче же, русскія женщины, на радость вамъ. Будемъ же молить Царицу небесную, чтобы помогла Она Царю-Батюшкѣ и воинству православному скорѣе побѣдить всѣхъ враговъ и супостатовъ, скорѣе избавить братьевъ нашихъ славянъ и родныхъ намъ русскихъ людей, которыхъ безчеловѣчно истязуютъ нѣмцы, подвергая всевозможнымъ пыткамъ не только мужчинъ, но и женщинъ, и дѣтей, и истребляя ихъ поголовно.

Мати Божія, Мати милосердія! Заступница наша усердная! Утѣшь скорбящихъ, исцѣли болящихъ душою, помоги воинамъ, на полѣ брани подвизающимся, согрѣй Твоею любовію старицъ—ихъ матерей, ихъ женъ, ихъ дѣтей: всѣмъ буди помощь и покровъ, печалей утоленіе, отъ злыхъ избавленіе и скорое заступленіе!..

237.

Господь зоветъ насъ къ дѣламъ милосердія.

Какъ милосердъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ! Что можетъ быть грознѣе, что ужаснѣе праведнаго суда Его, когда придетъ Онъ во славѣ со всѣми ангельскими силами судить всему міру въ послѣдній день міра? Но и въ этомъ, воистину, страшномъ судѣ Своемъ Онъ будетъ судить, не требуя великихъ подвиговъ, не взыскуя строгаго поста, всенощныхъ стояній на молитвѣ, непосильныхъ трудовъ: нѣтъ, Онъ потребуетъ только дѣлъ милосердія, дѣлъ любви къ ближнему: *аминь, глаголю вамъ*, речетъ Онъ подсудимымъ, *елика сотвористе* или *не сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ—Мнѣ сотвористе* или *не сотвористе*!.. При такомъ милосердіи въ самомъ

судѣ праведномъ—кто и въ чемъ можетъ найти себѣ оправданіе? Въ обычныхъ немощахъ человѣческихъ? Но заповѣдь о милосердіи—самая легкая изъ всѣхъ заповѣдей Христовыхъ, и нѣтъ человѣка, который не могъ бы ее исполнить. Если нѣтъ у тебя средствъ для дѣлъ милости тѣлесной, не можешь ты такъ или иначе помочь бѣдняку въ нуждѣ его, то кто можетъ воспрепятствовать тебѣ помолиться за него, утѣшить его добрымъ участливымъ словомъ въ скорби его, помочь его страждущей душѣ въ дѣлѣ спасенія его? Воистину, различенъ милованія образъ, какъ говоритъ святый Златоустъ, и широка—воистину, неизмѣримо широка заповѣдь сія!

Мы переживаемъ дни, когда заповѣдь о милосердіи и можетъ, и должна исполняться во всей ея широтѣ и глубинѣ. Тамъ, на границахъ нашего отечества, рѣками льется кровь нашихъ хрістолюбивыхъ воиновъ: тысячи раненыхъ подбираются съ полей сраженій и направляются къ намъ, во внутреннюю Россію, и распредѣляются по лазаретамъ. Они нуждаются въ уходѣ, въ леченіи, въ добромъ хрістіанскомъ утѣшеніи. Какой просторъ для тѣхъ, кто хочетъ оказать имъ помощь посильнымъ приношеніемъ на эти лазареты, на лѣкарства, на содержаніе врачей, сестеръ милосердія, прислугу, пищу, бѣлье. Жертвуйте всѣ, кто что можетъ и чѣмъ можетъ: у кого денегъ нѣтъ—можетъ жертвовать вещами, провизіей для лазаретовъ, бѣльемъ: и старое бѣлье, чисто вымытое, пригодно будетъ для перевязокъ ранъ нашихъ страдальцевъ-воиновъ. Жертвуйте книгами, пригодными для чтенія больнымъ воинамъ, жертвуйте чаемъ, сахаромъ, и—чѣмъ вамъ Богъ на душу положитъ, что у васъ найдется полезнаго и пригоднаго для госпиталей и для раненыхъ. Все Богъ приметъ какъ свѣчу трудовую, какъ жертву отъ любящаго сердца, какъ дѣло милосердія. Кто умѣетъ, кто можетъ—приди и послужи болящимъ, ради Господа, посѣти ихъ, утѣшь доброю бесѣдою, помолись, почитай больному у постели его хорошую книжку, хорошую газетку: о, какъ онъ будетъ радъ узнать, что тамъ, на полѣ брани, безъ него дѣлается! Вѣдь, его сердце и въ лазаретѣ—туда рвется, чтобъ снова стать въ ряды защитниковъ родной земли, снова поражать враговъ отечества, не щадя жизни своей. А если ему тяжело, если видишь, что не встать ему съ одра болѣзни, то постарайся осторожно направить его мысли къ тому, чтобы онъ мирно готовился въ вѣчную жизнь, чтобы всецѣло предавалъ себя въ волю Божію, чтобъ почаще обращался съ молитвою къ Матери Божіей, къ Ангелу хранителю, къ святымъ Божіимъ. Любовь къ ближнему нелицемѣрная, молитвою о семъ ближнемъ возгрѣваемая, подскажетъ тебѣ, какъ расположить его къ таинству Божественнаго причащенія, какъ разсѣять въ его душѣ страхъ смертный, возбудить въ сердцѣ его чувство покаянное и надежду на Божіе милосердіе. И это будетъ величайшая милостыня, какую только ты можешь сдѣлать въ сей жизни, ибо, по слову святаго Апостола Іакова, брата Господня, спасешь душу отъ смерти и покроешь множество грѣховъ—и его, и своихъ собственныхъ.

Изъ больницъ и лазаретовъ пойдемъ въ домы нашихъ хрістолюбивыхъ защитниковъ вѣры, Царя и отечества. Тамъ плачутъ матери и жены, плачутъ дѣти сихъ воиновъ, плачутъ, открывая Богу свое скорбящее сердце. Его несказанному

милосердію предавая себя и дорогихъ своихъ, тамъ, гдѣ-то далеко-далеко, на полѣ брани сражающихся, или въ лазаретахъ страдающихъ, или же уже въ могилахъ, на чужой землѣ, упокоившихся...

Что мы можемъ сдѣлать для утѣшенія сихъ плачущихъ и сердцемъ болѣзнующихъ? Спроси каждый у своей совѣсти, и она, а лучше сказать—твой Ангелъ-хранитель подскажетъ тебѣ, что надо сдѣлать. Имѣешь средства — помоги ихъ нуждѣ деньгами, одеждою, обувью, пропитаніемъ; нѣтъ средствъ—приди на помощь трудомъ: обработай поле того, кто за тебя, за вѣру, Царя и отечество, пошелъ на поле брани и, можетъ быть, уже душу свою тамъ положилъ: онъ—своей жизни не щадитъ ради тебя, а ты—ужели не можешь его бѣдной семьѣ поле вспахать, ниву засѣять, дровъ привезти, снопы убрать съ поля? Постоянно напоминай себѣ объ этомъ, такъ и держи въ своемъ сердцѣ заботу: какъ бы Бога не прогнѣвать своимъ нерадѣніемъ объ этихъ семьяхъ многоскорбныхъ. Чего одинъ не въ силахъ сдѣлать—проси другихъ, зажигай въ нихъ огонекъ любви къ несчастнымъ, собирайтесь вмѣстѣ, цѣлымъ міромъ дѣлать имъ добро, работать на нихъ: помните, Богъ съ васъ, ближайшихъ сосѣдей ихъ, взыщетъ прежде всего, если они будутъ лить слезы безутѣшно, если будутъ Богу жаловаться на то, что ихъ люди забыли... Эти семьи — наши родныя семьи, ихъ дѣти — наши кровныя дѣти.

Слава Богу: мы видимъ, мы читаемъ, что и безъ нашихъ пастырскихъ поученій, увѣщаній, добрыя души уже дѣлаютъ такое добро. Недавно—до слезъ трогательно было читать, какъ одна старушка сдѣлала великое доброе дѣло: она видѣла, какъ на одной Волжской пристани мать и трое малютокъ провожали на войну запаснаго: женщина въ минуту прощанья не выдержала, ея сердце не выдержало гнетущаго горя: оно разорвалось при послѣднемъ прощаніи съ кормильцемъ семьи, и она тутъ же упала мертвою. Можно себѣ представить, какъ потрясенъ былъ мужъ... Онъ только обвелъ скорбнымъ взоромъ окружающихъ, не зная, что дѣлать. Но вотъ изъ толпы выступаетъ старушка: „не безпокойся, родимый, говоритъ она: хоть у меня и своихъ пятеро, но и твоимъ дѣткамъ мѣсто будетъ, съ голоду не умрутъ, я возьму ихъ къ себѣ. Иди, съ Богомъ, куда тебя Царь посылаетъ“. И воинъ со слезами благодарности перекрестился и въ послѣдній разъ перекрестилъ своихъ дѣтокъ-малютокъ, и пошелъ на пароходъ... Другой случай. На молебнѣ напутственномъ для воиновъ одинъ воинъ обращается къ провожающимъ: „съ радостью иду, куда Царь-Батюшка велитъ, да только вотъ забота: у меня четверо дѣтишекъ, жена умерла, въ домѣ женщины нѣтъ: позаботьтесь о нихъ, православные“. И опять изъ толпы провожающихъ выходитъ женщина, которая беретъ троихъ дѣтишекъ, а мѣстный священникъ беретъ убогую дѣвочку, не владѣющую ногами, четырехъ лѣтъ, беретъ себѣ въ дочки... Такъ, въ простотѣ сердца, дѣлаютъ добро православные русскіе люди: благослови ихъ, Господи!..

И много—много творится такого добра теперь на Святой Руси. И будто проснулась она, наша матушка, отъ сна грѣховнаго, и кается, и молится, и спѣшитъ дѣлать добро въ покаянномъ подвигѣ, обновляя свое сердце дѣлами милосердія. И сбывается воочію предъ нами мудрое слово святителя Іоанна Златоустаго: „добродѣтель милосердія дѣ-

лаетъ сердце наше милующимъ". Она смягчаетъ наше черствое сердце, согрѣваетъ его, растворяетъ умиленіемъ и вноситъ въ него чувство неземной радости, той радости, какою будутъ радоваться на небѣ праведники, всю свою жизнь добродѣлавшіе. И для вѣрующаго хрістіанина открывается возможность еще здѣсь, на землѣ, сердцемъ ощутить то райское блаженство, куда зоветъ насъ Господь нашъ, ради нашего спасенія кровь Свою на крестѣ проліявшій. И не для того ли попустилъ Господь эти ужасы настоящей войны, чтобы пробудить въ насъ чувство жалости, чтобъ расположить насъ къ дѣламъ милосердія — къ исполненію той легкой заповѣди, по коей Онъ будетъ насъ судить на страшномъ судѣ Своемъ... И кто знаетъ судьбы Его? Времена и лѣта положилъ Онъ во Своей власти и не позволилъ намъ вопрошать о днѣ Своего страшнаго пришествія; но признаки указалъ ясно: возстанетъ, сказалъ Онъ, народъ на народъ, и царство на царство... и изсякнетъ любовь, и оскудѣетъ вѣра, и будетъ скорбь великая, какой не было отъ созданія міра... и если бы не было избранныхъ, то не спаслась бы всякая плоть на землѣ...

Не видимъ ли мы все сіе уже сбывающимся предъ нашими очами? И мысль невольно вопрошаетъ: не близокъ ли день Хрістовъ? Не готовитъ ли насъ Господь на сей день грозный симъ призывомъ къ дѣламъ милосердія, ибо Его святой законъ говоритъ: *судъ безъ милости не сотворшему милости, и хвалится милость на судѣ*...

„Въ чемъ застану, въ томъ и сужу", глаголетъ Господь. Застанетъ Онъ въ духовной безпечности, въ дѣлахъ угожденія плоти и міру, во грѣхахъ и беззаконіяхъ, и судить будетъ по правдѣ Своей и произнесетъ надъ нами грозный Свой приговоръ. Застанетъ—въ дѣлахъ любви и милосердія, и судъ Его будетъ преисполненъ милосердія. И всеконечно Онъ хощетъ застать всѣхъ насъ въ дѣлахъ милующаго сердца, чтобы и намъ оказать милость. Онъ всѣмъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити. Онъ готовъ помиловать весь родъ человѣческій. Онъ всѣмъ напоминаетъ и въ совѣсти, и въ обстоятельствахъ жизни, чего Онъ хощетъ отъ людей. Но люди-то не всѣ внемлютъ Его призыву, Его напоминаніямъ. Онъ и въ войнѣ зоветъ къ дѣламъ любви и милосердія. И воинство наше творитъ дѣло любви къ страждущимъ братіямъ нашимъ, славянамъ, исполняя волю Помазанника Божія, Который хочетъ освободить сихъ братій отъ ига нѣмецкаго. И мы всѣ, русскіе люди, призваны Богомъ въ сіе наипаче тяжкое время являть дѣла милосердія—и къ страдальцамъ раненымъ воинамъ, и къ бѣдствующимъ семьямъ ихъ. Широка заповѣдь милосердія, братія мои, много дѣла предъ нами: не упустимъ случая исполнить свой долгъ, поблагодаримъ Господа, что случай намъ подаетъ дѣлать добро, смягчать свое черствое сердце, согрѣвать его дѣлами любви и дать ему счастье—порадоваться радостію Ангеловъ Божіихъ, всегда радующихся предъ лицемъ Отца нашего небеснаго о всякомъ дѣлѣ добромъ, какое творится людьми на землѣ. Аминь.

238.

Посланіе Троицкихъ иноковъ

Православному Хрістолюбивому воинству на полѣ брани противъ полчищъ нѣмецкихъ подвизающемуся отъ обители Живоначальныя Троицы и Преподобнаго Сергія чудотворца.

БОЖІЕ БЛАГОСЛОВЕНІЕ.

Братья—воины хрістолюбивые!

Вы знаете, что всѣ заповѣди Спасителя нашего, Господа Іисуса Хріста, заключаются въ словѣ: *люби*. Люби Бога, люби ближняго. И нѣтъ больше той любви, какъ кто душу свою положитъ за ближняго. Это—слова Самого Господа. Кто же во всей полнотѣ можетъ показать такую любовь на дѣлѣ, какъ не вы? Хрістолюбивый воинъ есть вѣрный слуга Помазанника Божія, Царя Православнаго; онъ—вѣрный сынъ Церкви Православной и защитникъ Святой Руси отъ всякаго врага и супостата. Онъ — грудью стоитъ, онъ каждую минуту кровь свою готовъ пролить за вѣру, Царя и Отечество—три завѣтныя святыни его вѣрующаго, любящаго сердца.

И вы, братья-воины, въ эти великіе дни испытанія для родной Руси нашей матушки, съ честью, съ достоинствомъ, мужественно отстаиваете эти святыни. На то благословилъ васъ Царь Батюшка, на то послала васъ родина-мать, и святая Церковь православная, во всѣхъ святыхъ храмахъ своихъ, каждый день, каждый часъ молитъ Господа: да укрѣпитъ васъ въ день брани, да благословитъ оружіе ваше, да покоритъ подъ ноги ваши всякаго врага и супостата. Молимся и мы, смиренные иноки обители Преподобнаго Сергія; молимся у самого гроба сего великаго печальника и молитвенника земли Русской; какъ солнце среди звѣздъ, такъ и онъ, угодникъ Божій, среди родныхъ намъ по плоти угодниковъ Божіихъ сіяетъ своею любовію къ родной землѣ. Еще при жизни своей онъ благословилъ великаго князя Димитрія Іоанновича Донскаго на бой съ полчищами злочестиваго Мамая и предрекъ ему побѣду: „гряди, княже, побѣдиши враги твоя“. Онъ далъ Димитрію изъ своей братіи и двухъ бояръ-схимниковъ—Пересвѣта и Ослябя, изъ коихъ одинъ, Пересвѣтъ, и палъ въ битвѣ съ татарскимъ великаномъ Челибеемъ. И въ самый день битвы Куликовской, предъ самымъ началомъ ея, явились отъ Преподобнаго Сергія къ Великому Князю два посланца-инока съ просфорою и грамоткой, въ которой угодникъ Божій еще разъ ободрялъ Князя надеждою на милость и помощь Божію: наши лѣтописи сохранили послѣднія трогательныя слова этой грамотки:

„А поможетъ ти Богъ и Троица“.

И сильна была у Бога молитва Сергіева, и побѣдилъ Димитрій Іоанновичъ злаго татарина Мамая, и разбилъ его полчища, положивъ начало освобожденію Руси отъ ига татарскаго И много бѣдъ пронеслось съ той поры надъ родною землей, а Преподобный Сергій стоялъ на стражѣ ея, и даже тогда, когда самое сердце Россіи — матушка Москва бывала въ рукахъ вражіихъ, его обитель, его святая лавра, оставалась неприкосновенною, нога вражья не переступала порога ея, и отсюда, изъ обители Сергіевой, исходило спасеніе для самой Москвы, для всей Русской земли, въ самыя смутныя и трудныя времена.

Живъ онъ, угодникъ Божій, живъ

и понынѣ. Онъ предстоитъ престолу Божію и съ высоты небесной смотритъ и на васъ, братія наши воины хрістолюбивые, видитъ онъ вашъ подвигъ святой за братьевъ нашихъ славянъ, отъ нѣмцевъ страждущихъ за вѣру православную, видитъ все преподобный и благословляетъ васъ на битвы съ потерявшими совѣсть хрістіанскую нашими сосѣдями—нѣмецкими народами. И тѣмъ дерзновеннѣе наша надежда на его помощь молитвенную, тѣмъ крѣпче наша вѣра въ его заступленіе предъ Богомъ, что вѣдь—онъ возлюбленный избранникъ Самой Царицы Небесной, Матери Божіей: ему обѣщала Она неотступно пребывать въ его обители, а Она—кто же этого не знаетъ изъ православныхъ русскихъ людей—Она наша теплая Заступница усердная предъ Богомъ за землю Русскую, наша Воевода возбранная, нашъ покровъ и щитъ отъ всѣхъ супостатовъ. Ни одинъ народъ не получилъ столько милостей отъ Матери Божіей, ни одинъ не видѣлъ столько знаменій Ея покрова и заступленія, какъ народъ Русскій православный. Вы—сыны родной земли, вы сами знаете: точно звѣздочки на небѣ благодатномъ—по всей Русской землѣ сіяютъ иконы Ея чудотворныя: однѣхъ чудесами прославленныхъ насчитываютъ больше трехъ сотъ, но нѣтъ града, нѣтъ веси, нѣтъ, можно сказать, храма, гдѣ не было бы особо чтимой иконы Владычицы міра.

Вотъ наша надежда непостыдная! Не въ оружіи, не во множествѣ людей наша сила, а въ крѣпкой надеждѣ на помощь небесную. Сіи на колесницахъ и сіи на конехъ: враги наши вооружены всѣми страшными средствами для ожесточеннаго боя; они кипятъ злобою, ненавистью къ самому имени нашему, а мы—все упованіе наше на Господа возлагаемъ и въ помощь Его и Царицу небесную и святыхъ Божіихъ призываемъ. Съ нами Богъ! „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“, говорилъ еще вѣчно незабвенный нашъ герой, боровшійся съ тѣми же нѣмцами, Благовѣрный Великій Князь Александръ Невскій. И въ упованіи на эту правду крѣпкій вѣрою преемникъ его, Благочестивѣйшій Государь нашъ Николай Александровичъ посѣтилъ обитель великаго печальника Русской земли Преподобнаго Сергія и склонился тамъ, у его гроба, до праха земнаго, горячо испрашивая его молитвеннаго заступленія за землю Русскую и за васъ, воины—сыны родной земли. И благословилъ Его небесный воевода и чудотворецъ предивный на великій подвигъ защиты праваго дѣла, и видимымъ знакомъ его благословенія служатъ святая икона явленія ему Царицы Небесной, икона, писанная на его гробовой доскѣ и бывшая во всѣхъ походахъ нашего воинства, со временъ Царя Алексія Михаиловича и до послѣдней японской войны. Сія икона и нынѣ пребываетъ среди васъ, въ дѣйствующей арміи, пріосѣняя васъ, братья наши, небеснымъ благословеніемъ угодника Божія. Дерзайте убо, дерзайте, воины Божіи! Господь Силъ, Богъ воинствъ, крѣпкій во бранехъ—съ вами! Той побѣдитъ враги яко всесиленъ!

Дорогіе братья! Съ вами сердцемъ—вся Русская земля. На васъ съ любовью, съ надеждой, съ пламенной молитвой о васъ взираютъ ваши отцы, ваши матери, ваши жены, ваши дѣти, братья и сестры. Нѣтъ нужды напоминать вамъ о мужествѣ—всему міру извѣстны доблести нашего хрістолюбиваго воинства. Еще отецъ нашего славнодержавнаго князя Владиміра Равноапостольнаго, язычникъ—Свято-

славъ говорилъ: „ляжемъ костьми за родную Русь, побѣдимъ или умремъ: мертвымъ срама нѣтъ“! И этотъ завѣтъ древняго вождя, завѣтъ, освященный заповѣдію Христовою о любви, полагающей душу свою за други своя, сталъ неизмѣннымъ священнымъ завѣтомъ для каждаго русскаго воина. И свято соблюдали этотъ священный завѣтъ наши воины на протяженіи цѣлыхъ тысячи лѣтъ, и охотно полагали души свои за родную землю въ битвахъ кровавыхъ—и съ печенѣгами, и съ половцами, и съ татарами, и съ нѣмцами, и со шведами, и съ японцами. Ихъ кровью полита вся родная земля изъ края въ край; этою святою кровью да беззавѣтной къ ней любовью спаялась она и выросла въ великое царство, занимающее шестую часть свѣта. Теперь воюетъ съ нами нѣмецъ, который изстари хвалится своею честностью, гордится своею образованностью; одинъ изъ воюющихъ съ нами императоровъ носитъ даже титулъ „апостолическаго величества“ и „христіаннѣйшаго“ императора. Но увы! Куда дѣвалась и ихъ честность, и образованность, и всѣ ихъ хваленыя добродѣтели? Лишь началась война, какъ они показали себя хуже дикарей, хуже турокъ и татаръ, хуже всякихъ невѣрующихъ въ Бога язычниковъ. Ужасъ сжимаетъ сердце, когда читаешь, что творили они въ Калишѣ, напримѣръ, и въ другихъ мѣстахъ, коими удавалось имъ овладѣть. Они прикалывали раненыхъ русскихъ воиновъ, безчестили дѣвушекъ, рѣзали ремни изъ тѣла ихъ, выкалывали глаза старикамъ, топтали ногами на смерть дѣтей, вырѣзали груди женщинамъ... Языкъ нѣмѣетъ, отказывается перечислять всѣ ихъ жестокости. Къ небу вопіютъ ихъ издѣвательства надъ нашими святынями. Совѣсть строго запрещаетъ подражать этимъ неистовымъ дикарямъ, потерявшимъ и стыдъ человѣческій, и страхъ Божій, и всякую совѣсть. Сохрани васъ, Боже, дорогіе братья, русскіе воины, въ минуты гнѣва справедливаго увлечься чувствомъ мщенія и обижать мирныхъ жителей тѣхъ областей, которыя Богъ поможетъ вамъ завоевать отъ непріятеля. *Мнѣ отмщеніе*, глаголетъ Господь: *Азъ воздамъ*! И мы вѣруемъ, что воздастъ—такъ воздастъ, что будутъ враги наши помнить свои злодѣянія на вѣки. А вы стоите за правое дѣло. Вы готовы и умереть за это дѣло. Но кто стоитъ за правду, тотъ и самъ долженъ любить правду, носить ее въ душѣ своей, какъ сокровище, и беречь себя отъ всякой неправды. Того требуетъ законъ самой правды Божіей. Слово Божіе говоритъ, что *правда и отъ смерти избавляетъ* (Пр. 11, 4). Смерть щадитъ тѣхъ, кто отдаетъ себя въ руки Божіи, кто боится сотворить неправду и не боится умереть за правду.

Мы, смиренные иноки обители Сергіевой, ваши богомольцы у гроба сего великаго чудотворца, мы умоляемъ васъ именемъ Преподобнаго Сергія: помните, что званіе воина — святое званіе, что въ ликѣ святыхъ Божіихъ немало и святыхъ воиновъ: таковы: Лонгинъ сотникъ, стоявшій у креста Господня, Корнилій сотникъ, упоминаемый въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, Георгій побѣдоносецъ, Евстаѳій Плакида, Ѳеодоръ стратилатъ, Іоаннъ воинъ и многіе другіе. Воинское званіе не воспрепятствовало имъ получить вѣнецъ мученическій. Сего же вѣнца проситъ у Господа св. Церковь и тѣмъ воинамъ, коимъ Богъ судитъ душу свою положить

на полѣ брани. Хрістолюбивый воинъ есть земной ангелъ хранитель всѣхъ беззащитныхъ—и малыхъ дѣтокъ, и старцевъ безпомощныхъ, и всего своего отечества. Вотъ почему Самъ Господь, по слову св. Писанія, *научаетъ руки вѣрныхъ Своихъ на ополченіе и персты ихъ на брань* (Пс. 14, 31). Онъ благословилъ оружіе кроткаго праотца Авраама, который воевалъ за освобожденіе изъ плѣна племянника своего Лота; Онъ повелѣлъ завоевать народу Своему землю обѣтованную; Онъ помогалъ и кроткому Давиду на иноплеменниковъ, помогалъ и другимъ святымъ мужамъ и нашимъ предкамъ благочестивымъ защищать св. вѣру и отечество отъ невѣрныхъ и нечестивыхъ враговъ. Такъ высоко званіе воинское! Не напрасно же бывали случаи, что иной, находясь въ великой скорби и желая привлечь на себя милость Божію, давалъ обѣщаніе итти въ военную службу, подобно тому, какъ даютъ обѣщаніе итти въ монастырь или совершить какой другой подвигъ, и Богъ видимо принималъ отъ него такой обѣтъ и благословлялъ его Своею милостію. Такъ одинъ старецъ-воинъ, разсказывалъ о себѣ, что въ молодости у него болѣли глаза; года два лѣчили ихъ, но онъ все же ослѣпъ. И вотъ, онъ далъ обѣщаніе—охотою пойти въ солдаты, и—онъ въ тотъ же день прозрѣлъ, и 25 лѣтъ служилъ Царю и Отечеству, и никогда глаза у него не болѣли. Предтеча Господень Іоаннъ давалъ воинамъ особое наставленіе, какъ Царю служить, чтобы и Богу угодать. „Никого не обижайте, говорилъ онъ, ни на кого не клевещите и будьте довольны своимъ жалованьемъ“ (Лук. 3, 14). Не обижайте врага бѣгущаго, врага лежащаго, истекающаго кровью. Лежачаго не бьютъ, учитъ родная пословица. Излишнею обидою врагу не оскорбляйте поборающаго по васъ Ангела хранителя вашего. Къ чужому добру не прикасайтесь. Сейчасъ ты осквернилъ совѣсть грабежомъ, а минуту спустя твое тѣло, уже бездыханное, съ горстью золота въ карманѣ будетъ уложено въ могилу: а въ могилѣ червонцы чему помогутъ? Да въ могилу-то они и не попадутъ: оберутъ другіе... А предъ Богомъ цѣлыми горами золота душу не искупишь. Не обижайте же никого! Не прикасайтесь къ тому, что запрещено врачами: извѣстно, что во всѣ наши войны мы теряли людей во много разъ больше отъ болѣзней, чѣмъ отъ вражескихъ пуль. А болѣзни бываютъ отъ того, что не хотятъ слушаться врачей, когда приходится жить въ чужой странѣ, въ чужомъ климатѣ.

Берегите свою совѣсть, братья воины, какъ зѣницу ока, и Богъ васъ сохранитъ. Наши предки, идя на войну, хранили себя въ чистотѣ; собираясь въ бой, говѣли, исповѣдывались, съ Господомъ въ пречистыхъ Тайнахъ Его соединялись и въ часъ битвы осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, имѣли на устахъ пресвятое имя Божіе. Такъ поступали и святые Божіи, напримѣръ, Георгій побѣдоносецъ. Святый Ніконъ былъ сынъ язычника, а мать его была хрістіанка. Отпуская сына на войну, мать умоляла его ограждать себя въ минуту смертной опасности крестнымъ знаменіемъ. И вотъ, въ пылу жаркой битвы вспомнилъ онъ завѣтъ матери, взглянулъ на небо и, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: „Хрісте Боже всесильный, покажи на мнѣ силу креста Твоего и я отнынѣ буду Твоимъ рабомъ вмѣстѣ съ моею матерью“. И вдругъ

почувствовалъ онъ въ себѣ такое мужество, такую силу, что бросился на враговъ и перекололъ ихъ столько, что и самъ невольно въ изумленіи воскликнулъ: великъ Богъ хрістіанскій, столь дивно побѣждающій враговъ крестнымъ знаменіемъ. И Ніконъ сталъ хрістіаниномъ, обратилъ ко Хрісту многихъ товарищей, а потомъ принялъ монашество и пострадалъ за вѣру Хрістову. А какъ Богъ хранитъ на войнѣ тѣхъ, кто самъ себя хранитъ въ чистотѣ и цѣломудріи, вотъ тому примѣръ. Одинъ греческій воинъ шелъ на войну противъ болгаръ. По пути ему случилось ночевать въ селеніи. Прельстилась его красотою одна легкомысленная дѣвица и ночью стала на грѣхъ соблазнять. Но юноша удержался и три раза отъ себя ее прогонялъ. Потомъ онъ заснулъ и видится ему поле, и на томъ полѣ видитъ онъ много грековъ убитыхъ: все поле покрыто трупами, а посреди ихъ порожнее мѣсто—такъ, какъ можно лечь одному человѣку. И было ему сказано: „лежать бы тебѣ на этомъ мѣстѣ, но за то, что три раза боролся ты со зміемъ—ты не будешь убитъ". Такъ хранитъ Богъ того, кто самъ хранитъ себя отъ грѣха.—Великое дѣло и молитва. Лѣтъ 30 назадъ хоронили въ Одессѣ одного почтеннаго старца — генерала Петрова. Отпѣвалъ его извѣстный проповѣдникъ архіепископъ Никаноръ. И повѣдалъ святитель Божій въ надгробномъ словѣ своемъ, что покойный участвовалъ въ 160 бояхъ, подъ градомъ пуль и всякихъ смертоносныхъ снарядовъ, предъ лицомъ тысячи смертей, и ни разу не былъ раненъ. Вспомнилъ тогда святитель и о другомъ героѣ, графѣ Остенъ-Сакенѣ, который также участвовалъ въ ста почти бояхъ, и также ни разу не былъ раненъ. Отчего? Откуда это чудо? А извѣстно, что эти герои, становясь лицомъ къ смерти, всегда съ вѣрою читали про себя дивный псаломъ: *Живый въ помощи Вышняго...* И что это за чудный псаломъ! Какая сила вѣры и крѣпость упованія на помощь и охрану Божію слышится въ немъ! Заучите его и вы, воины православные, на память, читайте его каждый день и утромъ и вечеромъ. Въ этомъ псалмѣ вѣрующая душа всю себя отдаетъ въ волю Божію и говоритъ Господу: *Заступникъ мой еси, и прибѣжище мое, Богъ мой и уповаю на Него.* И Царь пророкъ Давидъ успокоиваетъ эту вѣрующую душу дивными обѣтованіями; онъ говоритъ ей: „*Господь избавитъ тебя отъ сѣтей ловца*"—отъ незримыхъ козней діавола, отъ клеветы и злобы человѣческой. *Плещма Своима*—своими крылами *осѣнитъ* тебя. Какъ орелъ защищаетъ отъ врага свое дѣтище, такъ и Онъ покроетъ тебя Своею силою всемогущею, и ты, какъ птенецъ, *подъ крилъ Его надѣешися*—будешь въ полной безопасности. „Оружіемъ окружитъ тебя истина Его и не убоишься ты ни страха нощнаго, ни стрѣлы, летящей во дни". Пусть градомъ сыплетъ врагъ на тебя ядовитыя стрѣлы свои и справа и слѣва—Богъ защита твоя; падетъ отъ шуей страны твоей тысяча пуль или стрѣлъ, и тьма — десятки тысячъ одесную тебя, къ тебѣ же ни одна изъ нихъ не приближится. Ты самъ своими очами увидишь, что враги твои не останутся безнаказанными: *воздаяніе грѣшниковъ узриши. Вышняго положилъ еси прибѣжище твое;* за то и *не прійдетъ къ тебѣ*, не повредитъ тебѣ никакое *зло, и рана не приближится тѣлеси твоему*, ибо Ангеламъ Своимъ Господь заповѣдаетъ охранять тебя во всѣхъ путяхъ твоихъ. Въ мину-

ту опасности они на рукахъ поднимутъ, поддержатъ тебя, да не *преткнеши о камень ногу твою*... И все это непремѣнно сбудется на тебѣ, ибо слышишь: Самъ Господь вѣщаетъ о тебѣ: *яко на Мя упова, избавлю его, покрыю его* отъ всякой бѣды, *яко позна имя Мое*, потому что знаетъ Меня одного, исполняетъ благую волю Мою: *воззоветъ ко Мнѣ и услышу его, съ нимъ есмь во* всякой *скорби* и бѣдѣ, и Я не только избавлю его отъ скорбей, но и прославлю его, и скорби на радость ему преложу. *Долготою дней исполню его и явлю ему спасеніе мое*, какъ въ сей временной, такъ и въ будущей жизни.

Вотъ вамъ, дорогіе наши защитники, воины хрістолюбивые, крѣпкій щитъ и ограда въ часъ битвы. Оградите себя крестнымъ знаменіемъ, возложите на себя крестики или образки — ваше родительское благословеніе: нерѣдко бывали случаи, что отъ такого образка или крестика отлетала и пуля вражеская, и—съ Богомъ—за святую вѣру, за родную Русь, за Царя Батюшку — Божія Помазанника. Вѣдайте, что за васъ молится вся Русь православная, вся Церковь Божія, за васъ молятся всѣ святые угодники Божіи—печальники родной имъ Русской земли. Вѣдайте, что на васъ смотритъ съ высоты небесной Сама Заступница рода хрістіанскаго—Матерь Божія. Она пріосѣнитъ васъ Своимъ честнымъ омофоромъ въ минуту смертной опасности; Она Сама воспримetъ души ваши, если Богъ кому судитъ лечь костьми за Святую Русь. И жизнь, и смерть—въ рукахъ Божіихъ; но развѣ не великое счастіе отдать жизнь за святую вѣру, за Царя и родную землю? Церковь проситъ у Бога за такой подвигъ вѣнца мученическаго, вотъ почему наши предки шли на битву съ священными пѣснопѣніями, ихъ побѣднымъ кличемъ было: *съ нами Богъ!*

Господи Силъ, съ нами буди, иного бо развѣ Тебе помощника въ скорбѣхъ не имамы: Господи Силъ, помилуй насъ...

Свято-Троицкой Сергіевой Лавры Священно-Архимандритъ *Макарій, Митрополитъ Московскій и Коломенскій.*
Троицкіе иноки:
Редакторъ-цензоръ всѣхъ Троицкихъ изданій Членъ Святѣйшаго Сунода *Архіепископъ Никонъ,*
Намѣстникъ Троицкія Сергіевы Лавры *Архимандритъ Товія.*
Казначей Лавры *Архим. Досиѳей.*
Соборные старцы:
Экклес. *Архим. Аполлосъ.*
Архимандритъ Нилъ,
Игуменъ Ананія,
со всею о Хрістѣ братіею.

239.

И паки реку: берегите православныхъ отъ соблазна!

(Отвѣтъ о. прот. О—ву).

Въ наше время должно быть крайне осторожнымъ: „переоцѣнка цѣнностей“ стала повседневнымъ явленіемъ и заражаетъ даже служителей Церкви, которымъ, казалось бы, самый долгъ ихъ служенія повелѣваетъ отстаивать старыя традиціи, оберегать то сокровище церковныхъ понятій, какое завѣщала намъ древность. Къ сожалѣ-

нію, это не всегда и не всѣ даже и служители Церкви понимаютъ...

Я обратилъ вниманіе читателей „Отдыха Хрістіанина“ на небольшую статейку о. протоіерея Остроумова „Къ вопросу о гражданскомъ бракѣ“. Моя главная мысль была: оберечь православно-вѣрующихъ отъ соблазна, который неминуемо будетъ внесенъ словомъ „гражданскій бракъ“. Я боюсь за тѣхъ простецовъ, которые, узнавъ объ узаконеніи „гражданскаго брака“, или заскорбятъ, что священное для нихъ слово „бракъ“, по усвоеннымъ ими съ дѣтства понятіямъ, стало примѣняться къ узаконенію блуднаго сожитія; или же, запутавшись въ различеніи понятій о законахъ гражданскихъ и законахъ Божіихъ, въ своемъ темномъ сознаніи отождествятъ эти понятія и по причинамъ самаго неважнаго свойства, ну, хотя бы, напримѣръ, что церковный бракъ стóитъ дороже гражданскаго, пойдутъ къ мировому или нотаріусу, обходя церковь... На комъ будетъ такой грѣхъ? „Мы, скажетъ такой простецъ, живемъ въ законномъ бракѣ, только не въ церковномъ, а въ гражданскомъ. Да для насъ это, вѣдь, все равно: законный, стало быть никакого въ немъ и грѣха нѣтъ“. Желательно ли это?..

Но о. Остроумовъ, видимо, оскорбился моими замѣчаніями, моимъ протестомъ противъ его статьи. Онъ называетъ меня „княземъ Церкви“, употребляя это названіе какъ бы съ укоризною, почему я не направляю свой протестъ противъ проституціи и забывая, что употреблять этотъ титулъ, обычный у латинянъ, въ примѣненіи къ православному епископу значитъ оскорблять сего епископа. Мы—не „князья Церкви“, а служители Хрістовы, служители матери нашей Церкви, хотя и недостойные... Думаю впрочемъ, что о. О-въ употребилъ это слово безъ намѣренія оскорбить имъ и меня, а просто по привычкѣ читать западныя сочиненія, откуда онъ немало беретъ мыслей и для своихъ статей, почему, думаю я, и ставитъ подъ ними свою подпись довольно оригинально: „изложилъ“, а не составилъ, написалъ и т. п... Но это къ слову и кстати. Нѣкоторой ироніей, обидной для русскаго человѣка, звучитъ также фраза о. О-ва: „давно извѣстно, что Европа намъ не примѣръ и у русскихъ особые пути, иная правда. Западъ „гніетъ“ уже болѣе ста лѣтъ“... Слово „гніетъ“ поставлено въ вносные знаки: чтый да разумѣетъ!

Но я долженъ сказать спасибо моему возражателю за одну поправку, съ которой охотно соглашаюсь: „Что преосвященный называетъ гражданскій бракъ языческимъ, пишетъ онъ: съ этимъ я не согласенъ только потому, что гражданскій бракъ ниже языческаго, ниже всякаго религіознаго брака“. Вотъ это—правда и за такую поправку я очень благодаренъ о. О-ву. Въ самомъ дѣлѣ: когда православный хрістіанинъ, отвергая благословеніе Божіе, предлагаемое ему Церковію, пойдетъ къ нотаріусу или мировому судьѣ, чтобъ заключить мнимый бракъ, т.-е., узаконить свое блудное сожитіе, то онъ глубоко оскорбитъ Церковь, станетъ хуже язычника... Это—правда. Но вотъ, я не могу принять обвиненія меня въ томъ, будто я „блудному сожитію отдаю явное предпочтеніе предъ гражданскимъ бракомъ“. Ужели, говоритъ о. О-въ, блудное сожительство не является соблазномъ и не ведетъ къ упадку общественной нравственности? — Всеконечно, ведетъ, но тутъ блудники въ нѣкоторой степени уже „воспріемлютъ мзду свою“: такъ и смотрятъ на нихъ, какъ на явныхъ

нарушителей Божія закона. А когда они станутъ величать себя „законными“ супругами; то никто не посмѣетъ упрекнуть ихъ въ нарушеніи заповѣди Божіей, назвать ихъ блудниками. И въ этомъ отношеніи узаконеніе „гражданскаго брака“ какъ бы стираетъ въ понятіяхъ массы народной разницу между церковнымъ и гражданскимъ бракомъ.

Обвиняетъ меня о. О-въ въ томъ, будто я считаю мірянъ „падкими на соблазнъ“. Этого я не говорю, а что міряне не всегда вѣрно разбираются въ понятіяхъ церковныхъ и гражданскихъ, это—вѣрно. Я не ставлю имъ этого въ большую вину, а отъ соблазна ихъ надо остерегать, надо охранять.

Изъ указанія о. О-ва на то, что эпитимія для блудниковъ положена семилѣтняя, какъ будто выходитъ, что по истеченіи семилѣтней эпитиміи непрекратившіе блуднаго сожитія могутъ приступать ко святому причащенію: такъ или нѣтъ? А я думаю, что пока грѣшникъ не разстался съ грѣхомъ, дотолѣ и эпитимія не можетъ быть съ него снята: наша Церковь не понимаетъ эпитимію какъ наказаніе, какъ искупленіе грѣха, подобно латинской индульгенціи, а какъ мѣру исправленія, воспитанія воли въ добродѣтели и противоположной грѣху, въ покаянномъ чувствѣ и сознаніи своей грѣховности... Пока продолжается болѣзнь, должно быть продолжено и леченіе ея. А потому я и сказалъ въ своей отповѣди о. О-ву, что эпитимія для нераскаянныхъ блудниковъ является уже пожизненною.

Когда я говорю о „блудномъ сожитіи“, то, конечно, разумѣю не язычниковъ, а православныхъ хрістіанъ, знающихъ о существованіи таинства брака, освящающаго сожитіе супруговъ во образъ таинственнаго союза Хріста съ Церковію. Пусть это и отступники отъ Церкви: тогда пусть уже совсѣмъ отрекутся отъ Церкви. Въ этомъ я, пожалуй, согласенъ съ о. О-мъ: вѣдь и Богъ насильно никого не спасаетъ, и зачѣмъ силою держать въ нѣдрахъ Церкви тѣхъ, которые заражены и могутъ другихъ заразить своимъ невѣріемъ и безбожіемъ. Но это уже другой вопросъ, который рѣшать въ пору только церковному собору.

Напрасно почтенный о. протоіерей пытается уйти отъ вопроса, который мы обсуждаемъ, въ область, такъ сказать, ветхозавѣтныхъ понятій о бракѣ. Вопросъ простъ: допустимо ли съ точки зрѣнія строго православной Церкви сожитіе мужчины и женщины, именующихъ себя православными, безъ церковнаго благословенія? Отвѣтъ: конечно—нѣтъ. Можно ли такое сожитіе именовать „законнымъ бракомъ“? Опять — нѣтъ. Можно ли, безъ оскорбленія Церкви, вводить усвоенный Церковію терминъ — „бракъ“ въ законъ, имѣющій регулировать отношеніе такъ сожительствующихъ между собою? Думаю, что нѣтъ, что желательно, во избѣжаніе путаницы понятій, во избѣжаніе соблазна для вѣрныхъ чадъ Церкви избрать другой терминъ для такого закона. Вотъ, думаю я, и все наше разногласіе. Моя точка зрѣнія строго церковная, о. О-ва—общечеловѣческая, гражданская, государственная. Онъ судитъ какъ членъ Г. Думы, я, хотя и состою членомъ Г. Совѣта, долгомъ почитаю неуклонно стоять на точкѣ зрѣнія православнаго архіерея. И думается мнѣ, что о. протоіерей не долженъ далеко уходить отъ меня... Практика временъ апостольскихъ, когда допускались смѣшанные браки, на которые ссылается о. О-въ, не можетъ быть истолковываема въ смыслѣ

современныхъ намъ смѣшанныхъ браковъ. Апостолъ говоритъ о томъ положеніи, въ коемъ застало супруговъ хрістіанство: бракъ былъ раньше принятія хрістіанства однимъ изъ супруговъ. А если бы Апостола спросилъ хрістіанинъ: можно ли взять жену-язычницу (но такого вопроса тогдашніе хрістіане и не могли предложить, любя свою вѣру и цѣня бракъ съ точки зрѣнія истинно-хрістіанской), то Апостолъ навѣрное отвѣтилъ бы: развѣ нѣтъ у васъ невѣстъ-хрістіанокъ, что вы ищете ихъ между язычницами? Вспомните слово его о судьяхъ (1 Кор. 6, 5). Я повторяю: сходиться православному съ иновѣрною или инославною гражданскимъ бракомъ, безъ благословенія церковнаго, есть уже оскверненіе себя блудомъ, и никакой нотаріусъ не очиститъ этого осквернення. Я излишнимъ считаю приводить и опровергать тѣ доводы, какіе, по мнѣнію о. протоіерея, могли бы представить молодые люди, ищущіе брачнаго сожительства въ разновѣріи: пусть въ тишинѣ уединенія о. протоіерей станетъ предъ зерцаломъ своей пастырской совѣсти, и она скажетъ ему, что его долгъ не принимать такого, напримѣръ, довода: „наше собственное спасеніе связано съ возможностію для насъ совмѣстной жизни".

О. протоіерей указываетъ на первый бракъ человѣческій, совершенный Богомъ еще въ раю, и приглашаетъ насъ „благоговѣть" предъ всякою формою брака: „хотя бы то былъ языческій бракъ, пишетъ онъ, или гражданскій въ формѣ единобрачія, мы должны благоговѣть и предъ этими формами брака, а не приравнивать ихъ блудному сожитію". Боюсь, что православный читатель-простецъ сдѣлаетъ отсюда выводъ, что можно довольствоваться и гражданскимъ бракомъ, безъ церковнаго и спроситъ: тогда зачѣмъ же установлено таинство брака? Вѣдь, и гражданскій бракъ заслуживаетъ, по мнѣнію о. Остроумова, тоже „благоговѣнія", онъ—тоже „божественное установленіе": чего же еще надо? на что еще *таинство*? Выходитъ, что можно спастись, будучи православнымъ хрістіаниномъ, и состоя лишь въ гражданскомъ бракѣ... Такъ ли, отецъ протоіерей?

Конечно не такъ. Думаю, что недостаточно ясно сказалъ о. О—въ о томъ, что считаетъ Церковь формою брака. Онъ говоритъ, что форма — это взаимное „соглашеніе" брачущихся. Но вопросъ: какое соглашеніе? Вѣдь и въ блудномъ сожитіи бываетъ взаимное соглашеніе. Разница въ томъ, что въ православномъ бракѣ это соглашеніе свидѣтельствуется обѣтомъ взаимной вѣрности предъ лицемъ Божіимъ и запечатлѣвается Божіимъ благословеніемъ отъ имени Церкви. Вотъ этихъ-то обѣтовъ предъ лицемъ Божіимъ, сего-то благословенія отъ лица Церкви и нѣтъ въ гражданскомъ бракѣ. Отсюда и значеніе церковнаго брака какъ таинства, его неотложная необходимость для тѣхъ лицъ, которые хотятъ жить въ супружескомъ союзѣ. Святителя Ѳеофана спрашивали: спасутся ли католики? Онъ отвѣчалъ: не могу судить о семъ, но то хорошо знаю, что если я уйду изъ православія въ латинство, то—погибну. Подобно сему я вопрошаю: возможно ли спасеніе для живущаго въ гражданскомъ бракѣ инославца?—И думаю, не погрѣшу, если отвѣчу: внѣ Церкви нѣтъ спасенія, а принятіе въ нѣдра Церкви инославнаго является для него въ то же время и благословеніемъ его брака, состоявшагося внѣ Церкви. Но никто не помѣшаетъ ему освятить свое со-

житіе и таинствомъ брака, и онъ спасется. А если православный пренебрежетъ симъ таинствомъ и удовольствуется разсужденіемъ, что „надо благоговѣть предъ всякою формою брака, ибо и гражданскій бракъ есть божественное установленіе“, какъ пишетъ о. О—въ, то несомнѣнно лишится надежды спасенія, аще не покается: для язычника, инославца, раскольника, невѣра,—одна мѣра, а для вѣрнаго сына Церкви—другая. Пусть гражданскій законъ дѣлаетъ свое дѣло, но пусть онъ чтитъ святыню таинства церковнаго и не вноситъ въ жизнь терминовъ, тожественныхъ въ понятіи православныхъ съ церковными терминами. Если это уже имѣется въ законахъ по отношенію къ иновѣрцамъ, то по отношенію къ православнымъ, именующимъ себя православными, хотя бы только на бумагѣ, сего да не будетъ.

Вотъ то, что я хотѣлъ сказать о. протоіерею въ отвѣтъ на его новую статью въ „Отдыхѣ Хрістіанина“. Мы живемъ во времена зѣло лукавыя и уже потому должны стоять на стражѣ, оберегая не только ввѣренное намъ стадо Хрістово, но и самихъ себя отъ всякаго духа лестча, именуемаго духомъ времени...

240.

Угодны ли Богу „иныя“ вѣры?

(Отвѣтъ вопрошающему).

Истина только одна.

Истинная вѣра только одна. Это—вѣра православная.

Всякая неправославная вѣра имѣетъ въ себѣ или примѣсь лжи, или вся ложна.

Отецъ лжи есть діаволъ, а Богъ ненавидитъ ложь.

Кажется, все это для православнаго хрістіанина самыя простыя, самыя неоспоримыя истины. Если онъ вѣруетъ во святую, соборную и апостольскую Церковь, то онъ долженъ вѣровать и въ то, что она одна есть столпъ и утвержденіе спасительной истины, что въ нее, какъ въ сокровищницу, Апостолы и богоносные мужи—учители Церкви вложили все, что православному хрістіанину нужно для спасенія. А стало быть: слушайся Церкви, пользуйся ея таинствами, дѣлай то, что она тебѣ заповѣдуетъ и спасешься. А заповѣдуетъ она соблюдать и исполнять заповѣди Божіи. Вотъ и все...

Къ чему же послѣ этого православному хрістіанину еще вопрошать: „угодны ли Богу другія вѣры: лютеранство, латинство и прочія, имже нѣсть числа?“ Отвѣтъ ясенъ самъ по себѣ. Не говорю уже объ язычествѣ, магометанствѣ, іудействѣ съ его талмудомъ. Даже о хрістіанскихъ исповѣданіяхъ вѣрный сынъ Церкви скажетъ то, что говорилъ незабвенный святитель Ѳеофанъ: „не хочу входить въ сужденіе: спасутся ли католики,—одно знаю: если я оставлю православіе и уйду въ латинство, то—несомнѣнно погибну“. Богъ всѣмъ хочетъ спастись и въ разумъ истины пріити; Его пути неисповѣдимы; кто не могъ познать истины чистой, какова истина нашего святаго православія, съ того меньше и взыщется, а все же взы-

щется, кто же и имѣлъ къ тому полную возможность, и позналъ сокровище православной истины, но измѣнилъ сей истинѣ, тому нѣтъ прощенія: онъ погибнетъ, аще не покается.

Казалось бы: ясно, какъ Божій день: *высшихъ себе не ищи и крѣпльшихъ не испытуй: яже ти повелѣна суть—въ сихъ пребывай* и—довлѣетъ тебѣ! Кто ты, что хочешь знать неиспытуемые суды и судьбы Божіи? Знай себя и будетъ съ тебя.

Но вотъ, есть такіе пытливые люди, которые не довольствуются такими безспорными истинами и готовы спорить даже противъ нихъ. Они хотятъ проникнуть въ суды Божіи и какъ бы возражать Самому Господу Богу. Забываютъ мудрое слово Апостола: „не властенъ ли горшечникъ надъ глиною, чтобы изъ той же смѣси сдѣлать одинъ сосудъ для почетнаго употребленія, а другой для низкаго?“ (Рим. 9, 21). Или ты недоволенъ, что ты являешься сосудомъ для „почтеннаго употребленія?“ Смирись въ умѣ своемъ, возблагодари, что обладаешь чистымъ сокровищемъ истины, молись, да пребудеши во истинѣ и предоставь Богу судьбы тѣхъ людей, которые не принадлежатъ къ твоей матери Церкви, хотя бы они и родные тебѣ по плоти. Тебѣ тяжело это слышать? Но ужели думаешь, что ты милостивѣе Господа Бога, премудрѣе Церкви, сей таинницы мудрости Божіей? Укоряй себя, что ты не хочешь, не умѣешь, нерадишь о томъ, чтобы родныхъ своихъ дѣлать соучастниками сокровищъ благодати, столь преизобильно изливаемой отъ Церкви въ ея таинствахъ, въ ея богослуженіи, въ ея ученіи о спасеніи нашемъ. Это твой долгъ, ты долженъ озаботиться присоединить къ Церкви наипаче присныхъ тебѣ по крови, но еще чуждыхъ по духу людей. А ты какъ будто хочешь, чтобы Церковь насиліемъ привлекла ихъ къ себѣ, въ свои нѣдра, помимо ихъ воли и соизволенія, и притомъ уже послѣ ихъ смерти? Ты хочешь, чтобы Богъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, создавшій Церковь Свою для храненія чистой истины, допустилъ пребывать въ ней сознательной, упорной лжи въ видѣ тѣхъ заблужденій, коихъ держатся латины, лютеране и другіе инославцы, держатся столь крѣпко, что считаютъ православную Церковь причастною какой-то ереси: возможно ли это? Конечно, единъ Вѣдущій сердца человѣческія знаетъ, насколько сознательно кто изъ неправославныхъ отстоитъ отъ православной истины; и держится лжи: ожесточенный фанатикъ іезуитъ, называющій православіе „песьей вѣрой“, ставящій ложь въ рядъ нравственно-допустимыхъ понятій чрезъ свое правило: „цѣль оправдываетъ средства“, или же простой французскій крестьянинъ, едва умѣющій читать и вовсе незнакомый съ тонкостями богословскихъ споровъ, вѣрующій въ простотѣ сердца, какъ его учитъ духовный отецъ и съ вѣрою принимающій таинства своей церкви? Извѣстно слово Господа, что вѣдѣвый волю господина своего и несотворивый біенъ будетъ много, а невѣдѣвый и несотворивый по воли его біенъ будетъ мало. Кто вѣдаетъ пути Господни? пути милосердія Его? Вотъ можетъ быть для такихъ-то простецовъ, почти неповинныхъ въ своемъ уклоненіи отъ православія, „земныя перегородки“, по выраженію митрополита Кіевскаго Платона, „и не доходятъ до неба“, но это ужъ дѣло Божіе, а не наше, и надѣяться на сіе разсужденіе православному, и въ этой надеждѣ искать оправданія измѣнѣ православію для

себя—было бы преступно... Это, вѣдь, не общецерковное ученіе, а лишь мнѣніе одного святителя; его могутъ раздѣлять многіе, но это еще—не Церковь. Для православнаго хрістіанина нѣтъ и нужды углубляться въ изслѣдованія: можно ли спастись въ неправославіи? Если бы было можно, то Церковь и принимала бы инославныхъ въ свои нѣдра безъ всякаго отреченія отъ лжеученій, которыя она считаетъ еретическими, неправославными. Не было бы и разницы исповѣданій. Очевидно, Церковь уклоняется отъ общенія въ молитвѣ и таинствахъ съ инославными, какъ чуждыми ей, какъ не—чадами ея. И чада ея не имѣютъ права мудровать по своему и должны склоняться предъ ея божественнымъ авторитетомъ. Спасеніе было бы возможно даже и для сатаны, но Богъ не насилуетъ свободы Своихъ созданій, а сатана, по своей богопротивной гордынѣ, никогда не склонитъ свою волю къ смиренному признанію своего богоотступничества. Люди—не бѣсы, не духи злобы, они имѣютъ полную возможность смириться, и прочтите поучительную повѣсть въ житіи преподобнаго Антонія Великаго о томъ, какъ два бѣса приходили къ нему съ вопросомъ: возможно ли для нихъ покаяніе? Ангелъ Божій возвѣстилъ угоднику Божію, что Господь не отвращается никого, кто приходитъ къ Нему въ покаяніи, хотя бы и самъ сатана пришелъ, но „злоба древняя не можетъ быть новою добродѣтелью“. Люди—не бѣсы, не духи злобы: они имѣютъ полную возможность смириться и принести покаяніе, но надо, чтобъ это они приняли своимъ произволеніемъ, открыли свое сердце для благодати, которая всегда готова помочь намъ въ дѣлѣ спасенія нашего. А мы, любя ихъ, должны всѣ мѣры употреблять, чтобъ содѣйствовать имъ въ семъ дѣлѣ, располагая ихъ къ общенію съ Церковію, раскрывая имъ, если, конечно, не станутъ отвергать, всѣ сокровища благодати, Церковію хранимыя. И сіе будетъ безконечное благотвореніе пытливыхъ вопрошеній о томъ: угодны ли Богу вѣры, въ коихъ, по свидѣтельству нашей матери Церкви, ложныя мудрованія примѣшаны къ чистой истинѣ православія. Надо жалѣть заблуждающихся, а не потворствовать имъ въ заблужденіяхъ. Тѣмъ паче беречь себя отъ заражения сими заблужденіями. Ереси, конечно, Богу не угодны: это плевелы среди пшеницы чистаго ученія, и какъ вредныя сѣмена, примѣшанныя къ пшеницѣ, дѣлаются отравою, когда пшеница обратится въ хлѣбъ, такъ и ложныя ученія, воспринятыя въ сердце вмѣстѣ съ чистымъ ученіемъ Церкви, вредятъ душѣ хрістіанина. Можно ли даже и спрашивать: угодны ли Богу такія, отравленныя ложнымъ ученіемъ исповѣданія вѣры? Ясно, что неугодны. На вопросъ о возможности спасенія въ сихъ исповѣданіяхъ общій отвѣтъ: только въ Церкви православной обрѣсти можно спасеніе. Такъ учитъ сама Церковь. Такъ и должно быть. Ибо спасеніе только во истинѣ, а истина только въ Церкви, только одна, какъ и Церковь—одна: вѣрую во едину святую соборную и апостольскую Церковь, говоритъ нашъ символъ вѣры.

241—247.

Что такое спиритизмъ?

I.

Допотопный міръ погибъ отъ грѣховъ плоти; современное намъ человѣчество гибнетъ отъ сатанинской гордыни. „Премьеръ-Министръ“ въ области гордыни — самъ сатана. Его хитрости въ уловленіи душъ.—Удаленіе отъ Церкви.—Начало погибели для христіанина. Спиритизмъ древняя прелесть.—Спиритизмъ въ Вавилоніи, Индіи, Греціи въ древнѣйшія времена.

Отъ автора. Тяжкая, продолжительная болѣзнь, державшая меня 40 дней въ постели, лишила меня возможности писать дневникъ по поводу текущихъ событій современной жизни. Чтобы хотя отчасти восполнить это невольное опущеніе, я даю читателямъ давно обѣщанную и давно приготовленную статью о томъ, что такое спиритизмъ. Богъ дастъ—оправлюсь отъ болѣзни, возвращусь въ своихъ дневникахъ и къ тѣмъ великимъ событіямъ, какія волею Божіей переживаетъ нашъ народъ въ настоящее историческое время.

А. Ніконъ.

Говоритъ Священное Писаніе о допотопномъ мірѣ: *и видѣ Господь Богъ землю, и бѣ растлѣнна, яко растли всяка плоть путь свой на земли... И рече Господь Богъ: не имать Духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ во вѣкъ, зане суть плоть* (Быт. 6, 12. 3). Люди стали плотью—только плотью—вотъ причина грознаго приговора Божія надъ тогдашнимъ человѣчествомъ! Когда читаешь этотъ приговоръ, то невольно мысль обращается къ современному человѣчеству: не гремитъ ли уже подобный приговоръ и надъ нимъ, какъ нѣкогда возгремѣлъ надъ допотопными людьми? Не стали ли и нынѣшніе люди *плотью*, не обращены ли всѣ ихъ мысли, всѣ желанія въ сторону служенія плоти, не заняты ли ихъ умъ, ихъ сердце только одною плотью?.. Не одна Франція утопаетъ въ развратѣ: [1]) и нашъ Русскій народъ хотятъ затопить въ этомъ омутѣ, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, распространяя въ его средѣ безбожныя и развратныя книжонки; сѣмена порока скоро даютъ свои ростки: говорить ли о томъ, что можно читать каждый день въ любой газетѣ?.. А величающіе себя „интеллигентами“ плотскіе грѣхи и за грѣхъ уже не считаютъ... Впрочемъ: да что и считаютъ они за *грѣхъ?!*..

Ужасное зло—развратъ во всѣхъ его видахъ; гибелью грозитъ онъ цѣлымъ народамъ. Отъ этого зла погибъ допотопный міръ, отъ него погибли семь городовъ во главѣ съ Содомомъ и Гоморрою. И если языческіе народы, забывшіе истиннаго

---

[1]) Писано три года назадъ. Событія послѣдняго времени показали, что практическое богоотступничество и нравственное разложеніе проникли глубоко и въ нѣдра нѣмецкаго народа, и притомъ едва ли не глубже, чѣмъ во Франціи. Объ этомъ съ поразительною ясностію свидѣтельствуютъ тѣ безчеловѣчныя звѣрства, то безсмысленное варварское отношеніе къ храмамъ Божіимъ, къ христіанскимъ святынямъ, какія проявляютъ нѣмцы въ настоящую войну. И это понятно: гордыня вытравила въ нихъ всякое нравственное чувство, а „мертвая вѣра“ безъ дѣлъ, проповѣдуемая лютеранствомъ, не дала народной душѣ тевтоновъ ни малѣйшихъ основъ для истинно-христіанской культуры.

Бога, не были пощажены и погибли — одни въ волнахъ потопа, другіе въ пламени гнѣва Божія, то чего ждать народамъ, просвѣщеннымъ нѣкогда вѣрою Хрістовою? Прочтите грозныя строки въ посланіи Апостола Павла къ Евреямъ гл. 6, ст. 4—8.—Но есть зло еще болѣе ужасное, есть грѣхъ еще болѣе богопротивный, грѣхъ, за который благодать Божія наипаче отступаетъ отъ людей и предаетъ ихъ на поруганіе сатанѣ въ служеніи плоти и ея похотямъ. Это грѣхъ самого сатаны, грѣхъ гордыни, который заражаетъ человѣка незамѣтно для него самого, вкрадывается въ его сердце и начинаетъ властно повелѣвать имъ. Одержимый гордынею человѣкъ воображаетъ, что онъ и умнѣе всѣхъ, и опытнѣе, и дальновиднѣе: никто его не можетъ обмануть, знаетъ онъ больше всѣхъ, не нуждается онъ ни въ чьемъ совѣтѣ: напротивъ, онъ способенъ каждому дать совѣтъ, его должны всѣ спрашивать, онъ выше всѣхъ головою... Ни о какихъ недостаткахъ въ немъ самомъ нечего и говорить: онъ ихъ не имѣетъ, весь онъ — одно совершенство. Онъ обладаетъ самыми „послѣдними словами“ науки во всѣхъ областяхъ знанія: для него нѣтъ никакихъ авторитетовъ кромѣ развѣ этихъ „послѣднихъ словъ“. Такъ растетъ, подъ вліяніемъ духа гордыни, самоцѣнъ гордаго человѣка. А на дѣлѣ— его духовный ростъ останавливается, сердце сохнетъ, дѣлается неспособнымъ къ тому, для чего оно главнымъ образомъ и создано—къ смиренной любви, умъ слѣпнетъ и становится слѣпымъ орудіемъ злой воли въ служеніи все той же гордынѣ. Состоя на послугахъ у грѣшнаго сердца, умъ подъискиваетъ и сочиняетъ разныя теоріи, посредствомъ коихъ можно было бы усыпить совѣсть, хотя слабо, но все же заявляющую свои права, напоминающую о Богѣ и Его святомъ законѣ, заставить ее хотя на время замолчать посредствомъ того или другаго лживаго софизма, той или другой теоріи, льстящей чувственности... Вотъ гдѣ первоисточникъ всякихъ антихрістіанскихъ лжеученій, всякихъ сектантскихъ мудрованій, начиная съ древнихъ еретиковъ и кончая нынѣшними. Всею этой внутреннею, такъ сказать, политикой руководитъ своего рода премьеръ-министръ— князь тьмы, сатана. Когда онъ имѣетъ дѣло съ душою твердо вѣрующею въ бытіе духовнаго міра, то заходитъ къ ней съ правой стороны, подставляя ей свою теорію духовнаго міра въ видѣ какого-нибудь спиритизма, увлекая ее въ это гибельное заблужденіе до богохульства. Если же вѣра въ душѣ не особенно тверда, если она коренится только на умовыхъ воззрѣніяхъ, а не залегла глубоко въ сердцѣ, то онъ просто вырываетъ эту вѣру съ корнемъ посредствомъ матеріалистическихъ отрицательныхъ лжеученій, превращая человѣка въ какое-то бездушное существо, хуже животнаго, въ ходячую машину... Есть и еще разрядъ людей, вѣрующихъ въ Бога, искренно ищущихъ общенія съ Нимъ, но зараженныхъ тѣмъ же духомъ гордыни: таковыхъ онъ увлекаетъ въ ереси *мистическія*. Общее наблюденіе говоритъ, что кто больше живетъ умомъ, того легче врагу склонить въ раціонализмъ, а кто живетъ больше сердцемъ, тотъ скорѣе подвергается опасности впасть или въ хлыстовщину, или въ спиритизмъ. Въ основѣ же всѣхъ заблужденій лежитъ гордыня, этотъ исконный грѣхъ сатаны. Гордынею заражены были рѣшительно всѣ еретики, всѣ сектанты и раскольники

отъ временъ Апостольскихъ и до нашихъ временъ. Отличительный признакъ этой гордыни—отрицаніе авторитета Церкви. Свое мудрованіе такіе люди ставятъ всегда выше церковнаго ученія, утвержденнаго отъ вѣковъ древнихъ, начиная съ Апостоловъ, раскрытаго святыми отцами на Вселенскихъ и Помѣстныхъ соборахъ, истолкованнаго въ писаніяхъ богомудрыхъ отцовъ и учителей Церкви. Еретическая гордыня въ своемъ самопревозношеніи не станетъ никогда справляться: какъ относительно того или другого предмета учила древняя Церковь, что писали Отцы и учители Церкви, Богомъ прославленные; еретикъ не заглянетъ въ исторію Церкви, даже въ всеобщую исторію человѣчества, чтобы провѣрить себя: да не было ли раньше его когда-нибудь такого ученія, какое ему пришло въ голову, и почему оно не привилось, не стало общепризнанною истиною?

И вотъ, за такую гордыню, за такую самоувѣренность, за такое презрѣніе къ Церкви, ко всему прошлому опыту человѣчества, благодать Божія, не выносящая смрада гордыни бѣсовской, отступаетъ отъ человѣка, и онъ предается на поруганіе сатанѣ. Тогда сатана толкаетъ его въ ту бездну лжемудрованій, въ которой онъ уже загубилъ многія тысячи еретичествующихъ какъ въ хрістіанствѣ, такъ и внѣ хрістіанства. Однимъ изъ такихъ погибельныхъ мудрованій должно считать спиритизмъ. Этимъ богохульнымъ ученіемъ въ наше время увлекаются многія тысячи людей даже вѣрующихъ во Хріста; его считаютъ какъ бы новымъ откровеніемъ, тогда какъ оно старо какъ вся цивилизація, которою такъ хвалится Европа. Послѣдователи спиритизма дерзко объявляютъ, что „спиритуалистическій догматизмъ олицетворяетъ собою царство Божіе на землѣ, и пропаганда его обновитъ человѣчество, уничтожитъ племенную и религіозную рознь и непріязнь". „Спиритуализмъ, видите ли, нужно широко пропагандировать среди власть имущихъ, среди царей и священниковъ... Всякій, выступающій противъ догматическаго спиритуализма, выступаетъ противъ Хріста"... [1])

Вотъ до какой дерзости доходитъ лжеученіе спиритовъ! Долгъ пастырей Церкви и всѣхъ вѣрныхъ ея чадъ обличать эту богохульную ересь, предостерегать отъ нея вѣрующихъ, раскрывать всю ложь ея хитросплетенныхъ мудрованій и разоблачать того, кто руководитъ ею, прикрываясь чужимъ именемъ и преображаясь во ангела свѣтла. Не напрасно одинъ изслѣдователь этой прелести говоритъ: „кто не знаетъ спиритизма, для того онъ кажется смѣшнымъ, кто съ нимъ познакомится, для того онъ представляется таинственнымъ, а кто всмотрится въ него детально, предъ тѣмъ онъ предстаетъ явленіемъ грознымъ, страшнымъ". [2]) Довольно заглянуть въ исторію, чтобы убѣдиться, что это вовсе не „новое откровеніе", а древняя прелесть сатаны. А для вѣрующаго довольно принять во вниманіе, что это лжеученіе всегда распространялось тамъ, гдѣ или преобладало язычество и идолопоклонство, или же еретическія мудрованія хотя и на почвѣ искаженнаго ученія хрістіанскаго. Какъ будто есть нѣчто, препятствующее развитію спиритизма тамъ, гдѣ господствуетъ святая православная вѣра. И это слѣ-

---

[1]) „Моск. Вѣд." 1910, № 157.

[2]) „Вѣра и Разумъ", 1910 г. № 16, стр. 446.

дуетъ сказать не только о времени послѣ явленія на землѣ Христа Спасителя, но и о ветхозавѣтныхъ временахъ. То, что мы теперь называемъ спиритизмомъ, было въ особомъ почетѣ и входило въ религіозный культъ язычества и строго было запрещено въ средѣ правовѣрующаго народа Еврейскаго. Уже этого одного достаточно для послушнаго сына Церкви, чтобы отшатнуться отъ ереси спиритизма, какъ погибельнаго лжеученія. Въ самомъ дѣлѣ: знаменитые ученые, даже предубѣжденные противъ всего сверхъестественнаго, неопровержимо свидѣтельствуютъ о таинственномъ дѣйствіи въ явленіяхъ спиритизма какой-то невидимой разумной силы, совершенно посторонней для лицъ, присутствующихъ на сеансахъ. Никакими естественными способами нельзя объяснить такихъ, напримѣръ, явленій, когда переносятся изъ другой комнаты въ ту, гдѣ происходитъ сеансъ, разныя вещи, притомъ сквозь запертыя двери; когда появляются во мракѣ, въ двѣ-три минуты, акварельные рисунки съ невысохшими красками; когда льется таинственная музыка, изъ пола, изъ потолка, изъ статуи, изъ сундука, въ то время, какъ нѣтъ никакого музыкальнаго инструмента не только въ домѣ, но и въ цѣломъ кварталѣ по сосѣдству; когда сообщаются факты, происходящіе въ данную минуту за сотни и тысячи верстъ отъ медіума, и провѣрка ихъ убѣждаетъ, что они происходили именно такъ, какъ описываетъ ихъ медіумъ; когда „духи“ пишутъ тѣми почерками, какими писали лица, коихъ вызываютъ; когда появляются писанные отвѣты на листахъ бѣлой бумаги, запираемой въ ящикъ или на помѣщаемыхъ между двумя стеклами; когда слышатся голоса говорящіе, поющіе, передразнивающіе, кощунствующіе, раздающіеся изъ разныхъ мѣстъ комнаты; когда, наконецъ, являются призраки, запечатлѣваемые фотографическими пластинками... Все это, повторяю, факты, засвидѣтельствованные даже тѣми, кто отрицаетъ бытіе духовнаго міра. Справедливо говоритъ профессоръ Лаппони: „странное и удивительное явленіе, и исключительное униженіе гордости человѣческой небеснымъ правосудіемъ: тѣ, которые такъ настойчиво боролись съ сверхъестественнымъ въ его прекрасной и благородной оболочкѣ религіи, вынуждены одними изъ первыхъ признать его въ наиболѣе грубой и низкой формѣ—въ явленіяхъ спиритизма!“ [1]) Для нашего времени, когда теоріи матеріализма имѣютъ такую силу въ умахъ полуобразованнаго общества, все это дѣйствительно страшно. Тѣмъ не менѣе еще древнимъ вавилонянамъ были извѣстны факты матеріализаціи духовъ, являющихся въ дыму жертвеннаго огня. Халдейскіе маги или волхвы—это и были медіумы древняго Вавилона. Вызываніе духовъ практиковалось у древнихъ Египтянъ. То же самое и донынѣ входитъ въ составъ богослуженія индійскихъ браминовъ. А въ древней Греціи постоянно спрашивали совѣтовъ у умершихъ, для чего существовалъ особый классъ *некромантовъ*. Даже такой великій мудрецъ, какъ Сократъ, сносился съ своимъ таинственнымъ геніемъ и вѣрилъ его сообщеніямъ. Отъ Грековъ спиритизмъ перешолъ къ Римлянамъ. Извѣстно, что императоръ Тиверій занимался имъ. Анастасій Никейскій свидѣтельствуетъ, что упоминаемый въ книгѣ Дѣяній Апостоль-

[1]) „Вѣра и Разумъ“ 1910, № 17, стр. 626—8.

скихъ Симонъ волхвъ заставлялъ двигаться статуи, бросался въ пламя и не горѣлъ, леталъ по воздуху, превращался въ змѣя, мебель въ его домѣ двигалась сама собою.[1]) Насколько занятія чародѣйствомъ или спиритизмомъ были распространены среди язычниковъ во времена Апостольскія, показываетъ та же книга Дѣяній Апостольскихъ: послѣ исцѣленія служанки, одержимой духомъ прорицанія, въ Ефесѣ, вѣрующіе, и именно — изъ занимавшихся чародѣйствомъ, собравъ книги свои, сожгли предъ всѣми и сложили цѣны ихъ, и оказалось ихъ на пятьдесятъ тысячъ драхмъ (гл. 19, ст. 19). Въ мистеріяхъ Самотраки мы уже находимъ оракула въ видѣ „бога-стола". Китайцы знаютъ столоверченіе уже давно. Оно существуетъ у индійцевъ въ пустыняхъ Явы. О цѣпи изъ рукъ и прорицающихъ столахъ упоминается въ третьемъ столѣтіи у Тертулліана, а его комментаторъ, разсказывая, что столы съ помощью демоновъ „говорятъ", „намекаетъ по видимому, на стуки въ столахъ. Минуцій Феликсъ говоритъ о таинственномъ движеніи неодушевленныхъ предметовъ, какъ о примѣрѣ демоническаго прорицанія. Медіумическая сторона этого явленія упоминается еще у Гомера, гдѣ золотые треножды (столы на 3-хъ ножкахъ, на которые идолопоклонники ставили кадильный сосудъ съ ароматами) Гефеста въ собраніи боговъ сами собою двигались туда и обратно[1]). Если бы добросовѣстные изслѣдователи подобныхъ явленій довѣрчиво относились къ несомнѣннымъ для насъ сказаніямъ житій святыхъ, то въ исторіи мучениковъ и подвижниковъ нашли бы и не такія „дивеса", какія творятъ спириты. Бывало и такъ, что иной волхвъ, смущенный безуспѣшностью своихъ чаръ противъ хрістіанина, пробовалъ средство, употребляемое противъ его же чарованій хрістіанами, и тутъ же убѣждался въ діавольскомъ характерѣ своихъ чародѣйствъ. Прочтите, напримѣръ, исторію священномученика Кипріана и Іустины.

II.

Законъ Моисеевъ о спиритизмѣ.—Предостереженія Господа о ложныхъ чудотворцахъ и Апостола Павла о лжеучителяхъ.—Самообманъ спиритовъ.—Ихъ „опыты"—дѣло „опытнаго—семитысячелѣтняго старца".—Святители: Филаретъ Московскій и Никаноръ Херсонскій о спиритизмѣ.

Такъ, спиритизмъ, какъ сношеніе съ загробнымъ міромъ, неизвѣстный по своему имени древнимъ, былъ хорошо извѣстенъ имъ по своимъ явленіямъ и даже входилъ и теперь входитъ въ культъ язычества, какъ его составная часть. Зато, какъ я сказалъ выше, тамъ, гдѣ сохранялось истинное богопочитаніе, въ народѣ Еврейскомъ, онъ былъ запрещенъ подъ смертною казнію. Вотъ что говоритъ слово Божіе избранному народу: „и если какая душа обратится къ вызывающимъ мертвыхъ и къ волшебникамъ, чтобы блудно ходить въ слѣдъ ихъ, то Я обращу лице Мое на ту душу и истреблю ее изъ народа ея... Мужчина ли, или женщина, если будутъ вызывать мертвыхъ или волхвовать, да будутъ преданы смерти: камнями должно побить ихъ, кровь ихъ

[1]) Вержболовичъ, „Душеп. Чтеніе" 1900 г. май, стр. 24.

[1]) „Ребусъ" 1895, №№ 44—46. Статья Карла дю-Преля.

на нихъ (Лев. 20, 6. 27). Не долженъ находиться у тебя проводящій сына своего или дочь свою чрезъ огонь, прорицатель, гадатель, ворожей, чародѣй, обаятель, вызывающій духовъ, волшебникъ и вопрошающій мертвыхъ, ибо мерзокъ предъ Господомъ всякій дѣлающій это (Второз. 18, 10—12). И когда скажутъ вамъ: обратитесь къ вызывателямъ умершихъ и къ чародѣямъ, къ шептунамъ и чревовѣщателямъ, тогда отвѣчайте: не долженъ ли народъ обращаться къ своему Богу? Спрашиваютъ ли мертвыхъ о живыхъ? Обращайтесь къ закону и откровенію. Если они (вызыватели умершихъ) не говорятъ, какъ это слово (слово Откровенія), то нѣтъ въ нихъ свѣта". Всѣмъ извѣстенъ разсказъ первой книги Царствъ о томъ, какъ Аэндорская волшебница вызывала тѣнь пророка Самуила для Саула. (28, 7 и д.). Изъ сего разсказа видно, что Саулъ тогда обратился къ волшебницѣ, когда увидѣлъ, что Богъ оставилъ его: очевидно, только отчаяніе побудило его къ тому, и самъ онъ сознавалъ, что въ семъ случаѣ тяжко согрѣшаетъ. Въ книгахъ Моисеевыхъ не разъ Самъ Богъ свидѣтельствуетъ, что племена Хананейскія были осуждены Имъ на истребленіе между прочимъ за вызываніе мертвыхъ, причемъ эти занятія называются „мерзостью". Если такъ рѣшительно отрицается спиритизмъ, какъ богопротивное ученіе, въ Ветхомъ Завѣтѣ, то можно ли думать, что допуститъ такое ученіе Завѣтъ Новый, ученіе Христа Спасителя — всесовершенное? Не богохульно ли считать ученіе спиритовъ какимъ-то новымъ откровеніемъ, какъ будто ученіе Христово уже стало недостаточнымъ для спасенія, устарѣло, потребовало обновленія, дополненія? Спириты забыли или намѣренно замалчиваютъ пророческія предостереженія Господа нашего Іисуса Христа: *возстанутъ лжехристы и лжепророки, и дадутъ великія знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ. Вотъ, Я напередъ сказалъ вамъ* (Матѳ. 24, 24. 25). Они не хотятъ знать, а можетъ быть и не читали никогда грознаго слова Апостола Павла въ его посланіи къ Галатамъ: *если бы даже мы*—сами мы—*или ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали, да будетъ анаѳема!* (Гал. 1, 8. 9). Сколько крѣпкой вѣры и непоколебимаго убѣжденія слышится въ этихъ, пламенѣющихъ ревностію словахъ великаго Апостола, готоваго за проповѣдуемую имъ истину каждую минуту положить и — дѣйствительно положившаго душу свою! Пусть гг. спириты разсуждаютъ, что „знаніе не можетъ быть безъ вѣры и вѣра безъ знанія", пусть представляютъ намъ тысячи самыхъ поразительныхъ фактовъ, необъяснимыхъ физическими законами: въ этомъ, можетъ быть, съ ними будутъ спорить матеріалисты, вовсе не признающіе міра духовнаго,—но они совсѣмъ забываютъ другой разрядъ людей, которые во имя того же самаго начала потребуютъ отъ нихъ самихъ вѣры въ откровенное слово Божіе, въ свидѣтельство Самой Воплощенной Истины, и, въ свою очередь, не отрицая вовсе тѣхъ „сильныхъ, доказательныхъ, убѣдительныхъ явленій", о которыхъ они свидѣтельствуютъ, дадутъ имъ объясненіе неизмѣримо высшее, чѣмъ ихъ мудрованія, объясненіе вполнѣ согласное, какъ съ ученіемъ вѣры Христіанской, такъ и съ требованіями здраваго разума. Спириты, кажется, думаютъ, что только и

есть противниковъ у спиритизма, что матеріалисты, что хрістіанство не противорѣчитъ основнымъ положеніямъ спиритизма. Они прочитали въ Евангеліи одну строчку: „люби Бога, люби ближняго, въ этомъ— весь законъ и пророки“ и воображаютъ, что поняли всю сущность хрістіанства. А такъ какъ и столы, и карандаши медіумовъ, и даже вызываемыя ими тѣни якобы умершихъ проповѣдуютъ то же самое, то нечего-де и сомнѣваться въ „истинной духовности“ самаго спиритизма. По крайней мѣрѣ ревностный спиритъ профессоръ Вагнеръ такъ и говоритъ, что „медіумизмъ снялъ туманъ съ его глазъ, для него теперь нѣтъ противорѣчій ни въ религіи (какой только?), ни въ наукѣ“. Но напрасно, совершенно напрасно онъ такъ кощунственно вплетаетъ въ свои разсужденія святыя слова Господа нашего Іисуса Христа, которыя можно обратить къ нему самому и всѣмъ спиритамъ, подобнымъ ему: „имѣютъ они очи и не видятъ (потому что не хотятъ видѣть), имѣютъ уши и не слышатъ“ (потому что не хотятъ слышать). Имъ важны паче всего „опыты“; имъ дѣла нѣтъ до того, что въ этихъ опытахъ, запрещенныхъ подъ страхомъ смертной казни въ Ветхомъ Завѣтѣ, отверженныхъ хрістіанствомъ наравнѣ съ прочими „мерзостями“ язычества, они сами могутъ попасть въ „опытныя“ руки врага Божія, который вотъ уже восьмую тысячу лѣтъ дѣлаетъ свои „опыты“ надъ легкомысленнымъ человѣчествомъ, увлекая его въ свои сѣти... Пусть спириты назовутъ намъ хоть одного изъ представителей богословской науки, излагаемой въ духѣ Православной Церкви, который сталъ бы на ихъ сторону. А мы назовемъ имъ одно великое имя, которое для насъ православныхъ имѣетъ авторитетъ большій, чѣмъ дѣлая сотня именъ западныхъ мудрецовъ всякаго рода. Нашъ приснопамятный мудрецъ-святитель Московскій Филаретъ говоритъ, что занятіе стологаданіемъ, или, что то же, спиритизмомъ есть дѣло непозволительное, неблагородное, преступное, что это есть только старое языческое суевѣріе. „Представимъ себѣ, пишетъ онъ, что сынъ въ домѣ отца, имѣя свободу пользоваться всѣмъ, что ему нужно, и многимъ, что пріятно, не довольствуется симъ и, встрѣтивъ хранилище, отъ котораго ему не дано ключа, поддѣлываетъ ключъ, и отпираетъ оное, положимъ, не для того, чтобы украсть, а только чтобы посмотрѣть, что тамъ скрыто. Не есть ли это неблагородно? Не должно ли быть совѣстно сыну? Не должно ли быть непріятно отцу? Вотъ судъ о всякомъ гаданіи, въ томъ числѣ и о стологаданіи по самому простому взгляду на сіе дѣло. Но если внимательнѣе посмотримъ на опыты, судъ долженъ сдѣлаться строже... Спрашивается: дѣйствительно ли стологадателямъ отвѣчаютъ души умершихъ, которыхъ имена имъ объявляются, или имена сіи употребляются ложно и подъ ними скрываются нѣкіе неизвѣстные? Въ семъ послѣднемъ случаѣ сіи неизвѣстные суть лжецы, приписывающіе себѣ чужія имена, но ложь не принадлежитъ чистымъ существамъ: отецъ лжи есть діаволъ. Итакъ, стологадатели должны осторожно размыслить: съ кѣмъ имѣютъ дѣло? Здѣсь можно вспомнить наставленіе преподобнаго Антонія Великаго относительно демоновъ: *если выдаютъ они себя за предсказателей, никто да не прилѣпляется къ нимъ.* Но если отвѣчающіе суть дѣйствительно умершіе, то судъ о семъ дѣлѣ давно произнесенъ Самимъ Богомъ чрезъ пророка Моисея: *да не навыкнеши*

творити по мерзостемъ языковъ тѣхъ (народовъ Ханаанскихъ), *да не обрящется въ тебѣ... вопрошаяй мертвыхъ: есть бо мерзость Господеви Богу твоему всякъ творяй сія, сихъ бо ради мерзостей потребитъ я Господь Богъ твой отъ лица твоего* (Втор. 18, 9—12). Знаютъ ли сей судъ столоволхвователи (или что то же—спириты), вопрошающіе мертвыхъ? Помышляютъ ли, какому строгому осужденію подлежитъ дѣло ихъ? Оно причисляется къ мерзостямъ, за которыя хананейскіе народы Богъ осудилъ на истребленіе. Пророкъ Осія упоминаетъ два вида гаданія: *деревомъ* (деревянными идолами) и *жезломъ*, и оба эти вида называетъ измѣною Господу Богу истинному (Ос. 4, 12). Отъ сего обвиненія не можетъ увернуться стологаданіе, какъ бы ни старалось оно изъяснить себя легкимъ и благовиднымъ образомъ.—Для тѣхъ, которые смотрятъ на стологаданіе, какъ на новое открытіе, небезполезно замѣтить, что ихъ дѣлу не принадлежитъ честь не только разумнаго, но и случайнаго новаго открытія въ природѣ; они только какимъ-то образомъ пробрались въ область стараго языческаго суевѣрія. Тертулліанъ въ 23 главѣ своей Апологіи хрістіанства, обличая мечты языческой магіи и приписывая ихъ дѣйствію демоновъ, говоритъ: *чрезъ нихъ и козы и столы обыкновенно производятъ гаданія.* Онъ только не объясняетъ, какіе пріемы употреблялись, чтобы столы способствовали гаданіямъ". [1]) Вотъ мнѣніе о спиритизмѣ великаго учителя богослова Русской Церкви. Если русскіе спириты—люди вѣрующіе и православные, то они не могутъ отнестись пренебрежительно къ такому авторитету богословія, какъ сей святитель. Нужны ли еще авторитеты? Пожалуй, вотъ еще мнѣніе великаго философа-богослова нашей Церкви, Херсонскаго святителя Никанора. Онъ также называетъ спиритизмъ „старымъ, на многіе вѣка забытымъ суевѣріемъ". Онъ прямо говоритъ, что это ученіе враждебно Хрістову ученію. „Не выбрасываютъ ли надъ собою, говоритъ онъ, цѣлые милліоны европейскихъ и сѣверо-американскихъ спиритовъ (число всѣхъ спиритовъ достигаетъ до 30 милліоновъ) знамя надежды и рѣшимости ниспровергнуть хрістіанство и водворить чистѣйшій матеріализмъ? Не надѣются ли ученые мужи изъ спиритовъ въ самой матеріализаціи вызванныхъ мертвецовъ уловить не болѣе, какъ высшую, тончайшую, невидимую матерію, въ которой сохраняется невидимо для обыденнаго зрѣнія не только существо, но и самосознаніе отшедшихъ душъ, но матерію, замѣняющую и отрицающую Бога, какъ безпредѣльно совершенное самосознаніе?.. Не надѣются ли они водворить на мѣстѣ всякаго общечеловѣческаго здравомыслія настоящее сумасшествіе, но сумасшествіе научное? А всячески, въ концѣ концовъ, этимъ новымъ, въ сущности же подновленнымъ, наидревнѣйшимъ чернокнижіемъ вызыванія мертвыхъ не устраняются ли не только хрістіанство, но и здравая вѣра въ Бога и въ безсмертіе?" [1]) Вотъ мнѣніе автора „Позитивной философіи", къ философскимъ воззрѣніямъ котораго съ уваженіемъ относятся не только у насъ въ Россіи, но и за границею. Въ то же время это—мнѣніе современнаго представителя Русской Православной Церкви.

[1]) „Творенія св. Отцовъ", 1853 года.

[1]) Собраніе поученій Архіепископа Никанора, томъ III.

III.

Законы духовнаго міра суть законы *нравственнаго* порядка, а въ спиритизмѣ сего нѣтъ.—Способы общенія спиритовъ съ духовнымъ міромъ недостойны Бога, оскорбительны для разума человѣческаго и кощунственны.—Преступно вторгаться въ область духовнаго міра земными способами. Господь и Апостолы отвергали свидѣтельство злаго духа и тогда, когда онъ говорилъ истину.—Спиритизмъ есть волшебство, общеніе съ злыми духами, занятіе богопротивное

Если ужъ говорить о такихъ вопросахъ, то будемъ говорить до конца откровенно; если признавать бытіе міра духовнаго, то необходимо признавать и законы этого міра, а эти законы—прежде всего суть законы *нравственнаго* порядка. „Мы знаемъ изъ Священнаго Писанія о многократныхъ явленіяхъ Ангеловъ человѣческому роду, которые всѣ, по словамъ Апостола Павла, *суть служебные духи, посылаемые на служеніе тѣмъ, которые наслѣдуютъ спасеніе* (Евр. 1, 14.); но они являются въ видимыхъ образахъ и возвѣщаютъ волю Божію языкомъ человѣческимъ, какъ достойно словеснаго творенія, а не какимъ-либо бездушнымъ стукомъ, изъ котораго надобно отгадывать буквы, или странными письменами безъ сознанія пишущаго карандаша или стола. Въ противоположность ангельскимъ явленіямъ мы слышимъ также предостереженіе Апостола Петра, который говоритъ, чтобы мы бодрствовали, ибо *противникъ нашъ діаволъ ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить* (1 Петр. 5, 8). И Апостолъ Павелъ также предостерегаетъ: *наша брань не противъ крови и плоти, но противъ міроправителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ* (Ефес. 6, 12). Но никто изъ Апостоловъ ни слова не говоритъ намъ о какомъ-либо общеніи съ душами умершихъ, которое могло бы служить намъ руководствомъ въ этой жизни“. [1]) Да и какъ смѣшно думать, какъ унизительно для разума человѣческаго предполагать, будто міръ духовный не можетъ иначе открывать себя намъ, какъ только чрезъ посредство какихъ-то ходящихъ столовъ, самопишущихъ карандашей, выступающихъ изъ полумрака рукъ, мелькающихъ огонь-ковъ и т. под. Ужели у Господа нѣтъ болѣе прямыхъ, болѣе простыхъ средствъ, чтобы открыть намъ, если сіе Ему благоугодно, бытіе міра духовнаго и общеніе съ нимъ? Ужели, съ другой стороны, столы и карандаши помогутъ намъ открыть завѣсу, которою угодно было Ему закрыть отъ насъ тайны міра загробнаго, для нашего же блага? Какъ глупы, ребячески наивны и грубы всѣ эти „опыты“ спиритовъ въ сравненіи съ чудесными явленіями духовнаго міра, извѣстными намъ изъ Св. Писанія и житій святыхъ Божіихъ! Да, мы, православные, признаемъ благодатное явленіе и Ангеловъ и святыхъ—людямъ, удостоеннымъ сего отъ Бога; но „никакъ не можемъ вѣрить, чтобы *каждый человѣкъ*, или по крайней мѣрѣ, *каждый медіумъ могъ бы по произволу*, какъ бы по звуку колокольчика, *извѣстной формулой* вызывать кого ему угодно изъ царства мертвыхъ, злыхъ и добрыхъ, и даже святыхъ, и тѣ должны непремѣнно являться, какъ

[1]) См. книгу „Изъ области таинственнаго“, пр. Дьяченко, стр. 401.

бы подъ вліяніемъ какого-то чародѣйства... Это недостойно ни святыхъ, ни Самого Бога". [1]) Вотъ почему, читая описанія спиритическихъ сеансовъ, просто недоумѣваешь: какъ это люди умные, ученые, не стыдятся заниматься такими „опытами?" какъ они не поймутъ, что невозможно же, недостойно Господа Бога, оскорбительно для разума человѣческаго вѣрить, будто до столоверченія не было полнаго откровенія Божія, будто милліоны людей, умершихъ прежде насъ, всѣ умерли въ заблужденіи, тогда какъ такъ просто было узнать истину: сѣлъ за столъ, вопросилъ духа, и—готово! И почему это Хрістосъ Спаситель не открылъ намъ такого простаго способа? Зачѣмъ Онъ страдалъ и умеръ? Сказалъ бы просто: вотъ вамъ средство познавать истину—и конецъ! Нѣтъ! и тысячу разъ—нѣтъ! Не можетъ быть и нѣтъ никакого общенія свѣта со тьмою и Хріста съ веліаромъ, съ медіумизмомъ, спиритизмомъ или какъ хотите тамъ называйте это лжеученіе! Если спириты становятся какъ бы подъ крыло ученія хрістіанскаго, то мы, православновѣрующіе, должны громко и открыто протестовать противъ такого оскорбительнаго, богохульнаго соприкосновенія. Профессоръ Вагнеръ говоритъ: „мы ничего не знаемъ и не можемъ знать безъ вѣры". Мы ему скажемъ больше: самая вѣра-то въ своей сущности есть только пріобщеніе, посредствомъ смиренія, человѣческаго разума Божественному всевѣдѣнію. Но ужели въ предѣлы этого Божественнаго всевѣдѣнія изъ узкихъ рамокъ нашего ограниченнаго вѣдѣнія открывается путь только чрезъ столоверченіе и сеансы медіумовъ?.. Ужели для сего не нужно нравственнаго самоочищенія при помощи Божіей благодати, подвига чистоты, молитвы и приближенія къ Существу Божію чрезъ то обновленіе благодатное, какое дается намъ въ таинствахъ Церкви? Въ томъ-то и дѣло, что спириты смотрятъ на духовный міръ глазами вещественными, мѣрятъ его мѣркою вещественныхъ явленій, а не мѣркою нравственною. Но міръ духовный не подлежитъ такому измѣренію. Они ищутъ способа сноситься съ этимъ міромъ такъ же, какъ сносятся другъ съ другомъ посредствомъ телеграфа, телефона, которые для нихъ замѣняютъ столы и медіумы, а Хрістосъ сказалъ: *никтоже пріидетъ ко Отцу токмо Мною* (Іоан. 14, 6). Имъ хочется войти въ рай такъ же легко, какъ они входятъ въ увеселительное заведеніе, а слово Божіе учитъ, что туда безъ креста не пускаютъ: *многими скорбьми подобаетъ намъ внити въ Царствіе Божіе* (Дѣян. 14, 22). Они полагаютъ, что „въ сообщеніяхъ ихъ духовъ слѣдуетъ строго различать двѣ стороны: положительную и отрицательную, добрую и злую, темную или нечистую и свѣтозарную или благую". А мы полагаемъ, что никакой такой „свѣтозарной или благой стороны" въ нихъ и быть не можетъ. Пусть они докажутъ намъ изъ слова Божія, изъ исторіи и ученія Церкви Хрістовой, гдѣ бы было дозволено по произволу вторгаться какимъ-нибудь земнымъ способомъ въ область міра духовнаго, удовлетворяя своему преступному любопытству входить въ общеніе съ духами при посредствѣ столовъ или какихъ-либо машинъ, которыя, кажется, уже и придуманы спиритами? А мы докажемъ имъ, что и злой духъ можетъ являться во образѣ Ангела свѣтлаго, что и онъ можетъ обма-

[1]) См. тамъ же.

нывать такъ, что его принимали нѣкоторые за самого Господа Іисуса Христа: что же мудренаго, что онъ проповѣдуетъ якобы о любви и другія истины? Кричали же духи нечистые Господу: „знаемъ Тебя, Кто Ты—Святый Божій!“ (Марк. 1, 24). И однакоже Господь запрещалъ имъ изрекать нечистыми устами даже то, что было *истинно. Духъ пытливый* въ отроковицѣ города Филиппы взывалъ къ народу объ Апостолахъ Павлѣ и Силѣ, повидимому достойное пріятія: *сіи человѣцы рабы Бога Всевышняго, которые возвѣщаютъ намъ путь спасенія* (Дѣян. 16, 17). Казалось бы: что могло быть благоговѣйнѣе такого свидѣтельства истины предъ язычниками? Можно ли было ожидать, чтобы не добрый, а *пытливый*, лживый духъ говорилъ устами дѣвицы? Нынѣшніе спириты непремѣнно приняли бы это за откровеніе добраго духа. Но не такъ отнесся къ сему св. Апостолъ Павелъ: съ негодованіемъ обратился онъ къ нечистому духу и сказалъ: *именемъ Іисуса Христа повелѣваю тебѣ выйти изъ нея!* (ст. 18). И злой духъ тотчасъ вышелъ изъ отроковицы. Вотъ какъ слѣдуетъ относиться къ спиритическимъ „откровеніямъ“: не только не искать ихъ, а гнать отъ себя именемъ Господа Іисуса. Спириты говорятъ, что духъ зла не можетъ самъ себѣ противорѣчить, что онъ не можетъ проповѣдывать и добро, и зло, иначе это было бы то раздѣленіе царства, о которомъ Господь сказалъ, что оно погибнетъ, если раздѣлится въ самомъ себѣ. Не безпокойтесь: если у кого, то у духа-то зла по-преимуществу „цѣль оправдываетъ средства“. Что удивительнаго, если духъ лжи скажетъ: „люби Бога, люби ближняго“, чтобы этими словами увлечь въ обманъ, замаскироваться, а потомъ внушить, что нѣтъ вѣчныхъ мученій, что Христосъ не былъ Богомъ въ собственномъ смыслѣ и подобное? У него всѣ средства хороши. Нигдѣ такъ тонко не дѣйствуетъ сатана, какъ въ спиритизмѣ. Онъ и въ храмы Божіи посылаетъ запутываемаго имъ человѣка служить панихиды, акаѳисты, пріобщаться даже св. Христовыхъ Таинъ и въ то же время удаляетъ отъ Бога, отъ Церкви.—Говорятъ: „всѣ спириты проповѣдуютъ нравственность, что, конечно, не можетъ ни въ какомъ случаѣ повредить человѣчеству. Важно-де то, что большинство образованныхъ людей нашего матеріалистическаго вѣка, вѣрящаго только фактамъ, потеряло вѣру въ безсмертіе, и вмѣстѣ съ нею и нравственное сознаніе, а спиритизмъ научно обслѣдованными фактами возвратитъ имъ то и другое“. На это отвѣчаемъ: трудно сказать, какая лесть горше, кому больше грозитъ вѣчная погибель: тому ли, кто совершенно потерялъ вѣру въ Бога, въ безсмертіе и вѣчную жизнь, или тому, кто вѣруетъ во все это, но въ своей вѣрѣ руководится внушеніями тѣхъ, о коихъ Св. Писаніе говоритъ, что они не только „вѣруютъ, но и трепещутъ?“ „Семитысячелѣтній старецъ“ имѣетъ довольно опытности, чтобы, уловивъ человѣка въ свои сѣти невѣрія, обративъ его къ *своей* вѣрѣ въ безсмертіе, удержать его потомъ въ этихъ сѣтяхъ, въ гибельной ереси спиритизма, а чрезъ него увлечь туда же и изъ вѣрующихъ, но легкомысленныхъ чадъ Церкви. Поэтому напрасно одинъ почтенный профессоръ-богословъ говоритъ, будто спиритизмъ, „защищая дорогія вѣрованія въ сверхчувственное бытіе и личное безсмертіе души, до нѣкоторой степени искупа-

етъ предъ Христіанствомъ свои заблужденія и суевѣрія“ [1]). Нѣтъ, ни мало не искупаетъ, а только *подкупаетъ* маловѣрныхъ и недалекихъ изъ среды вѣрующихъ. Если бы спиритизмъ и могъ быть средствомъ борьбы съ матеріализмомъ, то, по мѣткому замѣчанію Вебера, „лѣкарство здѣсь стало бы хуже самой болѣзни“.

Мнѣ скажутъ: итакъ, вы хотите все объяснить дѣйствіемъ злыхъ духовъ?—Отвѣчаю: да, и иначе съ точки зрѣнія христіанскаго ученія объяснять всѣ серьезныя, необъяснимыя фокусомъ и обманомъ явленія спиритизма невозможно. И это—не мое личное мнѣніе. Святитель Θеофанъ затворникъ пишетъ: „спиритизмъ — прямо бѣсовщина, ничѣмъ непокрытая. Тутъ осязательная нечистая сила. Кто тутъ дѣйствуетъ—можно судить по явленіямъ. Да они и сами не скрываютъ, что суть бѣсы“. Таково же мнѣніе, какъ мы видѣли выше, и другихъ авторитетнѣйшихъ нашихъ святителей-богослововъ — митрополита Филарета и архіепископа Никанора Одесскаго. Извѣстный старецъ Амвросій Оптинскій писалъ о спиритизмѣ: „спиритизмъ есть ничто иное, какъ новая прелесть вражеская. Это ученіе есть общеніе людей съ духами, но, разумѣется, съ духами не свѣта, а съ духами тьмы. Апостолъ Павелъ пишетъ: *аще и ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 8). Апостолъ упоминаетъ это не объ ангелахъ благихъ, потому что благіе ангелы не будутъ благовѣстить ничего противнаго ученію евангельскому и апостольскому; но явно, что говоритъ это объ ангелахъ тьмы, сверженныхъ съ неба, которые принимаютъ на себя видъ ангеловъ свѣта для обольщенія неразсудныхъ.“ — И это мнѣніе, что не души умершихъ говорятъ чрезъ медіумовъ, а духи нечистые, вполнѣ согласуется съ ученіемъ древнихъ отцовъ Церкви. Во времена св. Златоуста, какъ и во времена апостольскія (см. Дѣян. 16, 16—18), медіумами являлись бѣсноватые, которые говорили отъ имени душъ умершихъ. „Что значитъ, спрашиваетъ св. Златоустъ, что демоны говорятъ: я—душа такого-то монаха? — Ты скажешь, говоритъ святитель, что бѣсноватые взываютъ: я душа такого-то человѣка. Но и это есть хитрость и обманъ діавола. По моему, не душа кого-либо умершаго вопіетъ, но демонъ, скрывающійся подъ симъ для обольщенія слушателей... Невозможно здѣсь блуждать душѣ, уже отдѣлившейся отъ тѣла“ [1]).

Однимъ словомъ: спиритизмъ есть волшебство, чародѣйство, говоря народнымъ языкомъ—колдовство. Его таинственные дѣятели — это бѣсы. Это ученіе есть модное антихристіанство, тѣмъ болѣе опасное, что оно выставляетъ себя якобы философски обоснованнымъ... Это замаскированная ложь, это, по выраженію одного изслѣдователя, трупъ, обильно украшенный ароматными красивыми цвѣтами мысли, поэзіи, искусства, покрытый вѣнками съ громкими словами: прогрессъ, разумность, справедливость и свобода“ [2]).

„Спиритизмъ отрицаетъ Божество Іисуса Христа, считаетъ Его за одного изъ высшихъ духовъ, взявшаго на Себя миссію открыть лю-

---

[1]) См. „Христіанская Апологетика“ Н. П. Рождественскаго.

[1]) Бесѣды къ Ант. народу о Лазарѣ, 11, 2. На Мате. 28, 2. 3.

[2]) „Вѣра и Разумъ“, 1910, № 20, стр. 169.

дямъ истину. Спиритизмъ отрицаетъ Божество и Духа Святаго, разумѣя подъ Нимъ понятіе собирательное въ смыслѣ указанія на духовъ высшихъ, открывающихъ человѣку истину и чрезъ это способствующихъ освященію человѣка... Спиритизмъ отрицаетъ догматъ искупленія человѣчества смертію Богочеловѣка, проповѣдуя самоискупленіе“ [1]). Въ самой сущности онъ стремится ниспровергнуть все хрістіанство. Можно ли послѣ сего допустить мысль, будто онъ замѣнилъ Христа такъ же, какъ Христосъ замѣнилъ Моисея? Мыслить такъ — дико, безсмысленно, богохульно.

Вотъ почему и отношеніе къ нему со стороны православной Церкви вполнѣ опредѣленное: это— мерзость предъ Господомъ и потому — страшный грѣхъ (Втор. 18, 10—12). Это — волшебство, колдовство, общеніе съ бѣсами. Церковь безусловно осуждаетъ эти занятія, какъ дѣло душепагубное, какъ область дѣятельности демоновъ. Это—не мнѣніе отдѣльныхъ лицъ: это постановленіе вселенскаго собора 6-го, правило 61. Слѣдовательно, это—выраженіе непреложной истины. Разница между волшебствомъ, чародѣйствомъ, колдовствомъ и спиритизмомъ не въ существѣ дѣла, а лишь въ постановкѣ: спиритизмъ въ современномъ смыслѣ есть лженаучное отношеніе къ явленію, извѣстному и раньше, во всѣ времена [1]).

IV.

Невѣроятность явленія душъ умершихъ на спиритическихъ сеансахъ.—Занятіе спиритизмомъ есть недовѣріе къ Божественному откровенію, измѣна вѣрѣ, богоотступничество.—Оно ведетъ къ помѣшательству и самоубійству. Хитрость сатаны.—Какъ искушать и обличать духовъ?—Разсказы гр. Д. Н. Толстого и гр. М. В. Толстого. Духъ-клеветникъ.—Разсказы А. С. Стурдзы и Д. В. П—ты. - Несчастный іеромонахъ.—„Сокрытое принадлежитъ Господу“. -Кто не слушаетъ Св. Писанія, тотъ не послушаетъ и воскресшаго изъ мертвыхъ.—Златое слово св. Златоуста.

Мы видѣли, что всякая попытка вызыванія умершихъ въ Ветхомъ Завѣтѣ подлежала смертной казни по опредѣленію Божію. Новый Завѣтъ не можетъ противорѣчить Ветхому и что запрещено въ Ветхомъ, то сугубо недопустимо въ Новомъ, который шире и глубже раскрываетъ основныя начала Божія откровенія. А что запрещено живымъ, то запрещено, конечно, и душамъ умершихъ. Никогда спириты не докажутъ, что имѣютъ дѣло съ душами умершихъ, а не съ кѣмъ-то другимъ. Если на ихъ сеансахъ являются въ самомъ дѣлѣ души разныхъ временъ и разныхъ народовъ, современники и участники великихъ событій: то почему они намъ не сообщили ни одного цѣннаго для науки историческаго извѣстія? А вѣдь казалось бы, чего проще: вмѣсто того, чтобы рыться въ архивахъ, копаться въ землѣ, безплодно спорить для выясненія какого-либо историческаго событія, вмѣсто всего этого вызвать духъ какого-либо авторитетнаго современника выясняемаго факта и спросить его: какъ дѣло было? „Но попробуйте, говоритъ одинъ изслѣдователь спиритизма, вызовите, и кромѣ тягучихъ логическихъ умозаключеній да всѣмъ извѣстныхъ свѣдѣній ничего новаго отъ него не узнаете. Ясно, что тутъ неправда, подлогъ“ [2]).

[1]) Тамъ же, стр. 157.

[1]) Тамъ же, стр. 174—175.

[2]) „Вѣра и Разумъ“, 1910, № 17, стр. 628.

Затѣмъ: и спириты признаютъ, что смерть не измѣняетъ нравственной личности человѣка, что любившіе насъ здѣсь на землѣ, не перестаютъ любить насъ и по смерти. Итакъ, если открыто средство для нихъ вступать съ нами въ общеніе, то судите, какое волненіе должно было бы произвести это открытіе среди обитателей загробнаго міра! Любящія существа, разлученные смертью, друзья, матери, оторванныя отъ дѣтей, мужья—отъ женъ, благодѣтели человѣчества — развѣ всѣ они не устремились бы воспользоваться симъ открытіемъ и вступить съ нами въ общеніе? И однако очень часто бываетъ, что сидятъ—сидятъ спириты за столомъ, призываютъ—призываютъ духовъ, а духи иногда и совсѣмъ не являются, а если и являются, и даже заявляютъ, что *могутъ говорить*, то или говорятъ крайне неохотно, или же вовсе не говорятъ... Почему? Если это—души нашихъ родныхъ, знакомыхъ, страстно нами любимыхъ людей, то этого быть бы не могло [1]).

Религіозное ученіе спиритизма, въ сопоставленіи съ христіанскимъ ученіемъ, какъ уже сказано выше, представляетъ самое опасное заблужденіе, болѣе ужасное, чѣмъ совершенное невѣріе. Это—дерзкое и страшное глумленіе надъ всѣмъ священнымъ и спасительнымъ, это ученіе богохульное и богопротивное. Оно—однихъ обольщаетъ якобы ревностію о благѣ людей, другихъ — будущею безнаказанностію за грѣхи, иныхъ — обѣщаніемъ высшихъ откровеній о загадочной области потусторонняго бытія, чѣмъ соблазнялись даже просвѣщенные умы. Такая доктрина заслуживаетъ не опроверженія, а осужденія [2]).

„Самое занятіе спиритизмомъ, говоритъ одинъ его изслѣдователь, при наличности Божественнаго откровенія, есть какъ бы недовѣріе къ этому высшему источнику знанія, есть вѣроломное нарушеніе обѣта вѣрности своей вѣрѣ и Церкви, есть отрасль волхвованія, а вмѣстѣ и нарушеніе первыхъ заповѣдей закона Божія, запрещающихъ служеніе инымъ богамъ. А общеніе съ падшими духами въ спиритическихъ сеансахъ, по слову Игнатія Епископа Кавказскаго, есть прямое отступленіе отъ Бога. Вызываніе духовъ святыхъ Божіихъ есть грубое и дерзкое кощунство надъ христіанствомъ. А стремленіе спиритовъ исправлять (якобы) и очищать христіанское ученіе ясно свидѣтельствуетъ, что они *осуетились умствованіями своими и называя себя мудрыми, обезумѣли* (Рим. 1, 21. 22). Надъ ними исполняется апостольское изреченіе: *пошлетъ имъ Богъ дѣйствіе заблужденія, такъ что они будутъ вѣрить лжи* (2 Сол. 2, 11). Вообще, невозможно въ одно и то же время быть вѣрнымъ христіаниномъ и заниматься спиритизмомъ. Сами спириты не скрываютъ того, что ихъ „духи“ могутъ побуждать людей къ преступленіямъ и мистифицировать тѣхъ, кто вызываетъ ихъ изъ пустого любопытства. Ясно, что сами же спириты предостерегаютъ своихъ послѣдователей отъ возможности получить сообщеніе отъ злыхъ духовъ, отъ демоновъ. Возможно ли признать такое откровеніе божественнымъ? Они говорятъ, что Богъ открываетъ имъ только сущность ученія, а обработка принадлежитъ уже людямъ—ихъ учителямъ: иной вѣдь такъ разработаетъ ученіе, что отъ божественнаго-то ничего и не останется. Затѣмъ, занятія спиритизмомъ, разстраивая нервную си-

[1]) Тамъ же, стр. 629.

[2]) М. О. Вержболовичъ: „Спиритизмъ предъ судомъ науки и христіанства“.

стему, изнуряютъ здоровье, ведутъ къ помѣшательству и самоубійствамъ. [1]) Ясно, что есть пути къ знанію, на которыхъ лежитъ свыше запретъ, а тѣмъ дерзновеннымъ, которые пытаются поднять таинственную завѣсу, грозитъ умопомраченіе, болѣзни и смерть" [2]). И по дѣломъ: не измѣняйте Христу Спасителю, не идите за Его и вашимъ врагомъ—діаволомъ. Св. Отцы, изучившіе всѣ козни діавола такъ, какъ никогда не придется изучить ихъ современнымъ мудрецамъ, говорятъ, что врагъ никогда не предлагаетъ человѣку прямо согрѣшить, ибо знаетъ, что тотъ не пойдетъ на это,—а сначала увлекаетъ якобы невинными мыслями, предлагаетъ то, отъ чего не откажется грѣшный человѣкъ, даже доброе, лишь бы только усыпить неопытнаго, а потомъ, когда тотъ довѣрится ему, дѣлаетъ изъ него что хочетъ, и притомъ нагло смѣется надъ нимъ. Такъ поступаетъ онъ и въ спиритизмѣ. Спириты никогда не соблазнятъ и не смутятъ истинно вѣрующую душу тѣмъ, что будто бы въ ихъ ученіи проповѣдуется *любовь*. Ахъ, какъ много, особенно въ наше время, проповѣдниковъ любви, которые хотятъ привлечь въ свои сѣти простецовъ вѣры, чтобы потомъ напоить ихъ ядомъ ненависти къ Церкви и ея Богомъ поставленнымъ пастырямъ! Если когда было благопотребно напомнить слово Апостола: *искушайте духи, аще отъ Бога суть*, то именно въ наше время, а *какъ* искушать духовъ, учитъ тотъ же Апостолъ, Христу Богу возлюбленный: *всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога есть, и всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога нѣсть, сей есть антихристовъ* (1 Іоан. 4, 1—3). Вотъ православные русскіе люди, которымъ встрѣчались любители спиритическихъ опытовъ, такъ и поступали: покойный графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, напримѣръ, самъ разсказывалъ пишущему эти строки, что въ бытность его губернаторомъ въ Калугѣ была особая мода заниматься спиритизмомъ или стологаданіемъ: разъ ему предложили участники этого занятія задать мысленно какой-нибудь вопросъ гадателю. Слѣдуя наставленію св. Апостола Іоанна Богослова, графъ задумалъ вопросъ: былъ ли Христосъ Спаситель Истинный Богъ или только Человѣкъ? Если, разсуждалъ графъ, духъ не исповѣдуетъ Іисуса Христа воплотившимся Богомъ, то сей духъ не отъ Бога, а если не отъ Бога, то отъ врага Божія. „Долго ходилъ карандашъ въ рукѣ медіума, разсказывалъ графъ,—много начертилъ онъ кривыхъ линій, пока наконецъ упалъ изъ руки медіума. Стали тщательно разбирать, что написано, но никто ничего не могъ прочитать: были все какія-то каракули. Наконецъ, говорилъ графъ, подошелъ я и издали, и чрезъ нѣсколько человѣкъ, окружавшихъ столъ, сталъ всматриваться въ то,

---

[1]) Извѣстный знатокъ спиритизма, В. П. Быковъ, самъ бывшій спиритъ, свидѣтельствуетъ, что ему извѣстно множество случаевъ самоубійства медіумовъ. Извѣстно также, что самые знаменитые медіумы были самыми несчастными людьми. Юмъ былъ всю жизнь страдальцемъ тѣлесно; жертвою внушенія „духовъ." Форстеръ былъ распутнѣйшимъ пьяницей и кончилъ жизнь въ сумасшедшемъ домѣ. Слэдъ грѣшилъ всѣми пороками Содома и Гоморры и всю жизнь былъ эпилептикомъ. Кэтъ Фоксъ спилась съ кругу въ Лондонѣ и до того безобразничала, что ее спириты силой отправили въ Америку. См. Кудрявцевъ: „Что такое теософія?" стр. 92.

[2]) М. О. Вержболовичъ, тамъ же.

что написано было на листѣ. Сначала я не понялъ ничего, потомъ вдругъ меня какъ бы осѣнила какая-то мысль: я сталъ читать не самыя черты, сдѣланныя карандашомъ, а бѣлые промежутки между этими чертами, и что же я прочиталъ?—„Если мнѣ не вѣришь, зачѣмъ меня спрашиваешь?“... И больше ничего. Я былъ пораженъ адскою хитростью отвѣта. Съ того дня я не позволялъ уже ни подъ какимъ видомъ заниматься стологаданіемъ въ своемъ домѣ“, заключилъ графъ. Вотъ какъ настоящій православный вѣрующій „испытываетъ духовъ“, когда есть необходимость такого испытанія. [1]) Подобный же опытъ сдѣлалъ и другой графъ, Михаилъ Владиміровичъ Толстой, какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ въ „Душеполезномъ Чтеніи“ 1883 г.: „основываясь на словахъ Апостола Іоанна Богослова, я просилъ вступившихъ въ общеніе съ духомъ спросить его: исповѣдуетъ ли онъ Сына Божія во плоти пришедшаго? Этотъ вопросъ остался безъ отвѣта, а когда повторили его, то тяжелый орѣховый столъ съ трескомъ двинулся почти на аршинъ впередъ“... Замѣчательно, что такіе люди, безъ всякаго колебанія совершенно прямолинейно разсуждаютъ, что если происходитъ явленіе чудеснаго характера, обнаруживающее присутствіе и дѣйствіе духовной разумной силы, то непремѣнно одно изъ двухъ: или тутъ дѣйствуетъ сила добрая, ангельская, лучше сказать—Божія, или же Божіимъ попущеніемъ дѣйствуетъ сила вражья, діавольская. Именно діавольская, съ діавольскою же и цѣлію, напримѣръ, чтобы внести путемъ лжи и клеветы вражду. Вотъ что разсказываетъ тотъ же гр. М. В. Толстой.

„Однажды мы сидѣли въ домѣ тещи моей, княгини Волконской. Наканунѣ она, съ младшей дочерью, тогда еще дѣвицей, была гдѣ-то на балѣ. Стали искать брилліантовыхъ серегъ, которыя наканунѣ надѣвала молодая княжна, но нигдѣ не могли найти ихъ. Намъ предложили, въ видѣ шутки, погадать объ нихъ на тарелкѣ. Вышелъ слѣдующій довольно длинный рядъ вопросовъ и отвѣтовъ.

Вопросъ. Куда дѣвались серьги?

Отвѣтъ. Украдены.

Вопросъ. Кто укралъ?

Отвѣтъ. Дуняша.

Нужно замѣтить, что въ числѣ прислуги было нѣсколько женщинъ съ именемъ Авдотьи; одну изъ нихъ, няню дѣтей нѣкіихъ Грязевыхъ, всегда звали по отчеству Савельевной и почти не помнили имени, даннаго ей при крещеніи. Мы продолжали опытъ.

Вопросъ. Какая Дуняша?

Отвѣтъ. Савельевна.

Вопросъ. Куда спрятала?

Отвѣтъ. Отдала племяннику.

Всѣ знали старуху няню за честную женщину, но изъ любопытства справились и узнали, что часа за два предъ тѣмъ приходилъ къ ней мальчикъ, племянникъ, пробылъ недолго и ушелъ въ большомъ смущеніи. Невольно возбудилось подозрѣніе противъ Савельевны. Между тѣмъ воротилась домой уѣзжавшая на цѣлый день старшая сестра жены моей, А. П. Грязева.

— О чемъ вы тутъ хлопочете? Чего ищете? спросила она.

Мы разсказали ей исторію о серьгахъ.

— Онѣ у меня въ шкатулкѣ, сказала она, засмѣявшись.—Я увидала

---

[1]) О семъ способѣ испытанія будетъ сказано ниже, такъ какъ и спириты употребляютъ его въ качествѣ контролирующаго духовъ средства, не безъ должной вѣры, какъ формулу для своего ритуала.

ихъ по утру на столѣ и нарочно заперла, чтобы не пропали.

Дѣйствительно, серьги оказались въ шкатулкѣ. Мы всѣ были поражены искусно сплетенною клеветой, въ которой не забытъ и мальчикъ, поспѣшившій уйти отъ строгаго выговора тетки за какую-то шалость. Съ того дня такая забава намъ опротивѣла и мы ее бросили.

Извѣстный въ свое время А. С. Стурдза, жившій въ 50-хъ годахъ въ Одессѣ, въ своемъ письмѣ къ одной высокопоставленной особѣ писалъ вотъ что: „разъ на сеансѣ онъ предложилъ духу, съ которымъ корреспондировалъ, три вопроса, написанныхъ на бумажкѣ, потребовавъ отвѣта именемъ Христа: 1) Вѣруешь ли ты въ Іисуса Христа? 2) Боишься ли Его? и 3) Любишь ли Его? Отвѣты были такіе: на первый вопросъ: „Вѣрую“, на второй—„трепещу“ [1]), и на третій: „не люблю“.—Кто же ты?—„Сатана“, былъ отвѣтъ. Письмо это читалъ Д. В. П—та, занимавшійся тогда еще спиритизмомъ, и пожелалъ самъ повторить опытъ Стурдзы. На одномъ изъ ближайшихъ сеансовъ онъ положилъ на столъ передъ медіумомъ свернутую въ трубочку бумажку съ тѣми же тремя вопросами. Руку медіума стала коробить какая-то сила, какъ бы стараясь сбросить досадливую бумажку. „Держите крѣпче руку!“ вскричалъ П—та. Тогда духъ сталъ выражать жалобы на листѣ, лежавшемъ предъ медіумомъ: „какой ты жестокій! Зачѣмъ меня мучаешь? Возьми бумажку прочь!“ Когда бумажка взята была прочь, духъ сталъ выражать свое удовольствіе: „какъ мнѣ теперь легко! какъ хорошо!“ Затѣмъ бумажка была опять положена и прежнія жалобы возобновились. П—та потребовалъ теперь отвѣта на свои вопросы. Отвѣты были даны тѣ же, какъ и Стурдзѣ: „вѣрую“, „трепещу“, „не люблю“. Спрашиваютъ: кто ты? Отвѣтъ: „сатана“ и при этомъ прибавлено (разговоръ былъ на французскомъ языкѣ): „я всегда близъ васъ, я хотѣлъ бы побѣдить васъ, но есть НѢКТО, защищающій васъ“. Слово НѢКТО написано было очень крупными буквами.

На другой день П—та, имѣвшій спиритическіе сеансы въ своемъ кабинетѣ, рѣшился бросить заниматься спиритизмомъ, пригласилъ въ свой домъ священника; отслуженъ былъ молебенъ съ водосвятіемъ; комнаты, въ томъ числѣ и кабинетъ, окроплены были святою водою. Нѣсколько часовъ спустя, П—та, войдя въ свой кабинетъ, увидѣлъ круглый столъ, за которымъ обыкновенно происходили у него спиритическіе сеансы, весь смятымъ, скомканнымъ, исковерканнымъ (можно предположить, что на столъ тоже упало нѣсколько капель святой воды). Разсказъ этотъ слышалъ я (въ 1886 г.) изъ устъ самого дѣйствующаго лица и тогда же записалъ буквально [1]).

Достойно замѣчанія, что чѣмъ ближе вѣрующій въ Бога человѣкъ стоитъ къ Церкви, тѣмъ опаснѣе и гибельнѣе для него занятіе спиритизмомъ. Какъ будто діаволъ, овладѣвъ волею такого человѣка, мститъ ему за эту близость, издѣваясь надъ нимъ. Былъ у насъ въ Сергіевой лаврѣ іеромонахъ П. изъ священниковъ, сильно тосковавшій по временамъ по своей покойной женѣ. Назначенный въ Петербургъ на чреду служенія на митрополичьемъ подворьѣ, онъ здѣсь познакомился

[1]) См. Іак. 2, 19: *и бѣсы вѣруютъ и трепещутъ.*

[1]) См. „Духовный Міръ“, прот. Г. Дьяченко, стр. 322.

съ спиритами, которые предложили ему вызвать ему покойную его жену на свиданіе. Нѣкоторые, болѣе благоразумные изъ нихъ же, удерживали его отъ этого опыта, говоря, что для духовныхъ лицъ это особенно опасно, но покойный о. П. не послушалъ ихъ и дѣйствительно: онъ увидѣлъ свою жену... Но вслѣдъ затѣмъ онъ совершенно утратилъ свою волю и предался пьянству, вслѣдствіе котораго и скончался прежде времени [1])...

„Сокрытое принадлежитъ Господу Богу нашему, говоритъ Священное Писаніе: а открытое намъ и сынамъ нашимъ до вѣка“ (Второзак. 29, 29). Всякое посягательство наше на сокрытое, всякая попытка пріоткрыть завѣсу, которая точно и опредѣленно отдѣляетъ отъ насъ то, что Господу угодно было закрыть отъ насъ, и крайне грѣшно, и безумно, и крайне опасно. Грѣшно, ибо это будетъ дерзновенная попытка похитить у Господа Бога вѣдѣніе того, что Ему было угодно до времени сокрыть отъ насъ для нашего же блага; безумно, ибо возможно ли, мыслимо ли вопреки волѣ Божіей открыть сокрытое Богомъ? Опасно: ибо тамъ, гдѣ человѣкъ выходитъ изъ повиновенія Богу, его подстерегаетъ врагъ— діаволъ и готовитъ ему свои сѣти. Наконецъ, вѣдь, давно сказано Господомъ объ упорныхъ грѣшникахъ: *аще Моисея и пророковъ не послушаютъ, аще кто и отъ мертвыхъ воскреснетъ—не имутъ вѣры.* Замѣтьте: не имутъ вѣры не только какимъ-то духамъ или душамъ незримо говорящимъ чрезъ блюдечки и карандаши, но даже живымъ людямъ, если бы они встали изъ гробовъ своихъ: таково свойство грѣшнаго сердца человѣческаго, когда оно, поработившись грѣху, ослѣпнетъ и упорствуетъ противъ истины Божіей. Святый Златоустъ говоритъ: „Истину того, что неслушающій Писанія не послушаетъ и воскресшихъ изъ мертвыхъ, доказали іудеи: такъ какъ они не послушали Моисея и пророковъ, то не увѣровали и тогда, когда видѣли мертвыхъ воскресшими, но то искали убить Лазаря, то нападали на Апостоловъ, хотя и многіе востали изъ мертвыхъ во время креста. Чтобы тебѣ убѣдиться въ томъ, что ученіе пророковъ болѣе заслуживаетъ вѣры, нежели разсказъ умершихъ, обрати вниманіе на то, что каждый изъ умершихъ есть рабъ, а то, о чемъ говоритъ Писаніе, изрекъ Владыка. Поэтому, хотя бы мертвый воскресъ, хотя бы ангелъ сошелъ съ неба, болѣе всего должны вѣрить Писанію, ибо его далъ въ законъ Владыка Ангеловъ и Господь мертвыхъ и живыхъ. Желающіе, чтобы мертвые приходили оттуда, требуютъ излишняго... Не будемъ желать, услышать отъ мертвыхъ то, чему каждодневно учитъ насъ Писаніе. Если бы Богъ зналъ, что воскресшіе изъ мертвыхъ могутъ принести пользу живымъ, то Онъ, устрояющій все на пользу нашу, не оставилъ бы и не опустилъ бы столь полезной вещи. Притомъ если бы мертвые постоянно воскресали (или, скажемъ отъ себя, что въ сущности то же, постоянно имѣли съ нами общеніе чрезъ медіумовъ) и извѣщали насъ обо всемъ тамошнемъ, то и это опять, съ теченіемъ времени, было бы пренебрежено. Кромѣ того, и діаволъ весьма удобно ввелъ бы нечестивые догматы: онъ часто могъ бы или показывать призраки, или, показывая нѣкоторыхъ притворно умер-

[1]) Прочтите также разсказъ С. А. Моваенковой въ статьѣ С. А. Нилуса: „На берегу Божьей рѣки“. См. Троицк. Слово № 245 и 246.

шихъ и погребенныхъ опять какъ бы возставшими изъ мертвыхъ, чрезъ нихъ увѣрять обольщаемыхъ во всемъ, въ чемъ бы ни захотѣлъ. Если нынѣ, когда нѣтъ ничего такого, нерѣдко вводятъ въ обманъ и обольщаютъ многихъ ночные призраки, представляющіеся въ образѣ умершихъ, тѣмъ болѣе, если бы это было на самомъ дѣлѣ и если бы въ людяхъ утвердилась мысль, что многіе изъ умершихъ опять приходятъ сюда, злой демонъ устроилъ бы безчисленныя козни и ввелъ бы въ нашу жизнь великій обманъ. Поэтому Богъ заключилъ двери вѣчности и не позволяетъ никому изъ отшедшихъ приходить сюда и разсказывать о тамошнемъ, дабы демонъ, воспользовавшись этимъ, не ввелъ чего отъ себя. Если бы это случилось, онъ подъ это старался бы поддѣлаться чрезъ свои орудія, не на самомъ дѣлѣ воскрешая мертвыхъ, но обольщая зрителей какими-нибудь призраками и обманами, или, какъ я уже сказалъ, представляя нѣкоторыхъ какъ бы умершими и такимъ образомъ все поворотилъ бы вверхъ дномъ и привелъ въ безпорядокъ. Но Богъ, предвидя все это, преградилъ ему путь къ такимъ кознямъ и, щадя насъ, не дозволилъ, чтобы кто-либо приходилъ оттуда и разсказывалъ живущимъ о тамошнемъ, научая насъ вѣровать болѣе всего божественному Писанію".

Эти слова великаго святителя, полторы тысячи лѣтъ тому назадъ написанныя, какъ будто писаны для нашего времени: такъ поразительно примѣнимы они къ спиритамъ. Совѣтуемъ, въ дополненіе къ нимъ прочитать одно изъ словъ почти современнаго намъ нашего русскаго златоуста, Иннокентія Архіепископа Херсонскаго, сказанное имъ при служеніи на кладбищѣ [1]).

V.

Изъ записокъ г. Рускова: отвѣты духа лжи; мудрость простеца-христіанина, изобличившаго духа лжи; когда у духа „отнята сила", онъ боится молитвы св. кресту; допросъ духа съ заклинаніемъ именемъ Божіимъ.—Мое доброе слово спиритамъ.

Въ заключеніе разсказовъ о спиритахъ и спиритическихъ невидимыхъ дѣятеляхъ, приведу выписки изъ записокъ простаго русскаго человѣка, увлеченнаго въ спиритизмъ и потомъ покаявшагося, г. Рускова. Записки эти мною были напечатаны еще въ 1885 году въ духовномъ журналѣ „Странникъ". Онъ разсказываетъ, что въ его присутствіи и при его участіи въ сеансѣ одной его знакомой, которая, кстати сказать, вовсе не считала себя и медіумомъ, столъ отвѣчалъ на всѣ вопросы стуками, отвѣчалъ вѣрно, точно, сколько кому лѣтъ, что стоитъ та или другая вещь, и т. п.,— ходилъ по комнатѣ, взлѣзалъ на диванъ, на стулья, на столъ, даже возилъ по комнатѣ, въ ящикѣ безъ колесъ, восьмимѣсячную дочь разсказчика, причемъ ящикъ съ ребенкомъ привязывали къ ножкѣ стола веревочкой. „Всѣ эти явленія, приводили насъ, говоритъ г. Русковъ, въ рѣшительное недоумѣніе: чему приписать ихъ? Недоумѣнія эти скоро разсѣялись. Изъ одной петербургской газеты мы узнали, что непонятныя для насъ явленія называются спиритическими и производятся они не электричествомъ

[1]) Есть напечатанное отдѣльнымъ „Троицкимъ Листкомъ" № 346, подъ заглавіемъ: „Почему умершіе не приходятъ для свиданія съ живыми?".

или магнетизмомъ, но душами умершихъ, которыя сообщаются съ живыми посредствомъ стола". Послѣ этого авторъ сталъ усерднѣе заниматься этими явленіями, приспособилъ азбучный алфавитъ и сталъ вести съ духами самые разнообразные разговоры, предъ началомъ коихъ всегда спрашивалъ: кто будетъ съ нимъ говорить? Большею частію получались отвѣты, что говорятъ души его умершихъ дѣтей и родственниковъ. Замѣчательно, что въ этихъ отвѣтахъ звучатъ тѣ же самыя ноты, какъ и въ сообщеніяхъ духовъ, о коихъ говоритъ Вагнеръ.— „Я прошу васъ, говоритъ, напримѣръ, духъ ребенка: ради Христа, чтобы вы любили другъ друга",— „Будьте добры, милостивы и любите другъ друга", говоритъ другой ребенокъ. Но какъ только вопросы касались не такихъ общихъ понятій, какъ только была опасность для отвѣчающаго духа обличить себя самого, то онъ молчалъ или отвѣчалъ уклончиво, двусмысленно. На вопросъ: что тому будетъ, кто добръ и милосердъ? онъ еще отвѣчаетъ: „того ожидаетъ рай Христа".— А кто этого неисполняетъ?—на этотъ вопросъ уже молчитъ. На вопросъ: въ чемъ ты одѣта? отвѣчаетъ: „мы безтѣлесны", а на вопросъ: когда мы поминаемъ васъ въ церкви, что вамъ бываетъ? отвѣчаетъ: „Христосъ не велѣлъ объ этомъ говорить"... уже въ этомъ отвѣтѣ слышится противорѣчіе ученію Церкви, противорѣчіе ученію о любви христіанской. Церковь ясно учитъ, что великая бываетъ польза отъ поминовенія умершихъ, и скрывать этого нѣтъ надобности, а Христосъ Спаситель, конечно, желаетъ, чтобы мы молились за усопшихъ, поминали бы ихъ, и Ему нѣтъ причинъ скрывать отъ насъ пользы такого поминовенія. Для кого желательно скрыть эту пользу—понятно... Но собесѣдникъ изъ загробнаго міра изобличилъ себя тѣмъ, что забылъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Имѣй онъ дѣло съ какимъ-либо интеллигентомъ вродѣ г. Вагнера, онъ могъ бы безопасно продолжать свои обманы: ученому мужу не пришло бы въ голову, а если бы и пришло, то онъ счелъ бы это суевѣріемъ и устыдился бы того, чего не устыдился, а счелъ своимъ христіанскимъ долгомъ сдѣлать простой русскій человѣкъ, какъ только явилось у него сомнѣніе въ дѣйствительности сообщеній со стороны умершихъ. А явилось оно такъ: въ Великій Четвертокъ на Страстной недѣлѣ 1883 г. приходитъ къ нему его знакомый и говоритъ, что онъ сдѣлалъ открытіе: стоитъ только взять въ руки карандашъ и онъ будетъ писать на вопросы всѣ отвѣты. И тутъ же сталъ писать подъ вліяніемъ „духа".

— Мнѣ, говоритъ г. Русковъ, показалось это обыкновеннымъ писаніемъ, а не то, чтобы происходившимъ подъ вліяніемъ посторонней, невидимой силы. Поэтому я просилъ М. И. дать мнѣ отвѣтъ посредствомъ карандаша: могу ли я писать такъ же?

На этотъ вопросъ карандашъ, бывшій въ рукѣ М. И. написалъ: „ему (то-есть мнѣ) нельзя: онъ принималъ сегодня св. Тайны, а чрезъ три дня можно будетъ".

Никто изъ насъ въ то время не обратилъ вниманія на то, почему принятыя мною св. Тайны могли служить препятствіемъ „душамъ умершихъ" для сношенія съ нами?

Прошло три дня. На первый день Пасхи, послѣ обѣда, я взялъ карандашъ и бумагу и сѣлъ къ столу, чтобы испытать: будетъ ли и у меня писать карандашъ самъ?— Не прошло и пяти минутъ, какъ я

почувствовалъ, что указательный палецъ правой руки какъ будто слегка нажимается на карандашъ, который и началъ писать... Съ изумленіемъ смотрѣлъ я на пишущій карандашъ и думалъ: да неужели онъ пишетъ самъ, безъ участія моей воли? Убѣждаюсь, что карандашъ дѣйствительно пишетъ самъ!

А написалъ онъ тогда вотъ что: „родные тебя скоро оставятъ, я буду твоимъ постояннымъ собесѣдникомъ, каждый вечеръ буду писать и говорить, а теперь оставь".

— Я спросилъ мысленно: кто ты такой?

Карандашъ написалъ: „оставь, теперь ничего не скажу".

На другой день карандашъ писалъ отъ имени моего знакомаго, но не обнаружилъ желанія писать много.

Дня черезъ три г. Рускова просили спросить о чемъ-то духа: онъ взялъ карандашъ, который написалъ: „послѣ отданія Пасхи я буду писать и говорить съ тобою, а теперь у меня отнята сила".

Я спросилъ, разсказываетъ г. Русковъ, „почему же на первый день Пасхи писалъ, а теперь нельзя?"

— „*Тотъ одинокъ*, я не знаю, какъ онъ осмѣлился писать", отвѣтилъ мнѣ карандашъ.

Я опять спросилъ: напиши, кто отнялъ у тебя силу и кто ты такой?

На это карандашъ отвѣтилъ: „ты требуешь невозможнаго и потому и не стоишь довѣрія".

— Ты написалъ „*тотъ одинокъ*". Кто такой одинокъ?

— Отстань, написалъ карандашъ.

Я опять повторилъ вопросъ, на который карандашъ опять написалъ: „не напишу".

Тутъ только мнѣ пришла мысль, что такое значитъ написанное карандашомъ: „*послѣ отданія Пасхи... Теперь отнята сила*"?.. А ранѣе писалъ, что я не могу получать отвѣты по случаю принятія св. Таинъ?.. Тутъ что-то нечисто, подумалъ я: нужно еще испытать.

Придя домой, я тотчасъ взялъ бумагу и карандашъ и сѣлъ къ столу. Одной минуты не прошло, какъ карандашъ началъ писать: „ты опять пристаешь, прошу теб...".

Карандашъ вдругъ остановился, потому что въ это время я началъ мысленно читать молитву: *Да воскреснетъ Богъ*. Переставъ читать молитву, я спросилъ: „что же ты остановился?"

Карандашъ началъ было писать: „я писалъ тебѣ, что б...", но опять остановился, я опять началъ читать ту же молитву.

— Что же ты не пишешь? спросилъ я,—или боишься молитвы? Отвѣта не послѣдовало...

— Напиши, кто ты такой? Если ты боишься молитвы, то значитъ ты никто другой, какъ тотъ, кто искушалъ Бога въ пустынѣ?

И на этотъ вопросъ отвѣта не не было. Тогда я сказалъ: „именемъ Бога всемогущаго требую написать: кто ты?"

Карандашъ началъ тихо наклоняться къ бумагѣ и медленно написалъ: „да, я тотъ, кто искушалъ Бога въ пустынѣ".

Это неожиданное открытіе меня такъ поразило, что я вскочилъ изъза стола и бросилъ карандашъ.

Жена спросила: „что такое случилось?"

Я сказалъ ей, кто намъ писалъ карандашомъ, который опять тутъ же взялъ и требовалъ написать: „кто именно производилъ стуки въ столѣ, приводилъ его въ движеніе и отвѣчалъ на вопросы?"

Карандашъ написалъ: „я, злой духъ".

— Я требую, сказалъ я, чтобы ты оставилъ насъ. Съ этого времен

мы оставляемъ занятіе со столомъ и карандашомъ".

Карандашъ медленно и какъ бы удаляясь, написалъ: „не приду..."

Первую букву большую, вторую меньше и т. д.; послѣдняя буква „у" была написана очень маленькою."

Любопытенъ разсказъ г. Рускова о томъ, какъ онъ пришолъ сообщить своему знакомому М. И. о своемъ открытіи. Онъ засталъ его за столомъ съ карандашомъ въ рукахъ. „Послѣ того, какъ я разсказалъ ему, что было",—пишетъ г. Русковъ, „карандашъ въ его рукахъ немедленно написалъ: „а ты не вѣрь Петру Евлампіевичу, что онъ тебѣ говоритъ".

— „Кто искушалъ Бога въ пустынѣ?" спросилъ М. И.

Карандашъ написалъ: „возьми Евангеліе да прочитай".

— Мы знаемъ, что сказано въ Евангеліи, а ты самъ напиши.

— Дьяволъ, написалъ карандашъ.

— Ты знаешь молитву: *Да воскреснетъ Богъ*?"

— Знаю.

— Напиши.

Карандашъ сталъ писать, но вмѣсто словъ: тако да погибнутъ бѣси отъ лица Божія, написалъ: тако да погибнутъ *грѣшницы* отъ лица Божія".

Наконецъ, чтобы разъ навсегда покончить съ незримымъ корреспондентомъ, г. Русковъ предложилъ ему рядъ вопросовъ съ заклинаніемъ: „Во имя Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа требую: напиши, кто именно писалъ мнѣ: буду твоимъ постояннымъ собесѣдникомъ?"

— Я, злой духъ.

— Ты писалъ: „родные скоро тебя оставятъ", разъясни эти слова.

— Люди о разныхъ отвѣтахъ прибѣгаютъ къ тому, чтобы прибѣгать къ дьяволу и просить его свѣдѣній. Кончилъ!

— Нѣтъ, не кончилъ: напиши на вопросъ.

— Послѣ.

— Не послѣ, а теперь напиши.

— Кончилъ.

— Не кончилъ, а пиши на мой вопросъ.

— Прошу, пусти.

— Я тебя не держу. Отвѣчай, для чего ты такъ писалъ?

— Для того, чтобы скорѣе погубить.

— О какихъ родныхъ ты писалъ?

— О какихъ—мнѣ неизвѣстно.

— Если ты писалъ, значитъ тебѣ извѣстно?

— Я прошу, пусти.

— Ты, что сейчасъ пишешь, дьяволъ?

— Дьяволъ.

— Когда мы дѣлали вопросы столу, кто давалъ отвѣты?

— Опять пристаешь?

— Не отстану, пока не напишешь.

— Чортъ.

— Значитъ, ты ложно назывался именами моихъ дѣтей и знакомыхъ?

— Оставь.

— Не оставлю, пока не напишешь.

— Ложно.

— Для чего ты это дѣлалъ?

— Гордость моя погубила меня и я хотѣлъ, чтобы и васъ погубить, а потому оставь меня одного.

— Значитъ, ты увлекалъ для того, чтобы мы во всѣхъ случаяхъ обращались къ тебѣ чрезъ посредство стола и карандаша, а не къ Богу, создавшему насъ и весь міръ?

— Да.

— Вѣрно?

— Вѣрно.

— Кто производитъ разныя явленія на землѣ, которыя нѣкоторые

люди называютъ спиритическими, какъ-то: поднятіе столовъ, явленіе рукъ, тѣней и пр.?

Карандашъ начертилъ такую фигуру:

— Требую не рисованія, а написать отвѣтъ на вопросъ!

— Послѣ объясню.

— Не послѣ, а теперь же!

— Послѣ.

— Теперь же пиши!

— Послѣ объясню.

— Пиши сейчасъ!

— Отстань.

— Не отстану, пока не напишешь.

— Не напишу.

— Не самъ я, но именемъ Господа Бога требую: ты долженъ написать.

— Дьяволъ.

— Для чего производишь эти явленія?

— Для искушенія людей и простираю свои дѣла на весь міръ для того, чтобъ... Отпусти!

— Напиши же, для чего?

— Для погубленія рода человѣческаго.

— Значитъ, всѣ спиритическія явленія производитъ дьяволъ?

— Да.

Такъ простой русскій человѣкъ (г. Русковъ не изъ ученыхъ людей, которымъ не приходитъ на умъ, приступая къ опытамъ спиритическимъ, оградить себя крестнымъ знаменіемъ и прочитать молитву *Да воскреснетъ Богъ*) изобличилъ того, кто производитъ спиритическія явленія.

Предлагаемъ защитникамъ спиритизма личнымъ опытомъ провѣрить то, что сдѣлалъ этотъ неученый человѣкъ, провѣрить съ вѣрой не въ силу самой вѣры, какъ какой-то силы духовной, понимаемой не похрістіански, а скорѣе—метафизически или просто—психологически; (они говорятъ, что вѣра есть сама по себѣ сила, а мы говоримъ, что вѣра есть смиреніе ума человѣческаго предъ Божіимъ всевѣдѣніемъ и премудростью; а это не есть сила, а только *условіе* со стороны самого человѣка къ проявленію *силы Божіей*), а съ вѣрой въ Бога, въ Его безконечную благость и всемогущество, Его премудрость и святость, и тогда они сами увидятъ, что всѣ эти „медіумическія явленія“, если въ нихъ нѣтъ простаго человѣческаго обмана, что доказано не разъ, суть только обманъ злаго духа, дьявола, исконнаго врага рода человѣческаго. Вмѣсто того, чтобы прятаться и отдѣлываться полусловами, полунамеками, пусть гг. спириты прямо, безъ околичностей, откроютъ всему міру: вѣруютъ ли они въ Іисуса Христа, яко воплощеннаго Бога? Согласны ли они признать авторитетъ Церкви, которую создалъ Христосъ и повелѣлъ ей повиноваться подъ угрозою отлученія? Принимаютъ ли они слово Божіе *такъ* и въ томъ смыслѣ, какъ его содержитъ Церковь Христова?—Тогда и имъ виднѣе будетъ, что скажетъ имъ на это сама Церковь, сей столпъ и утвержденіе истины Христовой на землѣ, и сами увидятъ, имѣютъ ли они право при нападкахъ на нихъ со стороны матеріалистовъ становиться какъ бы подъ защиту церковнаго ученія. Вѣдь вотъ что особенно удивительно: на то, что я сейчасъ говорю, напримѣръ, они съ высокомѣріемъ отвѣтятъ: „какое мракобѣсіе! какая

нетерпимость, узость взглядовъ, односторонность, невѣжество! Ужъ слишкомъ просто все по вашему объясняется: бѣсовщина и конецъ! Мы вамъ выставляемъ на видъ „опыты многихъ лѣтъ“, факты, а вы твердите одно: бѣсовщина и только! Это не научно, это не заслуживаетъ даже опроверженія — извѣстное міровоззрѣніе!“ и т. п. Такъ, можетъ быть, будутъ намъ отвѣчать, если только „удостоятъ“ отвѣта. А сами сознаются, что „въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ началѣ развитія, явленія спиритизма носятъ безсмысленный, дѣтскій характеръ“, что „интеллигентный, этическій (!) характеръ этихъ явленій можно подмѣтить въ томъ, что „контроль“ Евзапіи—Джонъ Кингъ въ ея сеансахъ всегда вѣжливо обходится съ людьми вѣрующими (т. е. съ спиритами) и грубо съ скептиками: я былъ свидѣтелемъ, говоритъ г. Вагнеръ, какъ онъ (контроль) щипалъ, толкалъ и билъ такихъ скептиковъ, — на одномъ изъ сеансовъ онъ надѣлъ на головы двумъ изъ нихъ легкіе плетеные стулья“: хорошіе признаки „этики“ духовъ! И это говорится серьезно, какъ подобаетъ ученому! А вотъ ему приводятъ не менѣе серьезные факты изъ той же области спиритическихъ явленій, и онъ будетъ ихъ отрицать, или просто замолчитъ, потому-де, что „меня тамъ не было, они научно не провѣрены!“... Но вѣдь вамъ никто не мѣшаетъ повторить всѣ эти опыты самимъ: оградите себя крестнымъ знаменіемъ, помолитесь поусерднѣе Господу Богу, чтобы Онъ избавилъ васъ отъ искушенія вражьяго, открылъ бы вамъ путь къ познанію истины, и, приступая къ бесѣдѣ съ „духами“, прочтите молитву *Да воскреснетъ Богъ*. Если нужно будетъ во имя истины, не ради „научной“ истины, а ради спасенія вашихъ душъ, можете съ благоговѣніемъ произнести и то заклинаніе, какое произносилъ г. Русковъ. Кто вамъ мѣшаетъ, гг. спириты? Развѣ только гордость и ложный стыдъ? Но во имя истины надо и то и другое отринуть съ мужествомъ, подобающимъ христіанину и даже просто всякому уважающему себя человѣку. Истина одна: если не стыдитесь научно изслѣдовать „безсмысленныя явленія“, то почему не употребить средство, заповѣданное Апостоломъ? Ужели исполнить совѣтъ Апостола для васъ стыдно? Тогда какіе же вы христіане? Только помните, при этомъ, что имя Господа Іисуса Христа надобно произносить съ вѣрою и смиреніемъ: иначе и съ вами можетъ случиться то же, что случилось съ сыновьями одного первосвященника іудейскаго, которые дерзнули призывать имя Господа безъ вѣры въ Его Божество. Евангелистъ-дѣеписатель Лука повѣствуетъ, что во время пребыванія Апостола Павла въ Коринѳѣ эти заклинатели стали употреблять надъ имѣющими злыхъ духовъ имя Господа Іисуса, говоря: *заклинаемъ васъ Іисусомъ, Котораго Павелъ проповѣдуетъ. Но злой духъ сказалъ въ отвѣтъ: Іисуса знаю, и Павелъ мнѣ извѣстенъ, а вы—кто? И бросился на нихъ человѣкъ, въ которомъ былъ злой духъ, и одолѣвъ ихъ, взялъ надъ ними такую силу, что они, нагіе и избитые, выбѣжали изъ того дома* (Дѣян. 19, 13—16)...

Мы просимъ, мы требуемъ, чтобы спириты не прятались, а открыто исповѣдывали свое ученіе, доказывали его, сличали съ ученіемъ христіанскимъ и спокойно выслушивали то, что скажетъ имъ Церковь въ лицѣ своихъ пастырей и учителей. Тогда, Богъ дастъ, спадетъ

пелена заблужденій съ ихъ очей и они ясно увидятъ, куда ихъ завлекъ духъ лжи и лести, духъ противленія Христу, нашему Спасителю.

VI.

Двѣ новыхъ книги о духовномъ мірѣ. — Мнѣнія и предостереженія увлекавшихся спиритизмомъ оккультистовъ и теософовъ.—Три силы, дѣйствующія въ спиритизмѣ.—Наиболѣе страшная изъ нихъ—сатанинская.—Гипнозъ сатаны надъ учеными изслѣдователями спиритизма.—„Дивеса" спиритизма.—Спиритическая теорія „любви".

Мои дневники о спиритизмѣ были уже набраны и сверстаны, когда я получилъ двѣ весьма интересныя книги, касающіяся духовнаго міра: „Темная Сила" М. В. Лодыженскаго и „Спиритизмъ передъ судомъ науки, общества и религіи. Лекціи-бесѣды" В. П. Быкова. Въ первой книгѣ спиритизму удѣлена одна глава, въ которой почтенный авторъ приравниваетъ это занятіе къ колдовству. Явленія спиритизма, по его убѣжденію, когда они не являются обманомъ, суть дѣйствія той темной силы, о которой трактуетъ его книга. Достойно особеннаго вниманія приводимое имъ мнѣніе извѣстнаго оккультиста доктора Розье о спиритизмѣ: „вызыватель духовъ, говоритъ Розье, долженъ быть все время въ напряженіи, никогда не измѣнять твердой волѣ и быть недоступнымъ страху. Онъ имѣетъ дѣло съ слугами очень упрямыми и всегда готовыми къ возмущенію. Его положеніе подобно положенію укротителя дикихъ звѣрей въ клѣткѣ. Поэтому существуетъ поговорка, что „діаволъ рано или поздно свернетъ шею колдуну".

Въ той же книгѣ мы читаемъ мнѣніе о спиритизмѣ извѣстнаго оккультиста Франца Гартмана. „При занятіяхъ спиритизмомъ, пишетъ онъ, неосторожному экспериментатору угрожаетъ потеря разсудка и свободной воли или нѣчто еще худшее: ужасная перспектива вступленія на путь „черной магіи". Ибо *скотскія бѣсовскія вліянія* астральнаго міра стоятъ гораздо ближе къ среднему человѣку, чѣмъ вліянія, исходящія отъ обитателей міра небеснаго; а тотъ, кто открываетъ доступъ такимъ дурнымъ силамъ, не будучи въ состояніи самъ подчинить ихъ себѣ, тотъ, въ концѣ концовъ, самъ подпадаетъ ихъ господству. Ему тогда уже не избавиться отъ вызванныхъ имъ духовъ". А вотъ что писала извѣстная основательница теософическаго общества, г. Блаватская, о спиритизмѣ, которому она предавалась сначала сама съ большимъ увлеченіемъ: „если бы спириты видѣли, что я часто видѣла, какъ *уродливое безплотное созданіе* иногда набрасывается на кого-либо изъ присутствующихъ на этихъ волхованіяхъ спиритовъ! Оно окутываетъ человѣка будто чернымъ саваномъ и медленно исчезаетъ въ немъ, словно втянутое въ тѣло его каждой порой"... Все это голоса людей когда-то преданныхъ ученію спиритизма, изучившихъ его до тонкости, а слѣдовательно познавшихъ опытомъ весь вредъ, всю опасность этого увлеченія. И въ этихъ свидѣтельствахъ нельзя не видѣть участія злой, темной силы въ явленіяхъ спиритизма, хотя тѣ, которые свидѣтельствуютъ объ этомъ, сами не свободны были и остались подъ вліяніемъ этой темной силы. Блаватская, какъ извѣстно, отреклась отъ Христа и

перешла въ буддизмъ, который въ духовномъ отношеніи представляетъ собою царство сатаны.

Другая книга, полученная мною, всецѣло посвящена ученію спиритизма, его разбору, обличенію и опроверженію. Обозрѣвъ исторію этого заблужденія съ первыхъ дней бытія міра, авторъ указываетъ три силы, дѣйствующія въ спиритизмѣ: естественную психофизіологическую силу самого человѣка, затѣмъ силу корыстныхъ побужденій человѣка (обманъ, поддѣлки, симуляціи) и, наконецъ, главную силу—силу сатаны. Первыя двѣ силы не имѣли бы тѣхъ печальныхъ послѣдствій, къ какимъ приводитъ занятіе спиритизмомъ, если бы не овладѣвала тѣми силами третья сила—сатана. „На почвѣ маленькаго человѣческаго обмана, говоритъ авторъ, на почвѣ самовнушенія, галлюцинацій, гетеровнушенія, гипнотическихъ внушеній, на почвѣ коллективной психической заразительности, даже на почвѣ научныхъ изслѣдованій проявляетъ себя эта темная сила и, развиваясь и расцвѣтая до самыхъ пышныхъ формъ, даетъ яркую картину міровой борьбы въ охваченныхъ этой силой людяхъ, борьбы съ Богомъ и съ святою Церковію, и въ этой борьбѣ губитъ обманутыхъ ею и обманывающихъ другихъ ея невольныхъ служителей". Участіемъ темныхъ силъ авторъ объясняетъ: необычайность и необъяснимость нѣкоторыхъ явленій, которыя дѣйствительно находились внѣ возможности какой-либо поддѣлки; всевозможныя противорѣчія; шутки, насмѣшки, имѣющія опредѣленною цѣлію подорвать у человѣка вѣру во все святое; предсказанія, которыя, большею частію, не сбываются, но въ результатѣ своемъ приводятъ человѣка къ страшнымъ послѣдствіямъ отчаянія; поразительные факты захватыванія какой-то неотразимой силой человѣческихъ душъ, въ видѣ гипноза тѣхъ лицъ, которые подходили съ самочиннымъ и смѣлымъ желаніемъ открыть обманъ въ спиритизмѣ и, какъ будто по какой-то злой насмѣшкѣ, оставались тамъ навсегда, дѣлались приверженцами ученія, носителями его, даже апостолами. И чѣмъ больше такіе люди отдавались спиритизму, тѣмъ въ большей степени развивалось въ нихъ какое-то ужасное упорство, такъ что, когда многіе изъ друзей этихъ ученыхъ людей (Бутлерова, Вагнера, Цельнера, Вебера, Араго, Фарадея, Тиндаля, Фламмаріона, и др.) выступали съ попыткой вызвать въ нихъ просвѣтленіе, они становились на почву *ярой* защиты того ученія. А что болѣе всего убѣждаетъ въ томъ, что главнымъ дѣятелемъ въ спиритизмѣ является сатана, это постепенное, не всякому замѣтное, но неуклонное, съ изумительной послѣдовательностію, методичностью, проводимое стремленіе подорвать вѣру во Христа Спасителя, какъ истиннаго Бога, и подмѣнить религію христіанскую спиритизмомъ, который представляетъ собою ничто иное, какъ религію сатаны. Участіе злыхъ духовъ въ явленіяхъ спиритизма признавали даже сторонники спиритизма, такіе ученые, какъ профессора: Фехнеръ, Перти, нашъ Бутлеровъ и др.

В. П. Быковъ приводитъ множество фактовъ какъ изъ своей практики, такъ и изъ жизни спиритовъ, фактовъ строго провѣренныхъ, показывающихъ участіе злыхъ духовъ въ сеансахъ спиритовъ. Не говоря уже о разныхъ „дивесахъ" въ родѣ возвращенія въ цѣломъ видѣ письма, предварительно разорваннаго и выброшеннаго изъ окна поѣзда, или истеченія воды изъ обыкновенной двери,—часъ въ часъ, минута въ

минуту на сеансѣ спиритовъ было объявлено начало японской войны въ видѣ точнаго изображенія картины предательскаго нападенія на нашъ флотъ въ Портъ—Артурѣ: когда, говоритъ Быковъ, на другой день въ 12 часовъ дня появились телеграммы объ этомъ событіи, у читающихъ ихъ участниковъ вчерашняго сеанса, какъ говорится, волосъ вставалъ дыбомъ отъ изумительно точнаго совпаденія между переданнаго медіумомъ и этою роковою телеграммой. За нѣсколько мѣсяцевъ до убійства покойнаго министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве на одномъ изъ сеансовъ медіумомъ въ яркихъ и точныхъ чертахъ была воспроизведена картина этого убійства безъ указанія имени и общественнаго положенія личностей. И тысячи другихъ, подобныхъ сему примѣровъ. Доходило дѣло до того, что мы, говоритъ В. П. Быковъ, о результатахъ нѣкоторыхъ сеансовъ боялись говорить за предѣлами своего кружка изъ опасенія, чтобы насъ не сочли въ иныхъ случаяхъ не только лжецами, а даже сумасшедшими, а въ другихъ—изъ простаго опасенія, навлечь на себя самыя неожиданныя непріятности. Одною изъ тонкихъ хитростей сатаны въ спиритизмѣ является какое-то заботливое указаніе на недостатки духовенства: духи приглашаютъ участвующихъ въ сеансахъ молиться за упадокъ нашего духовенства: „не правда ли, замѣчаетъ г. Быковъ,—какая тонкая сатанинская политика?“.. А цѣль ея, конечно-дискредитировать Церковь, чтобы удалить отъ нея увлекающихся спиритизмомъ, а потомъ сдѣлать изъ нихъ—враговъ ея, враговъ христіанства...

Должно обратить особенное вниманіе на проповѣдуемую „духами“ сатанинскую теорію любви. „Любовь, говорятъ они, какая бы она ни была и на какой бы почвѣ ни созидалась,—самый лучшій факторъ для проявленія феноменовъ самаго высокаго порядка. И *плотская* любовъ (читай: похоть) даже *лучше*, ибо въ сферѣ ея находится наибольшее количество „предсуществующихъ“ душъ, которыя съ нетерпѣніемъ ждутъ, тѣснясь около другъ друга, сліянія двухъ любящихъ сердецъ, какъ давно ожидаемаго момента для своего новаго воплощенія и желаннаго появленія на землѣ“... Понимаете ли вы, читатель, къ чему клонитъ эта теорія? Чѣмъ больше будетъ плотскихъ совокупленій, тѣмъ это пріятнѣе для „духовъ“, жаждущихъ „перевоплощенія“, стало быть: блудъ, прелюбодѣяніе—вовсе не грѣхи: это—служеніе „духамъ“... „Эти духи похожи на тотъ длинный хвостъ людей, выпущенныхъ изъ тюрьмы, которые стоятъ у выходной калитки, въ безпорядкѣ толпятся, сбиваются съ очереди, стремясь опередить одинъ другого въ тотъ моментъ, когда властная рука любящихъ сердецъ „ключемъ любви“ откроетъ имъ завѣтныя двери перевоплощенія“... Страшно становится за спиритовъ, читая эти откровенія: какъ мѣрно и вѣрно ведетъ ихъ сатана въ объятія разврата! И въ такихъ именно кружкахъ, по свидѣтельству г. Быкова, особенно обаятельны чудеса и феномены, ибо эти самые духи находятся въ состояніи полной готовности, полнаго подчиненія обращающихся къ нимъ ихъ „тѣлесныхъ друзей“, въ свою очередь готовыхъ на всякія мерзости разврата... Само собою понятно, что обо всемъ этомъ тщательно замалчивается спиритами.

VII.

Хитрость сатаны.

Въ заключеніе позволяю себѣ привести еще одинъ фактъ, подробно описанный въ книгѣ г. Быкова. Случай этотъ поразительно раскрываетъ самый методъ сатанинскаго подхода къ человѣческой душѣ, способъ вовлеченія въ его когти и коварный пріемъ сталкиванія человѣка въ пучину гибели.

„Довольно извѣстный финансистъ М., уже въ преклонномъ возрастѣ, около 62—63 лѣтъ, теряетъ свою подругу жизни—жену.

Не имѣя дѣтей, привязавшись за время 35-лѣтняго совмѣстнаго жительства къ этой хорошей женщинѣ всѣми силами своей души, М., несмотря на всю свою религіозность, на глубокую вѣру въ Божественный Промыслъ, впалъ въ страшное отчаяніе.

Онъ ни на одно мгновеніе не хотѣлъ и мысли допускать о томъ, чтобы его другъ такъ-таки навсегда покинулъ его.

Нужно быть такому грѣху, что, когда еще покойная была на столѣ, одинъ изъ сострадавшихъ М. въ его утратѣ, желая впасть въ тонъ основной мысли М., сказалъ ему, что онъ совершенно правъ, Екатерина Александровна не умерла, она только перешла въ новую форму бытія и находится, и всегда будетъ находиться около своего осиротѣвшаго мужа. Если же онъ, М., пожелалъ бы убѣдиться въ этомъ, онъ можетъ представить ему возможность попасть въ среду такихъ людей, которые называются *спиритами* и которые знаютъ способы общенія съ нашими умершими друзьями. Они вызовутъ осиротѣвшему М. его дорогую жену, и онъ будетъ имѣть возможность бесѣдовать съ ней.

Сыгравшему, внѣ всякаго сомнѣнія, въ этомъ случаѣ безсознательно, роль помощника сатаны, добросердечному совѣтчику удалось сразу захватить вниманіе М., и послѣдній въ этотъ же вечеръ былъ уже на спиритическомъ сеансѣ одного изъ крупныхъ спиритическихъ кружковъ.

Появилась покойная жена, говорила потерявшему нервное равновѣсіе мужу, конечно, черезъ медіума, красивыя слова; напомнила два, три интимныхъ момента изъ ихъ совмѣстной жизни и сказала ему, что съ сегодняшняго дня она будетъ регулярно посѣщать его, и, если онъ запасется карандашомъ, планшеткою или блюдечкомъ, она даже можетъ вести съ нимъ бесѣду.

На слѣдующій же день М., въ восемь часовъ вечера окурилъ всю комнату ладаномъ, конечно, по совѣту своихъ новыхъ друзей, „опытныхъ спиритовъ“; положилъ на столъ листъ бумаги, на него планшетку, на планшетку свою руку и сталъ съ благоговѣніемъ ожидать обѣщаннаго духовнаго свиданія.

Черезъ короткій промежутокъ времени планшетка задвигалась, и, хотя М. старался держать на ней свою руку возможно легче, ни о чемъ не думалъ, дабы такъ или иначе не оказывать своего личнаго вліянія на этотъ бездушный аппаратъ, на листѣ оказалось написаннымъ: „это я—Катя“.

Наученный *опытными* спиритами, М. торжественно всталъ и, не снимая съ планшетки руки, громко спросилъ: „исповѣдуешь ли ты и признаешь ли Господа нашего Іисуса Христа, пришедшаго во плоти?“

Получился утвердительный отвѣтъ: „да“.

Почти всѣ спириты поголовно вѣрятъ въ то, что для различенія на спиритическихъ сеансахъ низменнаго, шаловливаго, невѣрующаго духа отъ духа покровителя, достаточно предложить духу указанный выше вопросъ о признаніи Господа Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ, чтобы по полученному отвѣту судить, кто именно находится посреди нихъ изъ незримыхъ посѣтителей: высокій духъ, или духъ заблужденія."

Считаю нужнымъ остановиться на этихъ словахъ почтеннаго В. П. Быкова. Онъ называетъ „такой способъ контроля на духами *совершенно неумнымъ* пониманіемъ" словъ Апостола Іоанна Богослова, который именно этотъ способъ указываетъ къ „различенію духовъ" въ своемъ посланіи. Изъ всего, что говоритъ книга г. Быкова о спиритахъ, а равно, что приходилось читать о нихъ въ другихъ сочиненіяхъ, можно заключить, что спириты относятся къ слову Божію слишкомъ легкомысленно, понимаютъ его поверхностно, по буквѣ, не вникая во внутренній его смыслъ. А въ такомъ случаѣ и поставляемый ими духу „контрольный" вопросъ, хотя и берутъ изъ словъ Іоанна Богослова, но произносятъ сіи слова какъ слова извѣстной формулы своего ритуала, заранѣе предрѣшая, что ихъ „духи" отвѣтятъ на вопросъ утвердительно. Въ этомъ случаѣ они дѣлаютъ то же, что иные хрістіане, когда творятъ крестное знаменіе небрежно,—безъ глубокой вѣры и должнаго благоговѣнія: объ этомъ давно сказано, что такому „маханію бѣси радуются". Но мы видѣли выше, что когда слова Апостола приводились для подобнаго же „контроля духовъ" вѣрующими сынами Церкви (два графа Толстыхъ, А. С. Стурдза, П—та), приводились во исполненіе заповѣди Апостола, съ должнымъ благоговѣніемъ и вѣрою, то „духи" уклонялись отъ прямого отвѣта. Справедливо, что бѣсы „вѣруютъ и трепещутъ", что и въ Евангеліи они многократно исповѣдали Господа Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ, а потому они могутъ и теперь, для сокрытія своей хитрости, отвѣчать на „контрольный" вопросъ спиритовъ утвердительно, тѣмъ болѣе, что сами спириты въ сущности, кажется, не придаютъ большаго значенія такому контролю. И это конечно нельзя назвать „умнымъ пониманіемъ" текста посланія св. Апостола. Слова Св. Писанія даны намъ не для какихъ-то мистическихъ, чтобы не сказать—волшебныхъ опытовъ, и употреблять ихъ въ качествѣ формулы для контроля надъ какими-то невѣдомыми существами, съ коими Церковь не позволяетъ имѣть общенія—то же, что призывать имя Пресвятыя Троицы или творить крестное знаменіе при суевѣрныхъ обрядахъ. Недавно въ С. Синодъ была прислана съ Дальняго Востока цѣлая тетрадь протоколовъ засѣданій какого-то спиритическаго кружка, гдѣ на каждой страницѣ, при каждомъ вопросѣ духу упоминалось многократно крестное знаменіе и разныя молитвенныя слова; тѣмъ не менѣе такое смѣшеніе святаго съ грѣшнымъ, съ волшебствомъ, какимъ мы признаемъ спиритизмъ,—есть тяжкій грѣхъ и только. А гдѣ грѣхъ, тамъ и благодатныя средства, недостойно и безъ благоговѣнія, такъ сказать механически употребляемыя, служатъ не во спасеніе, а къ сугубому осужденію.—Что касается замѣчанія В. П. Быкова о томъ, будто слова св. Апостола Іоанна о различеніи „духовъ" относятся только къ людямъ—учи-

телямъ и не могутъ относиться въ собственномъ смыслѣ къ духамъ, то такое толкованіе безъ всякой нужды только съуживаетъ смыслъ словъ Евангелиста: мы видѣли, что съ вѣрою поставляемый его вопросъ ставилъ и духовъ въ видимое затрудненіе...

Но возвращаемся къ продолженію разсказа г. Быкова о бесѣдѣ М. съ духами.

„Очевидно, М. съ перваго раза, несмотря на постановленный имъ контрольный вопросъ, мало довѣрялъ полученному отвѣту на него и сомнѣвался, чтобы около него сейчасъ находилась Катя, такъ какъ вслѣдъ за вышеуказаннымъ вопросомъ поставилъ новый: „если ты дѣйствительно Катя, то ты дай мнѣ, для подтвержденія этого, болѣе яркое доказательство".

Духъ Кати отвѣчалъ: „ну вотъ и отлично. Кстати, я и пришла для этого. Вѣдь ты ничего не знаешь, что находится въ моихъ комодахъ?.. А я тебѣ скажу вотъ что: не сегодня,—завтра начнутся дожди и холода (дѣло было въ серединѣ осени). У тебя простужены ноги. Такъ ты сейчасъ же прерви эту бесѣду со мной; пойди въ мой комодъ, отодвинь второй отъ низу ящикъ и налѣво, внизу, на самомъ днѣ найдешь три пары только что связанныхъ мною тебѣ шерстяныхъ чулокъ, сѣрыхъ съ синими полосками. И съ завтрашняго дня начинай носить ихъ".

Перерывается бесѣда съ планшеткой. М. со всѣхъ ногъ бросается къ указанному комоду жены, открываетъ указанный ящикъ, находитъ на своемъ мѣстѣ тѣ чулки, о которыхъ только что говорила ему его умершая жена, о существованіи которыхъ онъ дѣйствительно никогда не зналъ.

И онъ не только повѣрилъ, что съ нимъ говоритъ именно его жена; а даже пришелъ въ какое-то благоговѣніе, въ какой-то невыразимый восторгъ.

Съ этого момента для М. сомнѣнія въ достовѣрности бесѣдующей съ нимъ его жены не существовало.

Сеансы съ послѣдней вошли въ обычный строй жизни осиротѣвшаго мужа.

Сначала онъ бесѣдовалъ съ своей умершей женой два раза въ недѣлю. Потомъ сталъ бесѣдовать три раза. Потомъ черезъ день; наконецъ, каждый день. И эти послѣднія бесѣды, начиная съ семи часовъ вечера, продолжались до семи, восьми часовъ утра. Такъ что онъ, незамѣтно для себя, перевелъ ночь на день, а день на ночь; и жилъ только лишь ожиданіемъ каждой слѣдующей бесѣды.

Много въ это время было переговорено. Много было вспомянуто. И, при этомъ, большая часть бесѣдъ отводилась на обсужденіе вопросовъ о религіи, о необходимости частаго посѣщенія храмовъ Божіихъ; о необходимости выполненія всѣхъ церковныхъ обрядовъ. Такъ что, по выраженію самого М., въ эту счастливую для него пору, онъ чувствовалъ, какъ онъ росъ, какъ онъ одухотворялся.

А ужъ о какихъ-либо сомнѣніяхъ не было и рѣчи

Но вотъ, вдругъ, совершенно неожиданно для него, однажды, вмѣсто жены, къ нему появляется духъ... преподобнаго Сергія.

М. было оторопѣлъ, но угодникъ объяснилъ ему, что онъ за послѣднее время, зная давнишнюю любовь М. къ себѣ, довольно часто приходитъ на его бесѣды съ женой, съ наслажденіемъ слушаетъ ихъ и умиляется. И все это, наконецъ, побудило его самого вступить въ бесѣду съ М.

Появившаяся вслѣдъ за преподобнымъ Сергіемъ Екатерина Александровна, такъ сказать, удостовѣрила личность преподобнаго Сергія, и М. получилъ новаго собесѣдника.

Преподобный такъ увлекъ М., что совершенно вытѣснилъ изъ бесѣды съ нимъ его жену, и М. даже какъ будто довольно легко примирился съ ея отсутствіемъ.

Необходимо замѣтить, что М. былъ очень состоятельный человѣкъ. Одно время онъ былъ биржевымъ маклеромъ, потомъ довольно долгое время очень удачно спекулировалъ на биржевой игрѣ, но уже лѣтъ за десять до этого эпизода все это бросилъ и жилъ на свой личный капиталъ.

Не имѣя, какъ я сказалъ выше, дѣтей, будучи человѣкомъ религіознымъ, ведя такую скромную жизнь, которая лишала его возможности даже проживать проценты съ капитала, онъ очень часто дѣлалъ довольно крупныя пожертвованія въ бѣдные монастыри, приходы.

Бесѣды съ преподобнымъ Сергіемъ, открывая ему все новые и новые горизонты въ области духовнаго тайновѣдѣнія, такъ захватили М., что онъ приканчивалъ эти бесѣды иногда далеко за полдень.

Но, вдругъ, въ одинъ изъ вечеровъ, вмѣсто обычной темы разговоровъ, преподобный Сергій говоритъ М.: „купи завтрашній день на 38 тысячъ акцій Рыбинско-Бологовской жел. дороги, черезъ 23 дня продай ихъ, и ты на эту сумму наживешь 21456 руб. 84 копейки“...

М. съ ужасомъ отбросилъ планшетку и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Преподобный Сергій и... биржевой ажіотажъ!..

Впервые, за всю свою спиритическую практику, М. столкнулся съ мыслью, что „здѣсь что-то не ладно“.

Но спустя часъ или полтора часа, онъ снова усаживается за планшетку и получаетъ приблизительно такую отповѣдь отъ преподобнаго Сергія:

— „Какъ тебѣ не стыдно имѣть такую слабую вѣру? Вѣдь, если бы съ тобою говорилъ какой-либо другой духъ, то онъ, несомнѣнно, огорченный тобою, ушелъ бы и никогда не вернулся къ тебѣ вновь, и даже могъ лишить тебя навсегда *сладости общенія* съ потусторонним міромъ... Но я понимаю твою вѣрующую душу и спѣшу притти къ тебѣ на помощь. Выслушай меня терпѣливо. Я предложилъ тебѣ эту комбинацію не для тебя—нѣтъ, а для того, чтобы исполнить просьбу обращающихся ко мнѣ насельницъ С—каго женскаго монастыря. Ты выиграешь эти деньги, и всѣ ихъ отошлешь отъ „неизвѣстнаго“ этому монастырю. Къ тебѣ же я обратился съ этимъ потому, что, во-первыхъ, мнѣ, благодаря продолжительнымъ нашимъ бесѣдамъ, легко поручить это дѣло тебѣ, а, во-вторыхъ, потому, что ты знакомъ съ вашими мірскими, на этотъ предметъ, распорядками“...

Услышавъ это, М., залился слезами раскаянія, и, конечно, преподобный Сергій простилъ его.

Въ указанное время бумаги были куплены и проданы. Точь въ точь получилась такая прибыль, какая была указана преподобнымъ Сергіемъ и деньги были отправлены по назначенію.

Снова начались обычныя духовныя бесѣды на обычныя духовныя темы.

Спустя нѣкоторый промежутокъ времени, М. было дано опять поручені̇е такого же характера.

Все было исполнено.

И опять съ тою же математической точностью во времени и въ суммѣ.

Потомъ опять обычныя бесѣды.

Потомъ снова заказы.

И все это послѣдовательно, „по хорошему“, какъ говоритъ простой русскій народъ.

Наконецъ, духъ преподобнаго рекомендуетъ М., для того, чтобы имѣть постоянно наготовѣ на случай экстренной помощи и благотворительности опредѣленный капиталъ, такъ какъ де „бываютъ случаи, что острая нужда не можетъ подолгу ждать помощи“, спекулировать на различныя бумаги, по его указанію, болѣе часто, — съ тѣмъ, чтобы вся прибыль отъ спекуляціи являла собой фондъ для помощи нуждающимся.

И... понемногу М. втянулся въ биржевой ажіотажъ и уже велъ жизнь такъ: день на биржѣ, а вечеръ въ бесѣдѣ съ духами. Биржевая игра носила необычайный, по вѣрности и счастью, характеръ.

Черезъ три года состояніе М. въ $2^1/_2$ милліона удвоилось. Играли на русскихъ и на иностранныхъ бумагахъ; играли на гарантированныхъ и на негарантированныхъ.

И на всемъ выигрывали.

Но въ одно прекрасное время духъ рекомендуетъ на всѣ имѣющіяся у М. деньги купить какихъ-то бумагъ американскаго фондового рынка, на которыхъ онъ могъ еще удвоить свое состояніе.

Само собою разумѣется, съ трогательной пунктуальностью было выполнено и это порученіе угодника; а черезъ полгода все это предпріятіе, бумаги котораго были куплены М., вылетѣло въ трубу, и у него отъ многомилліоннаго состоянія осталось что-то немного болѣе 150 тысячъ.

Когда же М. сѣлъ за планшетку съ просьбой объяснить, какъ должно отнестись къ этому факту, планшетка безпрерывно писала только лишь два слова: „ха—ха... ха—ха“...

М. вполнѣ правильно разсмотрѣлъ въ этомъ начертаніи сатанинскій хохотъ.

Минуту спустя онъ услыхалъ этотъ хохотъ въ своей собственной душѣ, въ своемъ собственномъ сердцѣ.

Затѣмъ вокругъ себя, во всей своей комнатѣ, во всей своей квартирѣ. . . . . .

. . . . . .

И, если бы случайно не вошла въ его кабинетъ передъ утромъ прислуга, М. не сообщилъ бы намъ этого эпизода, унеся его съ собой въ тотъ міръ, съ которымъ онъ такъ добросовѣстно, съ такой вѣрой вступалъ въ общеніе, такъ какъ его нашли повѣсившимся на шнуркѣ въ своемъ кабинетѣ.

Конечно, немедленно вытащили старика изъ петли и привели въ чувство.

Шесть лѣтъ пролежалъ онъ послѣ этого въ параличѣ; теперь поправился, живъ и посейчасъ, но къ спиритизму относится такъ: если кто желаетъ получить отъ него оскорбленіе дѣйствіемъ, то такому любителю нужно только въ присутствіи М. произнести слово „спиритизмъ“...

Послѣпись. Нѣкто, подписавшійся „простецъ“ (а изъ письма видно, что писалъ вовсе не простецъ, а человѣкъ образованный) хочетъ увѣрить меня, что „спиритизма въ сущности не существуетъ, что это — одни лишь фокусы шарлатановъ“ и пр. Жаль, что авторъ прячется за анонимъ и не сообщаетъ своего адреса: можно было бы отвѣтить ему подробнѣе письмомъ, а писать

особую статью для печати не стоитъ. Ужели авторъ думаетъ, что сатана такъ простъ, что вотъ такъ и откроетъ себя „ученой комиссіи", изслѣдовавшей спиритизмъ? Разумѣется, это не въ его интересахъ. Я въ свое время слѣдилъ за работами этой комиссіи и заранѣе предсказывалъ, что сатана проведетъ ее отлично, спрятавшись за шарлатанство. Писалъ я тогда проф. Вагнеру по сему поводу, но увы—по обычаю нашихъ „ученыхъ" не удостоился отвѣта. Пусть авторъ письма безъ предубѣжденія прочтетъ двѣ указанныя мною выше книги—*Лодыженскаго* и *Быкова* — онѣ освобождаютъ меня отъ отвѣта на его письмо.

Не могу не замѣтить, что писать анонимно мнѣ, подписывающему свое имя, по меньшой мѣрѣ не благородно... Зачѣмъ прятаться, когда имѣешь дѣло съ человѣкомъ, открыто выступающимъ въ печати? Ужели авторъ подозрѣваетъ меня—архіерея, въ чемъ-либо для него, автора, неблагопріятномъ?.. Не учитъ ли и его все тотъ же адскій фокусникъ такъ поступать, чтобъ сего фокусника не вывели на чистую воду?...

248.

Наши скорби—крестъ отъ руки Хрістовой.

Многи скорби праведнымъ, многи раны грѣшнымъ, говоритъ слово Божіе (Пс. 33, 20, 31, 10). Отъ скорбей никто, никуда не можетъ укрыться. Потому и земная наша жизнь нерѣдко называется *юдолію плачевной*. И много книгъ написано въ утѣшеніе скорбящимъ, и все же сіи скорбящіе просятъ утѣшенія, и будутъ просить дотолѣ, пока придетъ Самъ Утѣшитель—Хрістосъ Спаситель и отретъ слезы всѣхъ, кто призываетъ Его въ скорбяхъ своихъ,—придетъ и позоветъ всѣхъ таковыхъ въ царство Отца Своего Небеснаго, уготованное имъ отъ сложенія міра. *Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся* утѣшеніемъ радости нескончаемой—вѣчной.

Нерѣдко получаю я письма отъ скорбящихъ,—а ихъ такъ много въ наши многоскорбные дни,—изъ сихъ писемъ видно, что многіе люди вѣрующіе, ищущіе Бога, младенчествуютъ умомъ своимъ и пускаются въ сужденія, которыя выше мѣры ихъ разумѣнія, а въ дѣлѣ духовной жизни даже излишни... Вмѣсто того, чтобы въ простотѣ сердца предавать себя въ волю Божію, успокоившись на твердомъ убѣжденіи, что Богъ выше силъ скорбей намъ не посылаетъ, что если посылаетъ, попускаетъ, то лишь по безмѣрной любви Своей къ намъ грѣшнымъ, что Онъ же и силы подаетъ къ перенесенію сихъ скорбей,—вмѣсто сего даютъ волю своему смышленію и начинаютъ ставить себѣ вопросы: что, какъ и почему?.. Вотъ одно изъ такихъ писемъ.

„Какъ надо переносить скорби, особенно духовныя?—Надо терпѣть и даже благодарить Бога за нихъ. Но благодарить развѣ можетъ за нихъ грѣшникъ? Не будетъ ли это дерзостью съ его стороны? Благодарить Бога за скорби—не удѣлъ ли святыхъ?".

Казалось бы: если Церковь учитъ благодарить Бога за скорби, если это заповѣдуютъ всѣ подвижники, то къ чему этотъ вопросъ? Сказано: благодари—и нечего разсуждать, нечего ставить вопросы, значитъ

вовсе не „дерзость“, если такъ учатъ люди духовно опытные. Нѣтъ ни одного праведника, который считалъ бы себя святымъ, а они благодарили Бога за скорби и насъ тому же учатъ: значитъ это—не грѣшно, а должно. Вѣдь, это только сектанты, штундисты, баптисты да Лютеровы послѣдователи называютъ себя „святыми“, а всѣ праведники считали себя искреннѣйшимъ образомъ самыми послѣдними грѣшниками. Вспомните Апостола Павла, что онъ говоритъ о себѣ: *отъ нижше*, то есть, изъ грѣшниковъ *первый есмь азъ*. А если бы кто дерзнулъ помыслить о себѣ, что онъ праведникъ, то онъ-то и оказался бы самымъ грѣшнымъ человѣкомъ, какъ зараженный гордынею и самооправданіемъ. Итакъ: благодарить Бога за скорби долженъ всякій христіанинъ,—нужно только, чтобы онъ дѣлалъ это въ сознаніи своей грѣховности: „по дѣломъ мнѣ, Господи, еще не того стою, Боже мой!“

Но вотъ другой вопросъ:

„Какъ я могу благодарить, когда на сердцѣ такая тѣснота и холодъ отъ переживаемой скорби, и я притомъ же не могу понять ея пользы?“

Въ томъ-то и бѣда наша, что мы все хотимъ „понять“ да взвѣсить, а не отдать себя всецѣло, по-дѣтски, въ руки Божіи. Да если бы на сердцѣ не было „тѣсноты и холода“, то, вѣдь, и самой скорби не было бы. А вотъ, сдѣлай надъ собою усиліе, принудь себя открыть и показать Господу свое сердце, пожалуйся Ему на эту „тѣсноту“, на этотъ „холодъ“, да пожалуйся-то въ простотѣ дѣтскаго сердца, такъ и скажи Ему, Сердцевѣдцу: „Ты, Господи, знаешь, какъ мнѣ тяжело, какъ мнѣ холодно—смилуйся надо мною“, и тебѣ легче станетъ на душѣ, особенно если при этомъ искренно, безъ малѣйшей тѣни самооправданія, найдешь—не въ людяхъ, а въ самомъ себѣ причину этой холодности, этой душевной тѣсноты. А сознавъ свою вину, какъ не поблагодарить Господа, что Онъ вразумляетъ тебя скорбію, призывая тебя къ покаянію? Что такое скорбь душевная, какъ не удаленіе отъ души благодати Божіей, по грѣхамъ нашимъ? Благодать, какъ добрая мать, учитъ насъ ходить по пути заповѣдей Божіихъ: какъ мать, поставивъ дитя на полъ, оставляетъ его безъ поддержки, и, отступивъ на шагъ, манитъ его къ себѣ, такъ и благодать Божія иногда какъ бы отходитъ отъ насъ на время, чтобъ мы познали опытомъ скорби, какъ она намъ необходима въ духовной жизни. И когда человѣкъ познаетъ свою вину, а вмѣстѣ и свою немощь въ борьбѣ съ нашедшимъ на него искушеніемъ, то смирится, а смиренному то и дается благодать. Когда же она возвратится, то и сердце согрѣется, и тѣсноты не будетъ на душѣ. Такъ учатъ отцы-подвижники, такъ пишетъ святитель Ѳеофанъ затворникъ въ своихъ безцѣнныхъ письмахъ о христіанской жизни.

Ты скорбишь, ты страдаешь душою и не видишь исхода изъ этой скорби?.. Но представь себѣ, что вотъ, явился тебѣ Самъ Господь Іисусъ Христосъ и предложилъ тебѣ изъ Его собственныхъ рукъ принять крестъ, какой Онъ на тебя возложитъ: ужели ты отказался-бы отъ этого креста? Слышишь, что Онъ говоритъ: *аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ*... Безъ креста нельзя итти за Христомъ, нельзя быть христіаниномъ. А крестъ и есть тѣ скорби, какія Богъ попускаетъ намъ въ жизни. Господь несъ Свой всемірный крестъ и умеръ на немъ: и христіанинъ долженъ нести

свой крестъ, дабы быть участникомъ страданій Самого Христа Спасителя. Нѣкогда Симонъ Киринейскій несъ за Господомъ крестъ: такъ и каждый изъ насъ, неся свой крестъ скорбей, долженъ неуклонно итти за Господомъ, подражая сему Симону—крестоносцу. Онъ несъ крестъ Христовъ, но и наши кресты въ сущности всѣ объединяются въ крестѣ Христовомъ, и не будь креста Христова—никому изъ насъ не понести бы своего креста. Христосъ понесъ и несетъ всѣ наши кресты, если только мы не разлучаемся съ Нимъ, нашимъ Спасителемъ и Искупителемъ, если цѣлуемъ мысленно Его десницу, возлагающую на насъ наши кресты. Господь, по неизреченной благости Своей, благоволилъ породниться съ нами, воспріявъ естество наше и воплотившись отъ Маріи Дѣвы: Онъ и насъ роднитъ съ Собою, питая насъ тѣломъ и кровію Своею въ таинствѣ святаго Причащенія. Но Онъ хощетъ, чтобы мы были и причастниками креста Его, Его страданій, хотя въ нѣкоей малой мѣрѣ, посильной естеству нашему, а посему и возлагаетъ на насъ кресты, на каждаго противу силы его. Онъ хочетъ, чтобы мы своею доброю волею, своимъ усерднымъ произволеніемъ, какъ свободноразумныя существа, участвовали въ дѣлѣ нашего спасенія, дабы, искупленные честною кровію Его, могли дѣломъ показать любовь свою къ Искупителю нашему. Не по мѣрѣ беззаконій нашихъ, а по мѣрѣ отеческой любви Своей къ намъ грѣшнымъ Онъ возлагаетъ на насъ кресты скорбей и каждую минуту готовъ помочь намъ въ несеніи сихъ крестовъ, помочь Своею благодатію. Хорошо понималъ это великій страдалецъ ветхозавѣтный Іовъ и потому говорилъ: „блаженъ человѣкъ, котораго вразумляетъ Богъ, и потому наказанія Вседержителева не отвергай“ (Іов. 5, 17). А великій Апостолъ Христовъ Павелъ свидѣтельствуетъ, что „кого Господь любитъ, того и наказываетъ, бьетъ же всякаго сына, котораго принимаетъ“. Въ наказаніяхъ, въ скорбяхъ, Апостолъ видитъ признакъ отеческой любви Божіей: „если вы терпите наказаніе“, говоритъ онъ, „то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами, а если остаетесь безъ наказанія, то вы незаконные дѣти, а не сыны“ (Евр. 12, 6—8). А если такъ, то какъ же не лобызать намъ десницы Христовой, возлагающей на насъ знакъ отеческой любви Его къ намъ, какъ не благодарить Его за скорби, которыя Онъ попускаетъ не въ мѣру беззаконій нашихъ, а лишь въ мѣру Своей любви, дабы дать намъ возможность и съ своей стороны явить любовь свою къ Нему, нашему Искупителю и Спасителю? Онъ есть Глава тѣла Церкви, мы—члены сего тѣла Христова: если Глава страдала, то подобаетъ спострадать и членамъ тѣла своей Главѣ.

Есть тайна въ несеніи креста христіаниномъ, тайна, постигаемая не столько умомъ, сколько сердцемъ его—именно: когда человѣкъ предаетъ себя Богу и пріемлетъ скорби съ благодареніемъ, то въ его сердцѣ является благодатное утѣшеніе и крестъ превращается для него въ лѣствицу, возводящую на небо. Какъ крестъ вещественный слагается изъ пересѣченія двухъ линій, такъ крестъ духовный слагается въ сущности изъ пересѣченія двухъ воль: воля Божія влечетъ человѣка горѣ—къ небу, а его собственная, грѣхомъ поврежденная воля склоняетъ его долу—къ землѣ и становится какъ бы поперекъ волѣ Божіей. Отсюда—боль для ветхаго, плотянаго человѣка. Но какъ изъ

креста вещественнаго можно сдѣлать лѣстницу, такъ и крестъ духовный можно обратить въ лѣствицу къ небу. Для сего надобно въ вещественномъ крестѣ снять поперечную линію и поставить ее рядомъ съ вертикальной: останется только сдѣлать ступени. Такъ и въ духовномъ крестѣ: стоитъ только свою волю сломить, поставить ее рядомъ съ волею Божіей, то есть, сказать въ своемъ сердцѣ: не хочу своей воли, хочу, чтобъ воля Божія совершалась на мнѣ: да будетъ воля Твоя, Отче небесный,—и сдѣлать это отъ всего сердца, въ убѣжденіи, что лучше воли Божіей ничего быть не можетъ,—и острота боли сердечной, ощущеніе такъ сказать—крестнаго страданія въ душѣ, сразу смягчится, сердце согрѣется и успокоится въ самопреданіи волѣ Божіей. Это свидѣтельствуютъ всѣ вѣрующіе, живущіе духовною жизнію. Такъ нашъ внутренній крестъ обращается въ лѣствицу къ небу. Богу угодно было послать крестъ скорбей, ты отдаешь себя въ волю Божію, твоя воля не становится поперекъ волѣ Божіей, она становится, такъ сказать, рядомъ съ волею Божіей, и—креста въ сущности нѣтъ уже, ибо твоя воля сочеталась съ волею Божіей нераздѣльно, хотя и несліянно, ибо ты въ каждую минуту свободенъ пойти противъ воли Божіей, но, конечно, сознавая и ощущая все благо въ самопреданіи волѣ Божіей, ты не сдѣлаешь этого. Пусть врагъ искушаетъ тебя, какъ искушалъ Самого Господа устами книжниковъ и фарисеевъ: „сниди со креста!“—ты не послушаешь его, ты не разстанешься съ своимъ крестомъ, дотолѣ, пока Самъ Господь, возложившій его на тебя, не сниметъ его... Неся крестъ свой, ты будешь чувствовать, что съ тобою Господь, что Онъ помогаетъ тебѣ нести крестъ твой, услаждаетъ горечь его, что сбросить съ себя крестъ—значитъ разлучиться съ Господомъ. Скорбями Господь держитъ насъ поближе къ себѣ, не даетъ намъ увлекаться суетою міра сего многогрѣшнаго, какъ говоритъ мужъ великаго духовнаго опыта, Оптинскій старецъ Макарій: „душа устрашаемая шумомъ искушеній, со многимъ смиреніемъ прибѣгаетъ къ Богу и тщится укрыться отъ угрызенія скорбьми подъ покровомъ Его промысла; очищаемая же частою памятію Его, приходитъ въ познаніе самой себя, уединяется зрѣніемъ безчисленности грѣховъ и зачинаетъ плачъ, иже есть дверь во внутреннѣйшую клѣть или въ жительство новаго человѣка“. Какъ дубъ, колеблемый вѣтромъ, глубже пускаетъ корни свои, такъ душа наша, обуреваемая напастей бурею, крѣпче емлется за милосердіе Божіе и укрѣпляется въ вѣрѣ. Подумать только: что было бы съ нами, если бы не было никакихъ скорбей? Да мы совсѣмъ забыли бы Господа Бога, предались бы служенію своимъ страстямъ и—погибли бы на вѣки... Какъ же намъ не благодарить Господа за скорби, какъ не лобызать Его руку, насъ иногда наказующую, но чаще—милующую и ласкающую насъ отечески?..

Въ письмѣ, выдержки изъ котораго я привелъ въ началѣ этого дневника, есть еще строки, на которыя надо кратко отвѣтить. Авторъ пишетъ: „если я и безропотно покоряюсь волѣ Божіей, если говорю: „не моя, но Твоя да будетъ воля“, то этими словами я лгу, такъ какъ сейчасъ же начинаю читать другія молитвы, гдѣ прошу у Господа: дай то-то, избавь отъ того-то; значитъ: хочу я этого, а Ты не даешь мнѣ его; я не хочу того, а Ты посыла-

ешь мнѣ то,— я протестую противъ этихъ Твоихъ повелѣній... Значитъ, я не покоряюсь волѣ Божіей безропотно, а потому обманываю Господа первою своею молитвой. Любезна моему сердцу первая молитва, но не знаю: какъ же мнѣ быть съ другими молитвами? Пожалуйста, разрѣшите мое недоумѣніе".

Совершенно дѣтское недоумѣніе. Господь Самъ далъ намъ молитву, въ коей научаетъ насъ не только говорить: „да будетъ воля Твоя", но и просить хлѣба насущнаго, и царства небеснаго, и прощенія грѣховъ, и избавленія отъ искушеній лукаваго: ужели Онъ противорѣчитъ Самъ Себѣ? Не ясно ли, что все, чего мы просимъ у Господа, просимъ подъ условіемъ, аще воля Его на сіе будетъ, что всякое прошеніе наше, подобно Геѳсиманской молитвѣ Самого Господа, должно подразумѣвать: обаче не моя, но Твоя воля да будетъ, Отче нашъ. При такомъ настроеніи молитвы можетъ ли быть рѣчь о какомъ-то „протестѣ" противъ воли Божіей? Господь разрѣшаетъ намъ просить того, что не противно Его святой волѣ,—ибо мы не станемъ же просить того, что служитъ къ угожденію нашимъ страстямъ: этого совѣсть намъ не позволитъ,—а исполненіе прошенія мы должны представлять Его волѣ святой и уготовлять свое сердце такъ, чтобы въ случаѣ неисполненія сказать покорно: Твоя воля да будетъ... Вотъ и все. Не слѣдуетъ давать воли своему грѣшному смышленію и пускаться въ сужденія выше мѣры ума своего. Надо посадить эту птичку, умъ, въ клѣточку послушанія Церкви Божіей, иначе онъ залетитъ въ мудрованія сектантскія и тогда трудно будетъ съ нимъ сладить, и гибель душа будетъ почти неизбѣжна...

Въ заключеніе повторю то, что сказалъ я въ предисловіи къ книжкѣ „Всѣмъ скорбящимъ во утѣшеніе":

Скорби для христіанина сами по себѣ суть великая милость Божія; это—цѣлебный бальзамъ на раны души, обуреваемой страстями; это—лучшее средство для очищенія нашей души отъ тѣхъ нечистотъ, какія вноситъ въ нее грѣхъ; это—отрадный крестъ, который, какъ лѣствица, можетъ возвести насъ на небо; это—бремя Христово, которое можетъ обратиться въ крылья, возносящія насъ въ царство небесное; а потому скорби суть залогъ любви Божіей къ намъ, ибо даютъ намъ возможность самымъ дѣломъ итти за Господомъ съ своимъ собственнымъ крестомъ на раменахъ. Вотъ почему и были такіе любители скорбей, которые скорбѣли, когда ихъ долго не посѣщалъ Господь скорбями. Вотъ почему и сказано: *блажени плачущіи, блажени изгнани правды... Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ. Всяку радость имѣйте, егда во искушенія впадаете различна...*

„Неискушенъ—неискусенъ," говорятъ святые отцы.

249.

Наша интеллигенція и духовная книга.

Въ старое доброе время люди грамотные были несравненно вдумчивѣе, осторожнѣе, относились внимательнѣе ко всѣмъ явленіямъ жизни, потому что съ юности привыкли къ серьезному чтенію книгъ и почти не знали газетъ. Извѣстно, что простые русскіе люди воспитыва-

лись на церковной литературѣ; Четьи — Минеи, Пролога, Благовѣстники, писанія Златоуста, Тихона Задонскаго, Димитрія Ростовскаго, разные сборники поученій прошлыхъ вѣковъ—вотъ что составляло любимое чтеніе нашего православнаго народа. Но и люди образованные, цвѣтъ русскаго образованнаго общества, каковы великіе писатели: Жуковскій, Пушкинъ, Карамзинъ, Достоевскій, не пренебрегали этой литературой и на ней воспитывали свое русское міросозерцаніе, оттуда иногда почерпали свое вдохновеніе, брали образы, учились красотѣ родной рѣчи. Даже позднѣе уже въ наше время, такіе таланты, какъ покойный извѣстный адвокатъ Плевако, любили эту литературу: Плевако каждый день прочитывалъ житіе дневнаго святаго, непремѣнно по Четьей—Минеи, по-славянски, и зналъ славянскій языкъ такъ, что могъ свободно писать на немъ свои посланія къ друзьямъ. Его экземпляръ Четіихъ—Миней весь испещренъ его замѣтками. А ораторское искусство онъ изучалъ при пособіи писаній св. Златоуста, который, какъ извѣстно, въ молодости былъ тоже адвокатомъ.

Свѣтская литература, руководимая людьми, воспитанными въ преданіяхъ болѣе или менѣе строгаго отношенія къ печатному слову, подчиненная притомъ наблюденію правительственной цензуры, давала матеріалъ для чтенія или художественный, или научный, болѣе или менѣе полезный для читателя. Такъ было до 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Были, конечно, и исключенія, но то и были лишь исключенія. Газетъ почти не было, а если и были, то велись онѣ вовсе не такъ и не такими людьми, какъ это ведется теперь. Все это не могло не отражаться на воспитаніи умовъ, и тогдашніе люди ко всему относились вдумчивѣе и серьезнѣе. Меньше было легкомыслія и вѣтренности, какія теперь стали повседневнымъ явленіемъ нашей жизни.

Теперь—не то. Теперь все заполнила газета. Теперь книгъ почти не читаютъ. Развѣ только беллетристику читаютъ, да и то не ту, какою питались наши отцы и дѣды, которая отражала жизнь въ художественныхъ образахъ, которая имѣла громадное воспитательное значеніе для молодежи, а — читаютъ модныхъ современныхъ писателей въ родѣ Андреева, Горькаго и имъ подобныхъ. А пресловутая свобода печати такъ широко раскрыла двери для всякой бездарности, что теперь каждый гимназистъ, выгнанный изъ третьяго класса, воображаетъ уже себя писателемъ, а повременною печатью завладѣли іудеи, которые и ведутъ дѣло въ своихъ цѣляхъ, не имѣющихъ, конечно, никакого отношенія къ литературѣ. Все это очень печально отразилось не только на литературныхъ вкусахъ читателей, но и на ихъ міросозерцаніи: они отвыкаютъ думать серьезно, отвыкаютъ брать въ руки—не говорю уже о духовной книгѣ, а и всякую серьезную книгу: она имъ кажется скучною, на самомъ же дѣлѣ они настолько ослабѣли умственно, потеряли всякое влеченіе къ умственному труду, что представляются жалкими дѣтьми, облѣнившимися и отставшими отъ товарищей.

Тому писателю, который имѣетъ въ виду такихъ читателей, считающихъ себя все же интеллигентами, приходится приспособляться къ ихъ міросозерцанію, къ ихъ привычному мышленію, иногда говорить ихъ же языкомъ, чтобы быть понятнымъ для нихъ. Образчикомъ такихъ, въ сущности очень серьез-

ныхъ книгъ являются книги М. В. Лодыженскаго, особенно послѣдніе два тома его „Мистической Трилогіи“: „Свѣтъ Незримый“ и „Темная Сила“.

И тѣмъ не менѣе есть книги, книги очень старыя, которыя способны увлечь читателя такъ, что онъ не разстанется съ такой книгой, пока не дочитаетъ ее до конца,— лишь бы только онъ началъ ее читать. На одну изъ такихъ книгъ мнѣ и хотѣлось бы указать на этотъ разъ. Написана она—слишкомъ тысячу триста лѣтъ тому назадъ, на греческомъ языкѣ, а теперь вышло уже второе изданіе ея въ русскомъ переводѣ покойнаго протоіерея М. І. Хитрова. Называется эта книга „Лугъ Духовный“, а въ нашей старинной письменности она извѣстна подъ именемъ „Лимонаря“. Ея авторъ — просвѣщеннѣйшій инокъ своего времени, Іоаннъ Мосхъ, духовный другъ, сподвижникъ и старецъ святаго Софронія, который потомъ былъ патріархомъ Іерусалимскимъ. Почти сорокъ лѣтъ святые друзья путешествовали по всѣмъ землямъ, подвластнымъ тогда Византійскому императору, обошли почти всѣ святыя мѣста, посѣтили обители, видѣли тогдашнихъ подвижниковъ, и все, что служило къ назиданію и во славу Божію, блаженный Іоаннъ записалъ въ 219 главахъ, составляющихъ книгу. И въ мирныхъ иноческихъ обителяхъ, и въ тиши сельскаго уединенія, а иногда даже и среди шумныхъ городовъ встрѣчали они истинныхъ чадъ Божіихъ, ради которыхъ щадилъ Господь и хранилъ грѣшную Византію, утопавшую тогда въ порокахъ, коими было заражено тогдашнее общество, хрістіанское только по имени, а по нравамъ—языческое. Какъ трудолюбивыя пчелы, они собирали духовный медъ отовсюду: и подвижники благочестія, обитавшіе въ пустыняхъ, и міряне, и разбойники, и даже актеры давали имъ поводъ для наблюденій дивнаго промысла Божія въ жизни людей и для уроковъ духовной жизни. Многіе уроки какъ будто для нашего времени писаны. Вотъ, напримѣръ, разсказъ о комедіантѣ Гаіанѣ.

„Въ одномъ изъ городовъ ливанской Финикіи былъ комедіантъ Гаіанъ. Онъ, понося Пресвятую Богородицу, представлялъ Ее на театрѣ. И вотъ, является ему во снѣ Богоматерь и говоритъ: „какое зло Я причинила тебѣ? За что ты издѣваешься и поносишь Меня?“ Пробудившись, комедіантъ не только не образумился, но еще болѣе поносилъ Ее. Снова явилась ему Пресвятая Богородица и, вразумляя его, произнесла тѣ же слова. Но и это вразумленіе не подѣйствовало на несчастнаго. Въ третій разъ явилась ему Пресвятая Дѣва съ тѣмъ же самымъ вразумленіемъ, но комедіантъ оказался неисправимъ. Наконецъ, однажды, во время полуденнаго отдыха, Она явилась ему и, не сказавши ни слова, однимъ только перстомъ провела черту по его рукамъ и ногамъ. Проснувшись, онъ почувствовалъ, что у него отнялись руки и ноги и лежали безъ движенія, какъ бревна... Всѣмъ показывалъ себя несчастный, громко исповѣдуя свое нечестіе, за которое воспріялъ достойное возмездіе— и то еще ради человѣколюбія“...

Развѣ это не страшный урокъ для нынѣшнихъ комедіантовъ - актеровъ, или лучше сказать—актрисъ (въ тѣ времена женскія роли исполняли мужчины же), дерзающихъ на сценѣ изображать Пресвятую Дѣву въ извѣстной піесѣ „Беатриса“? Не говорите мнѣ, что тамъ имѣется въ виду не православный, а католическій монастырь: пора бросить

эту устарѣлую, избитую уловку, когда хотятъ издѣваться надъ нашими православными святынями—притворяться, будто издѣваются надъ католичествомъ! Католики чтутъ ту же Пресвятую Дѣву Богородицу, какъ и мы, а потому и подобное лицедѣйство есть страшное кощунство и съ нашей точки зрѣнія, какъ и съ католической... И мы знаемъ, мы видѣли примѣръ на несчастной Коммисаржевской, какъ страшно она была наказана за дерзость—представлять Пресвятую Богородицу на сценѣ: она умерла безъ покаянія, отъ страшной черной оспы, на чужой сторонѣ, вдали отъ родныхъ и близкихъ.

Кстати скажу: напрасно покойный переводчикъ сдѣлалъ примѣчаніе подъ этимъ поучительнымъ разсказомъ, что „только тамъ, гдѣ, въ честь Астарты, подвергалось позору дѣвство, могло обнаружиться столь ужасное нечестіе“: увы, это оказалось возможнымъ и среди народовъ хрістіанскихъ, и даже—у насъ на Православной Руси!..

Поучительны разсказы касающіеся ересей и еретиковъ. Въ одномъ—Матерь Божія въ видѣніи не соизволяетъ войти въ келію инока, потому что тамъ было еретическое писаніе Несторія; въ другомъ Матерь Божія не допускаетъ нѣкую благородную женщину, жену патрипія, войти въ храмъ гроба Господня на поклоненіе святынямъ его, потому, что эта женщина была заражена ересью Севера; въ третьемъ военачальникъ не можетъ войти въ тотъ же храмъ по той же причинѣ... Кто интересуется вопросомъ о „темной силѣ“, то есть, о дѣйствіи злыхъ духовъ и ихъ вліяніи на жизнь хрістіанина, тотъ найдетъ много поучительныхъ разсказовъ и на эту тему. Умилительны разсказы о кающихся разбойникахъ, объ обращеніи грѣшниковъ, о самоотверженныхъ подвигахъ не только иноковъ, но и простыхъ женщинъ и т. п.

Переводчикъ, знатокъ древней церковной и гражданской исторіи, потрудился сдѣлать до 1000 примѣчаній къ тексту книги, а въ введеніи далъ обстоятельныя свѣдѣнія не только о писателѣ книги, но и о состояніи монашества того времени, о политическомъ положеніи Римской имперіи, о пустынѣ св. града и о Палестинѣ.

Такова книга—„Лугъ Духовный“. И такихъ книгъ немало въ духовной литературѣ. Но какъ имъ проникнуть къ нашимъ интеллигентамъ-читателямъ? Тѣ газеты, коими они питаются и пропитываются, упорнѣйшимъ образомъ замалчиваютъ объ этихъ книгахъ; нашихъ немногихъ духовныхъ періодическихъ изданій интеллигенты въ руки не берутъ; печатать объявленія въ свѣтскихъ газетахъ и дорого, и безполезно: не обратятъ вниманія... Такъ и лежатъ хорошія книги на полкахъ у книгопродавцевъ и издателей. Иногда слышишь попреки, будто духовныя книги дороги; во-первыхъ—это неправда: хотя бы вотъ этотъ „Лугъ Духовный“—большой томъ, больше 300 страницъ, на роскошной бумагѣ, стоитъ только 1 р. 70 к.; общедоступное изданіе—безъ примѣчаній—только 1 р.; во-вторыхъ—что же дѣлать издателямъ, когда книга требуетъ большихъ затратъ, а продается медленно? Первое изданіе „Луга“ вышло 18 лѣтъ назадъ и только теперь разошлось, тогда какъ свѣтская книга за это время выдержитъ пять шесть изданій, если не больше...

Кстати замѣчу: наши книгопродавцы прямо безпощадны въ отношеніи къ издателямъ: требуютъ уступки 30, 35, даже 40% за то только, что возьмутъ у издателя нѣсколь-

ко экз. и передадутъ покупателю. Судите сами: что же останется издателю, затратившему немалый капиталъ на изданіе книги, которая будетъ лежать десятокъ лѣтъ у него въ складѣ? И можно ли при такихъ условіяхъ говорить о дешевизнѣ книгъ, особенно духовныхъ?..

250.

И на земли миръ...

Лук. 2, 14.

Праздникъ Рождества Христова поистинѣ есть праздникъ мира, ибо пришелъ на землю давно обѣтованный Примиритель неба и земли, и Ангелы небесные воспѣли дивную пѣснь мира при Его рожденіи: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе.*

Протекло съ того времени девятнадцать вѣковъ. Каждый годъ въ Церкви Божіей звучитъ эта ангельская пѣснь и сладостно отзывается въ нашихъ сердцахъ, но—отовсюду угнетаемые скорбями люди невольно вопрошаютъ: гдѣ же этотъ превождѣленный миръ, когда въ наши дни весь міръ объятъ бранію, когда нѣтъ, кажется, уголка на землѣ, гдѣ не билось бы тревожно человѣческое сердце въ ожиданіи вѣстей съ полей брани, когда и на сушѣ, и на моряхъ люди безжалостно истребляютъ другъ друга, льются потоки крови и неутѣшныхъ слезъ? Ангелы Божіи, вѣстники небесные, вразумите насъ земнородныхъ, въ юдоли плачевной, среди громовъ и молній всемірной войны бѣдствующихъ!

Возлюбленные братія! Непреложны обѣтованія Божіи, святая истина—благовѣстіе Ангеловъ Божіихъ. Родившійся въ вертепѣ виѳлеемскомъ и почившій во ясляхъ Спасъ міру Христосъ воистину принесъ миръ на землю и благоволеніе Отца небеснаго къ человѣкамъ; но кто же виноватъ, если люди не хотятъ воспринять сей миръ въ свои сердца, провести его въ жизнь, въ свои земныя отношенія, и обрѣсти въ немъ свое счастіе и блаженство?

Слышите, что глаголетъ благовѣствованный Ангелами Спаситель міра—Христосъ Господь: *Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ, не якоже міръ даетъ, Азъ даю вамъ* (Іоан. 14, 27). Это—не тотъ миръ, при которомъ люди могутъ лицемѣрить и обманывать другъ друга; не тотъ миръ, о коемъ говорятъ, что онъ лучше доброй брани; но миръ—всякъ умъ превосходящій, миръ, сопровождаемый тихою радостью, наполняющій сердце любовью даже къ личнымъ врагамъ, миръ, коего никто и ничто отнять у человѣка не можетъ. Это—миръ совѣсти, миръ съ Богомъ, съ самимъ собою предъ лицемъ Божіимъ,—такой миръ, при коемъ православный воинъ, исполняя долгъ, спокойно идетъ на смерть, на битву съ врагомъ мира, оставаясь мирнымъ и къ нему въ своей душѣ. При такомъ душевномъ мирѣ побѣдитель, обезоруживъ врага, тотчасъ же и забываетъ, что онъ ему врагъ, и и готовъ оказать ему помощь, какъ своему ближнему.

Вотъ какой миръ принесъ на землю воплотившійся Сынъ Божій, вотъ какой миръ воспѣвали Ангелы Божіи при Его рожденіи въ небесахъ, отверстыхъ надъ тихими полями въ окрестностяхъ Виѳлеема.

Но какъ стяжать такой нена-

рушимый, превожделѣнный миръ? Какъ достигнуть того, чтобы онъ неотступно пребывалъ въ нашемъ сердцѣ?

Божественный Примиритель неба и земли Самъ указуетъ путь къ сему. Онъ Самъ зоветъ людей къ этому счастію. *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися*, глаголетъ Онъ, пріидите вси *обремененніи, и Азъ упокою вы. Возмите иго Мое на себе и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ.* (Мѳ. 11, 28. 29). Итакъ, смиреніе—вотъ единственно вѣрный путь къ стяжанію того мира, который вноситъ въ душу истинное счастіе и внутренній покой. На это указываетъ и самое слово—„смиреніе", то есть, съ миромъ пребываніе, въ мирѣ совѣсти успокоеніе. Смиренный ничѣмъ не смущается, говорятъ святые отцы, если бы даже небо обрушилось надъ нимъ, ибо онъ знаетъ, что безъ воли Божіей ничего не бываетъ, а воля Божія несомнѣно есть всеблагая и всесовершенная. Смиренный и не падаетъ, ибо—куда онъ упадетъ, когда сознаетъ себя лежащимъ какъ бы подъ всею тварію, то есть, считаетъ себя хуже всякой твари? Смиренный не можетъ возгордиться, ибо ничего добраго, что бы онъ ни дѣлалъ, никогда себѣ не приписываетъ—онъ помнитъ слово Господне: *безъ Мене не можете творити ничесоже.* Зато смиреннымъ и подается преизобильно Божія благодать, какъ говоритъ Священное Писаніе. Зато и призираетъ на смиреннаго выну око Божіе воззрѣніемъ благости: *на кого воззрю*, глаголетъ Господь, *токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ?* (Ис. 66, 2). И почиваетъ въ сердцѣ смиреннаго Самъ Богъ Своею благодатію по обѣтованію: *пріидемъ къ нему и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23). И сія благодать руководитъ его мыслями, его желаніями дѣяніями. И бываетъ таковый орудіемъ Божія промышленія о людяхъ, и творитъ чрезъ него Господь волю Свою на землѣ, въ Церкви Своей, ибо видитъ въ немъ чадо, Себѣ послушное. Нужно ли говорить, что въ сердцѣ сего чада Божія всегда пребываетъ миръ Божій, всякъ умъ превосходящій? Онъ носитъ сей миръ въ себѣ, какъ бы нѣкую тихо горящую лампаду, и согрѣваетъ имъ всякаго, кто соприкасается съ нимъ, если только сей соприкасающійся не зараженъ безнадежно гордынею, которая бѣжитъ отъ смиренія, какъ духъ тьмы—отъ лучей благодати Христовой...

Но вы паки вопросите меня: какъ стяжать смиреніе?

Отвѣчаю: по ученію святыхъ отцевъ, смиреніе рождается отъ послушанія заповѣдямъ Христовымъ, по руководству Церкви—нашей благодатной матери; и—отъ подражанія Христу Спасителю въ несеніи креста, Богомъ на каждаго изъ насъ возложеннаго. Таково свойство заповѣдей Божіихъ — животворить вѣру нашу, смирять сердце наше, возгрѣвать въ насъ любовь къ Богу и ближнему. Оттого и называются онѣ *животворящими.* Потому и сказано: *вѣра безъ дѣлъ мертва есть.* Мертва, ибо сердце человѣка, который вѣруетъ, но не творитъ дѣлъ вѣры, не живетъ по заповѣдямъ Христовымъ, чуждо животворящей благодати Божіей, помогающей творить добрыя дѣла. Таковъ законъ духовной жизни по ученію Православной Церкви, законъ, невѣдомый тѣмъ, которые въ горделивомъ настроеніи своемъ утверждаютъ, что спасаются они вѣрою, что добрыя дѣла не нужны для спасенія... Да, Богу не нужны наши добрыя дѣла,—

скажу больше: Богу не нужны и мы сами; но намъ-то эти дѣла нужны, чтобы на дѣлѣ проявить свою любовь ко Господу, который говоритъ: *аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдите*,—намъ-то нужны, чтобы освятить наше сердце, все существо наше Его благодатію, которая преподается въ таинствахъ Церкви и безъ которой невозможно никакое доброе дѣло. О, какъ мы православные—счастливы, что во всей полнотѣ обладаемъ симъ сокровищемъ, пребывая въ лонѣ матери нашей Церкви православной! Благо намъ, если пользуемся имъ, горе намъ, если не хотимъ пользоваться! А Господь, а Его святая Церковь всячески влекутъ насъ къ сему пользованію: вотъ и нынѣ святая Церковь ведетъ насъ въ Виѳлеемъ, въ священный вертепъ, къ яслямъ Хрістовымъ, чтобы наше сердце услышало какъ бы изъ устъ Божественнаго Младенца все тотъ же Его таинственный призывъ: *пріидите ко Мнѣ, научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*!—Онъ—Богъ превѣчный, ради нашего спасенія сталъ человѣкомъ; Онъ—Владыка неба и земли, родился въ вертепѣ; вмѣсто колыбели—въ ясляхъ скотскихъ возлежалъ, Царь славы—повитъ былъ убогими пеленами... Что же послѣ этого вся наша слава земная, вся роскошь и богатство? Что—вся наша знатность рода, высокіе саны, все то, чѣмъ привыкъ гордиться человѣкъ?.. Пріидите же, поклонимся Ему и припадемъ къ яслямъ Его, въ смиреніи сердца, въ сознаніи своего ничтожества, въ чувствѣ покаянія и всесовершенной, дѣтской Ему преданности; и Онъ воззритъ на насъ кроткимъ взоромъ Своимъ, и отъ сего взора благостнаго снидетъ миръ въ сердца наши, и, среди всѣхъ обуревающихъ насъ невзгодъ, среди громовъ бранныхъ, наше сердце успокоится въ крѣпкомъ упованіи, что Онъ, весь благость, весь любовь, не покинетъ насъ, Онъ и внѣшній міръ умиритъ, и брани утолитъ, и ниспошлетъ нашей Руси Православной миръ и утѣшеніе и Свое пренебесное благословеніе. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

201.—На грани новаго года. 1
202.—Нѣчто о молитвѣ, смиренномудріи и еретикахъ 5
203—204.—Святитель Николай Японскій о кончинѣ міра и грядущихъ судьбахъ Россіи 9
205—206.—Служеніе Церкви печатнымъ словомъ 18
207.—Имебожная ересь предъ судомъ св. отцевъ. 28
208.—Какъ учитъ о. Іоаннъ Кронштадтскій объ именахъ Божіихъ? 34
209.—Плоды гордыни: ложь и клевета 38
210.—Умѣемъ ли мы молиться Богу? 42
211.—О слезахъ спасительныхъ и опасныхъ 47
212.—Небесныя утѣшенія вѣрующей душѣ. 51
213.—Голосъ Божій въ нашей совѣсти у Гроба Хрістова. Поученіе надъ плащаницею 55
214.—Благодатная радость свѣтлаго праздника Воскресенія Хрістова. Хрістосъ воскресе! 58
215.—Не соблазняйте въ простотѣ вѣрующихъ 60
216—217.—Можно-ли молиться за души самоубійцъ и еретиковъ? 64
218—219.—Церковная дисциплина и свобода печати 70
220—221.—На опасномъ пути 78
222.—Дерзость растетъ! 86
223—224.—Авторитетъ Церкви и наша интеллигенція 89
225.—Строгость закона во имя любви 94
226.—Берегите монашество! 97
227.—Блаженной памяти митрополита Филарета 101
228.—Читателямъ „Гражданина“ 104
229—231.—О монашествѣ епископовъ 107
232.—Уготовимъ себя къ подвигу! 118
233.—Выступленіе гордыни и подвигъ любви 120
234.—Зрѣлища и увеселенія близъ народныхъ святынь. . . . 125
235.—Народные дома и народныя святыни. Изъ записки по поводу предположенія построить народный домъ въ Сергіевомъ посадѣ. 129
236.—Въ утѣшеніе многоскорбнымъ подвижницамъ любви. . . 134
237.—Господь зоветъ насъ къ дѣламъ милосердія 137
238.—Посланіе Троицкихъ иноковъ Православному Хрістолюбивому воинству на полѣ брани противъ полчищъ нѣмецкихъ подвизающемуся отъ обители Живоначальныя Троицы и Преподобнаго Сергія чудотворца Божіе благословеніе 141
239.—И паки реку: берегите православныхъ отъ соблазна! (Отвѣтъ о. прот. О—ву) 146
240.—Угодны ли Богу „иныя“ вѣры? (Отвѣтъ вопрошающему) . 150
241—247. Что такое спиритизмъ? 153
248.—Наши скорби—крестъ отъ руки Хрістовой 185
249.—Наша интеллигенція и духовная книга 189
250.—И на земли миръ 193

2007042862